РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ им. Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

ПРЕДМЕТ И ПРОБЛЕМЫ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ

Лекции для аспирантов

БК 63.5 УДК 39 П 71

Опубликовано в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историческая память и российская идентичность»

Составитель:

кандидат исторических наук Е.Б. Баринова

Рецензент:

доктор исторических наук С.В. Чешко

П 71 **Предмет** и проблемы этнологии и антропологии. Лекции для аспирантов / Сост. Е.Б. Баринова. – М.: ИЭА РАН, 2016. – 346 с

ISBN 978-5-4211-0165-9

Сборник составлен на основе лекций, прочитанных аспирантам ИЭА РАН в 2009—2016 гг. учеными — ведущими специалистами по основным направлениям современной этнологии и антропологии. В него также включены статьи, подготовленные в рамках научно-исследовательских проектов, полезные для использования в учебном процессе.

Содержание статей посвящено вопросам формирования и развития этносоциологии, юридической и медицинской антропологии, современной демографической генетики, гендерных исследований, роли и значению средств массовой информации для развития межэтнических отношений, особенностям трансформации традиционных норм поведения и исторической памяти этнических сообществ под влиянием модернизации, методам антропологических исследований и др. Особое внимание уделено вопросам разработки и реализации государственной национальной политики в Российской Федерации.

Сборник рассчитан на аспирантов, студентов высших учебных заведений и широкий круг читателей.

ББК 63.5 УДК 39

ISBN 978-5-4211-0165-9

- © Институт этнологии и антропологии РАН, 2016.
- © Коллектив авторов, 2016.

СОДЕРЖАНИЕ

В.А. Тишков Понимание и управление культурно сложными обществами	4
В.Ю. Зорин Стратегия государственной национальной политики — историко-политологический анализ	23
М.Н. Губогло Этносоциология	37
Н.И. Новикова На праве земля держится: юридическая антропология как междисциплинарное исследование	85
В.К. Малькова Основные направления исследований деятельности СМИ в полиэтничном пространстве	110
В.А. Шнирельман Социальная память и культурная антропология	140
А.В. Буганов Историческая память и национальное самосознание русских	168
Н.Х. Спицына Особенности репродуктивных процессов в популяциях человека	195
В.И. Харитонова Медицинская антропология: институализация научного направления	216
Н.Л. Пушкарева Кому он нужен, этот гендер (гендерная тематика в науках о прошлом: итоги и перспективы признания в России)	260
Н.Л. Пушкарева Методы и методология современной этнологической науки: вклад феминистской антропологии	278
И.А. Морозов, М.Л. Бутовская Социальное пространство и пространственное поведение: способы репрезентации, универсалии и культурные различия	304
Д.В. Громов Поле: немного пичного опыта	335

ПОНИМАНИЕ И УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРНО СЛОЖНЫМИ ОБЩЕСТВАМИ

Тема, которую я выбрал для своей лекции, непростая. Более того, в последнее время она стала очень злободневной в связи с тем кризисом, который переживают многие страны мира, особенно Европы. Этот кризис связан с массовой миграцией, с тем, что люди разных верований, языков, традиций вступают в конфликты, проживая в качестве граждан или временных жителей на территории тех или иных государств. Если мы посмотрим на карту мира, то можем представить себе миллиарды людей, проживающих сегодня на земном шаре и создающих разные группировки, коллективы, начиная от самых малых (семьи) и заканчивая самыми крупными образованиями, которые можно назвать народами в этническом смысле слова или в смысле государственных образований. Еще более крупное понятие, которым иногда пользуются специалисты в образовательной сфере, - «цивилизация», то есть, как правило, несколько стран; иногда такие крупные страны, как Россия, Индия или Китай, называют «странами-цивилизациями» – это уже нечто большее, чем просто одно государственное образование.

Я как-то стал задаваться вопросами, и вы, наверное, тоже спрашиваете себя: «Почему люди разные? Почему так получилось, что на земном шаре существуют примерно 5 тыс. языков и примерно 3—4 тыс. разных народов, этнических групп?» Сразу поясню: языков больше, потому что есть народы, которые говорят на разных языках. Иногда они считаются диалектами внутри одного и того же языка, но для лингвистов это отдельные языки. К примеру, в китайском языке есть шесть диалектов, не взаимопонимаемых с точки зрения устной речи, но единая система иероглифов позволяет общаться всем китайцам независимо от диалектных различий. Самое простое объяснение, что в ходе эволюции человека в связи с его хозяйственными занятиями, природной средой, которую он обживал и в которой проживает, и появилось это культурное

разнообразие. К культуре я отношу и понятия материальной культуры (это пища, одежда, жилище, средства транспорта и т.д.), и понятия духовной культуры (все, что связано с нашими представлениями, верованиями, традициями, обычаями и т.д.).

Действительно, климат, среда, хозяйственная деятельность предопределили очень многие различия, которые сложились в ходе освоения человеком Земли, исторической эволюции и даже современной деятельности. Человек, проживающий в горной местности, скажем на Кавказе, строит жилище из камня, проживающий на Восточно-Европейской равнине, в зоне лесной полосы, - из дерева, проживающий в тундре, где нет даже леса, за линией лесотундры, – из оленьих шкур, а еще севернее циркумполярные народы строят жилища из снега. Так что среда определяет наши различия, так же как и хозяйственная деятельность, безусловно, влияет на нас. Одно дело – культура скотоводов, охотников, кочевников, а другое дело – культура земледельцев, арктических рыболовов или охотников на морского зверя. Это все понятно и не нужно объяснять. Но сегодня ситуация несколько другая, и, глядя на нашу аудиторию, по одежде, по тем гаджетам, которые при нас, по многим другим вещам мы сегодня не можем различить, к какой культуре, традиции или национальности принадлежит тот или иной человек. В жилище, материальных вещах тоже появилось много массового, нивелирующего эти различия между людьми.

Ушло ли это разнообразие, уходит ли оно? Становимся ли мы все более и более одинаковыми, одинаково ли мыслим, сходные ли у нас представления о мире, ценности и многое другое? Оказывается, нет. Различия, которые всегда были между нами, сейчас в большей степени проявляются не в сфере материальной, а в сфере духовной культуры. Сохраняются языки и верования. По-прежнему невозможна такая ситуация, чтобы люди на земле веровали в одного бога. Помимо мировых религий, которые охватывают весь земной шар, есть еще масса разных культов, сохраняются древние представления, религиозные и духовные верования, иногда они даже возрождаются из далекого прошлого. То есть человек воспроизводит разнообразие.

В этом, видимо, и заключается закон человеческой эволюции, потому что, если мы все вдруг в одно и то же время станем одинаковыми по отношению друг к другу, будем говорить только на одном языке, будем думать одинаково, иметь одни и те же ценности, то мы перестанем быть интересными друг другу. И, видимо, человечество воспроизводит это разнообразие не только потому, что живет в разных природных средах, ведет разный тип хозяйствования, но и потому, что это так же скучно, как лес из одного вида деревьев или поле из одного вида травы. Так же как в неживой природе, в живой это разнообразие сохраняется, а одинаковость это социальная смерть, энтропия человечества. Естественно, мы должны заниматься этим вопросом, стараться это понимать, следить за теми переменами, которые происходят в нашей жизни, и, самое главное, превращать это из фактора риска и причины конфликта в фактор развития, взаимного обогащения, даже, если хотите, в условие существования.

Какие наиболее значимые группы людей сохраняются в мире и носят всеохватный характер? Если мы посмотрим на глобус или на этническую карту, то сможем, хоть и с трудом, определить места преимущественного обитания различных народов и этнических групп. На этнической карте, скажем, Российской Федерации видно, как расселено основное население нашей страны — 80% этнических русских, в каком регионе — Поволжья или Северного Кавказа — проживает наибольшее число разных этнических групп. Видно, что в Сибири и на Крайнем Севере очень много незаселенных территорий, тем не менее, там проживают более сорока малых или, как мы их называем, малочисленных народов Севера и Дальнего Востока. Сегодня деревня уже не является носителем этнографии и уникальности, а города, мегаполисы становятся сосредоточением культурного разнообразия, культурной сложности.

Сегодня на земле нет ни одной группы людей, которая была бы вне культуры, не имела бы языка и каких-либо схожих ценностей, которая представляла бы собой отдельно кочующую семью, как это было, скажем, в древние палеолитические времена. Сегодня это фактически всеохватная система этнокультурных образований

мира. Но не в каждой стране и не в каждом регионе мира этому фактору придается одинаковая степень значимости. Например, в нашей стране он очень значим, у нас в советское время даже существовала официально установленная в административной структуре иерархия этнических общностей (нации, народности, этнографические и племенные группы); в паспортах был пятый пункт, где обязательно указывалась национальность, этническая принадлежность по одному из родителей. Если у вас смешанная семья, скажем, русский-татарин или русский-украинец, то ребенок, получая паспорт, вместе с родителями выбирал одну из этих национальностей. То есть это была фиксированная, предписанная и единичная идентичность. Во время переписи населения мы спрашивали всех жителей нашей страны: «Какова ваша национальность?» Сейчас, правда, в скобках добавили «этническая принадлежность», поскольку термин «национальность» все больше приобретает у нас мировое значение, как во всем мире nationality значит гражданство.

Но есть страны, где вопроса «К какой этнической группе вы принадлежите?» не поймут, то есть такого понятия просто не существует, а в некоторых странах даже запрещено об этом спрашивать. Если там работодатель спросит, какова ваша этническая принадлежность, то он может нарваться на неприятности. Но зато там действуют другие факторы. Скажем, в странах Нового Света, прежде всего, конечно, в США и Латинской Америке, очень важна раса, фактор расовой принадлежности. Например, в Бразилии, да и в США в целом расовая принадлежность важнее, чем этническая. Хотя понятие расы также зависит от исторических условий: скажем, в Америке достаточно иметь одну каплю «черной» крови, чтобы считаться «черным». К примеру, Барак Обама - мулат, а все говорят: «Черный президент». На самом деле он не такой уж и «черный», если посмотреть на другие типажи в расовом смысле. А в Бразилии, например, достаточно иметь одну каплю «белой» крови, и ты будешь считаться «белым». Так что есть и другие категории, так сказать, «цветная иерархия» человеческих групп.

В нашей стране как раз расовые различия не так значимы. У нас практически нет темнокожего населения, то есть представителей африканской расы, а монголоидное население – это лишь несколько небольших народов: якуты, буряты, калмыки, и то очень много метисного и мулатного населения. (Метисы – это когда смешиваются представители двух разных этнических групп, а мулаты – смесь разных расовых групп; это два разных термина, которые часто путают.) Конечно, существуют и другие принципы, которые отличают людей в социально-культурном смысле. Например, в Индии не раса и не этничность, а каста, кастовое различие выходит на первый план. И для основного населения наиболее значимо, к какой касте принадлежит человек, а этнические группы там фактически заменены языковыми. Не так значимо, к какой языковой группе принадлежит человек, скажем, в странах бывшего СССР, прежде всего в России, где на первом месте из культурных, так сказать, различий стоит национальность.

Существует такая точка зрения, что этносы – основная форма деления людей на земле, и важнее этого ничего нет. Именно этносы создали культуру, государства, именно они поддерживают мир или устраивают между собой конфликты и войны, и это основа основ, некий изначальный блок, из которого строится человечество. На самом деле, повторюсь, это не так. Это не всеохватная форма социальных группировок, человеческих коллективов и далеко не самое важное, даже в нашей стране. Потому что этническая принадлежность к той или иной национальности не оформляется жестким членством. У нас нет специальной конторы, которая фиксирует всех татар и выдает им документы, или всех цыган, или всех евреев, или всех русских. Это более свободные вещи. Этнические группы или общности не могут принимать законы, принуждать человека к чему-либо, хотя элементы принуждения на основе этнической мобилизации существуют, и лидеры иногда узурпируют волю своих соплеменников. Так было, например, в течение почти 30 лет с крымскими татарами, с Меджлисом, крымско-татарской организацией, где заправляли Джемилев, а потом Чубаров. Они принимали, в частности, решения, что все крымские татары должны были голосовать за определенную партию или кандидата. Но это скорее аномалия, чем норма. Никакой этнос не может лишить жизни или посадить в тюрьму представителя своей национальности.

А какая же тогда наиболее важная группировка людей или форма социальных коллективов? На мой взгляд, это такая всеохватная форма, которая существует по всему миру, и на земном шаре нет ни одного места, где бы не было этой группировки людей, формы коллектива, – это полития, государство, создаваемое людьми. Разные предгосударственные формы были известны с древних времен, но современные государства существуют с Вестфальского мира. Уже по крайней мере с XVIII века фактически весь мир был поделен между государствами в виде империй, а затем после колониального освобождения возникло много других государств. И сегодня в мире существует примерно 200 государств. Вспомните: 4-5 тыс. народов и языков и 200 государств. И весь Земной шар огосударствлен, кроме Арктики и Антарктиды, но и Арктику государства хотят поделить на сектора. И на Антарктиду уже есть поползновения со стороны государств, которые хотят прибрать ее к своим рукам, чтобы на карте вообще не было ни одного «ничейного» места.

Государство – действительно самая важная форма объединения людей. Для чего нужно это объединение? Какую роль играет государство? Есть классическое определение государства: это такая форма объединения людей, которая имеет легитимное право осуществлять насилие, то есть принуждение. Никакой этнос, к которому мы принадлежим, никакая компания, в которой мы работаем, никакая общественная организация, в которую мы входим, не имеют права посадить нас в тюрьму, а государство – имеет. Некоторые государства, если это разрешено законом, и они не подписали Европейскую конвенцию о запрете смертной казни, могут лишить человека жизни. Там смертная казнь используется как наказание. Люди создали государство, чтобы обеспечить социальный мир, нормальные отношения между собой. А для чего? Дело в том, что люди – часть социального,

«животного» мира. Люди склонны к соперничеству, доминированию. Люди должны быть равноправны, иметь равные права, но говорить о том, что все равны, неправильно. Один родился крепким, здоровым, другой – слабым, один родился красивым, другой – не очень, один родился в богатой семье и уже получил наследство, другой – в бедной, у одного есть какие-то таланты, а у другого особенных талантов нет. Люди разные. Кроме того, есть девиантный фактор поведения людей, то есть отдельные личности склонны к совершению насилия, воровству или другим неприемлемым другими членами общества поступкам, даже будучи психически здоровыми.

Кто знает, как поступили первые пилигримы, которые прибыли в Новый Свет основывать Соединенные Штаты Америки на корабле «Мэйфлауэр»? Кто интересуется историей ранней Америки, наверное, помнит этот сюжет. Прежде чем сойти на землю, они еще на корабле подписали так называемое Мэйфлауэрское соглашение, предтечу американской конституции, где договорились, как будут жить, кто у них будет руководить, кто за что будет отвечать, какая будет система наказаний, как они будут поддерживать людей, ставших социально беспомощными, например стариков, и т.д. Как известно из истории некоторых древних обществ, там стариков просто бросали в тундре или убивали. Так вот, эти условия были тогда ими записаны и соблюдались потом всеми членами обществами. Так складывались сначала негласные правовые нормы и законы, а также системы управления в формирующихся государствах. Позже появились писаные законы, правила, по которым люди живут до сих пор, возникли конституции как основной закон того или иного государства. Государство стало играть важнейшую роль в обеспечении нормальных социальных взаимоотношений между людьми. Это первая основная функция. Без государства вы даже улицу не сможете правильно и безопасно перейти, потому что в аббревиатуре ГИБДД буква «Г» значит «государственная». То есть государство определяет правила перехода этой улицы, потому что если все будут в современных городских условиях ездить и ходить, как и где захотят, то наступит хаос и взаимное калечение людей. Поэтому государство – важный регулятор нашей внутренней жизни.

Государство выполняет еще одну необходимую функцию – оно решает задачи, связанные с развитием общества, обеспечением его экономики, демографического воспроизводства, систем жизнеобеспечения. Многие говорят, что при рынке государство не должно вмешиваться в экономику. Но это неправильно. Государство должно регулировать сферу экономики, особенно важнейшие ресурсы, потому что если все отдать в частные руки, то сложится ситуация, нетерпимая для большинства членов общества. Поэтому государство регулирует хозяйственную жизнь. Оно выделяет ресурсы на осуществление важных проектов развития, которые отдельное предприятие или отдельный бизнесмен не в силах реализовать, например, касающиеся инфраструктуры, дорог, коммуникаций.

Государство играет еще одну очень важную роль — оно берет на себя функцию воспроизводства человеческого капитала, образования людей. Да, существуют частные вузы, но большинство учебных заведений среднего и высшего образования у нас носят государственный характер. Именно государство отвечает за воспроизводство, образование молодого поколения, так же как оно отвечает за судьбу тех людей, которые уже закончили свою трудовую деятельность. И в результате того, что государство имеет право собирать налоги, эти люди получают пенсию или даже право на пожизненное проживание в специальных заведениях для престарелых или беспомощных людей.

И последнее: у государства есть еще одна важная внешняя функция. Мир устроен так, что сохраняется соперничество между разными человеческими группами, прежде всего за ресурсы и за территорию. Поэтому каждое государство берет на себя функцию охраны того сообщества, которое заключено в его границах, от внешних угроз, возможной агрессии или покушения на суверенитет. Поэтому государство играет очень важную роль с точки зрения защиты. Отсюда возникает потребность иметь профессиональные армии, вступать в какие-то блоки или военные союзы и

т. д. Конечно, политологи могут этот разговор продолжить — что государство вступает в союзы, принимает разные международные конвенции, подписывает договоры и т.д. Но все-таки основой устройства сегодняшнего мира является так называемая nation state, или нация-государство. И самая мощная международная организация — это Организация Объединенных Наций, объединяющая все нации-государства.

Некоторые ученые говорят, что рано или поздно все народы (в смысле этнические группы) должны создать свои государства, и сколько есть народов, столько будет и государств. И тогда этнические границы, где проживает тот или иной народ, будут совпадать с административными, государственными, и люди не будут воевать, ссориться и т.д. И тогда действительно наступит настоящий мир. Но это утопия. Невозможно, при всем желании поддержать, скажем, курдов, нарисовать справедливую границу, где жили бы только одни курды. У них действительно нет государства, и как-то нужно решать эту проблему. Нельзя реализовать принцип «одна национальность, или один этнос - одно государство», «одна этническая группа – одно государство». У русских – русское государство, у татар - татарское, у чеченцев - чеченское и т.д. Этого не может быть в силу разных причин, прежде всего, как я уже отметил, в силу характера расселения самих этнических групп. Многие группы и народы расселены дисперсно, то есть рассеянно. В нашей стране добрая половина населения, которую составляют разные группы и народы, не имеет четко очерченных территорий проживания. И как бы мы ни хотели, но отдельному этносу государство создать невозможно.

На этом держится национализм, который пытается реализовать идею, что каждый народ должен иметь свое государство: например у хорватов — свое, у сербов — свое, у македонцев — свое, у черногорцев — свое и т.д. И тогда народ не будет разделен. Но чем больше мы делим мир на разные государства, тем больше возникает разделенных народов. Потому что, кроме того, что невозможно вычертить границу, люди еще мигрируют, переезжают, вступают в брачные союзы, меняют свою этническую принадлежность. И

если государство — это жесткая структура, имеющая строгие границы, даже иногда с колючей проволокой, обязательно пограничные столбы, членство в нем оформляют через гражданство. У каждого из нас есть документ, который называется паспортом. Этим документом государство устанавливает с нами официальные отношения. Паспорт — это важнейший документ, а членство, то есть гражданство, — это важнейший институт, в который государство оформляет свое население. Есть и другие механизмы, скажем, перепись населения. В общем, без населения нет государства.

Итак, современная ситуация такова, что фактически все страны мира, за исключением малых островных государств, имеют сложный состав населения, то есть многонациональный или многоэтничный, культурно сложный состав. Иногда это может быть расово смешанное население, сложное в языковом отношении и т.д. Это касается не только крупных стран. Я помню, как приехал на Ямайку, крохотное островное государство, и мне попал в руки ямайский доллар, а на нем написано: "from many one people" – «из многих один народ». Оказывается, на Ямайке проживает множество групп населения, различных в расовом, этническом, религиозном отношении. Когда мы смотрим на ямайских спортсменов, особенно женщин-бегуний, нам кажется, что они все ямайцы. На самом деле там очень сложный состав, но они действительно все считают себя ямайцами. А уж если мы возьмем такой гигантский материк, как Индия, где проживает более 400 этнических групп, различных в языковом, расовом, кастовом, религиозном отношении, то это, конечно, сложнейший организм. Ну и, конечно, Россия относится к числу государств мира с наиболее сложным составом населения.

Приведу вам такие данные: сегодня стран, где существует только один язык, насчитывается всего 4, где 2 языка – 24 страны, от 3 до 5 языков – 27 стран, от 6 до 10 языков – 24 страны, от 11 до 50 языков – 46 стран, более 50 языков – 28 стран. А если еще иметь в виду, что к последним относятся многонаселенные, такие как Индия, Китай и Россия, то ясно, что основное население мира проживает именно в таких странах. Нам порой кажется, что

внешний мир очень прост. В Китае живут китайцы, в Индии – индийцы, а в России — 193 разных народа, и поэтому наша страна уникальна. Это большое заблуждение. В Китае официально признано 55 народов, 56-й — это сами ханьцы. Это только официально признанные, потому что если покопаться в этнических различиях, то найдется еще несколько десятков. Собственно китайцы (ханьцы) составляют 90% населения, а 10% — все остальные. Но 10% от 1,5 млрд — это почти 150 млн, то есть практически население России. И это совсем не ханьцы, а разные малые народы: уйгуры, манчжуры, монголы, даже эвенки и т.п. (Кстати, половина эвенков живет в России, половина — в Китае.)

Какие страны сегодня наиболее сложные с точки зрения этнокультурного состава населения? Наверное, все-таки наибольший процент культурно сложных государств приходится на страны Африки. Из первого десятка стран, где проживает самое большое число этнических групп, 9 из 10, - это африканские страны. Средняя степень этнической фрагментации, или многонациональности – это страны Европы. Они имеют более упорядоченный, уже давно сложившийся контингент, за исключением, конечно, иммигрантов. Иногда говорят, что в Англии живут англичане, а на самом деле только в Лондоне живет больше народов, чем в России. Просто там по-другому считают. Мы по переписи считаем 600 или 700 проживающих у нас англичан одним из народов России, а в Англии живет более 100 тыс. русских, но они же не считаются народом Англии. Это зависит от того, кто как считает. Если считать всех граждан мигрантского происхождения в Великобритании, то один Лондон уйдет далеко вперед по сравнению с Россией. Но в общем страны Европы – это государства со средней пестротой, этнической мозаикой.

Самые моноэтничные, монокультурные государства — это некоторые страны Азии, например Япония, Корея, и страны арабского мира. Хотя, когда мы активно вошли в события в Сирии, мы увидели, какая там сложность, в том числе этническая. Конечно, существуют религиозные различия, которые лежат в основе конфликтов, но этнические тоже есть. Когда в Африке, в Мали про-

изошел теракт, тогда мы узнали, что там действует очень сильное сепаратистское движение туарегов, возникшее на этнической основе. И в Сирии сейчас наблюдается конфликт между курдами и туркоманами, которые оказались на границе между Сирией и Турцией.

Мы порой не видим всей сложности, которая существует за пределами нашей страны. Мы сильнее ощущаем эти различия у себя, особенно если им придается какое-то фундаментальное значение, или когда политики хотят на этом сыграть в свою пользу, или когда правовые моменты связаны, например, со льготами для коренных малочисленных народов. По закону с 1999 года они имеют специальные льготы при вылове рыбы, при охоте на пушного зверя, при вылове китов и т.д. То есть такие народы, как чукчи, эскимосы, имеют такие права, а другие не имеют. Поэтому, кстати, у нас даже растет число коренных малочисленных народов, ибо эта принадлежность дает некоторые преимущества.

Малые группы в Крыму, всего по несколько сот человек – караимы и крымчаки. Они говорят, что их тоже надо включить в этот список, чтобы они получили особые льготы. Но законом «льготные» группы определяются не только по численности, но по другому признаку: они должны вести традиционный образ жизни. В то же время караимы – это люди иудейского вероисповедания, а крымчаки – тюркская группа, и живут они в основном в Симферополе и других городах. Если составлять список всех коренных малочисленных народов, то он будет стремиться к бесконечности. От удмуртов в свое время отделились бесермяне, от бурятов – сойоты и т.д. Иногда такое лоббирование (я его называю «этническим предпринимательством») заканчивается успешно, бизнесмены оплачивают какие-то конференции, публикацию исследований – в общем, идет интересная и непростая жизнь.

Как же все-таки соединить разнообразие и управление? Мы уже, в общем, поняли, в чем заключается суть культурного разнообразия. По всей вероятности, в будущем оно сохранится, поскольку в России будут продолжать жить все национальности. Еще недавно часто приходилось слышать, что разнообразие ис-

чезает под влиянием массовой культуры и ассимиляции, большие народы и большие языки поглощают малые и к концу XXI века от 5000 языков останется не более 450-500, остальные вымрут. Ничего подобного. В ЮНЕСКО выпустили исследование «Языки в опасности» ("languages in danger"). Почти 100 языков, на которых говорят в России, отнесли к категории умирающих! Раньше среди ученых бытовало мнение: для того, чтобы существовал здоровый язык (а значит, и этническая группа), на нем должны говорить не менее 100 тысяч человек. Так вот, это не подтверждается. Еще в конце XIX века этнографы, путешествовавшие по Сибири, говорили, что пройдет лет 10-20-30 - и не будет ни чукотского языка, ни нивхского, ни удэге – все перейдут на русский. Однако языки сохраняются. Порой численность группы бывает на протяжении столетия меньше 1000 человек, но есть некие внутренние механизмы, которые позволяют сохранить язык. Сегодня в этом помогают профессиональные лингвисты и этнографы.

Когда-то я изучал языки североамериканских индейцев, и мне приходилось бывать во многих уголках Северного полушария – от Канадского Арктического архипелага до Гавайев. В первый раз я приехал в гавайскую общину в середине 1970-х годов. Начал спрашивать: «Кто у вас говорит по-гавайски?» – «Побеседуйте с Джоселин Линикен, она лучший специалист по языкам». Джоселин Линикен оказалась ученым-антропологом из Гарварда, в тот момент она писала диссертацию. Я с ней познакомился, позднее она прислала мне свою книгу "The Hawaian community" «Гавайская община»). После того памятного визита я вновь оказался на Гавайях спустя 25 лет и обнаружил, что жители болтают на своем языке. Спрашиваю: как же так получилось? Оказывается, Линикен написала учебник гавайского языка, они заново изучили язык и теперь говорят на нем. То есть через гарвардского профессора гавайский язык вернулся к своим носителям. Таким образом, в возрождении языков нет ничего фантастического. Если вы поедете во Францию, то убедитесь, что и здесь возродились старинные языки, в частности бретонский и корсиканский. Так что во Франции говорят не только по-французски. Вряд ли когда-либо

сложится такая ситуация, что мир будет говорить только на 400 языках, а все малые языки умрут.

Каковы особенности стран со сложным составом населения? Я считаю, что главная проблема – религиозные различия. Религия – очень важная категория, по которой делятся люди. Не все люди исповедуют какие-либо религии, но в некоторых странах верующим является почти все население. Есть страны, где это жестко регулируется, где допускается только одна конфессия, например, в ряде стран Среднего и Ближнего Востока. Да и в Европе немало фактически монорелигиозных стран (до последних волн иммиграции). В частности, Италия, Испания, Польша – католические страны. Почему религиозные конфессии трудно уживаются друг с другом, хотя сами учения во многом сходны и важнейшие религиозные заповеди в принципе миролюбивы по своим смыслам? Дело в том, что религиозные разногласия во все века относились к категории духовных ценностей. Духовные и моральные ценности – это не территории, которые можно поделить, и вообще не те категории, о которых можно легко договориться. Человек не может признать неправильным то, во что он верит, ему трудно разделять сразу два мировоззрения. Более того, некоторые мировые религии запрещают смену и даже выход из религии - тот же ислам, да и русское православие не в восторге, когда католики или протестанты пытаются на традиционных территориях влияния православия обратить местное население в свою веру (так называемый прозелитизм). Любая церковь оберегает свои территории, последователей своих учений и приверженцев религиозных институтов. Поэтому в случаях религиозных различий компромисс труднодостижим, особенно с учетом того, что некоторые мировые религии отличаются особенно жестким фундаментализмом и радикализмом. Я наблюдал религиозный фундаментализм в Америке среди протестантов - они борются с использованием в школах учебников, в которых излагается дарвиновская теория происхождения человека. Подобный фундаментализм есть и в других странах. Но наиболее опасная тенденция радикального религиозного фундаментализма проявилась в последнее время со стороны ислама.

Ислам, напоминаю, – мировая религия. На территории нашей страны она появилась в VII в. – раньше, чем православие. Но сегодня от имени ислама выступают различные варианты фундаменталистской, экстремистской религиозной идеологии, пропагандирующей «священный джихад» против «неверных», создание халифата – всемирного исламского государства. Они становятся причиной конфликтов и, что особенно страшно, такой формы насилия, как терроризм.

Однако есть и другие конфликты: социальные, кастовые, этнические (обусловленные различиями в этнической принадлежности людей), языковые. Битвы за язык, хоть и нечасто, но бывают причиной острых конфликтов. Например, вскоре после создания государства Шри-Ланка его первый президент, сингалка Сиримаво Бандаранаике, объявила сингальский язык единственным государственным языком. Но в этой стране 20% населения — тамилы, проживающие на севере острова, и они имеют свой язык, тамильский. А рядом Индия, где проживают 40 миллионов тамилов, и они всегда поддержат своих. В борьбе за двуязычие разгорелся жесточайший конфликт, который длился несколько десятилетий и унес много жизней. Только в последнее время он более или менее урегулирован.

Языковой вопрос также послужил одной из причин конфликта на Украине, где добрая половина населения, причем не только русские, но и многие другие, включая самих украинцев, считают русский язык родным. То есть для них это основной язык знания и общения. Но многие этнические украинцы не захотели признать реальность двуязычия, и власти их поддержали. Это стало поводом для серьезного конфликта. На Украине ведь не было критических социальных, религиозных или культурных разногласий. Тем не менее началась борьба за статус русского языка, за то, чтобы можно было на нем общаться, использовать на работе и обучать детей. Население страны, включая депутатов и членов правительства, говорит на русском, но, чтобы унизить неукраинскую часть населения, власти объявили официальным только один язык — украинский. Это довольно типичная ошибка. Для того чтобы луч-

ше управлять такими культурно сложными (многоэтничными) обществами, есть несколько механизмов.

Первый – само устройство государства. Если в стране сложный состав населения, есть регионы, где более или менее компактно проживает некое этническое сообщество или группа людей, имеющих общую историческую память и идентичность, то интересы этих групп должны быть учтены в виде автономии или еще каким-либо образом. Если в стране сложный состав населения, то государство не должно быть унитарным. Поэтому почти все большие страны выбирают федерализм. Как называется наше государство? Российская Федерация. Если бы мы установили унитарное государство, то я не поручился бы за его целостность. Если бы в Испании после фашистского режима Франко не был придан федеративный статус определенным провинциям, сегодня на карте она выглядела бы совершенно иначе. В нынешней Испании Каталония и Страна Басков – не просто одни из простых провинций, они имеют особый статус. У Каталонии есть свой статут, где провозглашено равное право языков – каталанского и кастильского (общеиспанского). Швейцария как государство тоже устроена по федеративному принципу, хоть и называется конфедерацией. Да, там есть франкоязычное, немецкоязычное и даже италоязычное население, но административно она все же делится по территориальному принципу.

Другой тип федерализации придает особый статус тем или иным регионам по критерию их этнической и культурной однородности. Такое устройство мы называем этническим федерализмом или этнической ассимметрией. В нашей стране есть и такой вариант: помимо краев и областей, то есть сугубо территориальных образований, в состав России входят 22 республики. Это не просто субъекты Федерации. По названию республики можно понять, какие этнические общности преобладают на ее территории. Это важно для воспроизводства культуры, сохранения языка. Правда, ситуация складывается по-разному, например, более двух третей татар проживают за пределами Республики Татарстан, но Казань «обслуживает» всех российских татар. Здесь издаются газеты на татарском языке, вещает телевидение и т.д. Фактически все крупные

нерусские народы имеют свою автономию, это форма внутреннего самоопределения.

И еще одна форма самоопределения внутри государств – экстерриториальная, или национально-культурная автономия (НКА). В начале 1990-х годов я был инициатором этого института и даже закона, фактически написал его первый вариант. Тогда я утверждал, что надо не вместо, а вместе с этнотерриториальной государственностью, то есть с республиками и автономными округами (у нас еще есть 5 автономных округов и Еврейская автономная область) легализовать экстерриториальную национально-культурную автономию для представителей тех национальностей, которые расселены по всей территории страны дисперсно, так что им нельзя выделить территорию. Таких народов, в том числе крупных, у нас много: украинцы (более 2 млн человек – третий по численности народ после русских и татар), евреи, греки, цыгане, российские немцы и т.д. Фактически половина российских народов не имеют своей административно определенной территории в виде республики или автономной области. Но благодаря закону 1996 года они получили национально-культурную автономию как форму внутреннего самоопределения.

Второй инструмент, помимо государственного устройства, — установление некоторых правовых норм и статуса внутри страны, которые распространяются на всю территорию, но не имеют отношения к административно-территориальному делению. Наша Конституция начинается словами: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации...». То есть в самом начале Основного закона заложен фактор культурной сложности населения страны. Правда, я предлагал написать «Мы, многонародная нация...» (и сейчас считаю, что это было бы более корректно), имея в виду российскую гражданскую нацию, которая сегодня уже признана, и это отражено в официальных документах и на уровне нашего сознания: «мы – россияне, мы – российский народ». Но тогда коллеги по правительству не согласились с моей формулировкой.

Статус языка очень важен. Во многих странах официально закреплено двуязычие или даже триязычие. В Европе это Швейца-

рия, Бельгия и др. Канада спасла себя от квебекского сепаратизма тем, что в 1968 г. в стране был принят закон об официальном двуязычии. Франкофонным регионом считается провинция Квебек, но одна эта провинция могла разорвать страну. В Канаде разгорелся серьезный кризис, который продолжался несколько десятилетий, затухая и вспыхивая с новой силой, но введение официального двуязычия сберегло территориальную целостность.

В России официальное двуязычие практически невозможно. У нас 99,4% населения знают русский язык, что говорит о его безусловном доминирующем положении. Это одна из мощных скреп нашего народа. Русский язык принадлежит не только этническим русским. Представители нерусских народов ассимилировались в языковом смысле, причем добровольно, несколько веков назад. Русский язык был более сильным и престижным. Обучение в вузах велось на русском, так что если коренные жители, например, Якутска или Улан-Удэ, мечтали о высшем образовании для своих детей, то они посылали их в русские школы. Родной язык ребенок будет знать, если на нем говорят в семье. Есть и другие решения, которые помогают управлять сложным обществом, в частности, связанные с культурой, информацией, духовной атмосферой.

Еще один важный фактор – представительство во власти. Если власть моноэтнична, а население имеет сложный состав, то неизбежно возникнет конфликт или даже война. Поэтому властью надо делиться. Меньшинство никогда не победит при голосовании, поэтому должно быть понимание и согласие в том, что в органах власти необходимы определенные квоты, чтобы малочисленные народы имели возможность чувствовать себя причастными к управлению государством.

И, конечно, нельзя забывать об информационном пространстве. Один татарин мне говорил: «В Казани я слушаю передачи на татарском языке, но хотелось бы и по московскому радио слышать татарскую речь – хотя бы полчаса в день. Тогда я бы чувствовал, что не только Казань, но и Москва моя столица». Во многих странах практикуется такой подход, и мы тоже движемся в этом направлении. Два года тому назад была принята Стратегия госу-

дарственной национальной политики, которая предусматривает утверждение общероссийского национального самосознания и патриотизма при сохранении и поддержке этнокультурного многообразия.

Вообще этничность в культуре сегодня выходит на общемировой уровень. Например, артист не сможет победить в конкурсе «Евровидение», если не включит в свое выступление этнические мотивы. Песня, костюм, танец, инструмент — хоть какая-то часть вашего образа должна содержать этнический элемент. Таким образом, у нас в стране сегодня формируется сложный культурный конгломерат, включающий мировую массовую культуру, высокую профессиональную общероссийскую культуру и партикулярную, или этническую. И все эти культуры находятся в процессе сложного и интересного диалога.

Стратегия государственной национальной политики – историко-политологический анализ

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН является не только авторитетным академическим учреждением, но и принимает активное участие в разработке и реализации этнополитики в Российской Федерации, анализирует (через сеть этноконфессионального мониторинга и раннего предупреждения конфликтов) состояние межнациональных отношений в соседних странах. И это вполне закономерно.

Российская Федерация исторически сложилась как многонациональное и поликонфессиональное государство, для которого межэтнические отношения были актуальны со дня его основания. Главная задача этнополитики на современном этапе, как и во все времена — разработка проекта гражданской нации и обеспечение гражданского единства в условиях многообразия страны и этнокультурного развития общностей и регионов.

Эта задача сохраняет свою актуальность и в наши дни. Мы переживаем период больших успехов и немалых испытаний, среди которых — усилившееся политическое и экономическое давление со стороны Евросоюза, растущие санкции наших европейских и американских партнеров, попытки раскачать внутриполитическую стабильность, в том числе и за счет этноконфессионального фактора, ухудшение отношений с НАТО.

Конечно, их «усилия» привели к обратному результату — эти беспрецедентные меры в отношении нашей суверенной страны, наоборот, способствовали объединению и консолидации многонационального народа России. Можно с уверенностью сказать: проект единства российской гражданской нации выдержал очередные испытания, и это является важным фактором преодоления ксенофобии, экстремистских и радикальных настроений, национализма и религиозной нетерпимости. С особой силой мероприятия, по-

24 В.Ю. Зорин

священные 70-летию Великой победы, доказали верность наших людей идеалам единства, справедливости и патриотизма.

Жизнь показала, что фундаментальные положения о необходимости осуществления в России формулы «единства в многообразии» отвечают не только насущной потребности обеспечения гражданского согласия в крупном государстве, это также еще и единственная реализуемая формула устройства многоэтничной страны. Сразу следует подчеркнуть, что новая идеология гражданского нациестроительства ни в коей мере не означает отрицание или растворение российских национальностей (наций в этническом смысле слова) в некой монокультурной общности под названием «российская нация». Последняя есть, прежде всего, форма надэтнической гражданской идентичности россиян, которые представляют собой по историческому и культурному наследию и по современным лояльностям и патриотизму один народ – российский народ, многообразный, но единый.

Россия — это нация наций, и суть современной национальной политики становится двуединой: с одной стороны, это обеспечение национальных интересов российского народа внутри страны и на международной арене, в том числе и через национальные проекты, инновационное развитие экономики, систему национального образования. С другой стороны, это сохранение и поддержка историко-культурного и религиозного разнообразия проживающих в России представителей разных национальностей и религий. Одно совсем не исключает другое, а, наоборот, возможно только в сложном единстве и при эффективном, демократическом управлении.

Как и всегда это было в нашей истории, объединяющую роль в этом единстве играет русский народ. Как отмечает В.В. Путин, «великая миссия русских – объединять, скреплять цивилизацию. Языком, культурой, "всемирной отзывчивостью"»¹. Одной из важнейших новаций Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года является положение о том, что русский народ рассматривается в ней не только как субъект, но и объект государственной национальной политики. Сегодня, в связи с событиями вокруг Украины и недру-

желюбными акциями против нас США и ряда стран Европы, эта миссия расширяется и вовне с целью защиты соотечественников за рубежом и сохранения не только «русского мира», но и объединения русскоязычного мира, всех друзей русского языка.

Более трех лет прошло со дня подписания Указа Президента страны, утверждавшего Стратегию — этот важнейший концептуальный документ в области этнополитики государства².

Если добавить к ней статью В.В. Путина «Россия: национальный вопрос» и «Концепцию миграционной политики до 2025 года» 4, то можно сказать, что в 2012 г. страна получила триаду доктринальных документов, которые позволяют разработать дорожные карты достижения внутриполитической стабильности в обществе. И эти документы, видимо, должны лежать на столе у каждого руководителя, эксперта, лидера национальных организаций. Этого пока еще не наступило. Нередко в СМИ, да и на научных конференциях можно услышать критику отдельных положений Стратегии, которых в ней нет, и которые были отвергнуты еще на стадии предварительного обсуждения.

Следует напомнить о процессе подготовки документа. Было организовано широкое обсуждение проекта Стратегии с участием депутатов Государственной Думы и членов Совета Федерации, всех субъектов Российской Федерации, Общественной палаты, Русской православной церкви, духовных управлений мусульман, буддистов, иудеев, общественных объединений, научных организаций. Проект был направлен во все субъекты РФ, где он обсуждался экспертами, активистами и лидерами этнических групп, общин, диаспор. В проект было внесено 3500 поправок и корректировок с учетом всех высказанных мнений. Ни один документ, ни одна концепция, принятая в стране в последние годы, не проходила такой массовой экспертизы⁵.

Достаточно сказать, что в первом варианте Стратегии было 6 разделов, сейчас их 4. Уточнены многие формулировки, дана взвешенная, объективная оценка многовековому политико-правовому опыту многонационального Российского государства, исключены или уточнены чуждые нашим традициям понятия и

26 В.Ю. Зорин

термины. Практически речь идет о восстановлении этнокультурного суверенитета нашей страны. Дело не в том, что мы отрицаем ценность таких понятий, как толерантность, мультикультурализм, политкорректность, Европейской хартии региональных языков. Просто наша собственная практика, наш 1152-летний опыт шире, глубже и фундаментальнее этих понятий. Например, в Европе на одну страну в среднем приходится 9–10 языков, тогда как в РФ – 277 языков, наречий и диалектов, причем 89 из них используется в качестве языков обучения (30) и изучения (59), а с учетом Крыма эта цифра возросла до 97. ВГТРК ведет передачи на 54 языках. Кстати следует напомнить, что Украина ратифицировала Хартию, но именно ущемление русского языка в этой стране до сих пор не замечают эксперты Евросоюза.

Сегодня мы можем сказать, что Стратегия государственной национальной политики в полной мере является документом общественного согласия, компромиссным документом, что крайне важно для России как многосоставной полиэтнической федерации.

Вслед за принятием Стратегии осударственной национальной политики последовали сопровождающие управленческие решения и мероприятия на федеральном и региональном уровне.

- Правительством РФ принята Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России» с общим финансированием на период с 2014 г. по 2020 г. в 6 млрд 766 млн 35 тыс. руб.
- Министерством регионального развития РФ разработан План мероприятий по реализации в 2013–2015 гг. Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. из 82 пунктов⁷. 21 декабря 2015 года Правительство РФ утвердило аналогичный документ на 2016–2018 гг. Данный проект готовился с участием вновь созданного Федерального агентства по делам национальностей.

Напоминаю, что правительством страны по поручению Президента Российской Федерации создается система мониторинга, которая охватывает все субъекты федерации. Определены пилотные регионы по стране, всего 22 субъекта Федерации охвачены этой программой. Конечно, данные мониторингов, социологических опросов населения свидетельствуют, что за последнее время в стране улучшается межнациональный климат. Так, большинство россиян не ощущает межнациональной напряженности в городе или районе, где они живут.

Проведя исследование в 2014 г., социологи пришли к выводу, что 66% опрошенных не верят в возможность массовых кровопролитий на национальной почве. В конце 2013 года так отвечали всего 29% россиян. На вопрос о межнациональной напряженности в месте проживания отрицательно ответил 71% респондентов. В 2013 году – 52% опрошенных.

Немногим более половины россиян (53%) не чувствуют враждебности со стороны других национальностей. 30% ощущают ее редко. В 2013 г. не сталкивались с враждебностью 37%, а редко сталкивались – 39%8.

Ранее, 9 июля доклад Центра «Сова» констатировал снижение активности деятельности националистических организаций и групп⁹.

Опрос ВЦИОМ (май 2014 г.) показал аналогичные результаты. 57% — за многонациональное государство; 44% было в 2013 г.; 38% — «Россия для русских»; 50% было в ноябре 2013 г.¹⁰

Самые свежие исследования (опрос ВЦИОМ, опубликованный 29 октября 2015 года) свидетельствуют, что эта тенденция закрепилась.

Экспертами было отмечено, что популярность националистических идей снизилась в связи с дискредитацией националистов на фоне украинских событий¹¹.

На мой взгляд, это упрощение. Нельзя не учитывать и проводимую в стране работу по реализации новой этнополитики и миграционному регулированию.

Если говорить в целом, то этноконфессиональная обстановка в большинстве регионов страны характеризуется как стабильная, прогнозируемая и управляемая.

Противоречия же и конфликтные ситуации последнего времени во многом вызваны проникновением в регионы страны радикаль-

28 В.Ю. Зорин

ных националистических, сепаратистских религиозно-фундаменталистских идей и практик. Этнонационалистические взгляды и настроения были значительными в первой половине 1990-х годов. Хотя они и сегодня имеют место, но сейчас ситуация заметно изменилась. Накоплен позитивный опыт реализации национальной политики на уровне субъектов федерации и на муниципальном уровне.

Вместе с тем рост напряженности в межнациональных отношениях связан с ростом как внешних, так и внутренних миграционных потоков, которые оказывают деструктивное влияние на состояние межэтнических отношений. По уровню внешней миграции Россия вышла на второе место после США. Сейчас же многие мигранты, прибывающие в страну, обладают не только низким уровнем образования и знания русского языка, но и часто не предрасположены к принятию и соблюдению общероссийских социально-культурных ценностей и правил поведения, что порождает мигрантофобию. В свою очередь, мигрантофобия приводит к обострению этнического экстремизма, национализма.

Однако фундаментальных и непреодолимых факторов для роста межэтнической вражды и этнического национализма в стране нет.

Напряженность и конфликты возникают там, где неблагоприятная социально-экономическая обстановка соединяется с плохим управлением, там, где политики и безответственные общественные активисты используют этнический и религиозный факторы для достижения власти и собственного благополучия. Только государство обладает всеми средствами обеспечить межэтническое согласие, и только оно имеет право применять силу для противодействия разжиганию розни и насилию. Поэтому предупреждение и оперативное урегулирование конфликтных ситуаций в сфере межэтнических отношений — один из основных принципов государственной национальной политики в России.

Цели стратегии государственной национальной политики достигаются совместными действиями гражданского общества и государства на основе конституционных принципов демократии и федерализма, принципов единства, патриотизма и социальной

справедливости, стабильного и суверенного развития России, уважения национального достоинства ее граждан и служат основой для решения долгосрочных задач государственного строительства, успешного развития страны в экономической и социально-культурной сферах. Исключительная и важная роль в решении этих задач принадлежит институтам гражданского общества.

Тем не менее, за время Стратегии государственной национальной политики проявились проблемы, противоречия и кризисные места этого процесса, которые имеют как субъективную, так и объективную природу.

Прежде всего, это слабое организационное и информационное обеспечение реализации Указа Президента РФ «Об обеспечении межнационального согласия» и «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», и всей триады доктринальных документов, о которых я говорил в начале статьи.

Несмотря на развернутую работу по реализации Стратегии в обществе, в экспертном сообществе, в СМИ отмечается скепсис, недоверие и даже жесткая критика, как Стратегии государственной национальной политики, так и техник и технологий ее реализации. На обыденном уровне слышатся такие категоричные замечания, что «национальной политики нет» или что «национальная политика ангажирована и работает на интересы отдельных народов, этнических групп или субъектов РФ». Массированной атаке подвергается концепт единой российской гражданской нации.

В стране далеко не исчерпаны ресурсы гражданского общества, институтов третьего сектора, где деятельность национально-культурных общественных объединений особенно заметна. В республиках для деятельности некоторых национальных объединений, представляющих титульные национальности, характерны чрезмерная политизация и стремление к активному участию в публично-правовой сфере. Следует отметить усиление государственного контроля деятельности национальных общественных организаций, что, в частности, выражается в проведении со стороны регистрирующих органов проверок деятельности таких организаций.

30 В.Ю. Зорин

Однако некоторые национальные центры, не желая обременять себя излишней формальной отчетностью, часто не стремятся приобретать юридический статус и регистрироваться.

За пределами национальных республик в последние годы наметилась устойчивая тенденция к сокращению численности школ с этнокультурным образованием, уменьшению количества детей, изучающих родной нерусский язык. Причины сокращения образования на родных языках обусловлены как реформированием системы образования (введение ЕГЭ, упразднение малокомплектных школ), так и общими интеграционными процессами, которые вне республик протекают значительно активнее.

Существенные трудности имеются в вопросах развития электронных и печатных СМИ на этнических языках. Данные направления национальной политики требуют весомого финансирования в рамках общерегиональной информационной политики.

Самым сложным вопросом в сфере реализации национальной политики является противодействие экстремизму. Вопросы профилактики и противодействия экстремизму, проблема снижения негативизма межгрупповых отношений, задача формирования установок толерантного поведения являются постоянным предметом анализа и обсуждения координационных структур органов государственной власти всех регионов.

Можно отметить за последние годы тенденцию снижения активности националистических организаций. Некоторые такие организации, не находя поддержки у населения, прекратили свое существование. Но деятельность отдельных представителей этих организаций переместилась в виртуальные социальные сети. В завуалированных формах групповой активности проявления националистически мотивированной деятельности все же имеют место.

Эксперты отмечают и другие «узкие места» в реализации Стратегии по сформулированным в ней задачам. Среди них:

1. Недостаточность профессиональной подготовки управленцев всех уровней в сфере современных техник и технологий реализации государственной национальной политики РФ, в сфере этнологической грамотности, этнополитической компетентности,

владения техниками антиконфликтогенного менеджмента межэтнических и этноконфессиональных отношений.

- 2. Низкая активность представителей различных уровней власти в пропаганде ценностей российской нации. Крайне редко в высказываниях региональных лидеров встречаются такие понятия, как патриотизм, любовь к отечеству, региону, родному краю. В результате слабое понимание основной массой населения сущности и перспектив политико-административных процессов, смысла происходящего в стране и мире, содержания, преимуществ и приоритетов (культурных, социальных, политических, правовых, мировоззренческих) принадлежности к российской идентичности как к универсальному самоопределению российского гражданина.
- 3. Недостаточная патриотическая направленность деятельности многих национально-культурных организаций и автономий и казачьих обществ, как равно и недостаточная политико-правовая грамотность их руководителей, определенная изоляция их от общероссийского демократического процесса, зацикливание на решении узких этносоциальных задач. Это особенно актуально последние полтора года, когда после смены власти на Украине и возвращения Крыма и Севастополя в состав России, наблюдается масштабный кризис в международных отношениях, породивший множество новых вызовов для нашей страны, требующих ответа и осмысления. Использование «мягкой» силы народной дипломатии, задействование ресурса национально-культурных организаций в прорыве информационной блокады, развитие личных связей с представителями научного, культурного, политического, информационного сообществ стран СНГ, государств ЕС – безусловно важный механизм стабилизации обстановки вокруг России и внутри нее.
- 4. Следующее направление, где необходимо более активное участие национальных диаспор это поддержка евразийского проекта (НКА белорусов, армян, азербайджанцев, казахов). Экспертам и специалистам управления важно быть в курсе, оценивать сигналы, которые идут с исторической Родины. Воспитывать лояльность и

32 В.Ю. Зорин

патриотизм, через грантовую поддержку соответствующих проектов, деятельность национально-культурных автономий.

5. Для северо-западного федерального округа актуальна тема финно-угорского мира, и здесь накоплен определенный опыт противодействия деструктивным силам, поддерживаемым нашими соседями и «доброжелателями». Ими даже не скрывается, что конструирование «финно-угорского мира» — это политический проект, созданный только для российских финно-угров, в основе которого — формальное объединение народов на лингвистической основе, а не по характеристикам культуры.

Здесь важен и серьезный научный ответ, развитие идеи общего исторического пути финно-угров с народами России. В основе этого — совместное мирное сосуществование со всеми славянскими народами. Важная задача — научное развенчание мифа о колонизации финно-угорских народов. Необходимо акцентировать внимание, что взаимодействие финно-угорских народов и русского народа развивалось в большинстве случаев по сценарию интеграции, партнерства, чего никогда не случалось в колониальных империях. Есть признанная научная школа, которую в частности, представляет Институт языка, литературы и истории Коми-Уральского отделения РАН.

В настоящее время все больше внимания органов власти занимает политический ислам и экстремизм под религиозными флагами. В Стратегии религиозный аспект затронут лишь в связи с участием религиозных объединений и организаций в урегулировании конфликтов на национальной почве и организацией этноконфессионального мониторинга, но в жизни и на практике эти вопросы взаимосвязаны. Они требуют постоянного научного анализа.

Впервые в доктринальных документах в Стратегии русский народ рассматривается как субъект и объект государственной национальной политики. Пока это просто идеологема, положение, намерение. Важно наполнить данное положение конкретным содержанием: наметить пути этнокультурного и социально-экономического развития, учесть в планах реализации Стратегии на 2016—2018 гг.

Слабо используются возможности Закона об НКА, одно время этот гражданский институт был недооценен, сейчас возвращается понимание того, что национально-культурная автономия – реальный союзник государства в вопросах развития языка, культуры, адаптации мигрантов, внешнеполитической деятельности.

Имеется дефицит межнациональных организаций как площадок диалога. На общефедеральном уровне созданы всего лишь две организации: Ассамблея народов России и ее молодежная организация. Функционируют межрегиональные организации, среди которых ассоциация финно-угорских народов, коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока и некоторые другие. Безусловным лидером среди них является АНР, созданная 17 лет назад и охватывающая сегодня своей деятельностью 76 субъектов РФ. К слову, важность подобных организаций подчеркивается и в Стратегии государственной национальной политики РФ.

Медленно переориентируются НКО и НКА в своей деятельности на проекты, связанные с формированием общероссийского патриотизма и общегражданского самосознания. Именно об этом свидетельствует анализ, проведенный по итогам грантовых конкурсов в прошлом году. Предстоит решить двуединую задачу: содействовать формированию общероссийской гражданской нации и этнокультурному развитию народов страны. Пока в практической деятельности как национально-культурных автономий (за исключением ФЕНКА и ФНКА РН), так и других общественных национально-культурных объединений преобладает вторая часть «двуединой задачи».

Вышеперечисленными позициями, конечно, не исчерпывается список «узких» мест в реализации современной этнополитики. В каждом округе, каждом субъекте Федерации его можно и должно продолжить.

Определение проблем и недостатков в реализации Стратегии государственной национальной политики позволяет сформулировать желательные политико-управленческие тренды в соотнесении с общим политическим трендом российского общества. И

34 *В.Ю. Зорин*

здесь нужна определенная корреляция в работе всех уровней власти, особенно на муниципальном уровне.

Важными направлениями реализации Стратегии государственной национальной политики является преодоление различий в уровне социально-экономического развития субъектов РФ, а также противоречий в политико-управленческих тактиках, техниках и технологиях при нейтрализации региональной и местной «этнополитической суверенизации и этнокультурной архаизации». При этом важно сохранение светского характера государственности, политико-административного и местного управления при профилактике противоречий между конфессиями, внутри конфессий, а также между светской (атеистической) и клерикальной (воцерковленной) частями общества.

Особым вектором воплощения Стратегии государственной национальной политики является обеспечение допуска к власти и к принятию властнозначимых решений представителей разных этнических групп и недопущение в ходе выборов, как уже отмечалось выше, противоборства по этнополитическому признаку для достижения этнополитического и этносоциального паритета и профилактики конфессиональных противоречий.

Стратегия государственной национальной политики не может отвечать на все вопросы современного общества, предложить рецепт решения всех проблем для всех этнокультурных сообществ и регионов, но она представляет своеобразный гуманитарный стандарт, минимум состояния этнокультурной политики. Поэтому в механизмах реализации Стратегии государственной национальной политики заложено положение о том, что Совет при Президенте РФ по межнациональным отношениям во взаимодействии с федеральными и региональными органами, органами местного самоуправления, общественными объединениями, научными организациями готовит Президенту Российской Федерации предложения по уточнению приоритетных направлений настоящей Стратегии. В условиях новой управленческой реформы и создания Федерального агентства по делам национальностей значительно возрастает его роль 12. Возрастает также роль

и научного обеспечения разработки и реализации этнополитики государства, а, следовательно, и востребованность специалистов в этой сфере.

Примечания

- 1 Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 23.01.2012.
- Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». URL: http://президент.рф/news/17165 (дата обращения 28.01.2016).
- ³ Путин В.В. Россия: национальный вопрос ...
- Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года. URL: http://www.fms.gov.ru/fms/activity/concept (дата обращения 28.01.2016).
- ⁵ Зорин В.Ю., Аствацатурова М.А. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации: формирование общероссийской гражданской идентичности и укрепление духовной общности российской нации // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 2014. Вып. 236. С. 16.
- ⁶ Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)». URL: http://government.ru/media/files/41d4862001ad2a4e5359.pdf (дата обращения 28.01.2016).
- ⁷ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. URL: http://mejnac.ru/acts/strate-giya-gosudarstvennoj-nacionalnoj-politiki-rossijskoj-federacii-na-period-do-2025-goda-utv-ukazom-prezidenta-rf-ot-19-dekabrya-2012-g-n-1666/ (дата обращения 28.01.2016).
- Украинский кризис сделал россиян толерантнее // Известия. 27.08.2014.
- Украина спутала националистам карты: Ксенофобия и радикальный национализм и противодействие им в России в первой половине 2014. URL: http://www.sova-center.ru/racism-xenofobia/publications/2014/07/d29887/ (дата обращения 28.01.2016).
- Украинские события уменьшили популярность лозунга «Россия для русских». URL: http://top.rbc.ru/society/23/06/2014/932116.shtml (дата обращения 28.01.2016).

36 В.Ю. Зорин

Лекарство от ненависти. Украинский конфликт принес в Россию ослабление национальной напряженности // Новые Известия. 28,08,2014.

¹² Указ об упразднении Минрегиона России. URL: http://www/kremlin.ru/acts/ 46574 (дата обращения 28.01.2016).

Список литературы

- Зорин В.Ю., Аствацатурова М.А. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации: формирование общероссийской гражданской идентичности и укрепление духовной общности российской нации // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 2014. Вып. 236.
- Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года. URL: http://www.fms.gov.ru/fms/ activity/concept.
- Лекарство от ненависти. Украинский конфликт принес в Россию ослабление национальной напряженности // Новые Известия. 28.08.2014.
- *Путин В.В.* Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 23.01.2012.
- Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. URL: http://mejnac.ru/acts/strategiya-gosudarst-vennoj-nacionalnoj-politiki-rossijskoj-federacii-na-period-do-2025-go-da-utv-ukazom-prezidenta-rf-ot-19-dekabrya-2012-g-n-1666/.
- Указ об упразднении Минрегиона России. URL: http://www/kremlin.ru/acts/46574.
- Указ Президента РФ от 19 декабря 2012г. № 1666 «О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». URL: http://президент.рф/news/17165.
- Украина спутала националистам карты: Ксенофобия и радикальный национализм и противодействие им в России в первой половине 2014. URL: http://www.sova-center.ru/racism-xenofobia/publications/2014/07/d29887/.
- Украинские события уменьшили популярность лозунга «Россия для русских». URL: http://top.rbc.ru/society/23/06/2014/932116.shtml.
- Украинский кризис сделал россиян толерантнее // Известия. 27.08.2014. Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)». URL: http://government.ru/media/files/41d4862001ad2a4e5359.pdf.

Этносоциология

Время и причины зарождения

Этносоциология – молодая научная дисциплина, рожденная в стенах Института этнографии АН СССР. Ее востребованность была вызвана законом растущего многообразия жизни и усложнением форм социальных и этнических процессов. Полвека тому назад, вместе с первыми признаками демократизации сначала в годы хрущевской оттепели, а затем в период брежневского «застоя», обнаружилось стремление «этнического» фактора к освобождению от идеологического прессинга КПСС и от институтов государственного контроля. В известной мере рождению этносоциологии сопутствовало возрождение отечественной социологии. имеющей богатые традиции и общепризнанный авторитет в 1920е годы, на заре образования Советского Союза. Своим появлением в стенах головного академического этнографического центра нашей страны этносоциология была обязана богатейшим традициям отечественной этнографии, в том числе получившему мировое признание эволюционистскому направлению, испытавшему на себе влияние раннего марксизма. Близкой к междисциплинарному направлению была анучинская школа с симбиозом триады научных направлений: этнографии, археологии и физической антропологии. Этносоциология второй половины XX века с ее методами массовых опросов была едва ли не прямой наследницей «Этнографического бюро» (1898–1901) князя В.Н. Тенишева. По изданной им в 1897 г. «Программе этнографических сведений о крестьянах Центральной России» охватывались все стороны жизни крестьян. Всего было получено 1444 рукописных материала от 348 сотрудников, принявших участие в опросе, из них принято к обработке 1218.

Не случайно первые шаги этносоциологии были напрямую связаны с социологией села, на алтарь которой в равной степе-

ни можно возложить и часть томов, изданных по материалам «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева, и монографию Ю.В. Арутюняна «Социальная структура сельского населения СССР»¹, написанную по материалам этносоциологических исследований и ставшую без какого-либо преувеличения подлинной предтечей этносоциологии. Вне всякого сомнения Ю.В. Арутюняна можно в равной степени считать основоположником каждого из названных направлений.

Классическому самоутверждению советской и постсоветской этносоциологии, как полноценной самостоятельной дисциплины в известной мере помешало слабое внимание ее основоположников и многочисленных последователей к богатейшему наследию, созданному знаменитыми учеными России и Германии, классиками гуманитарного знания, работавшими в XIX в. на стыке этнографии и социологии.

Одним из первых среди ученых России академик М.М. Ковалевский (1851–1916 гг.) как автор многофакторной концепции общественного развития обратил внимание на тесное соприкосновение объектов социологии и этнографии и тематическое совпадение границ их проблематики и предметной области в приоритетных объектах изучения².

Этносоциология не представляет собой геометрически восходящей линии, на которую последовательно нанизываются и откладываются имена и образы людей, перечень уроков и событий, памятных дат и легендарных фактов, концепций и теорий, расцвет и упадок этнических образований. Она скорее типологически сходна с деревом, ветви которого подпитываются прошлыми фрагментами истории, как единой корневой системой и далее постепенно расходятся в разные стороны. Образ дерева вряд ли можно в полной мере и строго экстраполировать на все гуманитарные дисциплины, но к этнологии и ассоциированной с ней этносоциологии, он вполне применим. Во всяком случае, с момента зарождения этносоциология стала ветвиться, и на понимании социальной сути этнических явлений, как на стволе дерева, у нее появились побеги, т.е. научные направления, изучающие этнодемографи-

ческие, этнокультурные, этноязыковые, этнопсихологические и этнополитические аспекты в развитии и коммуникации народов. При этом надежным и признанным подходом исследования в каждом из названных направлений стало исследование во-первых, через личность как носителя социального статуса и обладателя совокупности идентичностей и социокультурных норм и, во-вторых, в ракурсе социальной рефлексии тех или иных памятных дат в истории отдельного человека и целых народов. Второй подход приобретает особое значение при выявлении текстов и смыслов, пружин и мотивов при измерении времени и пространства, а также при их интерпретации.

Образ дерева в данном случае представляется уместным во избежание представлений о чрезмерной фрагментации предметной области этносоциологии путем малообоснованного и ненужного разграничения тесно связанных между собой социально детерминированных явлений, имеющих этническую окраску, но показывающих этнические сообщества как единый этносоциальный и этнополитический процесс. Признаки автономизации отдельных направлений в предметной области этносоциологии появляются в том случае, когда наряду с базовыми трендами и направлениями, характеризующими ход и динамику этносоциальных, этнодемографических, этнокультурных и этноязыковых процессов, всплывают отдельные частные на первых порах темы, как, например, межэтнические конфликты, этнически гетерогенные браки, межэтнические отношения, различные идентичности.

Так, например, в мировоззрении российских татар этноманифестирующей датой служит день официального принятия ислама 16 мая 922 года. В качестве трагической даты воспринимается день взятия Казани Иваном Грозным 12 октября 1552 года. В исторической памяти и татарском самосознании эта дата осмысливается как рубеж этнической истории народа до взятия Казани и после покорения государственности и оценивается отрицательно, как посягательство на чувство национального достоинства. День рождения классика татарской литературы, выдающегося татарского народного поэта, литературного критика, публициста и переводчика (1886—

1913 гг.) Габдуллы Тукая 26 апреля отмечается как национальный праздник, едва ли не в одном ряду с датой провозглашения суверенитета Татарстана 30 августа 1990 года³.

В Российской Федерации наряду с днями воинской славы, праздниками профессий, установлены следующие дни, которые должны подпитывать достоинство и гордость россиян за принадлежность к российской нации и российской государственности. Назову некоторые из них:

- 25 января День российского студенчества;
- 23 февраля День защитника Отечества;
- 12 апреля День космонавтики;
- 9 мая День Победы советского народа в ВОВ (1941–1945 гг.);
- 22 июня День памяти и скорби, день начала Великой Отечественной войны (1941 г.);
  - 28 июля День Крещения Руси;
  - 4 ноября День народного единства;
  - 7 ноября День Октябрьской революции 1917 года;
  - 9 декабря День Героев Отечества;
  - 12 декабря День Конституции Российской Федерации.

Этносоциология — это не единственное междисциплинарное направление, которое сформировалось под крышей Института этнологии и антропологии РАН. И заслуга в создании, вдохновении, проведении исследований принадлежит сотрудникам этого Института. Наряду с указанными выше направлениями несколько раньше были этноботаника, этнозоология, а также этнодемография, этногеография, этноистория. Этноистория — это рассказ об основных фрагментах формирования этнической истории того или иного народа и их взаимодействии между собой.

Главная суть этносоциологии состоит в том, что этнологи рассматривают любые отношения между народами, между правительством и гражданами через призму социальных интересов этих народов. Люди дружат или конфликтуют между собой не потому, что один татарин, или еврей, или башкир, или удмурт, а потому, что они преследуют какие-то свои материальные и духовные интересы. Это интересы, связанные с желанием пробиться

на вершину власти, или интересы, связанные с распределением финансовых, моральных или духовных богатств. Т.е. в основе межэтнических отношений, как установили этносоциологи, лежат социальные интересы. Именно поэтому первая книга, которая заложила фундамент в развитии этого научного направления — называлась «Социальное и национальное». Она была написана по материалам этносоциологических исследований, проведенных в Республике Татарстан бывшего Советского Союза.

С чего все начиналось? Апрель 1966 года. В Институт этнографии АН СССР пришел новый 45-летний директор, будущий академик – Юлиан Владимирович Бромлей (1921–1990), и вместе с ним 37-летний доктор исторических наук – Юрий Вартанович Арутюнян (1929–2016). Был организован сектор, который получил длинное и неуклюжее название - «Сектор конкретно-социологических исследований культуры и быта народов Советского Союза». Этому сектору, в конечном итоге, и предстояло стать сектором этносоциологии, - нового научного направления, которое сегодня уже конституировалось, сформировалось в самостоятельную науку. Есть уже центры в Башкортостане, Карелии, Удмуртии, Татарстане, в Кабардино-Балкарии, в некоторых городах Сибири - Омске и др. Короче говоря, 1966 год можно считать годом рождения нового направления конкретно-социологических исследований. Сначала предполагалось, что этнографические исследования будут просто проводиться на основе количественных замеров: кто, где, когда, что знает, как выражает свое отношение, т.е. внесение количественных показателей в этнографические исследования. Не просто описания того, что находится в сундуке, а сравнение облика хозяев и хозяек разных сундуков. Т.е. конкретно - социологические исследования. Это было чрезвычайно важно еще и потому, что до этого времени, до середины 1960-х годов, этнография и общественные науки: география, экономика, история и прочие, все явления рассматривали только через триединое социальное пространство - были рабочий класс, крестьянство и интеллигенция. Но конкретно-социологические исследования выявили сразу же, что внутри класса крестьянства, рабочего класса, существует

масса различий. И вот эти различия и стали важным объектом для изучения этнических — социальных, демографических, культурных, языковых и психологических — процессов.

Социальная структура и мобильность: этносоциальные процессы

Заслуга Ю.В. Арутюняна, отца-основоположника этносоциологии, состоит в том, что разработанная им вместе с сотрудниками методика изучения социальной структуры должна была ответить на вопрос: в какой степени зависели межэтнические отношения от социальной структуры народа? Что такое социальная структура? Представим себе некую пирамиду. В основании пирамиды – люди малоквалифицированного и квалифицированного физического труда, т.е. в сельской местности основная масса народа – хлеборобы, животноводы, землекопы, овощеводы и т.д. И занимаются они трудом, не требующим какой-либо особой квалификации. Внизу социальной пирамиды их значительное большинство. А вот на вершине этой пирамиды – председатели колхозов, директора совхозов, еще выше министры, художники, писатели и т.д. – люди, занятые высококвалифицированным, в том числе творческим трудом, и, соответственно, высокооплачиваемым. Высокооплачиваемый труд, естественно, очень привлекает к себе. И в каждом этносе формируются группы людей элитарных, Л.Н. Гумилев называл этих людей пассионарными (люди, которые получают от природы энергию и эту энергию выплескивают). Они рвутся наверх, чтобы получить место на узенькой и тесной вершине треугольной пирамиды. А места здесь мало, и на вершине возникает очень сильная конкурентная ситуация, в том числе между представителями разных национальностей. Т.е. объяснение межэтнических отношений через призму этой пирамиды было чрезвычайно важным открытием Ю.В. Арутюняна, который заложил основы изучения этнических процессов через социальную структуру каждого народа. Именно поэтому я ставлю на первое место эту часть этносоциологии, потому что форма этой схематической пирамиды объясняет суть власти как отношений между людьми и народами.

Вот как объясняет методологическое и стратегическое значение изучения социальной структуры в деле исследования социального многообразия национальных процессов и, добавим, этнических историй, сам Ю.В. Арутюнян: «Социальная структура и мобильность наций имеют первостепенное значение для понимания их эволюции в современной жизни. Социальная структура наций обуславливает их многообразие, динамику и специфику переживаемых ими социальных процессов; она позволяет понять перспективы развития национальных отношений, их повседневность и масштабность» <...> «Национальные процессы в разных социальных группах неоднозначны; они различаются глубиной и интенсивностью проявления этнических особенностей; для них характерны разные пути и средства межнационального взаимодействия, заметно видоизменяющегося во времени и социальном пространстве»⁴.

Одним из выдающихся достижений этносоциологии, опирающейся на конкретные эмпирические материалы и прикладные исследования, можно считать вывод о несостоятельности той части национальной политики Советского Союза, согласно которой поддерживался курс на дальнейшее развитие и сближение наций, путем целенаправленного выравнивания уровней их экономического и социального развития. Современные этносоциологические исследования в ряде случаев связаны с ретроспекцией.

Еще в 1921 г. на X съезде РКПб (Российской коммунистической партии большевиков) была поставлена задача помочь отсталым в прошлом народам догнать народы, ушедшие вперед. В американской и европейской традиции это называется affirmative action protection — то есть создание благоприятных условий для отсталых в прошлом народов для их прогресса. В СССР для 50 народов была разработана письменность, т.е. были разработаны алфавиты, составлены учебники, буквари и т.д. И действительно эти 50 бесписьменных народов сделали гигантский рывок в подъеме образовательного уровня и своей культуры. Кстати, в украинской и белорусской культуре в 1920—1930-е годы, благодаря решениям этого съезда, начала проводиться политика коренизации — это

когда на той же Украине или в Белоруссии, преимущественно для чиновников, создавались условия, чтобы они могли оказаться на вершине пирамиды. Смысл коренизации, хотя это называлось «особая языковая политика», на самом деле состоял в оптимизации кадровой политики, которая должна была обеспечить титульным национальностям приоритетные условия для того, чтобы продвинуться вверх к власти, к разделению средств, моральных, материальных и художественных богатств.

Сегодня есть возможность перекинуть мостик от коренизации 1920-х годов к той политике, которую украинское правительство стало проводить после Беловежского сговора, когда Украина получила самостоятельность и стала суверенным государством. И снова и президент Л.М. Кравчук, и Л.М. Кучма, и В.А. Ющенко и далее В.Ф. Янукович стали проводить новую политику коренизации путем расширения масштабов украиноязычия за счет сокращения русскоязычных школ. В соответствии с Конституцией Украина должна быть унитарным государством – без федерализма, без русского языка, как второго государственного – все должно быть украинизировано. Фактически это не коренизация в классическом смысле, а уже неокоренизация, поскольку проводилась она принудительными средствами. Представьте себе Крым - почти три миллиона человек - все разговаривают на русском языке, но реклама на украинском, названия товаров и лекарств на украинском, в поликлиниках и учреждениях надо говорить на украинском. И эта неокоренизация представляет собой искаженную коренизацию 1920-х годов. Она, естественно, вызвала массу раздражения у русскоязычного населения Украины. Но не только это привело к присоединению Крыма к России. Дело в том, что политические лидеры Крыма, хотя благодаря русскому языку и русской культуре очень быстро «выросли», но Киев не разрешил ни им, ни региональным лидерам Луганска, Донецка и Одессы продвигаться к вершине власти. Вершина была полностью сформирована из представителей западных регионов. Таким образом, налицо социальная структура, связанная с тем, что русский язык и русская культура создают благоприятные условия для развития

региональных лидеров и стимулируют у них желание быть во власти. Поэтому этот фактор является чрезвычайно важным для понимания межэтнических отношений. Хотя и внешний фактор на Украине сыграл важную роль. Американское правительство вложило около 5 млрд. долларов в формирование антироссийских настроений. Попытки сделать Украину федеративным государством со вторым государственным русским языком шли параллельно с культивированием и формированием русофобии. Вспоминается. как еще до развала Советского Союза в Институте Кеннана (США) наши американские коллеги специально внушали нашим друзьям из Киева, что они лучше, чем москвичи, могут разрабатывать этническую историю украинского народа, поскольку могут читать и украинские и русские источники, в то время как русские специалисты якобы не могут читать первоисточники на украинском языке: в том числе о голодоморе, об этапах этнической истории, о переселении украинцев на Кубань, на Восток и т.д. То есть наряду с объективным фактором формирования социальной структуры, работал и внешний фактор.

Накануне развала Советского Союза некоторые отсталые в прошлом народы не только догнали, но перегнали ушедших вперед. Сравнение исторической динамики социально-профессионального состава русских и представителей титульных национальностей показало возникновение новых неравенств в социально-профессиональных структурах и составах народов страны. В некоторых республиках, как, например, в Эстонии и Грузии титульные национальности не только догнали, но и опережали русских в занятиях, требующих квалифицированного труда, а в остальных республиках, хотя подобных кардинальных изменений не произошло, но, тем не менее, всюду с течением времени пропорции менялись в пользу титульных национальностей⁵.

Опережающие темпы роста кадров из числа титульных национальностей, понятное дело, задевали интересы русского и остального не-титульного населения, и это порождало дополнительные претензии у политической, научной и художественной элиты титульных национальностей. Одним словом искусственно

созданные льготные условия для форсированного развития высокооплачиваемых кадров и чиновничества из числа титульных национальностей, вместо стабилизации и умиротворения этнокультурной ситуации, приводили к возникновению этнополитической турбулентности и конфликтным ситуациям. Тем не менее в отечественной и зарубежной литературе последнего времени утверждается мнение о позитивном итоге политики коренизации. Более того, политика и итоги интернационального воспитания 1920—1930-х годов переосмысливаются и оцениваются как позитивный опыт воспитания доверия между представителями разных национальностей, между народами и правящими структурами⁶.

Гордостью отечественного гуманитарного знания, достоинством и общественно значимым достоянием этносоциологии, как отмечается в литературе, является изучение социальных и этнических процессов через личность, обладающую этнической, региональной, гражданской, языковой и другими идентичностями⁷.

При этом для каждой личности (этнофора, этнической личности, этноинтересанта) та или иная ее идентичность выявляется, взвешивается, измеряется и осмысливается с точки зрения осознания ею своей принадлежности к своему народу и социальной группе, а также приверженности к ценностям культуры своего или другого народа.

Этнополитические и этноправовые процессы: сфера этногосударственных отношений

Наряду с изображением и характеристикой социальных структур народов Советского Союза несомненной заслугой этносоциологии является создание теории социальной и взаимосвязанной с ней теории этнической мобилизации. Родственность этих двух направлений (ветвей) этносоциологических исследований определяется как на личностно-индивидуальном, так и на групповом уровне, а также в широкомасштабном историко-социальном плане. На протяжении 70 лет существования Советского Союза разные темпы социальной и этнической мобилизации служили взаимными катализаторами и обеспечивали преодоление глубоких

различий между народами в конфигурации их социальных структур и в социально-профессиональном составе.

Если, несколько забегая вперед, обратиться за примерами к базовым итогам исследования Ю.В. Арутюняна и выполненных параллельно проектов Л.В. Остапенко, можно распознать ряд глубинных пружин межэтнических процессов, точнее отношений между этнополитическими элитами, и ряд трудных вопросов в сфере этногосударственных отношений. Во времена императорской России при довольно низком уровне образования у всех народов, у русских он был все же заметно выше, чем у других российских народов. Однако, благодаря упомянутой политике «affirmative action», уже в 1930-е годы, в ходе коренизации, наметились существенные сдвиги, постепенно сводившие на нет былые «имперские преимущества», в известной мере унаследованные русскими в социальной структуре.

В довоенном периоде социальный статус и социальные роли между русскими и титульными национальностями еще по-разному распределялись в союзных и, частично, в автономных республиках. Например, в Белоруссии, на Украине, в Грузии и Армении большинство управленческих функций, в том числе и в хозяйственно-организаторской среде, выполнялись преимущественно представителями местных национальностей. Они же преобладали в рядах интеллигенции, особенно художественной. В республиках по ту сторону Уральских гор – Казахстане, Узбекистане, Туркмении, Таджикистане и Киргизии – удельный вес русских в производственно-управленческом корпусе в те годы был значительно выше⁸

По мере того, как этносоциология утверждалась в качестве самостоятельной дисциплины, появлялись разнообразные учебники и учебные пособия, этносоциологические исследования разливались из академических берегов в университетские центры, прикладные проекты смещались из Москвы в столицы республик, множились определения ее предмета и объекта как научной дисциплины, развивающейся на стыке этнографии и социологии с целью изучения социальных процессов в разных этнических сооб-

ществах и этнические процессы в различных социальных группах и слоях.

К своему полувековому юбилею (весна 1966—2016 гг.) этносоциология приближалась, имея уже десятки учебников, учебных пособий, университетских и институтских курсов и спецкурсов. Центральное место в этом потоке учебной литературы занимало учебное пособие «Этносоциология», созданное под руководством Ю.В. Арутюняна.

Раздвоение мейнстримов этносоциологических исследований актуализировало их фокусировку, ориентированную на сферу этногосударственных отношений и на межэтнические отношения. В первом случае на повестку дня выдвинулись вопросы участия этносоциологов в разработке рекомендаций для национальной политики, понимаемой в новых условиях вслед за американскими политологами Джозефом Ротшильдом, Дональдом Хоровицем и социолингвистом Джошуа Фишманом, как этнической политики, регулирующей некоторые вопросы во взаимоотношениях между государственной властью и различными народами⁹.

Доктринальные основы разделения (разветвления) традиционной сферы межэтнических отношений на сферу этногосударственных и межэтнических отношений было предпринято в связи с обострением к середине первого постсоветского десятилетия этноправовых проблем этничности и места этнического фактора в системе федеративного государственного устройства. Демократизация общества, конституционное утверждение прав и свобод человека актуализировали проблему достраивания личностных прав групповыми правами. Эта идея, изложенная мной в ряде статей и в монографии «Может ли двуглавый орел летать с одним крылом?» и озвученная в выступлениях и докладах экспертов Государственной Думы, была поддержана Председателем Комитета по делам национальностей Госдумы В.Ю. Зориным.

Первые действия Президента В.В. Путина, предпринятые с целью укрепления вертикали власти, были восприняты некоторыми экспертами как начало отодвижения этнического фактора на второстепенные колеи на путях государственного переустройства

и российского нациестроительства. В вышеупомянутой книге М.Н. Губогло велась полемика с юристами, отрицавшими этническое сообщество в качестве субъекта права, поэтому предложенный проект закона «О солидарности народов» не был поддержан депутатами Госдумы.

Между тем в этой книге было раскрыто не только реальное, но и символическое значение взаимосвязанного двуединства прав и свобод человека и группового права народа. Единство численно преобладающего русского национального большинства и национальных меньшинств и групп могло, в частности, иметь знаковое изображение в виде двуглавого орла, который долгие годы был составной частью герба царской, императорской, а теперь и постсоветской России. «Двуглавость, как и вообще удвоение какой-либо фигуры, — напоминал автор, — означает усиление изначальных качеств, которыми обладает символ. Иными словами, вынесенная в название предлагаемой книги парадигма "двуглавый орел с одним крылом", состоит в обозначении того, что нормы и положения о правах народов не противостоят, не конкурируют, а дополняют и усиливают права и свободы человека»¹¹.

Если следовать единой шкале номинации каждой ветви этносоциологического дерева, то отношение между государством, его институтами и народами России можно именовать этноправовыми и этнополитическими процессами, наряду с этнодемографическими, этноязыковыми и этнорегиональными. Данные направления исследований, имеющих вертикальную направленность, отражены, прежде всего, в федеративной форме российской государственности.

Второе направление, изначально имеющее скорее горизонтальный характер, призвано раскрывать этносоциальные процессы. В узком смысле они включают формирование и функционирование социальных структур и социально-профессиональных составов народов. В широком смысле в этносоциальных процессах отражается вся совокупность этнической истории, в том числе взаимодействия и взаимосвязей в социальных и этнических.

Важным направлением в изучении этнополитических процессов стала реализация широкомасштабной программы «Нацио-

нальные движения в СССР и постсоветском пространстве» (автор и руководитель М.Н. Губогло). По ее плану за период 1989—2014 гг. было издано 130 книг.

Работа над серией продолжалась в течение четверти века. Символично, что накануне распада и в первые постсоветские годы особую актуальность в сфере этногосударственных и межэтнических отношений приобрел классический вопрос русской ментальности, исторической и художественной литературы: «Что делать?» Он и стал названием первого тома серии, когда сам автор проекта еще не представлял себе, что потребуется 130 томов документов, сборников статей, материалов и комментариев, в которых этносоциологи вместе с героями этнической мобилизации, постараются найти ответы на этот канонический вопрос.

Завершающим аккордом серийного издания документов и материалов национальных движений в Карелии стали несколько томов, созданных карельской этносоциологической школой, в составе которой с наибольшим успехом работали бывшие аспиранты Ю.В. Арутюняна — Е.И. Клементьев, В.Н. Бирин, А.А. Кожанов. Благодаря их героическим усилиям, энтузиазму, творческому горению и приверженности этносоциологии, стало возможным издание двухтомного сборника материалов и документов (Карельское национальное движение. Часть 1. От съезда к съезду; Часть 2. Умеренное крыло)¹².

Составителем, редактором и руководителем авторского коллектива стал выпускник Института этнографии АН СССР, один из первых учеников Ю.В. Арутюняна Е.И. Клементьев вместе со своим соратником А.А. Кожановым, также воспитанником московской этносоциологической школы¹³.

Трудно переоценить научное и общественное значение двухтомника. В обстоятельной вводной статье, подготовленной составителями сборника Е.И. Клементьевым и А.А. Кожановым, карельское национальное движение в соответствии со сложившейся этносоциологической традицией и новаторским подходом к накоплению и осмыслению документов, отражающих социальные процессы в республике и состояние сферы этногосударственных отношений, представлено как «составная часть финно-угорско-

го движения», рожденного эпохой разбуженного самосознания и общественных трансформаций. На самом деле на рубеже 1980—1990-х годов время «работало» на этническую мобилизацию, вовлекая в этот процесс представителей различных этнических групп и социальных слоев населения¹⁴.

Участие в реализации проекта «Национальные движения в СССР и постсоветском пространстве» нашло отражение в подготовленных ранее трех томах, в которых отражены модели этнической мобилизации карел (2005), ингерманландских финнов (2006) и вепсов (2007).

130 томов указанной серии, составленные на стыке этносоциологии и политологии, позволили создать обширную источниковую базу, ставшую информационной основой для создания теории этнической мобилизации. Перечислим некоторые ее прикладные аспекты и теоретические положения.

В исследованиях, выполненных по проекту «Национальные движения в СССР и постсоветском пространстве» собраны, систематизированы, прокомментированы и осмыслены документы, политическая и научно-организационная деятельность важнейших национально-культурных объединений, возникших в республиках РФ не по указке органов власти, а по инициативе граждан с повышенным чувством этнического самосознания.

Важным итогом этих движений, действующих под лозунгами спорной идеологемы «национального возрождения» и национально-культурного самоопределения, стал закон «О национально-культурной автономии» принятый Госдумой в 1996 г. Его цель состояла в деполитизации и в разгосударствлении этнического фактора, наряду с сохранением «огосударствлении» республик как субъектов Российской Федерации, и в обеспечении равноправия граждан России, принадлежащих к разным этническим общностям. Проэтнический характер этого закона состоял в том, что он определял ответственность государства в сохранении самобытности в рамках экстерриториального, национально-культурного самоуправления, хотя и не брал на себя ответственность по финансированию его реализации.

В теоретическом плане изучение документальной базы национальных движений позволило определить этническую мобилизацию как идеологию и технологию, посредством которых индивидуальные этнические идентичности аккумулируются в групповые для коллективного реагирования на нововведения с целью успешной адаптации к трансформационным процессам, ориентированным на утверждение ценностей и культурных принципов демократии, гражданского общества.

Процессы этнической мобилизации наряду с другими объективными факторами сыграли разрушительную роль в распаде Советского Союза, а позднее стали неотъемлемой составной частью трансформационных процессов в России. На рубеже XX-XXI веков они оказали неоднозначное влияние, на практике - в сфере этногосударственных отношений на совершенствование российского федерализма, на ход наполнения суверенитета республик реальным содержанием и на становление гражданского общества, в теории – на концептуально-понятийное переосмысление основ национальной политики в связи с переходом от «национального вопроса» к новой политике, сочетающей государственную национальную политику, реализуемую органами власти на этнотерриториальной и этнополитической основе, и гражданскую национальную политику, осуществляемую на экстерриториальной основе самоуправляемыми общественными объединениями, созданными для выражения и защиты консолидированных интересов граждан в связи с их этнической принадлежностью.

Непосредственной предтечей организационных форм этнической мобилизации в России стали народные фронты, возникшие еще до распада СССР в конце 1980-х годов в республиках Прибалтики, в Молдове и Белоруссии, на Украине.

Не без помощи западных советников в программные документы и идеологические основы национальных движений финно-угорских народов были включены положения и идеи о придании государственного статуса языкам титульных национальностей, о республиканском гражданстве, об этническом самоопределении. Все эти нормы впоследствии стали юридической основой для дискриминации не-титульного, в том числе русского населения в ряде стран СНГ и Балтии, включая некоторые республики постсоветской Российской Федерации.

В регионах России первые организационные формы этнической мобилизации возникли в Татарстане, Башкортостане и Коми республике. В июне 1988 г. возникло интеллектуально-организационное ядро Татарского общественного центра, которое через семь месяцев на съезде было преобразовано в крупную организацию с программой общенационального характера.

Интересы русского и русскоязычного населения Татарстана отражало многонациональное движение за равноправие и единство народов Татарии «Согласие», основной своей задачей провозгласившее в «Декларации» 1990 г. «защиту граждан от попыток дискриминации по признакам национальности, владения языками, места рождения и продолжительностью проживания в республике».

В Башкортостане возник ряд движений по защите интересов башкирского народа: Башкирский народный центр «Урал» (декабрь 1989 г.), Уфимский народный клуб «Ак тирма», Республиканский клуб башкирской культуры, Союз башкирской молодежи и др. Этнокультурные и этнополитические интересы татарского населения Башкортостана были представлены в программных документах и в деятельности Уфимского общественного клуба татарской культуры, искусства, языка и литературы, Татарского общественного центра, Татарской демократической партии «Идель Урал», Союза татарской молодежи «Азатлык», Республиканского Фонда татарской культуры «Алтын Ай».

Несколько менее организованными по сравнению с татарским и башкирским выглядели объединения русского народа.

В Башкортостане несколько шире, чем в Татарстане, формировались межэтнические объединения, собравшие в своих рядах представителей различных национальностей.

В 1990-е годы клубы, фонды, землячества, организации и объединения, возникавшие по признаку этнической принадлежности

их участников, появились практически во всех республиках Российской Федерации. В отдельных случаях представители одного и того же народа создавали различные по форме объединения.

В Дагестане активную деятельность развернули Кумыкское народное движение «Тенглик», общенациональный съезд кумыкского народа, Общественный Комитет защиты прав депортированных кумыкских сел.

Этническая мобилизация других народов Дагестана нашла свое выражение, в частности, в лице Аварского народного общества «Джамаат», Аварского народного движения, Народного фронта Дагестана им. Имама Шамиля, еврейского культурного центра им. Шимона бен-Кошба, Лакского общества культуры «ЦІУ БАРЗ», Лакского народного движения, Общества содействия духовному и нравственному возрождению лакского народа «Нурданул чирахъ», Обществ табасаранского, азербайджанского, даргинского, ногайского и некоторых других народов.

В Кабардино-Балкарской Республике наряду с влиятельными общественными объединениями кабардинского («Адыге Хасэ»), балкарского («Тере»), русского («Русскоязычный конгресс») народов действовал целый ряд других национально-культурных центров: армянский, грузинский, еврейский, корейский, немецкий, осетинский и другие.

В 2002 г. в Республике Удмуртия было зарегистрировано 20 республиканских национально-культурных объединений (НКО), в том числе 5 удмуртских, по 3 татарских и марийских, 2 немецких, по одному – русских, бесермян, корейцев, кряшен.

В Москве функционировали свыше 80 различных по форме и рангу национально-культурных объединений, в Санкт-Петербурге — более 100, в Самарской области — 50, приблизительно столько же в Екатеринбурге и Свердловской области, в Челябинской области — 44, в Новосибирской и Камчатской областях — свыше 30.

В некоторых случаях лидеры этнической мобилизации попытались расширить свое влияние на политическую жизнь республики с помощью технологий межэтнической интеграции.

Под лозунгами и идеологемами о сохранении самобытности, национальном возрождении, экологической безопасности с этнокультурными и этнополитическими объединениями ассоциировались религиозные, женские, молодежные и экологические движения с программами проэтнической ориентации.

Из 128 зарегистрированных в Министерстве юстиции Республики Тува к концу 1998 г. объединений, 30 относились к религиозным, в том числе, 4 – к объединениям населения, исповедующего христианство, включая старообрядчество, 13 – к буддизму, 5 – к шаманизму, 8 – различным сектам. И хотя по числу объединений трудно судить о конфессиональном разделении верующего населения, все же можно, исходя из соотношения 13:5 делать осторожный вывод о том, что в соперничестве буддизма с шаманизмом второе уступает первому по масштабам своего влияния.

Росту национального самосознания немало способствовали организованные лидерами этнической мобилизации при поддержке государственных структур Международные (Всемирные) конгрессы представителей той или иной этнической общности. Несмотря на то, что башкиры отнюдь не проживают на всех континентах земли, 4-ый съезд башкирского народа в 1995 г. был номинирован как «І Всемирный Курултай Башкир». В июне 1992 г. на Всемирном Конгрессе татар, проведенном при поддержке Президента Татарстана М. Шаймиева и других руководителей республики, был создан Исполком Всемирного Конгресса татар.

Известны случаи, когда национально-культурные объединения стали формальной крышей для различного рода предпринимательских структур – строительных, посреднических, торговых и других.

В соответствии с «Концепцией развития национального образования в Удмуртской Республике», принятой Министерством образования Удмуртии в 1991 г. в г. Ижевске было открыто 34 школы с классами, в которых преподавание велось на удмуртском языке. В 2002—2003 учебном году удмуртский язык изучался в 408 школах республики, в том числе в городах Воткинске и Можге. По инициативе лидеров этнокультурных объединений г. Москвы, при

содействии Департамента образования и в соответствии с «Программой развития этнокультурного (национального) образования в Москве в 1998–2000 гг.» в Москве функционируют более 70 образовательных учреждений, обучающих школьников языкам и культуре различных народов.

В ряде республик под влиянием лидеров этнической мобилизации восстановлена система подготовки кадров по преподаванию языков титульных национальностей и ряда нерусских народов.

Чрезвычайно пеструю картину представляют собой итоги деятельности этнических мобилизаторов в сфере политики и особенно «плоды» их участия в избирательных кампаниях. Диапазон различий выражается от соучастия этнических активистов в создании политических элит с непропорционально высоким удельным весом лиц титульной национальности в верхних эшелонах власти одних республик (Башкортостан, Адыгея, Якутия, Тува, Татарстан) до вытеснения представителей титульной национальности на периферию властных органов республиканского уровня (Удмуртия, Марий Эл) в других республиках.

Едва ли не парадоксальным и вместе с тем несправедливым является, например, тот факт, что в ходе избирательной кампании в Народное Собрание (Парламент) Удмуртии в 1999 г. было избрано 11 удмуртов и 8 татар, хотя удельный вес титульной национальности в Удмуртии составлял по данным переписи 1989 г. 31%, а доля вторых не превышала 4%. Подобная диспропорция свидетельствует кроме всего прочего об относительной организационной слабости удмуртского и — сильном потенциале татарского национального движения в Удмуртии.

В пересечении предметных областей этносоциологии и этнополитологии находится зона исследований, призванных раскрыть материальные и психологические пружины электорального поведения граждан в ходе избирательных кампаний. Так, например, при осуществлении ряда крупномасштабных проектов, реализуемых ЦИМО ИЭА РАН в середине 1990-х годов совместно с выдающимися американскими коллегами (Джерри Хаффом, Тимоти Колтоном, Дэвидом Лейтиным, Юджином Хаскей и другими), не подтвердилась изначальная гипотеза о безусловном влиянии этнического фактора, точнее этнической идентичности кандидата в выборные органы.

В Удмуртии утверждению новых демократических форм конструктивного взаимодействия национально-культурных объединений с органами законодательной и исполнительной власти во многом способствовали научно-практические конференции с этноориентированной тематикой: «Удмуртская диаспора: проблемы и пути их решения» (ноябрь 1996 г.), «Национальные проблемы чувашей в Удмуртской Республике» (октябрь 1996 г.), «Немецкий вопрос в Удмуртии» (март 1997 г.), «Пути возрождения бесермянского народа» (февраль 1997 г.), «Бесермяне: место и роль в полиэтнической культуре региона» (ноябрь 2000 г.), «Русские Удмуртии» (сентябрь 1997 г.), «Традиционная культура удмуртов: сущность, проблема сохранения» (октябрь 1999 г.).

Идейной основой этнической мобилизации, проявившей себя в виде разнообразных общественных движений за национальное возрождение, стала мобилизованная этничность, конструктивным ядром которой на закате СССР выступил мобилизованный лингвицизм, т.е. борьба различных сил за придание статуса государственного языкам титульных национальностей. Мобилизующие потенции этничности декларировались на лозунгах этнического самоопределения, проявлялись в расширенном участии в общественной жизни, в атмосфере культурного плюрализма, в требованиях возмещения ущерба за допущенную в прошлом несправедливость.

Весьма подходящим строительным материалом для заполнения возникшего вакуума после крушения советскости и солидарности оказалась доступная разуму и приемлемая для души этничность, опора на которую позволила минимизировать накопившиеся обиды и подозрительность, панические настроения переходного периода, более или менее безболезненно адаптироваться к трансформационным нововведениям, а, в конечном счете, с помощью этнического локализма противостоять разрушительным вызовам глобализма.

Позитивную в целом роль по «окультивированию» этнической мобилизации как элемента гражданского общества сыграла утвержденная в 1996 г. Указом Президента РФ «Концепция национальной государственной политики». Несмотря на манифестационный и декларативный характер отдельных положений, она установила единое правовое, идейное и политическое поле для разных ветвей власти и для этнокультурных и этнополитических объединений, партий и организаций. Концепция переводила конституционные основы национальной политики на язык конкретных практик и технологий по созданию самоуправляемых общественных объединений граждан на основе их этнической принадлежности с целью координации усилий для сохранения и развития этничности, самобытности, для сохранения и преумножения традиций и культурного наследия своего народа.

Свободное проявление этнической мобилизации (ЭМ) на индивидуальных и групповых началах стало одним из фундаментальных достижений реформирования в одном ряду с правами и свободами граждан, с другими ценностями демократии и гражданского общества. Вместе с тем, отдельные положения «Концепции», как маргинализированного продукта переходного времени, морально устарели и сегодня нуждаются в омоложении

Одним из недостатков «Концепции» является то, что в ней мимоходом упомянуто о необходимости укрепления духовной общности россиян, и приглушенно обозначен призыв к участию в культурном сотрудничестве народов, этнических и религиозных общин. Ни слова не говорится о необходимости формирования ценностей общероссийского согражданства, в том числе с помощью русского языка, исполняющего сегодня, кроме роли национального языка самого многочисленного народа, дополнительную роль – государственного языка РФ, и традиционную – языка межэтнических общений, а также – языка складывания ключевых общероссийских ценностей, таких, как толерантность, доверительность, солидарность, державный патриотизм и общегосударственное согражданство.

Большой удельный вес в корпусе этнических мобилизаторов составили этнографы, в том числе получившие образование и защитившие диссертации на кафедре этнографии МГУ или в Институте этнологии и антропологии РАН, как, например, один из идеологов Татарского общественного центра д.и.н. Д.М. Исхаков, советник Президента Б.Н. Ельцина по проблемам национальностей Г.В. Старовойтова. «Совет удмуртских женщин» в разные годы возглавляли Л.С. Христолюбова и Г.А. Никитина.

Для успешного исполнения роли этнических мобилизаторов многим идеологам и лидерам не доставало профессиональной компетенции, политического кругозора, механизмов формирования пассивного доверия, а также личных качеств масштабно мыслящих и уверенных в своей харизме общественных деятелей.

В борьбе за пост главы Коми Республики в начале 1994 г. между 8 претендентами, председатель «Комитета возрождения коми народа» В. Марков набрал 3,7% избирателей, в то время как за одержавшего победу Ю. Спиридонова отдали свои голоса 49,2%, а за В. Худякова, занявшего второе место в избирательной гонке — 32,0%. Хилый урожай голосов, собранный В. Марковым, свидетельствовал о падении влиятельности ее лидеров.

Накопив значительный опыт больше на эйфории протестных лозунгов и заявлений, проведении этнопросветительских мероприятий, архитекторы этнической мобилизации к концу 1990-х годов выглядели уставшими и лишенными целей и конкретных планов дальнейших действий. Одна их часть оказалась в органах государственной власти, другая канула в неизвестность, третья — занялась бизнесом

Этнодемографические процессы

Этносоциологические исследования динамики численности народов, соотношение естественного прироста и миграционных передвижений, компактного и дисперсного расселения, мотивации семейных отношений и демографического поведения, пожалуй, менее всего освоены в их предметной области. В известной мере это объясняется скорее субъективным, чем объективным

фактором. Ко времени создания в Институте этнографии АН СССР сектора, которому суждено было стать родоначальником нового научного направления, в институте действовала научная школа этнодемографии и этногеографии, создателями и видными представителями которой были С.И. Брук, В.И. Козлов, В.В. Покшишевский, П.И. Пучков и другие менее маститые специалисты¹⁶.

В этносоциологическом плане предпринимались исследования взаимодействия этнодемографических и этноязыковых процессов¹⁷, сравнительной динамики численности городской и сельской части народов бывших союзных республик, формирования этнически смешанного населения в столицах союзных¹⁸ и автономных¹⁹ республик, изменений соотношения титульной и русской национальности в республиках и субъектах Российской Федерации в связи с процессами этнической мобилизации.

В двух монографиях²⁰ при совместном исследовании этнической и региональной идентичности населения, были установлены важные закономерности динамики рождаемости и смертности, деформации возрастной структуры, соотношения занятости и безработицы, криминальности и обеспеченности, брачности и разводимости, мужского и женского суицида, определены векторы миграционных потоков.

В ходе исследований, в том числе при реализации проекта «Электрокардиограмма – этничность, конфессиональность, гражданственность (ЭКГ) социальных изменений» была выявлена высокая оценка семьи как очага доверительности, в системе индикаторов из 16 номинаций социального самочувствия как в этническом, так и в региональном аспектах²¹.

В унисон с выводом демографов, этносоциологи обнаружили влияние традиционных культур, в том числе религиозных идентичностей, например, среди народов, исповедующих ислам, на поддержание высокого уровня рождаемости. Сверяя свои выводы с наблюдениями этнографов, этносоциологи видели в неравномерном изменении численности народов влияние этнического фактора.

Вместе с урбансоциологами этносоциологи фиксировали разные темпы урбанизации, как в части прироста городского населе-

ния, так и в темпах привнесения городских стандартов жизни в сельскую среду. Выводы о неравномерных темпах динамики численности народов подтверждались показателями в этническом и региональном аспектах. Несколько преувеличенными выглядели этносоциологические выкладки относительно влияния естественного прироста и миграционных процессов на этнополитическое развитие регионов, на композицию отдельных народов, на ход национально-государственного строительства в отдельные периоды истории Советского Союза.

В отличие от отечественных профессиональных демографов, строящих свои выводы на собственных исследованиях, этносоциологи ддополняли свои выкладки сведениями из трудов европейских коллег, за исключением, пожалуй, детального анализа изменения численности и соотношения городского и сельского населения среди различных народов. Серьезное внимание уделялось специфике формирования многоэтнического состава российских городов.

Важным направлением в изучении этнических и этнодемографических процессов является изучение динамики численности народов – с какой скоростью происходит увеличение численности народа, т.е. какова разница между рождаемостью и смертностью населения. Этнографов и этносоциологов в демографии в данном случае, прежде всего, интересовали этнические отношения: как можно было добиться понимания влияния внешнего фактора в межэтнических отношениях на динамику численности.

По материалам переписи населения 1979 г., когда я занимался изучением возраста юношей и девушек на рынке невест, чтобы понять, как окружающая иноэтническая среда влияет на возраст вступления в брак и вместе с тем на фертильность женщины, было выявлено, что русские девушки, проживающие в Узбекистане, очень рано вступали в брак. Уже каждая пятая была замужем до 18 лет, под влиянием узбекского окружения, где молодые люди, уходящие на службу, рано должны были жениться, чтобы вернувшись со службы уже иметь младенца. Итак, в Узбекистане 20% девушек русской национальности к 18 годам были замужем.

Это сухие цифры, но из них можно извлечь много информации. Только около 10% русских девушек этого же возраста в России, в субъектах Российской Федерации, были замужем. Т.е. на них не влиял исламский, среднеазиатский, узбекский фактор, где надо было раньше создавать свою семью и заводить ребенка и.т.д. А вот в республиках Прибалтики, где девушка должна была сначала получить среднее и даже высшее образование (в соответствии с европейскими нормами сконструировать себя), получить профессию – только 3 или 4% девушек выходили замуж к 18 годам. Вот пример того, как межэтнические отношения проявлялись в зависимости от этнической среды.

Другой интересный пример – Ю.В. Арутюнян, поскольку состоял в межэтническом браке, выдвинул гипотезу, что межэтнические браки являются более устойчивыми, чем внутриэтнические. И он гипотетически интерпретировал это тем, что для создания брака между людьми различной национальности необходима тщательная продуманная и проверенная проверка чувств и отношений, узнавания характера супруга и т.д. Хотя статистически проводить такие лонгитюдные исследования, исследовать в сравнительном плане судьбу смешанного брака и этнически однородного брака, с момента их заключения было бы очень сложно. Поэтому эта гипотеза не получила особого развития, хотя она была связана с очень важной тенденцией. С 1959 по 1979 гг. удельный вес межэтнических браков вырос с 10 до 17%. И этот факт был очень важным для советской пропаганды, это давало возможность говорить о том, что происходит сближение (не слияние, а именно сближение) наций. Естественно, от этнографов требовалось, чтобы они объяснили, почему произошел такой рост от 10 до 17% (а в некоторых городах, Тирасполе, например, удельный вес межэтнических браков составлял 35%). Это я помню очень хорошо, потому что мы специально занимались и Молдавией, и Приднестровьем. Сейчас в Приднестровье проживают русские, украинцы и молдаване примерно в одинаковой пропорции. Поэтому там процент межэтнических браков гораздо выше. Таким образом, ситуация на «рынке невест» зависит от этнического окружения.

Еще один важный фактор, который влиял на динамику роста численности народов — это, конечно, религия. Потому, что народы, исповедующие ислам, давали более высокий процент рождаемости, нежели православные, иудеи или другие. Настолько был высоким процент, что если в целом по Советскому Союзу прирост был 1,2%, то в Узбекистане и Таджикистане прирост составлял более 3%. То есть, если это помножить на 10 лет, то получаем 30%, если на 20 — то 60% и т.д. Это говорит о том, что узбекское или таджикское население, исповедующее ислам, могло примерно за 30 лет увеличить вдвое численность своего населения.

Итак, этнодемографическое направление этносоциологии представляет собой связь между демографией и этнологией, в том числе по выявлению того, как среда влияет на динамику численности населения и как численность способствует сохранению самобытности. Например, в 1993 г. закончился период роста численности населения и началось снижение по той причине, что впервые за все годы Советской власти численность умерших за год превысила численность рожденных.

В 1960–1970-е годы наряду с этносоциологией развивалось еще одно направление – этностатистика. Инициатором этого направления был Владимир Владимирович Пименов. В очередном номере журнала «Вестник антропологии» опубликована статья Галины Александровны Комаровой, рассказывающая о том, как наряду с этносоциологией развивалось направление – количественные измерения этнических признаков. Если у Ю.В. Арутюняна на первом месте стояло объяснение этнических явлений через социальную структуру, у В.В. Пименова был другой подход – измерялось количество человек, знающих похоронный обряд, родильный обряд, национальные блюда и т.д. Такой подход был основой для предложенного им компонентного изучения межэтнических отношений. Таким образом, у Ю.В. Арутюняна этническое объяснялось через социальное, у В.В. Пименова – этническое через компоненты (социальную, демографическую, лингвистическую, культурную и т.д.)²².

Статья Г.А. Комаровой рассказывает о развитии количественных методов в этнографии, поскольку анкеты составлялись таким

образом, чтобы этнофоры сами называли блюда, национальные одежду, обувь, обряды, обычаи, праздники и т.д.

Этнокультурные процессы

Еще по одной ветви этносоциологического дерева получило развитие исследование этнокультурных процессов, в значительной мере определяющих не только лицо и имидж культуры народа, но и самобытность и устойчивость традиционной и развитие профессиональной культуры. Отвлекаясь от бесконечных споров о сотнях существующих в литературе дефиниций культуры и споров о критериях их типологизации, этносоциологи изначально пошли своим оригинальным путем. Как и в сферах этносоциальных, этнополитических и этнодемографических процессов, было предпринято исследование производства, тиражирования, распространения и потребления (читают, слушают, посещают, смотрят) культуры. Неуклюжему термину о потреблении культуры до сих пор не найдено сколько-нибудь более удобоваримого определения, хотя и были попытки переименовать «потребление» в «получение культурной информации».

Указанный комплексный, многокомпонентный этносоциологический замер — «знание, поведение, отношение» — позволил обнаружить и зафиксировать перемещение этнического из сферы материальной в сферу сознания, а на рубеже первого и второго постсоветских десятилетий — из духовной культуры в сферу психологии и политики и далее обратным ходом из политики в сферу символизации элементов материальной культуры. Эти тренды соответственно получили название в одних случаях «этнические качели»²³, в других — «этнополитический маятник»²⁴.

Через этот трехкомпонентный подход к изучению культуры, взаимодействию культур, этносоциологи сделали ряд чрезвычайно важных открытий. Например, оказалось, что по своему культурному облику (потреблению культуры) трактористы Молдавии гораздо ближе к трактористам Эстонии, чем к своим молдавским писателям. Т.е. социальные различия внутри одного этнического образования оказались сильнее, в рамках всего Со-

ветского Союза, чем этнические. И здесь очень большая заслуга этносоциологии, что она сумела в ряде проблем показать ведущее значение социального фактора в формировании межэтнических отношений.

Конечно, важную роль играла и идеология. В советские годы эстонский академик Юхан Юханович Кахк назвал свою книгу: «Черты сходства». И задача интеллектуальной элиты Эстонии состояла в том, чтобы показать, как происходит сближение эстонской культуры на всех трех направлениях (производство, тиражирование и потребление) с культурами в других регионах России. А вот экс-президент Украины Леонид Макарович Кучма в постсоветский период свою книгу назвал: «Украина – не Россия». Книга написана очень талантливо, очень ласково, с любовью, но лукаво. Его задача – показать вековую зависимость украинцев от русских и перечислить те беды, которые русские якобы учинили украинскому народу, задержали его развитие и почему теперь проводится политика неоукраинизации, связанная с насильственной неоукраинизацией, в том числе представителей русского народа. Сравнение этих двух книг: «Черты сходства» – эстонца и «Украина – не Россия» – украинца показывает разность векторов в развитии этнических образований. Если культура воспринимается как локомотив или идеологическое обоснование самоопределения, то рождаются или книга «Украина – не Россия», или лозунг: «Catalonia is not Spain».

Для этносоциологов в изучении культуры было очень важно изучение уровня образования, поскольку в советские времена карьера человека, его культурный уровень, мировоззрение, идеология – в немалой степени зависели от образования. И надо сказать, что исходя из уровня образования и квалификации, этносоциологии было довольно легко классифицировать нации. Сегодня, в условиях рыночной экономики, уже нет смысла закладывать в оценку уровня социальной структуры эти два ключевых фактора. Уже в первые годы после распада Советского Союза появилась масса челночников, которые, не обладая никаким образованием, обеспечивали себя гораздо лучше, чем люди с престижным уров-

нем образования и люди с высоким уровнем профессиональной квалификации.

Если в 1920–1930-е годы важным показателем конкурентоспособности человека было получение образования на русском языке, после того, как отставшие ранее народы ушли вперед, у них параллельно выросли и претензии. И вместе с возрастанием их претензий, естественно, осложнились межэтнические отношения. Благодаря политике коренизации 1920-х годов многие народы не только догнали, но и перегнали по ряду показателей (например, грузины, по числу врачей на душу населения, к 1970 г. обогнали и русское население и евреев) более развитые в прошлом народы. И естественно, вместе с ростом образования и профессиональной квалификации, росли и претензии. Претензии сводились к тому, что только титульное население добирается до вершины карьерного треугольника.

Этноязыковые процессы

С самого начала специфика этносоциологических исследований состояла в том, что эти исследования могли быть только коллективными. Опрашивать в массовом порядке многие тысячи людей одному исследователю было бы сложно. Поэтому оригинальность этносоциологии состояла в том, что коллектив, созданный в Институте этнографии, распределил между собой сферы исследования. Сам Ю.В. Арутюнян вместе с Л.В. Остапенко изучал социальную структуру. Демографию изучала И.А. Субботина, семью и семейные отношения – М.Г. Панкратова, культуру – С.С. Савоскул, язык – М.Н. Губогло, психологию межэтнических отношений – Л.М. Дробижева. В анкете было 169 вопросов. И каждый из участников зависел от каждого – чтобы чисто, грамотно, компетентно проводился опрос, чтобы не было искажений, чтобы люди не заполняли анкеты «лежа под деревом» и т.д. И по каждому из этих направлений у сотрудников были свои вопросы и темы специализированных исследований.

В 1960–1970-х годах в Советском Союзе было несколько направлений, которые занимались изучением внешней истории языка – это Институт языкознания АН СССР (его сотрудники во главе с

Ю.Д. Дешериевым занимались в основном выявлением и составлением классификаций в функциональном соотношении между старописьменными, младописьменными и бесписьменными языками). В Ленинграде работал член-корреспондент Академии наук СССР В.А. Аврорин. Он первым среди советских языковедов предложил проводить широкомасштабные социолингвистические исследования среди народов Севера. Таким образом, один центр был в Институте языкознания (Москва), второй – в Петербурге (в Ленинграде) и еще один был – в Институте востоковедения. Сектором социолингвистики руководил Л.Б. Никольский. Сотрудники этого Института опубликовали ряд коллективных трудов о состоянии языковых ситуаций в странах Северной Африки, Юго-Восточной Европы, на примере стран Латинской Америки, некоторых европейских стран и т.д. И сам корпус идей социолингвистики очень хорошо вписывался в общие исследования взаимосвязи языковых, культурных и этнических явлений. Сотрудники Института этнографии предложили новый подход – изучение взаимосвязи языковых, политических и этнических явлений.

Изначально в анкету был заложен триединый блок изучения этноязыковых процессов. С помощью взаимодополняющих вопросов фиксировалось знание языка, речевое поведение и языковые установки. Т.е., как человек знает языки, как он их реализует в своем речевом поведении, и как он к ним относится. Особенно актуальным значение этого подхода стало при изучении ситуации на Украине и в Молдавии, где был утвержден законодательно один единственный государственный язык. Когда социологи спрашивали, как вы относитесь к тому, что на Украине один государственный язык, а треть населения разговаривает на русском языке – это как раз было выяснением не того, что люди знают или употребляют в своем речевом поведении, а как они относятся к правовому статусу языка. Через два десятилетия существования суверенной Украины выяснилось, что русскоязычное население многих его регионов отрицательно относилось к тому, чтобы в унитарном государстве был один единственный государственный язык. То же самое было в Молдавии.

В основу использования языка в политических целях в качестве заложницы была взята языковая ситуация. Дело в том, что в советские времена манифестировалась, декларировалась, пропагандировалась проблема второго родного языка. Русский язык, несколько огульно, поскольку им в той или иной мере владели почти все представителя нерусской национальности – был объявлен вторым родным языком нерусских народов. И Первый секретарь ЦК КП Узбекистана Шараф Рашидов проводил раз в два года парадно-научные конференции в Ташкенте, посвященные воспеванию социальной значимости русского языка. На сегодняшний день в России нет такого трибуна, нет такого города, нет такого центра, который мог бы пропагандировать, манифестировать достоинства русского языка как языка наиболее удобного межэтнического общения в многоэтническом государстве. Тем не менее, последние две переписи 2002 и 2010 гг. показали, что 98% населения России владеют русским языком. Что это значит? Это значит, что русский язык для нерусских народов России стал национальным достоянием²⁵

Тем не менее, в современном мире русский язык с одной стороны, это ценность, на нем созданы великие произведения, вошедшие в золотой фонд мировой культуры, с другой стороны – это товар, который надо купить, чтобы потом можно было его продавать на рынке в связи с бизнесом, с карьерой, с туризмом и т.д. И когда наши представители некоторых политических кругов не верят в то, что Крым добровольно, по своему желанию, выразил готовность войти в состав России, им отвечает этот языковой фактор. Исследования, которые накануне вхождения Крыма в Россию проводил сотрудник Института этнологии и антропологии РАН Р.А. Старченко в Крыму, показали, что 95-98% крымчан, в том числе и русские, и украинцы, и даже крымские татары владеют русским языком²⁶. Это говорит о том, что за прошедшие 20 лет, с тех пор как Крым вошел в состав Украины, языковая ситуация развивалась типологически сходно, параллельно с теми процессами, что имели место в самой России. Поэтому вхождение Крыма в Россию было результатом действия двух факторов: фактора

выталкивания из украинской языковой среды и фактора притяжения к российской этноязыковой и культурной среде. Фактором притяжения было сходство языковых ситуаций между Крымом и Россией. Мне хорошо известна ситуация с болгарами в Одессе, и с гагаузами в Молдавии. Русскоязычие в каждом регионе оказывает настолько сильное влияние на повседневную и современную официальную политическую жизнь, что носители русскоязычия политических деятелей в Кремле знают лучше, чем у себя в Киеве или Кишиневе.

Уже первое этносоциологическое исследование в 1967 г. показало, что русский язык стал локомотивом, лакмусовой бумажкой в деле возрастающего интереса к родному языку. Вот почему языковая ситуация представляет чрезвычайно важный политический фактор, который определяет атмосферу межэтнических отношений. Не случайно я позволил себе назвать кардинальное изменение вектора языковой ситуации на рубеже 1980—1990-х годов в связи с приданием статуса государственного языка титульным национальностям бывших союзных республик «Языковой революцией»²⁷.

Этнопсихологические процессы

Предметное поле этносоциологии и ее проблематика значительно расширились благодаря нарастающему валу исследований этнического самосознания в системе этнических идентичностей и благодаря возрастающей роли психологического фактора в современных этнополитических процессах. Прогноз этого феномена, сделанный еще в самом начале XX века великим русским этнографом, социологом, общественным деятелем М.М. Ковалевским, в том числе в монографии «Этнография и социология» ²⁸ подтвердился и оправдался в полной мере.

«...каков бы ни был характер учреждения, происхождение которого мы изучаем, – писал М.М. Ковалевский, призывая искать объяснения изучаемого явления "во всей совокупности условий народной жизни", исходя из того, что "разные стороны быта народного тесно связаны между собой", – идет ли дело о собствен-

ности, о кастах и о сословиях, о власти главы племени или народных вождей, мы постоянно наталкиваемся то на преобладающую, то на второстепенную роль психологического фактора. Таким образом... будущность сравнительной этнографии и услуги, которых социология вправе ждать от нее, зависят, на мой взгляд от того, окажется ли она или нет от несчастного стремления сводить все подлежащие ее решению задачи к уравнению с одним неизвестным, которым является форма производства...»²⁹.

В советской этнографии точка зрения великого соотечественника М.М. Ковалевского нашла воплощение в трудах П.И. Кушнера, Ю.В. Бромлея, В.И. Козлова, Л.М. Дробижевой. Особой близостью к указанному в начале XX века определению психологического фактора, отличалась крылатая формула В.И. Козлова. Он наставал на важности «этнического (национального) самосознания, представляющего собой как бы субъективную равнодействующую объективных элементов этнической общности». При этом В.И. Козлов принимал во внимание тот факт, что этническое самосознание использовалось в качестве «основного этнического определителя в переписях и других формах массового статистического учета населения ряда стран мира»³⁰.

Учитывая значительный вклад, внесенный в изучение этнопсихологических и социально-психологических процессов изрядным количеством крупных исследовательских проектов одной из родоначальниц этносоциологических исследований Л.М. Дробижевой, заслуживающей не одной специальной лекции, мы ограничимся здесь лишь ее определением той значимой роли, какую играет этническое самосознание и этнопсихологический фактор в процессах этнополитического и социокультурного развития и взаимодействия народов, в том числе в доктринальных программах и идеологемах национальных движений (этнических мобилизациях) в СССР и России.

«Для этносоциологов важно, – пишет Л.М. Дробижева в одном из первых учебных пособий по этносоциологии для вузов, вышедшем двумя изданиями, – как формируется этническое самосознание, какова его структура, каким может быть его содержа-

тельное наполнение, интенсивность и регулятивная способность. Ведь этот психологический феномен играет существенную роль в этнической мобилизации, консолидации, социальном контроле, стремлении к партнерству или доминированию и может быть использован как для преуспевания народа, так и для агрессивного напионализмах³¹.

Первый этносоциологический опрос по этнопсихологической анкете, составленной Л.М. Дробижевой в 1964 г., был проведен под руководством М.Н. Губогло в южной Молдавии в болгарском селе Твардица и гагаузском – Бешалма.

В одной из первых анкет для массовых опросов по проектам Института этнографии АН СССР, этнопсихологическая проблематика охватывала более десятка вопросов и предназначалась для исследования мотивов и стимулов личностного выбора, в том числе по вопросам межнациональных браков и ценностных ориентаций. Серьезный вклад изучение этнического самосознания внесло в формирование нового гибридного по характеру направления, связанного с расширяющимся фронтом работ по исследованию идентичности³².

Итак, все перечисленные направления в рамках предметной области этносоциологии рождались в процессе работы над проектом: «Оптимизация социально-культурных условий развития и сближения наций в СССР» (автор и руководитель Ю.В. Арутюнян). Надо уточнить, что речь шла именно о сближении, а не о слиянии наций. Это значит, что этносоциологи никогда не думали об уничтожении национальных особенностей и самобытности каждого народа.

Я бы советовал в первую очередь прочитать книги на эту тему: «Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований. На примере Татарской АССР»³³. Эта книга была написана на материале Татарстана. Но перед этой книгой вышла не менее важная книга Ю.В. Арутюняна «Социальная структура сельского населения СССР»³⁴. Я даже думаю, что именно она является подлинной предтечей этносоциологического направления. Именно в этой книге Ю.В. Арутюнян доказывает, что существует два типа

национализма — сельский и интеллигентский. Сельский национализм он объяснял тем, что люди одной национальности плохо знают историю и культуру другого народа. И это порождает страх. И отсюда рождались негативные установки: не жениться, не дружить, не иметь соседа, человека другой национальности. В основе примитивных установок — явления и вещи, которые опираются на незнание. Второй тип национализма, т.н. интеллигентский — это когда часть элиты народа относилась недружественно, негативно к представителям другой национальности из-за конкурентной борьбы за продвинутые высокооплачиваемые места на вершине воображаемого остроугольного схемы-треугольника.

Ближайшие перспективы направлений этносоциологии будут связаны с вопросами формирования идеологии и воспитания доверия. А на очереди исследование ценности справедливости с этнической точки зрения. И поскольку развал Советского Союза был несправедливым, то все последующие события — Южная Осетия, Абхазия, Приднестровье и т.д. тоже имеют оттенок несправедливости.

Молдавская ССР в такой же мере, как и Татарская АССР, справедливо считается прародиной этносоциологии. Напомню, что вслед за упомянутой индивидуальной монографией Ю.В. Арутюняна, являющейся связующим мостом между сельской социологией и этнографией, увидели свет две коллективные монографии об этносоциальных и этнополитических процессах соответственно в Татарстане и Молдавии, перекинувшие мостик между собственно этносоциологией и будущей этнополитологией. Только что увидевшие свет издания по этнополитологии в Карелии под руководством воспитанников сектора этносоциологии Е.И. Клементьева и А. Кожанова поставили точку в серийном издании источниковой базы этнополитологических исследований по проекту «Национальные движения в СССР и в постсоветском пространстве». Всего по данному проекту, как было отмечено выше, было опубликовано 130 томов. О масштабности проекта можно судить по книгам, изданным в серии. По ним было защищено несколько кандидатских и более десятка докторских диссертаций (В.В. Амелин, С.И. Аккиева, З.В. Анайбан, В.П. Торукало, Г.П. Лежава, Ф.Г. Сафин, Ю.П. Шабаев, А.Н. Аринин, М.Н. Губогло, Т.М. Полякова, И.В. Нам, С.К. Смирнова).

Изучение социальной структуры этнических образований, динамика их численности (этнодемография), производство, тиражирование и потребление культуры (этнокультурология), знание, употребление и отношение к языкам (этническая социолингвистика), факторы, тактика и стратегии межэтнических отношений (этнопсихология) — эти направления, составляющие уже классику этносоциологии, ее стержневую основу, в ходе развития дали дополнительные новые ростки, так же рожденные на стыке наук и потому имеющие междисциплинарный характер. Первые статьи по этнополитологии были рождены на основе этносоциологических рефлексий на вызовы политизирующейся этничности на рубеже 1980—1990-х годов. Статья под названием «Политические аспекты этнографических исследований» была, в частности, опубликована в журнале «Коммунист Молдавии»³⁵.

Океан публикаций, бесчисленные конференции, серьезные диссертации и скороспелые рефераты, факультативные и обязательные курсы об идентичности могут служить вполне весомым основанием для постановки вопроса об изучении идентичности в статическом и динамическом аспекте в качестве основной программатики и проблематики предметного поля возникающей на глазах Идентологии³⁶.

Идентология

Проблематика идентичности сегодня имеет необозримую историографию, особенно в связи с идентификацией идентичности³⁷, с теоретическими разработками национальной идентичности, с Я-концепциями, с теориями личности и многими другими теретическими дискурсами.

Я исхожу из этносоциологического опыта, считая идентологию законной дочерью этносоциологии. В предметной области этносоциологии и в реализованных проектах наиболее ярко и убедительно проявил себя подход, предложенный Энтони Смитом

более двух десятилетий тому назад в нашумевшей книге «Национальная идентичность» ^{38} .

Коротко говоря, суть его концепции сводится к различию двух разновидностей идентичности: во-первых, к проблеме индивидуального ВЫБОРА человеком или группой своей идентичности, во-вторых, к проблеме ПРИНАДЛЕЖНОСТИ к определенной общности, в т.ч. к этнической, независимо от того, человек пребывает в рамках своей этнической общности или переселяется в иноэтническую среду. Одна из форм идентичности, как видно, лежит в основе конструктивизма, другая теснее связана с традиционным примордиализмом.

Мой этносоциологический по материалу доклад «Языковые контакты и элементы этнической идентификации» (на русском и английском языках), представленный на IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук (Чикаго, 1973 г.) сегодня считается некоей сейсмографической станцией, которая зафиксировала первые толчки грядущего интеллектуального бума в связи с выдвинувшейся накануне распада СССР на передний план этнологии и этносоциологии проблематики идентичности. Востребованность новой парадигмы и терминологии сорок лет тому назад не сразу была принята отдельными коллегами. Выступая перед поездкой в Чикаго на заседании Ученого Совета Института этнографии АН СССР, один из них, в частности, решительно оспаривал привнесение в предметную область и в этнографический вокабуляр понятия «идентичность», считая нецелесообразным «засорять русский язык термином иностранного происхождения», и призывал не заменять русское слово «тождественность» английским словом «идентичность».

Тем не менее парадигма, основы и понятие «идентичность» прочно утвердились в понятийно-терминологическом аппарате этнологического знания. Еще раз могу сослаться в этом плане на свою монографию «Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки», в которой на конкретном эмпирическом материале были рассмотрены природа и сущность проявления, а также взаимосвязи в обыденной жизни гендерной³⁹, семейной⁴⁰, этниче-

ской⁴¹, религиозной⁴², профессионально-трудовой⁴³, социальной⁴⁴, «собственнической»⁴⁵, региональной⁴⁶ и гражданской⁴⁷ идентичности⁴⁸. Целая серия публикаций Л.М. Дробижевой и В.А. Тишкова вместе с трудами их единомышленников стала столбовой дорогой по пути к созданию нового научного направления, которое вполне корректно можно назвать идентологией.

Подводя итоги исследованиям по социально-культурной антропологии, В.А. Тишков в заключительной главе своей монографии «Реквием по этносу» специальное внимание уделил, во-первых, «Проблеме идентичности в истории и антропологии», как процессу конструирования значимых миров, и, во-вторых, «Конструированию реальности через теорию», считая, что «история XX в. во многом создавалась интеллектуалами, причем не только в форме объяснительных описаний происходящего, но и в форме предписаний, что и как надо делать. И в этом смысле мы говорим не просто об ответственности историка, но и об его авторстве в истории, а значит, и о пользе или вреде его действий»⁴⁹.

Посильный вклад в конструирование и конституирование этого направления внесли 12 опубликованных томов «Феномен (идентичность — $M.\Gamma$.) Удмуртии», подготовленных и изданных в 2001—2006 гг. при участии депутата Государственной Думы доктора политических наук С.К. Смирновой и поддержке научной и административной элиты Удмуртии.

Изучение идентичности в современном гуманитарном знании, с одной стороны, подводит итоги и анализирует уроки, вызванные изменениями в культуре и менталитете русского и других народов России, с другой – открывает новые перспективы для специалистов в расширении предметной области этнологии и антропологии и для их участия в расширении горизонтов гуманитарного знания.

Обсуждение проблематики идентичности на рубеже XX—XXI веков происходило по следующим направлениям: личностной и групповой идентичности на примере этнической истории разных народов и этнической судьбы представителей различных этнических и этносоциальных сообществ; проблемно-предметной, ориентированной во времени и пространстве; причинно-след-

ственной, обусловленной главным образом социальными процессами, этнополитической средой и мотивами карьерного роста. В литературе заметно растет удельный вес проблематики идентичности, связанной с культурным наследием народов. Сказалось, в частности, влияние инициированной Президиумом РАН Программы фундаментальных исследований: «Историко-культурное наследие и духовные ценности России». Одним из позитивных итогов политизации идентичности в 1990-е годы явилось, как показано в ряде публикаций, смещение общественного интереса, а вместе с тем и объективных факторов от артефактов к ментифактам, от так называемых «осязаемых» к «неосязаемым» фактам и факторам.

От конгресса к конгрессу, проводимым раз в два года Ассоциацией этнографов и антропологов России, расширяется участие этносоциологов в обсуждении проблем идентичности, что говорит о закреплении и расширении этого нового междисциплинарного направления в системе этнологии и в лоне современного гуманитарного знания.

Тематику докладов, выносимых на обсуждение в рамках Всероссийских форумов, вполне можно считать коллективной попыткой очертить границы новой предметной области – идентологии 50.

Особый интерес и оживленное обсуждение вызвали исторические корни возникновения, утверждения и развития идентичности, роль идеологии, власти, культуры, языка, художественной литературы, исторической памяти, религии, нравственных и духовных ценностей в устойчивости и изменяемости этнической, гражданской, региональной, религиозной идентичностей, состояние и функции идентичности детей и молодежи, малочисленных народов и этнических групп, проживающих в полосе этнически смешанных территорий.

Еще раз напоминаю, что в программах общероссийских конгрессов этнологов и антропологов проблемы идентичности занимают одно из ведущих мест. Секция по проблемам идентичности, инициированная М.А. Жигуновой, в работе конгрессов 1997–2011 гг., особенно на конгрессе в Саранске (2007), Оренбурге (2009), Петрозаводске (2011) собирала рекордное число участ-

ников по сравнению с остальными 30—40 секциями, посвященными актуальной проблематике в рамках программ этих конгрессов. Как удачно заметил один из участников Конгресса в Петрозаводске, секция по идентичности — это «конгресс в конгрессе».

Важную роль в выявлении и актуализации этнического самосознания и идентичности в зигзагах этнических историй народов сыграли труды этносоциологов, этнографов и историков. Их публикации способствовали прочтению прежних, полузабытых страниц этнической истории народов, порождали стремление понять истоки, судьбу и будущее своих культур, языков, стратегий повседневной жизни.

Изучение идентичности в современном гуманитарном знании (особенно в этносоциологии), с одной стороны подводит итоги и анализирует уроки, вызванные изменениями в культуре и менталитете русского и других народов России, с другой — открывает новые перспективы для специалистов в расширении предметной области этнологии и антропологии и для их участия в расширении горизонтов гуманитарного знания. Обновление программатики и проблематики идентичности, начатое более двух десятилетий тому назад, раскрывается, в частности, в сборнике статей и материалов, посвященных времени, пространству и причинно-следственным основаниям и факторам идентичности, идентичностям и образам России и россиян. Сборник издан к 70-летию академика В.А. Тишкова⁵¹.

Между тем состояние и содержание идентичности как самовыражения каждого из народов, вместе с обликом их повседневной жизни и этнополитического статуса, характером расселения напоминают хорошо разветвленную крону и корни дерева. Вполне естественно, что широко разветвленная крона (осознанная идентичность) подпитывается глубоко залегающими, могучими историческими корнями. Живая кросспоколенная связь передает воду листьям от корня и вместе с тем обеспечивает питание от листьев корням. Между тем широкий фронт исследований, развернутый в области идентичности, ее приобретения и этнической истории, вселяет надежду, что наряду с общим расширением кругозора ис-

следователей и обогащением предметной области науки, с повышением уровня технологических и процедурных средств, однобокие, однолинейные теории происхождения по принципу «илиили» будут постепенно изживать себя.

Заключение

Большой и полезный опыт по признанию и самоутверждению этносоциологии был получен в 1990-е годы при реализации в России серии проектов с учеными союзных и автономных республик, а также с ведущими учеными США и Нидерландов: Джерри Хаффом, Дэвидом Лейтиным, Тимоти Колтоном, Робертом Осборном, Юджином Хаскей, Сьюзен Лейманн.

Серия этносоциологических исследований межэтнических отношений в 2004 году в двух тюркоязычных (Башкортостан, Татарстан) и в двух финноугроязычных республиках (Марий-Эл, Удмуртия) нашла отражение в 12 томах серии под названием «Феномен Удмуртии», получивших признание общественности.

Самостоятельные этносоциологические центры существуют в Москве, Новосибирске, Омске, Петрозаводске, Казани, Ижевске, Нальчике, Сыктывкаре и Уфе.

Ведущим научным и организационным Центром, осуществляющим этносоциологические исследования по целому ряду межреспубликанских и международных проектов, является коллектив Центра по изучению межнациональных отношений Института социологии РАН. Руководитель этого Центра д.и.н. Л.М. Дробижева и член-корреспондент РАН, советник Президента РАН, заведующий группой этносоциологии ИЭА РАН Ю.В. Арутюнян являются общепризнанными лидерами, стоявшими у истоков этносоциологии как нового междисциплинарного научного направления, возникшего в лоне ИЭА РАН.

В Институте этнологии и антропологии РАН в течение 1980-х – 2010-х годов этносоциологические исследования осуществляет Центр по изучению межэтнических отношений (руководитель – М.Н. Губогло) совместно с группой по изучению Поволжья (руководитель А.Д. Коростелев) и группой этносоциологии Ю.В. Ару-

тюняна. Показателем профессиональной зрелости коллектива, в частности, может служить сборник статей «Этносоциология и этносоциологи», выпущенный в свет Институтом этнологии и антропологии РАН в связи с 40-летием этносоциологических исследований в ИЭА РАН и в России⁵².

Крупные и влиятельные этносоциологические центры сложились и получили общественное признание в Татарстане (руководитель Центра этносоциологических исследований д.и.н. Р.Н. Мусина), Башкортостане (руководитель Отдела этносоциологии д.и.н. Ф.Г. Сафин), Сыктывкаре (руководитель д.и.н. Ю.П. Шабаев), Нальчике (руководитель д.и.н. С.И. Аккиева). Общественная значимость и вклад в науку научного центра заключается не в численности его сотрудников и рядов приверженцев, не в рекламной шумливости, а в том, в какой степени востребованы плоды его деятельности.

Показателем зрелости Казанского центра этносоциологических исследований, работающего под руководством Р.Н. Мусиной, и научного потенциала российской этносоциологии в первом десятилетии XXI века могут, к примеру, служить доклады этносоциологов, изданные в Материалах Международной научной конференции, проведенной в Казани 26–28 июня 2008 года⁵³.

Примечания

- ¹ Арутнонян Ю.В. Социальная структура сельского населения СССР. М., 1971.
- ² Ковалевский М.М. Этнография и социология. М., 1904.
- ³ Хакимов Рафаэль. Историческая этнология: парадигма и инструментарий. Казань, 2012. С. 39.
- ⁴ *Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А.* Этносоциология. Учебное пособие для вузов. М., 1998. С. 104.
- 5 Там же. С. 105.
- ⁶ Терри Мартин. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011; Казиев С. Советская национальная политика и проблемы доверия в межэтнических отношениях в Казахстане (1917–1991 гг.). Петропавловск, 2015.
- ⁷ Губогло М.Н. Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки. М., 2003.

⁸ Социально-культурный облик советских наций (по материалам этносоциологических исследований) (авт. Программы и руководитель исследования Ю.В. Арутюнян). М., 1986. С. 46–49.

- ⁹ Rothschild J. Ethnopolitics: a Conceptual Framework. New York, Columbia University Press, 1981; Horowitz D.L. Ethnic Groups in Conflict. Berkeley, 1985; Fishman Joshua A. Ethnicity in Minority Sociolinguistic Perspective. Clevedon, Philadelphia, 1989.
- Губогло М.Н. Может ли двуглавый орел летать с одним крылом? Размышления о законотворчестве в сфере этногосударственных отношений. М., 2000.
- ¹¹ Там же. С. 28–29.
- ¹² Карельское национальное движение. Часть 1. От съезда к съезду / сост. Е.И. Клементьев (рук.), А.А. Кожанов. Карельский научный центр. Петрозаводск, 2009; Часть 2. Умеренное крыло / сост.: Е.И. Клементьев (рук.), А.А. Кожанов. Карельский научный центр. Петрозаводск, 2012.
- ¹³ Клементьев Е.И. Этносоциология в Карелии. Петрозаводск, 2015.
- ¹⁴ Карельское национальное движение. Часть 2. С. 3.
- ¹⁵ *Губогло М.Н.* Может ли двуглавый орел ... С. 343–355.
- ¹⁶ Козлов В.И. Этническая демография. М., 1977; Казьмина О.Е., Пучков П.И. Основы этнодемографии. Учеб. пособие. М., 1994.
- ¹⁷ *Брук С.И., Губогло М.Н.* Развитие и взаимодействие этнодемографических и этнолингвистических процессов в советском обществе // История СССР. 1974. № 4. С. 26–45.
- Губогло М.Н. Изменение этнодемографической ситуации в столицах союзных республик (по материалам переписей населения СССР) // Межнациональные отношения в современном мире. Серия А. М., 1992. № 32.
- ¹⁹ Там же.
- Губогло М.Н., Смирнова С.К. Феномен Удмуртии. Парадоксы этнополитической трансформации на исходе века. М., 2001; Губогло М.Н., Смирнова С.К. Феномен Удмуртии. Том 9. Траектории деинфантилизации. Из опыта этнорегиональных исследований. М., 2006.
- ²¹ *Губогло М.Н., Смирнова С.К.* Феномен Удмуртии. Том 9. М.; Ижевск, 2006. С. 321–366.
- 22 Пименов В.В. Моя профессия этнограф. М., 2015.
- ²³ Губогло М.Н. Этнические качели. Проблемы смещения специфики из материальной в духовную сферу и обратно // Divirsitatea expersiilor

- Haditatului Traditional Materiale conferentei internationale. Chisinau, 2007. P. 275–283.
- ²⁴ Паин Э.А. Этнополитический маятник. Динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России. М., 2004.
- ²⁵ Губогло М.Н. Русский язык национальное достояние народов России // Русский язык в странах СНГ и Балтии. М., 2007. С. 48–58.
- Губогло М.Н., Старченко Р.А. Языковая жизнь и региональная идентичность крымчан оплот антиукраинизации (Из опыта этносоциологических исследований в Крыму 2013). М., 2014.
- ²⁷ Губогло М.Н. Языки этнической мобилизации. М., 1998. С. 161–477.
- ²⁸ Ковалевский М.М. Этнография и социология. М., 1904.
- ²⁹ Там же. URL: http://socionet.narod.ru/borya/soc_67.html (дата обращения 24.12.2015).
- ³⁰ *Козлов В.И.* Динамика численности народов. Методология исследования и основные факторы. М., 1969. С. 50.
- ³¹ *Арутюнян Ю.В. и др.* Этносоциология ... С. 165.
- 32 Губогло М.Н. Идентификация идентичности ...
- Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований. По материалам Татарской АССР / отв. ред. Ю.В. Арутюнян. М., 1972.
- ³⁴ *Арутюнян Ю.В.* Социальная структура ...
- 35 *Бромлей Ю.В., Губогло М.Н.* Политические аспекты этнографических исследований // Коммунист Молдавии. 1986. № 7. С. 67–73.
- ³⁶ Губогло М.Н. Антропология повседневности. М., 2013. С. 157–182.
- ^{37} Губогло М.Н. Идентификация идентичности ...
- ³⁸ Smith A.D. National Identity. Reno, 1991.
- ³⁹ Губогло М.Н. Идентификация идентичности ... С. 93–147.
- ⁴⁰ Там же. С. 148–192.
- ⁴¹ Там же. С. 195–251.
- ⁴² Там же. С. 252–288.
- ⁴³ Там же. С. 291–325.
- ⁴⁴ Там же. С. 326–343. ⁴⁵ Там же. С. 344–396.
- там же. С. 344–396. Там же. С. 399–466.
- ⁴⁷ Там же. С. 467–534.
- там же. С. 467–534. 48 Там же. С. 467–534.
- ⁴⁹ *Тишков В.А.* Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003. С. 507–508.
- 50 Губогло М.Н. Антропология повседневности ... С. 165–188.

⁵¹ Феномен идентичности в современном гуманитарном знании. К 70-летию академика В.А. Тишкова / сост. М.Н. Губогло, Н.А. Дубова. М., 2011.

- 52 Этносоциология и этносоциологи. Исследования, поиски, воспоминания / сост. Н.А. Дубова, Л.В. Остапенко, И.А. Субботина. М., 2008.
- ⁵³ Этносоциология в России: научный потенциал в процессе интеграции полиэтнического общества / отв. ред. Р.Н. Мусина. Казань, 2009.

Список литературы

- *Арутнонян Ю.В.* Социальная структура сельского населения СССР. М., 1971.
- Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология. Учебное пособие для вузов. М., 1998.
- *Бромлей Ю.В., Губогло М.Н.* Политические аспекты этнографических исследований // Коммунист Молдавии. 1986. № 7. С. 67–73.
- *Брук С.И., Губогло М.Н.* Развитие и взаимодействие этнодемографических и этнолингвистических процессов в советском обществе // История СССР. 1974. № 4. С. 26–45.
- Губогло М.Н. Антропология повседневности. М., 2013.
- *Губогло М.Н.* Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки. М., 2003.
- Губогло М.Н. Изменение этнодемографической ситуации в столицах союзных республик (по материалам переписей населения СССР) // Межнациональные отношения в современном мире. Серия А. 1992. № 32.
- Губогло М.Н. Может ли двуглавый орел летать с одним крылом? Размышления о законотворчестве в сфере этногосударственных отношений. М., 2000.
- Губогло М.Н. Русский язык национальное достояние народов России // Русский язык в странах СНГ и Балтии. М., 2007. С. 48–58.
- *Губогло М.Н.* Этнические качели. Проблемы смещения специфики из материальной в духовную сферу и обратно // Divirsitatea expersiilor Haditatului Traditional Materiale conferentei internationale. Chisinau, 2007. P. 275–283.
- Губогло М.Н. Языки этнической мобилизации. М., 1998.
- *Губогло М.Н., Смирнова С.К.* Феномен Удмуртии. Парадоксы этнополитической трансформации на исходе века. М., 2001.

- Губогло М.Н., Старченко Р.А. Языковая жизнь и региональная идентичность крымчан оплот антиукраинизации (Из опыта этносоциологических исследований в Крыму 2013). М., 2014.
- *Губогло М.Н., Смирнова С.К.* Феномен Удмуртии. Том 9. Траектории деинфантилизации. Из опыта этнорегиональных исследований. М., Ижевск, 2006.
- Казиев С. Советская национальная политика и проблемы доверия в межэтнических отношениях в Казахстане (1917–1991 гг.). Петропавловск, 2015.
- *Казьмина О.Е., Пучков П.И.* Основы этнодемографии. Учеб. пособие. М., 1994.
- Карельское национальное движение. Часть 1. От съезда к съезду / сост. Е.И. Клементьев (рук.), А.А. Кожанов. Карельский научный центр. Петрозаводск, 2009; Часть 2. Умеренное крыло / сост.: Е.И. Клементьев (рук.), А.А. Кожанов. Карельский научный центр. Петрозаводск, 2012.
- Клементьев Е.И. Этносоциология в Карелии. Петрозаводск, 2015.
- Ковалевский М.М. Этнография и социология. М., 1904.
- Козлов В.И. Динамика численности народов. Методология исследования и основные факторы. М., 1969.
- Козлов В.И. Этническая демография. М., 1977.
- *Паин Э.А.* Этнополитический маятник. Динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России. М., 2004.
- Пименов В.В. Моя профессия этнограф. М., 2015.
- Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований. По материалам Татарской АССР / отв. ред. Ю.В. Арутюнян. М., 1972.
- Социально-культурный облик советских наций (по материалам этносоциологических исследований) (авт. Программы и руководитель исследования Ю.В. Арутюнян). М., 1986.
- *Терри М.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011.
- *Тишков В.А.* Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003.
- Феномен идентичности в современном гуманитарном знании. К 70-летию академика В.А. Тишкова / сост. М.Н. Губогло, Н.А. Дубова. М., 2011.
- Хакимов Р. Историческая этнология: парадигма и инструментарий. Казань, 2012.
- Этносоциология в России: научный потенциал в процессе интеграции полиэтнического общества / отв. ред. Р.Н. Мусина. Казань, 2009.

Этносоциология и этносоциологи. Исследования, поиски, воспоминания / сост. Н.А. Дубова, Л.В. Остапенко, И.А. Субботина. М., 2008.

Fishman Joshua A. Ethnicity in Minority Sociolinguistic Perspective. Clevedon, Philadelphia, 1989.

Horowitz D.L. Ethnic Groups in Conflict. Berkeley, 1985.

Rothschild J. Ethnopolitics: a Conceptual Framework. New York, Columbia University Press, 1981.

Smith A.D. National Identity. Reno, 1991.

НА ПРАВЕ ЗЕМЛЯ ДЕРЖИТСЯ: ЮРИДИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ*

Что такое право? Наверное, ответов на этот вопрос даже больше, чем на вопрос, что такое культура. В мире существует множество теорий правопонимания. В юридической антропологии право, правовые отношения между людьми рассматриваются в широком культурном и историческом контексте. Она изучает правовое бытие людей в различные эпохи и в различных регионах мира и является одним из направлений науки о человеке. Существует взгляд на юридическую антропологию как науку о homo juridicus. человеке как юридическом явлении. Только человек способен создавать нормы и соблюдать их, принимать решения и подчиняться им, речь идет не о конкретных решениях, а об абстрактной способности создавать и воспринимать юридическое1. Обращение к антропологии права представляет особый интерес для этнографов, так как в нормативной культуре концентрируются знания по религии, мировоззрению, этике, социальной организации, семье и быту, хозяйственной деятельности. Изучение правового регулирования различных сфер жизни и их соотношения с существующими практиками дает возможность понять внутренние механизмы развития и сосуществования человеческих сообществ. В современных условиях интерес к подобным исследованиям вызван также тем, что обычаи, традиции, нормы обычного права становятся

^{*} Статья подготовлена и опубликована в рамках проектов РГНФ № 13-01-00043 «Феномен междисциплинарности в современной отечественной этнографии/этнологии» и СВФГУ «Народы Северо-востока Российской Федерации: выбор адаптивной стратегии в условиях глобализации. Социально-антропологический подход (взгляд якутских и британских исследователей)». Первая публикация статьи в сборнике: "Феномен междисциплинарности в отечественной этнологии" (М.: ИЭА РАН, 2016).

частью правовой системы государства и во многом определяют жизнь локальных сообществ и социальных групп.

Юридическая антропология сегодня имеет различное значение, и подходы к таким исследованиям также различны. Я хочу поделиться своими представлениями об этой науке, строящимися на методологии правового плюрализма. В статье будут рассмотрены краткая история складывания этого научного направления в Институте этнологии и антропологии РАН в рамках Комиссии по правовому плюрализму МСАЭН, предмет и метод междисциплинарного исследования, затем я предложу анализ моих полевых наблюдений в законодательных органах государственной власти и различных сообществах.

Комиссия по правовому плюрализму МСАЭН и складывание междисциплинарного анализа

Комиссия по обычному праву и правовому плюрализму² (с 2007 г. – Комиссия по правовому плюрализму) была создана в 1978 г. Международным союзом антропологии и этнологии (МСАЭ) и принята в Международную ассоциацию юридических наук (МАЮН). Она была учреждена по инициативе профессора Г.Фон ден Стинховена из Института обычного права в Неймегене (Нидерланды). Расширение деятельности комиссии отражает растущее осознание факта существования в современном обществе правового плюрализма. Это касается не только стран, где проживают коренные народы и этнические меньшинства, но индустриальных обществ как таковых. В соответствии с Уставом Комиссии главной целью ее работы является «содействие деятельности по углублению и расширению знания и понимания обычного права и правового плюрализма, уделяя при этом особое внимание теоретическим и практическим вопросам, возникающим в результате взаимодействия обычного и государственного права». В тех случаях, когда это представляется уместным, деятельность Комиссии включает «оказание содействия с целью положительного и конструктивного решения проблем, связанных с взаимодействием обычного и государственного права, помогая тем самым решать

вопросы, связанные с будущим коренных народов, этнических и социальных групп, руководствующихся обычным правом, в современном мире».

Деятельность Комиссии проводится в разных направлениях: поддержание сайта, издание журнала «The Journal of Legal Pluralism and Unofficial Law» и других публикаций, организация международных симпозиумов, создание региональных рабочих групп в разных регионах мира и оказание содействия этим группам. В разных странах проходят специальные международные конгрессы, часто обсуждению проблем юридической антропологии посвящаются секции на конгрессах МСАЭН. Распространенной практикой стало проведение международных летних школ по правовому плюрализму, участниками которых становятся студенты, исследователи и активисты. Членство в Комиссии открыто для всех, кто намерен заниматься или занимается серьезным изучением обычного права и правового плюрализма в рамках своей научной или практической деятельности. С деятельностью Комиссии можно познакомиться на ее странице в Интернете. Работа комиссии и в целом сообщества людей, специализирующихся в этой сфере, отличается междисциплинарным подходом. Это не просто юристы и антропологи, работающие вместе или над одними вопросами, это специалисты, которые стараются, оставаясь в рамках своей профессии, познакомиться с методами и данными смежной дисциплины.

Междисциплинарный подход в юридической антропологии стал следствием того, что юристы и антропологи изучают один и тот же объект – то, как люди живут в соответствии или в противоречии с нормами права, то есть жизнь в правовых характеристиках. Взаимодействие разных специальностей при этом не всегда происходит гладко, требуется подчас отказаться от представления о своей науке как самой лучшей, самой комплексной, отвечающей на все вопросы. К. Гирц, описывая сходную ситуацию в исследовании феномена новых государств, отмечал: «Наконец-то даже самым принципиальным ученым изоляционистам стало приходить в голову, что их отрасль знания – это не только специали-

зированная наука, но и такая специализированная наука, которая просто-напросто не может существовать без солидной помощи других специализированных наук... в понимании того, что все мы зависим друг от друга, произошел определенный прогресс»³.

В юридической антропологии существуют различные варианты междисциплинарности. Из наблюдений за работой коллег складывается впечатление, что наиболее удачным является исследование, в котором и полевой сбор материалов, и их анализ проводится двумя специалистами – антропологом и юристом. На секции по юридической антропологии XI Конгресса антропологов и этнологов России 2015 года этот вопрос обсуждался в докладе А. Ивановой и Ф. Штамлера. Авторы назвали это явление «added value» – дополнительный эффект, который мы получаем в результате совместных полевых исследований и правового анализа. Без партнера-юриста антрополог теряет авторитет среди информантов, поскольку люди его могут воспринимать как этнографа, который изучает «лишь культуру». А без партнера-антрополога юрист остался бы без связи с реальной жизнью, проводя правовой анализ без учета каких-либо социально-культурных нюансов, которые и определяют то, как воспринимаются и применяются законы⁴.

Другой распространенной практикой, правда чаще за рубежом, является работа юриста в поле, и затем анализ им же его собственных материалов. Так работают многие члены Комиссии по правовому плюрализму. В нашей стране наиболее распространена практика антропологических полевых исследований, а затем их анализ либо самим антропологом с учетом правовых источников, либо в кооперации с юристами, которые занимаются сходной тематикой, но не проводят сами полевых исследований. В новом учебнике по антропологии права, изданном в Оксфорде в 2013 г., ставится задача показать, что дает междисциплинарный подход и демонстрируются возможности антропологического и юридического анализа многочисленных «case studies» и сравнительных исследований для того, чтобы понять природу права как социальной нормы⁵. В любом случае междисциплинарность является определяющей чертой этого научного направления.

Центром юридико-антропологических исследований являются права человека как универсальная категория, рассматриваемая в историческом и культурном контексте⁶. С этих же позиций анализируются права коренных народов Севера⁷. К сожалению, юридических работ, рассматривающих эту проблему в таком аспекте. немного⁸. Необходимость же таких исследований велика, в том числе и в законотворческой деятельности. Одним из наиболее сложных вопросов при этом становится вопрос о том, как этнографическое знание может стать юридической нормой. Приведу один пример – закон об оленеводстве. Этот законопроект разрабатывался в течение длительного времени и кроме очевидных трудностей в принятии такого акта на федеральном уровне (региональные законы существуют), в рабочей группе было трудно согласовать понимание оленеводства как образа жизни и как отрасли хозяйства. Роль антрополога в такой работе, на мой взгляд, заключается как раз в том, чтобы донести до рабочей группы знания, полученные в ходе полевых исследований, показать культурный контекст юридической нормы. В данном случае показать, что оленеводы не только разводят оленей для получения мяса, а они и их семьи ведут кочевой образ жизни, следовательно, закон должен регулировать не только деятельность пастухов, но и женщин и детей, включать вопросы здравоохранения, социальные гарантии для женщин, обеспечение доступа к образованию для детей и многое другое, что значительно утяжеляет закон, делает его более затратным, но без чего он теряет смысл. Анализ оленеводческих народов российского Севера показывает, что перспективы оленеводства связаны с семейной организацией, а большинство их проблем – с неурегулированностью вопросов пастбищ. Кроме этого, важно, чтобы при создании федерального закона было учтено и региональное законодательство, и обычное право коренных народов. Антропологи, проводя локальные исследования, могут больше знать о том, как работают такие нормы, какие лакуны они оставляют для федерального законодателя.

Еще более острые проблемы возникают в суде, когда нужно защитить права коренных малочисленных народов на ресурсы. В

России трудно убедить суд прислушаться к мнению антропологов в этом вопросе⁹. В Австралии при рассмотрении земельных исков гораздо бо́льшая роль антропологов, но и там возникают проблемы с интерпретацией научных знаний для суда¹⁰, что представляет интерес и для российских ученых. В Австралии судебные процессы вызвали дискуссию о правомочности применения «классических» схем ко всем территориям страны. Исследователи предлагают для основания судебных притязаний опираться на этнографическую реальность, понимаемую как то, что антропологи действительно наблюдали и анализировали и что не противоречит представлениям аборигенов о самих себе¹¹.

История показывает, что часто и судьи, и антропологи строят свои доводы на ставших или считающихся классическими моделях, не учитывая, соответствуют ли они локальным практикам. В России, когда основным источником права является закон, особенно важно, чтобы принятие судебного решения строилось на актуальной этнологической экспертизе. Это также может помочь разрубить гордиев узел представлений об истинных этнографических данных по хозяйственным и обычно-правовым практикам как старинным (существовавшим до начала модернизационных процессов, которые в России связываются с коллективизацией), основанным на натуральном характере хозяйства, чистым от политики и государства.

Отдельную часть юридической антропологии составляет антропологическая критика существующего законодательства как анализ юридических текстов с точки зрения интересов тех групп населения, которые оказываются под воздействием новых нормативных актов. Антрополог может сказать, к каким последствиям приведет, например, внесение изменений в миграционное законодательство в социальную ситуацию в регионе или изменений в языковое законодательство. Этот вопрос должен рассматриваться в контексте социально-экономического и культурного развития локальных сообществ. К сожалению, изменения в ресурсное или экологическое законодательство в последнее время вносятся без учета социокультурных последствий. Одним из таких примеров недавнего прошлого

стало исключение территорий традиционного природопользования коренных малочисленных народов из категории особо охраняемых.

В Институте этнологии и антропологии РАН развитие юридической антропологии явилось в значительной степени восстановлением прерванной в предыдущие годы традиции изучения правового бытия людей и правового многообразия человечества. Особенностью исследований последних лет стала более тесная кооперация и сотрудничество с российскими юристами и с Комиссией по правовому плюрализму МСАЭН, выразившаяся в разработке новых подходов и методов научной работы, расширении исследовательского поля. Главный интерес работающих в этом направлении антропологов сконцентрировался на интерпретации в правовых характеристиках жизни обычных людей, преимущественно наших современников в различных регионах мира. Причем правовое бытие человека рассматривается в поле действия различных правовых систем12, а основными методами исследования являются включенное наблюдение и углубленное интервью.

В 1995 г. в Институте начал работать семинар по юридической антропологии, который объединил сотрудников нескольких академических институтов: Института этнологии и антропологии, Института государства и права, Института востоковедения и Московского государственного университета. Еще раньше проблемы юридической антропологии, связанные с управлением и регулированием жизни коренных малочисленных народов Севера, стали предметом научного интереса некоторых сотрудников института, а затем и более широкого круга исследователей. В журнале «Этнографическое обозрение» была опубликована статья «Этнографы пишут закон: контекст и проблемы» и текст законопроекта о правовом статусе коренных народов Севера, в подготовке которого значительную роль сыграли сотрудники института¹³. Эти материалы положили начало широкой международной дискуссии о правовом статусе коренных народов, их правах на землю и другие природные ресурсы, перспективах, в том числе правовых, их существования в современном мире¹⁴.

Идея семинара появилась в результате наблюдений за тем, как и какие законы готовятся в Государственной Думе, и как антропологи участвуют в этом процессе. Не менее важным представлялись исследования и обсуждения правового бытия людей и отношений, которые складываются в современном обществе в результате действия различных норм. Участники семинара строили свои доклады на материалах полевых исследований в различных регионах страны, а также изучении правового плюрализма как политики государства и научного направления.

Институт стал организатором нескольких конференций, из которых особенно важную роль в становлении юридической антропологии в России сыграл XI Международный конгресс по обычному праву и правовому плюрализму 1997 года в Москве¹⁵. Координирующая роль института заключается в издании книг в серии «Исследования по юридической антропологии», организации секций на конгрессах этнографов и антропологов России, а также проведении международных летних школ. Такие школы проводились в 1999-2010 гг. в содружестве с канадскими, голландскими и норвежскими учеными¹⁶. Чтение лекций предполагало широкое вовлечение слушателей не только в дискуссии, но и в сам путь познания. Занятия представляли собой размышления специалистов, в которых принимали участие и слушатели. В результате они могли познакомиться с методами юридической антропологии, в поле которой встречаются не просто юристы и антропологи, а предполагается синтез двух научных подходов при интерпретации одного текста – правового бытия.

Другой организационной формой юридической антропологии является ее преподавание в университетах студентам юридических и антропологических специальностей¹⁷. Правда, этот предмет обычно является курсом по выбору. Основоположником его преподавания в России стал А.И. Ковлер, по инициативе которого был сначала переведен учебник Н. Рулана¹⁸, а потом издан его собственный учебник для студентов-юристов¹⁹. В значительной степени его научные и методологические подходы были применены и в преподавании юридической антропологии в Центре социально-культурной антропологии в РГГУ²⁰.

Предмет и метод юридической антропологии

Юридическая антропология – научная дисциплина, изучающая правовые формы общественной жизни от архаических до современных в различных регионах мира. Она позволяет изучить новые аспекты права, углубить, конкретизировать и развить знания о праве как специфическом социальном явлении, играющем существенную роль в организации и функционировании общественной жизни людей в разнообразных условиях и на различных этапах истории человечества. В предметную область данной дисциплины входят правовые системы и в целом весь комплекс правовых явлений (все правовые формы в широком смысле этого слова правовые нормы, отношения, идеи и представления, институты, процедуры, способы регуляции поведения, защиты порядка, разрешения конфликтов и т.д.), которые складываются в традиционных и современных сообществах²¹. Юридическая антропология имеет своей целью понять правила поведения в различных обществах, и, отдавая предпочтение юридическому аспекту, заявляет о невозможности изолировать право как таковое, поскольку оно является лишь одним из элементов общей культурной и социальной системы и различным образом воспринимается и реализуется каждой из подгрупп общества²². Внимание к культурному контексту права позволяет юридической антропологии своим основным методологическим приемом считать отстаивание «права на инаковость» индивидов и групп. При этом антропология права рассматривается как наука, основанная на принципе познания взаимодействия традиционных и современных правовых систем, их синтеза – познания, имеющего своей целью адекватное представление о правовом бытии человека²³.

Юридическая антропология возникла на стыке юриспруденции с социальной *антропологией*, социологией, историей, философией. Со второй половины XX века основой ее методологии становится правовой плюрализм (Дж. Вандерлинден, С. Мур, Дж. Гриффитс, С.Мерри, Г. Вудман, К. и Ф. Бенда-Бекманн и др.), рассматриваемый как сосуществование двух и более правовых систем, когда по-

ведение человека, по определению Дж. Гриффитса, соответствует более чем одному правопорядку²⁴. Правовой плюрализм предполагает не только сосуществование, но и взаимовлияние, взаимодействие различных правовых систем, которые создают «полуавтономные социальные поля»²⁵. Разные правовые или нормативные системы изменяются в процессе взаимодействия сами и изменяют друг друга. Уникальность методологии правового плюрализма заключается в том, что независимо от того, принимает ли эту ситуацию государство и научное сообщество, существование и изучение этих правовых систем зависит от «эмпирически наблюдаемого факта использования людьми тем или иным образом нескольких систем права, что выражается в их поведении»²⁶. Складывается новое поле. Многочисленные примеры таких полуавтономных систем дает и российский север²⁷. Ниже это будет показано на примере системы самоуправления на Сахалине.

Сосуществование различных правовых систем может проходить по-разному. Например, в случае с обычным правом, учет правового разнообразия может происходить на материально-правовом и институционном уровне²⁸. Государства могут заявлять о признании обычного права, вменять это своим судам, а могут передавать такие полномочия специальным негосударственным институтам, например, общинным судам. «Если же эти культурно обусловленные правовые нормы, бытующие, как правило, среди этнических или иммигрантских меньшинств, не признаются или даже репрессируются государством, то они все равно составляют часть социальной реальности как малых общин, так и большого сообщества, производя напряженность и противоречия, а иногда — жестокие конфликтых²⁹.

Другим методологическим основанием юридической антропологии являются подходы, разработанные символической интерпретативной антропологией (по К. Гирцу), когда анализ культуры является не экспериментальной наукой в поисках закономерностей, а наукой интерпретации в поисках значений³⁰. Такой подход позволяет опираться на микроисследования и сохранять чувствительность к материалу, учитывая широкий спектр прав и интересов сторон. Культурная интерпретация, по мнению К. Гирца, обладает рядом особенностей, определяемых тем, что теория должна быть ближе к «почве». «Главная цель теоретических построений в данной области – не кодифицировать абстрактные закономерности, а делать возможным "насыщенное" описание; производить обобщение не множества случаев, а в каждом из них». Таким образом, по мнению этого выдающегося ученого, «задача интерпретативной антропологии – не в том, чтобы дать ответ на самые сокровенные наши вопросы, но в том, чтобы дать доступ к ответам других, тех, кто сторожит других овец в других долинах, и тем самым включить эти ответы в единую человеческую летопись, с которой мы сможем консультироваться»³¹. Опираясь на данные теоретические построения, можно представить широкий спектр голосов всех акторов исследовательского поля.

Юридическая антропология направлена на межкультурный (географический и исторический) подход, сравнивая правовые системы различных обществ³². К этому можно добавить, что юридическая антропология изучает правовое бытие людей, рассматривая отношения, возникающие у них в связи с правом или его нарушениями, юридическими конфликтами, часто независимо от этнической принадлежности, когда межэтнические отношения выступают лишь одной из частей интерпретируемого текста. Важнейшей чертой исследований по юридической антропологии является то, что при определении методов изучения особенно очевидным является принцип универсальности, как правовых категорий, применяемых к объектам сравнения³³, так и методов изучения. Последнее особенно важно при проведении полевых исследований правовых отношений или положения какой-то группы, когда мы стараемся выявить всех заинтересованных акторов и задаем им одни и те же вопросы, используем одни и те же методики наблюдения. Для юридической антропологии, как и для всей социальной антропологии, важнейшим методическим приемом является непосредственное наблюдение за правовым поведением людей, то есть антропологи должны быть очевидцами³⁴.

Юридической антропологии наиболее близко либертарно-юридическое правопонимание, предложенное В.С. Нерсесянцем, по ко-

торому право рассматривается как «форма отношений равенства, свободы и справедливости, определяемая принципом формального равенства участников данной формы отношений. Везде, где есть (действует) принцип формального равенства (и конкретизирующие его нормы), есть (действует) право, правовая форма отношений»³⁵. Исходя из этого определения и выделяется сфера правового регулирования. При изучении правового бытия людей юридическая антропология исходит из того, что эти явления не «лежат на поверхности», для создания адекватного представления о них требуется интерпретация всех источников. Существенную часть научного дискурса составляет выявление «юстициабельности» обычаев различных народов. Ж. Карбонье выделил три признака «юстициабельности»: важность разрешаемого дела; возможность разрешения его третьей стороной; реализация нормы обеспечена процессуальными предписаниями. Этот автор отмечает, что «процесс и решение - такие психосоциологические феномены, которые настолько чужды всем социальным неправовым явлениям и настолько специфичны для права, что наиболее правильным представляется избрать именно их в качестве критерия юридического. В соответствии с этим признаком правовыми являются лишь нормы, дающие возможность вынесения решения»³⁶.

В работах некоторых авторов к юридической антропологии относят исследования, в которых решения выносятся на основании самосуда, криминальных и коррупционных схем. Я считаю, что при анализе таких ситуаций определяющим должно быть следование либертарно-юридическому правопониманию, а не формальным нормам «неписанного закона». Только такое представление позволит нам отделить право от неправа. Это не значит, что бандитские сообщества или коррупция не являются предметом изучения, но оценка этих явлений как неправовых является очень важной.

Методы юридической антропологии в конкретных исследованиях

Исследования по антропологии права основаны на сочетании нормативного и процессуального анализа, последний в значитель-

ной степени строится на анализе конкретных дел (case study) и позволяет связать идеальную и реальную стороны права. Обращение к полевым источникам не исключает сбор собственно правовой информации, которая содержится в нормах права и системе законодательства, которые используются в государственном управлении, в правотворчестве и правоприменительной деятельности, в деятельности органов государства, должностных лиц, органов правосудия и самоуправления³⁷.

При изучении правового бытия людей необходимо охватить по возможности все правовое поле, в котором живут те или иные группы. Поэтому юридико-антропологическое исследование коренных малочисленных народов предполагает не только изучение государственного и обычно-правового их статуса в государстве, но и правового положения тех групп, отношения с которыми составляют часть их правового бытия. Для народов Севера это в первую очередь промышленные компании, работающие в местах их проживания. Одним из акторов в таком случае выступает и государство. Предметом исследования становятся нормы международного права, законодательство, регулирующее отношения между промышленными компаниями и коренными народами, документы объединений бизнес-сообщества (нормы корпоративного права, социальные политики компаний, внутренние регламенты и т.п.) и аборигенных народов, а также существующие у последних обычно-правовые нормы традиционного природопользования и социальных отношений. А значит, в отношении коренных малочисленных народов методы юридической антропологии актуальны, так как они всегда находятся в ситуации правового плюрализма. В случае изучения взаимодействия коренных народов и промышленных компаний разнообразие норм может стать площадкой для диалога и не только разрешить, но и предотвратить возможные конфликты³⁸.

В качестве еще одного примера юридическо-правового исследования я привожу анализ аборигенного самоуправления в Сахалинской области. В современных условиях сообщество коренных народов все больше перестает быть объединением людей имеющих общие цели – традиционное природопользование, развитие

языка и культуры и т.п. Хотя нельзя сказать, что эти идеи и стремление к объединению чужды для всех. Некоторые лидеры понимают необходимость участия в управлении ресурсами для поднятия жизненного уровня, создания условий для достойной жизни. Одним из немногих, насколько мне известно, примеров такой деятельности является Поронайский район Сахалинской области. Здесь было создано несколько родовых хозяйств и община Тый. В 1992 г. они по согласованию с рыболовецким колхозом «Дружба» получили в свое пользование 26 км побережья. В 2000 г. была создана артель, которая объединила все хозяйства и смогла создать необходимую базу для занятий рыболовством в современных условиях. Здесь общественными организациями коренных народов, совместно с администрацией была создана система органов самоуправления, расцвет их деятельности приходился на середину 2000-х годов. Разнообразие норм придало эффективность системе, которая строилась на многих факторах, в том числе личных качествах руководителей хозяйств, но нельзя исключать и сложившееся правовое (нормативное) регулирование социальных и хозяйственных взаимоотношений в этом районе.

Постановлением мэра Поронайского района с 2001 г. создан Совет представителей коренных малочисленных народов Севера при администрации (9 человек). В его компетенции находятся вопросы, связанные с выполнением областных и местных программ развития коренных народов, а цели создания определяются как «наиболее полный учет интересов» этих народов. Практическая деятельность совета состоит в распределении выделяемых органами государственной власти и местного самоуправления средств.

Совет ассоциации (Местной ассоциации коренных малочисленных народов Севера Поронайского района) — избранные на общем собрании 12 человек, между которыми распределены обязанности. Так как все аборигены являются членами ассоциации, то этот орган является номинально верховным. Он утверждает, например, положение о Совете родовых хозяйств. Фактически же все органы самоуправления являются скорее равнозначными.

Роль ассоциации в наибольшей степени проявляется во время путины, когда она оказывает содействие в оформлении документов на путину, организовывает постоянное дежурство для контроля на берегу. Ассоциация и органы власти, в первую очередь правоохранительные, стремятся ограничить доступ посторонних на побережье в период путины. Городские аборигены рыбачат в черте города, лицензионный лов для них там ограничен несколькими днями. Дежурные, конечно, не могут сами бороться с криминалом, но они могут вызвать рыбоохрану или милицию. Эта практика стала в тот период нормой на побережье.

Совет родовых хозяйств действует на основании Положения 2002 г., принятого на собрании Совета ассоциации. В него входят главы и председатели родовых хозяйств, общин и национальных предприятий. В Положении закреплены функции этого органа территориального самоуправления:

- содействует трудоустройству коренных малочисленных народов Севера в родовых хозяйствах,
  - оказывает содействие в получении материальной помощи,
  - отстаивает и распределяет лимиты.

Количество родовых хозяйств в районе колеблется, но не превышает 15-16. Родовые хозяйства имеют промысловый участок на побережье – 2 км, право на который закреплено договором с Сахрыбводом. Аборигены получают право на безвозмездное и бессрочное пользование этим участком для ведения промыслового лова и добычи водных растений. Материальная база родовых хозяйств различна и зависит от материальных возможностей, деловых качеств, демографической ситуации и многих других, часто случайных причин. Большинство хозяйств имеют дома, машины, средства лова, а некоторые – и небольшие цеха для переработки продукции. Родовые хозяйства обязаны представлять информацию о своей деятельности, уплате налогов в Совет родовых хозяйств и местную ассоциацию коренных народов. Между родовыми хозяйствами распределяются обязанности по участию в общих мероприятиях. Они также берут на себя обязательства по вылову рыбы для тех аборигенов, которые не могут сделать

это сами (преимущественно пожилые люди, женщины, которые не входят в родовые хозяйства).

Членом хозяйства может быть абориген или человек, имеющий родственные «корни» с членами данного хозяйства. Высшим органом в хозяйстве является общее собрание. Существует родовой совет и главу хозяйства (председателя) выбирают на пять лет. В реальности, насколько я могу судить по своим полевым наблюдениям, все вопросы решают один-два человека. Родовое хозяйство является самостоятельной и самоуправляющейся организацией, деятельность которой регламентируется нормами местного права. В случае возникновения конфликтов, пострадавшая сторона может апеллировать только к общему собранию. В хозяйствах работают менеджеры, которые могут, как быть аборигенами, так и являться людьми любой другой национальности, наемными работниками или членами семьи. Структура родовых хозяйств достаточно аморфна и строится в большей степени на личных, часто устных договоренностях.

Важнейшим инструментом осуществления властных полномочий со стороны Совета родовых хозяйств являлось в этот период распределение лимитов на вылов рыбы. Совет решал вопрос о сокращении или лишении лимитов на основании: не предоставления отчетности, нарушения правил рыболовства три и более раз, не привлечения на работу аборигенов, не внесения взноса, не освоения выделенных ресурсов. Совет следил также за уплатой налогов.

Родовые хозяйства являются юридически оформленными предприятиями, но в повседневности они строят свою деятельность на личных контактах и связях. Хозяйственные отношения опираются на широкие культурные основания, образуемые традициями и обычаями, нормами и ценностями, складывающими специфическую для данного общества трудовую и деловую этику. Функционирование деловых сетей основано на том, что контрактные отношения подкрепляются достаточно развитой системой неформальных взаимных услуг, оказываемых, в том числе, не только на «рыночных» основаниях. Отношения между рыночны-

ми агентами складываются не просто между фирмами, но между представителями этих фирм. Деловые отношения, таким образом, принимают личностную окраску, которая серьезно влияет на процесс принятия ключевых решений³⁹.

В традиционном мировоззрении аборигенов Сибири проблема самоуправления, как представляется по историческим свидетельствам и полевым материалам, в нашем понимании не существовала. Выбор пути развития был предопределен природными условиями и типом хозяйства. Различные народы (или общины) или вступали в отношения обмена, или жили отдельно, автономно, не вмешиваясь в жизнь соседей. В течение длительного времени, когда эти народы осваивали Север, они выработали механизмы взаимоотношений с природой и людьми, нормы их обычного права строились на договоренности между соседями, согласованности действий.

В первых (1991 г.) уставах родовых хозяйств нашли отражение некоторые элементы аборигенного правопонимания: было записано, что природопользование осуществляется на основании обычаев, говорилось о необходимости соблюдения «действующих и необходимых правил». Собрание родового хозяйства в том числе, «утверждает негласные правила внутреннего распорядка, поведения и соблюдения норм нравственности и морали во взаимоотношениях между членами родового хозяйства и общества». Впоследствии уставы стали более формальными, написанными скорее в рамках гражданского кодекса и других нормативных документов, принятых государственными органами. Хотя в повседневной регламентации жизни аборигены используют некоторые традиционные нормы. Можно сказать, что в Поронайском районе сложилась система непосредственной демократии как одно из проявлений народовластия. Непосредственная демократия рассматривается как принятие всеми гражданами или населением определенной административной единицы решения, обязательного для государственных органов. При этом при политическом самоуправлении наблюдается гибкое сочетание деятельности государственных и общественных организаций, форм представи-

тельной и непосредственной демократии. Следует подчеркнуть, что в связи с деформацией социальных институтов и отношений усиливаются внутренние противоречия, которые всегда имеются в нормативной системе. Из-за несовпадения нормативных требований с реальными условиями жизни конкретных индивидов, социальных групп быстро возникает «двойная мораль», при которой противоречивые нормы используются одним и тем же лицом (социальной группой) для разных целей и в разных (противоположных) ситуациях.

Именно на этой основе и возникает так называемое «теневое нормотворчество», т.е. создание неофициальных правил поведения, которыми тем не менее руководствуются значительные группы населения⁴⁰. Они могут быть двоякого свойства – нормы обычного права и нормы криминальных групп, которые в значительной степени контролируют рыболовный промысел. Можно сказать, что аборигены Поронайского района стремятся строить свою деятельность на основании местного права как системы правовой регламентации на местном уровне независимо от источника происхождения. В вопросах, касающихся аборигенного самоуправления, эта система представляет собой синтез обычного права и позитивного законодательства. При этом основным механизмом осуществления властных полномочий аборигенных органов является распределение квот. Именно этот «административный ресурс» цементирует всю систему. И пока эта практика будет восприниматься населением как справедливая, он сможет действовать. При возникновении конфликтов, а они неминуемо возникают, Совет родовых хозяйств действует авторитарно, но постепенно складывается система разрешения жизненных ситуаций на правосудных началах. Очень верно подобные ситуации характеризует С.С. Алексеев: «В противовес распространенным представлениям об обычном праве как о примитивном, архаичном и исторически преходящем явлении, есть достаточные основания рассматривать обычное право в качестве рожденного самой жизнью классического образиа совместимости, казалось бы несовместимых качеств права: его свойства жесткого организма (институционности) и особенностей

живого права. Ведь нормы обычного права являются нормативной основой *правовых решений* жизненных ситуаций»⁴¹.

Я привела этот пример, потому что он показывает ситуацию правового плюрализма. Рассматриваемые отношения регулируются как государственным правом, региональными актами, но и местным локальным обычным правом, более того, именно восприятие их как равных, справедливых и придавало системе устойчивость. К сожалению, государство все больше лишает аборигенов самостоятельности в решении вопросов контроля за ресурсами и их распределения, что приводит не только к снижении уровня их жизни, но и усилению неправовых отношений, конфликтов и криминализации рыболовства.

Профессиональная этика и прикладные аспекты юридической антропологии

Важным аспектом этой дисциплины являются вопросы этики ученого. Именно при юридико-правовом исследовании важно соблюдать определенные правила, так как в этом исследовании затрагиваются острые вопросы, касающиеся прав людей, жизнь которых изучается, поэтому очень важно не навредить своей работой, установить взаимную заинтересованность в ее результатах. Вопрос об этических нормах работы антрополога, проводящего подобные исследования, дискуссионным. На мой взгляд, такие нормы могут быть скорее полезными для нашей работы. Но это возможно, если воспринимать право как необходимую форму свободы, как равенство, в данном случае не только перед судом, но и в установлении партнерских отношений с аборигенами. Ведь своей работой мы активно вмешиваемся в их жизнь, наши статьи и книги часто оказывают влияние на законодательство и политику в отношении этих народов. Когда я проводила полевые исследования в Канаде, я получала лицензию. В самолете по дороге в г. Инувик, я познакомилась с одной местной женщиной гвитчин. Я поделилась с ней своими волнениями, связанными с получением этого разрешения, необычного для российского

антрополога. Она сказала, что лицензия – это не ограничение, а тем более не запрет на работу, а *«проявление уважения к нам»*.

Вопрос о возможностях и границах такого партнерства в сфере юридической антропологии связан с особой чувствительностью проблемы традиционных знаний и культурного наследия в связи с правовым положением коренных народов. Для исследователя установление партнерских отношений с местным сообществом, их взаимная заинтересованность в результатах работы часто становятся необходимыми условиями ее успеха. Ведь для того, чтобы люди рассказывали нам о совершенных правонарушениях и их причинах, отношении к ним в аборигенном и шире, локальном сообществе, они должны понимать, зачем проводится это исследование и в чем будет заключаться его смысл для них.

Вопрос о том, как может быть получена информация и какие ограничения существуют для ученых (кроме личных принципов), недостаточно обсуждается в российском научном сообществе, но эти проблемы должны рассматриваться как важная часть профессиональной подготовки антропологов. Вероятно, и в России, как, например, на Севере Канады обязательным требованием при полевых исследованиях должно стать получение разрешения информанта на публикацию и указание его личных данных. Еще один аспект этой проблемы связан с тем, что юридического антрополога часто воспринимают «адвокатом». При большом разнообразии интересов внутри изучаемых обществ, исследователю легко стать ангажированным. Информанты подчас слишком хорошо знают, что они хотят получить от исследователя, они создают не только «образы права», но и «образ юридико-антропологического исследования». С другой стороны, исследование по юридической антропологии часто носит прикладной характер уже по тому, как оно воспринимается читателями и какие с ним связаны ожидания информантов. Поэтому излишняя, на мой взгляд, шифровка не всегда оправдана. Я имею в виду изменение названия места проведения полевых работ. Конечно, указание на конкретных информантов должно быть согласовано с ними. В конечном итоге, это вопрос личного выбора исследователя, но мой опыт говорит о том, что значение, в том

числе и академическое, работы может быть снижено в результате такой шифровки.

Юридическая антропология выступает как фундаментальная наука, которая изучает правовой процесс, чтобы дать адекватное представление о правовом бытии человека. Одновременно с этим, и как прикладная наука, стремящаяся создать законодательство, чувствительное к образу жизни людей, который регулируется различными нормами. Это в первую очередь относится к статусу коренных малочисленных народов, меньшинств, женщин, детей, вопросов культурной обусловленности прав человека. Для большей эффективности наших знаний в правозащитной деятельности важно сочетать научные академические подходы и профессиональную этику, процессуальный и нормативный анализ. Опыт показывает, что в юридико-антропологических исследованиях междисциплинарный подход позволяет учесть достоинства различных отраслей знания.

Примечания

- 1 Карбонье Ж. Юридическая социология. М., 1986. С. 61.
- ² Commission on Legal Pluralism. URL: http://commission-on-legal-pluralism. com
- ³ Гири К. Интерпретация культур. М., 2004. С. 382.
- ⁴ Иванова А.Н., Штамлер Ф. Юридическая антропология. Междисциплинарный анализ восприятия регулирования добывающей промышленности // XI Конгресс антропологов и этнологов России. Сборник материалов. М.; Екатеринбург, 2015. С. 413.
- ⁵ *Pirie F.* The Anthropology of Law. Oxford, 2013.
- 6 Права человека: итоги века, тенденции, перспективы / отв. ред. Е.А. Лукашева. М., 2002; Ковлер А.И. Антропология права. М., 2002.
- ⁷ Новикова Н.И. Охотники и нефтяники. Исследование по юридической антропологии. М., 2014.
- Гоголев П.В. Конституционно-правовые основы государственной политики в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России. М., 2014.
- ⁹ Новикова Н.И., Якель Ю.Я. Судебная защита права на традиционное природопользование: антрополого-правовые аспекты // Исследования по прикладной и неотложной этнологии ИЭА РАН. № 189. М.,2006.

Дусе Л., Гласкин К. Антропология, прецедентное право и австралийские «общества»// Социальная антропология во Франции. XXI век. М., 2009. С. 157–181.

- ¹¹ Там же. С. 168.
- Тишков В.А. Антропология права начало и эволюция дисциплины // Юридическая антропология. Закон и жизнь. М., 2000. С. 7, 10–11.
- 13 Соколова З.П., Новикова Н.И., Ссорин-Чайков Н.В. Этнографы пишут закон: контекст и проблемы // Этнографическое обозрение. 1995. № 1. С. 74–89.
- ¹⁴ Дискуссия // Этнографическое обозрение. 1995. № 2, 3, 6; 1996. № 1, 2.
- Обычное право и правовой плюрализм. (Материалы XI Международного конгресса по обычному праву и правовому плюрализму, август 1997 г.) / отв. ред. Н.И. Новикова, В.А. Тишков. М., 1999.
- Человек и право. Книга о Летней школе по юридической антропологии / отв. ред. Н.И. Новикова, В.А. Тишков. М., 1999; Обычай и закон. Исследования по юридической антропологии / отв. ред. Н.И. Новикова, В.А. Тишков. М., 2002; Олень всегда прав. Исследования по юридической антропологии / отв. ред. Н.И. Новикова. М., 2003; Право в зеркале жизни. Исследования по юридической антропологии / отв. ред. Н.И. Новикова. М., 2006; Люди Севера (права на ресурсы и экспертиза). Исследования по юридической антропологии / отв. ред. Н.И. Новикова. М., 2008.
- 17 Ковлер А.И. Юридическая антропология как учебная дисциплина // Номо Juridicus. Материалы конференции по юридической антропологии. М., 1997. С. 58–66; Новикова Н.И. Антропология права: предмет и метод учебной дисциплины // Народы и культуры Сибири: изучение, музеефикация, преподавание. Омск, 2005. С. 316–326.
- 18 Рулан Н. Юридическая антропология. М., 1999.
- 19 Ковлер А.И. Антропология права ...
- ²⁰ Новикова Н.И. Введение в антропологию права // Антропологическая наука в высшей школе. М., 2006. С. 5–9.
- ²¹ Нерсесянц В.С. Юридическая антропология как наука и учебная дисциплина. Предисловие // Рулан Н. Юридическая антропология. М., 1999. С. 1–2.
- 22 Рулан Н. Юридическая антропология ... С. 9.
- ²³ Ковлер А.И. Антропология права ... С. 23.
- ²⁴ Griffiths J. What is legal pluralism? // Journal of Legal Pluralism. 1986.
  № 19. P. 3.

- Moor S.F. Law and social change: the semi-autonomous social field as an appropriate subject of study // Law and Society Review. 1973. P. 719–746; Бенда-Бекманн К. Зачем беспокоиться о правовом плюрализме? Вопросы изучения и осуществления политики правового плюрализма // Обычное право и правовой плюрализм. М., 1999. C. 12.
- ²⁶ Бенда-Бекманн К. Зачем беспокоиться ... С. 10.
- ²⁷ *Новикова Н.И.* Охотники и нефтяники ...
- ²⁸ Вудман Г. Теория права, антропология и плановый правовой плюрализм // Обычное право и правовой плюрализм. М., 1999. С. 18; Он же. Оценочные и стратегические перспективы планового правового плюрализма // Человек и право. Книга о Летней школе по юридической антропологии. М., 1999. С. 115; Бенда-Бекманн К. Зачем беспокоиться ... С. 11.
- ²⁹ *Тишков В.А.* Антропология права ... С. 12.
- ³⁰ *Гирц К.* Интерпретация культур ... С. 11.
- ³¹ Там же. С. 33–35, 40.
- ³² *Ковлер А.И.* Антропология права ... С. 28.
- ³³ Там же. С. 33.
- ³⁴ *Леви-Строс К.* Структурная антропология. М., 1983. С. 331.
- 35 *Нерсесянц В.С.* Юриспруденция. Введение в курс общей теории права и государства. М., 1998. С. 5.
- ³⁶ Карбонье Ж. Юридическая социология ... С. 164–175.
- ³⁷ Драма российского закона. М., 1996. С. 106–111.
- 38 Новикова Н.И. Охотники и нефтяники ...
- Радаев В. Неформальная экономика и внеконтрактные отношения в российском бизнесе. Подходы к исследованию неформальной экономики // Неформальная экономика. Россия и мир / Ред. Т. Шанин. М., 1999. С. 35–60.
- ⁴⁰ *Кудрявцев В.Н., Казимирчук В.П.* Современная социология права. М., 1995. С. 39, 43, 45.
- 41 Алексеев С.С. Право на пороге нового тысячелетия: Некоторые тенденции мирового правового развития – надежда и драма современной эпохи. М., 2000. С. 107.

Список литературы

Алексеев С.С. Право на пороге нового тысячелетия: Некоторые тенденции мирового правового развития — надежда и драма современной эпохи. М., 2000.

Бенда-Бекманн К. Зачем беспокоиться о правовом плюрализме? Вопросы изучения и осуществления политики правового плюрализма // Обычное право и правовой плюрализм. М., 1999. С. 9–13.

- Вудман Г. Оценочные и стратегические перспективы планового правового плюрализма // Человек и право. Книга о Летней школе по юридической антропологии. М., 1999. С. 112–117.
- Вудман Г. Теория права, антропология и плановый правовой плюрализм // Обычное право и правовой плюрализм. М., 1999. С. 13–20.
- Гирц К. Интерпретация культур. М., 2004.
- Гоголев П.В. Конституционно-правовые основы государственной политики в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России. М., 2014.
- Дискуссия // Этнографическое обозрение. 1995. № 2, 3, 6; 1996. № 1, 2. Драма российского закона. М., 1996.
- Дусе Л., Гласкин К. Антропология, прецедентное право и австралийские «общества» // Социальная антропология во Франции. XXI век. М., 2009. С. 157–181.
- Иванова А.Н., Штамлер Ф. Юридическая антропология. Междисциплинарный анализ восприятия регулирования добывающей промышленности // XI Конгресс антропологов и этнологов России. Сборник материалов. М.; Екатеринбург, 2015. С. 413
- Карбонье Ж. Юридическая социология. М., 1986.
- Ковлер А.И. Антропология права. М., 2002.
- Ковлер А.И. Юридическая антропология как учебная дисциплина // Номо Juridicus. Материалы конференции по юридической антропологии. М., 1997. С. 58–66.
- *Кудрявцев В.Н., Казимирчук В.П.* Современная социология права. М., 1995. *Леви-Строс К.* Структурная антропология. М., 1983.
- Люди Севера (права на ресурсы и экспертиза). Исследования по юридической антропологии / отв. ред. Н.И. Новикова. М., 2008.
- *Нерсесянц В.С.* Юридическая антропология как наука и учебная дисциплина. Предисловие // Рулан Н. Юридическая антропология. М., 1999. С. 1–2.
- *Нерсесянц В.С.* Юриспруденция. Введение в курс общей теории права и государства. М., 1998.
- Новикова Н.И. Антропология права: предмет и метод учебной дисциплины // Народы и культуры Сибири: изучение, музеефикация, преподавание. Омск, 2005. С. 316–326.

- Новикова Н.И. Введение в антропологию права // Антропологическая наука в высшей школе. М., 2006. С. 5–9.
- *Новикова Н.И.* Охотники и нефтяники. Исследование по юридической антропологии. М., 2014.
- Новикова Н.И., Якель Ю.Я. Судебная защита права на традиционное природопользование: антрополого-правовые аспекты // Исследования по прикладной и неотложной этнологии ИЭА РАН. № 189. М., 2006.
- Обычай и закон. Исследования по юридической антропологии / отв. ред. Н.И. Новикова, В.А. Тишков. М., 2002.
- Обычное право и правовой плюрализм. (Материалы XI Международного конгресса по обычному праву и правовому плюрализму, август 1997 г.) / отв. ред. Н.И. Новикова, В.А. Тишков. М.,1999.
- Олень всегда прав. Исследования по юридической антропологии / отв. ред. Н.И. Новикова. М., 2003.
- Права человека: итоги века, тенденции, перспективы / отв. ред. Е.А. Лукашева. М., 2002.
- Право в зеркале жизни. Исследования по юридической антропологии / отв. ред. Н.И. Новикова. М., 2006.
- Радаев В. Неформальная экономика и внеконтрактные отношения в российском бизнесе. Подходы к исследованию неформальной экономики // Неформальная экономика. Россия и мир. Ред. Т. Шанин. М., 1999. С. 35–60.
- Рулан Н. Юридическая антропология. М., 1999.
- Соколова З.П., Новикова Н.И., Ссорин-Чайков Н.В. Этнографы пишут закон: контекст и проблемы // Этнографическое обозрение. 1995. № 1. С. 74–89.
- *Тишков В.А.* Антропология права начало и эволюция дисциплины // Юридическая антропология. Закон и жизнь. М., 2000. С. 7, 10–11.
- Человек и право. Книга о Летней школе по юридической антропологии / отв. ред. Н.И. Новикова, В.А. Тишков. М., 1999.
- Commission on Legal Pluralism. URL: http://commission-on-legal-pluralism.com. *Griffiths J.* What is legal pluralism? // Journal of Legal Pluralism. 1986. № 19. P. 1–55.
- *Moor S.F.* Law and social change: the semi-autonomous social field as an appropriate subject of study // Law and Society Review. 1973. P. 719–746. *Pirie F.* The Anthropology of Law. Oxford, 2013.

Основные направления исследований деятельности СМИ в полиэтничном пространстве*

Сейте разумное, доброе, вечное. Сейте! Спасибо вам скажет сердечное Русский народ...

Н.А. Некрасов. Сеятелям (1877)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Начало XXI века стало для нашей страны трудным, но интересным временем. В этот период принимаются многие стратегические решения о развитии страны, идут реформы и преобразования в разных общественных сферах. Несмотря на многочисленные трудности и экономические санкции, Россия укрепляет свои позиции и как ведущая мировая держава. На этом фоне особенно необходима социально-политическая и общественная стабильность в стране, межэтническое спокойствие и межконфессиональное согласие. В этих условиях усиливается необходимость формировать у населения не только стремление улучшать жизнь своей семьи и своих близких, но и укреплять общероссийскую идентичность, гражданскую ответственность и патриотизм. Ученые-обществоведы неоднократно отмечали огромную роль прессы, радио, телевидения в формировании взглядов и представлений населения в сфере межнациональных отношений¹. Поэтому гражданская миссия СМИ, журналистов и других авторов массовой информации, их влияние на общественную атмосферу, на массовые представления людей, на их самосознание и повеление становятся еще более значимыми и

^{*} Работа выполнена в рамках проекта РНФ «Измерение рисков межэтнических отношений в регионах Российской Федерации: разработка теории и междисциплинарного подхода» №14-18-03090. Руководитель проекта — академик В.А. Тишков.

ответственными. Это относится ко всем сферам жизни россиян, в том числе и к межэтническим отношениям.

Как известно, в настоящее время СМИ (пресса, радио, телевидение, интернет и другие каналы) играют очень заметную общественную роль. Именно поэтому они и находятся в центре общественного и научного внимания. Актуальные материалы СМИ обсуждаются, копируются и распространяются в массовом сознании, влияя на общественные настроения и общую атмосферу в стране. И это никак не может остаться без внимания аналитиков, изучающих разные аспекты процессов массовой коммуникации.

Обзор информации о многочисленных центрах, изучающих СМИ, показывает их довольно широкую географию. В нашей стране основные центры изучения СМИ, и в целом – коммуникативных процессов и явлений – это российские университеты, прежде всего – журналистские и филологические факультеты и специальные институты при них. В настоящее время феномен массовой коммуникации (включая производство массовой информации, способы ее презентации и восприятия) особенно активно изучают в таких центрах как: МГУ, СПбГУ и во многих других российских вузах. В университетах и институтах Нижнего Новгорода, Воронежа, Ростова-на-Дону, Ставрополя, Новосибирска, Омска, Екатеринбурга, а также в Удмуртском, Казанском, Мордовском, Бурятском, Хакасском, Северо-Восточном (Якутия), Северо-Кавказском (Ставрополь) и других высших учебных заведениях не просто готовят квалифицированные кадры для работы на всех информационных каналах, но и проводят немалую исследовательскую работу по разнообразным проблемам массовой коммуникации. Но, кроме университетских, немало исследовательских центров, связанных с изучением средств массовой коммуникации и информации, ведут работу и в научных институтах других ведомств, прежде всего в институтах РАН (этнологи, социологи, филологи, психологи, культурологи, юристы и др.).

Наиболее актуальные проблемы, которые интересуют в настоящее время всех исследователей в этой области, связаны, прежде всего, с общими теориями коммуникативных процессов и с

этическими проблемами деятельности журналистов. Отметим, что специалисты разных научных направлений делают свои собственные акценты в изучении общих коммуникативных проблем. Например, журналисты и филологи, наряду с изучением теории массовых коммуникаций и техники подготовки журналистских материалов, наряду с изучением истории отечественных СМИ, также рассматривают и роль самих СМИ в мировых процессах и в разных социальных пространствах, интересуются общими проблемами межкультурной коммуникации, взаимодействием и перспективами развития новых и традиционных СМИ. Социологи свои первые исследования в 1960-х-1970-х годах начинали с изучения техники и методики коммуникативных процессов². Этносоциологи, в том числе и в ИЭА РАН, одними из первых в нашей стране в эти же годы сосредоточили свое внимание на этнических и этноконфессиональных аспектах жизни, освещаемых в СМИ разных этнонациональных регионов. В частности, в ИЭ АН СССР (так в советское время назывался наш институт) еще на рубеже 1960-х-1970-х годов впервые в стране было обращено внимание на роль СМИ в формировании массовых представлений и установок людей, в ориентации их массового сознания на этническое обособление или на общегражданскую интеграцию³. Первые работы по изучению деятельности отечественных СМИ (особенно прессы) касались освещения двух важных в то время общественных феноменов – соотношения в СМИ советских республик феноменов «национального и интернационального» и их конкретного наполнения⁴. Напомним, что в советское время в нашей стране, и, в первую очередь, в СМИ, официально воспевались идеи интернационализма, и именно интернациональная тематика должна была доминировать в публикациях прессы, в радио и телепередачах. Но на практике иногда допускались некоторые перекосы, что и отразили наши тогдашние исследования⁵. Бесспорно, деятельность российских СМИ по освещению разных аспектов межэтнических отношений - один из важных и для современного общества вопросов. Этот вопрос актуален и серьезен для любого многонационального региона любой страны, где проживают представители разных национальностей.

* * *

Одно из непременных условий существования стабильного демократического общества, которое мы пытаемся построить в нашей стране, — это межэтническое и межконфессиональное согласие граждан, независимо от их национальной или конфессиональной принадлежности. Люди должны понять и принять факт, что наш мир многомерен и многообразен, что в нем, в разных странах живут представители разных рас, конфессий и национальностей. Люди сохраняют и развивают свои собственные национальные или этнические культуры, нормы поведения, свои ценности и привычки, если они не мешают другим. Человек, живущий по принципам толерантности, спокойно и с интересом воспринимает все это многообразие, уважая в рамках закона права и свободу других людей. Это — нормальная модель взаимоотношений людей, народов и стран. И как самая оптимальная, она будет развиваться и дальше.

А СМИ – пресса, радио, ТВ – один из важных факторов, прямо влияющих на формирование поведения, взглядов и представлений людей. Освещая реальную жизнь, они непременно распространяют в общественном пространстве определенные *ценности*, *образы*, *ориентиры и идеи*. Это относится к разным областям жизни, включая и сферу межэтнических отношений. Таким образом, для элит, владеющих и руководящих каналами массовой информации (а это политики, бизнесмены, журналисты и другие), СМИ – это важный инструмент формирования массового сознания и регулирования общественных отношений. От их гражданской позиции и ответственности в большой мере зависит – будет ли в стране или в регионе межнациональный мир или будет поддерживаться межнациональная рознь.

В идеале демократические СМИ должны способствовать тому, чтобы межэтническое согласие стало обыденной нормой общественного сознания и поведения людей. Однако на практике мы видим, что этническая информация, передаваемая в массовое сознание через современные российские СМИ, по воле идеологов

и стоящих за ними политиков или других спонсоров, может быть толерантной, а может быть и конфликтной. То есть, распространяемая через СМИ этническая информация может способствовать стабильности и спокойствию в обществе, сплачивая полиэтничное население, но может его и разъединять. В настоящее время это наблюдается во многих уголках России и всего мира. Опасность заключается в том, что СМИ и журналисты нередко используют простые этнокультурные особенности людей в политических целях. И это может привести к разрастанию в обществе национал-экстремизма и к межэтническим конфликтам. Иными словами, СМИ могут уводить массовое сознание от идей равенства всех этносов перед законом — к идеям приоритетов и льгот для одних и ограничений для других, к идеям шовинизма, национал-фашизма и расизма.

Следует сказать, что после распада СССР сама тематика межкультурного взаимодействия, в том числе и связанного с межэтническим и религиозным разнообразием человечества, быстро захватила представителей разных научных направлений. Внимание этим проблемам стали уделять философы, психологи, историки, филологи, социологи, юристы, а порой – и сами журналисты⁶. И исследовательских направлений в этой области множество. В настоящее время актуальными темами остаются следующие: технологические проблемы развития СМИ (включая интернет), их роль в общественном пространстве, этические проблемы деятельности журналистов (в том числе – соблюдение прав человека) и т.д. Но. кроме того, в центре внимания исследователей остается исследование самой массовой информации, распространяемой через СМИ. Это – освещение жизни и деятельности разнообразных макро- и микросообществ, их взаимодействие и взаимовлияние, создание групповых и индивидуальных образов, брендинг территорий и имиджмейкерство, межэтнические и другие конфликты и их урегулирование с помощью СМИ; освещение проблем массовых миграций, преступность (в том числе этническая), коррупция, терроризм, войны и «горячие точки», а также бизнес, спорт, туризм, реклама и другое⁷. И большинство этих проблем нередко

связано с этническими или конфессиональными особенностями людей.

На прошедшем в июле 2015 г. XI Конгрессе антропологов и этнологов России «Контакты и взаимодействие культур» (Екатеринбург) среди многочисленных секций и круглых столов работала и секция «Антропология медиа», давно уже ставшая традиционной для этнологических конгрессов и конференций. Работа секции была организована и проходила под руководством академика В.А. Тишкова и доктора исторических наук В.К. Мальковой. В ее работе приняли участие ученые из России, Белоруссии, Киргизии, Украины, Франции. И это обычная картина для такого рода симпозиумов в нашей научной практике. В этот раз обсуждались в основном два блока вопросов: этническая деятельность СМИ (включая интернет и кино) и направления и результаты изучения их деятельности в этнологии, этносоциологии и других научных сферах. Представленные доклады и последующие дискуссии, а также обзор научной литературы за последние годы позволили сделать некоторые общие выводы о проблемах современной деятельности СМИ и их роли в поликультурном сообществе.

Научное исследование этнической деятельности современных традиционных СМИ (главным образом – прессы) идет в России, как и в других странах, в нескольких основных направлениях. Исследователи рассматривают: техническое и социокультурное значение феномена всех медиа каналов для различных этнических сообществ, структуру СМИ в разных регионах и социумах, этноязыковую и этнокультурную направленность информации. При этом выделяется ряд важных исследовательских направлений: «Освещение этничности в традиционных СМИ – в прессе, радио и телепередачах»; «Этническая деятельность в интернете»; «Современное кино и этничность»; «Актуальные проблемы этнической журналистики». Разрабатываются также теоретико-методологические подходы к исследованию этнически окрашенных публикаций СМИ, анализируются масштабы, формы и сферы взаимодействия народов и культур, представляемые в центральных и региональных СМИ, сопоставляется толерантное и конфликтное осве-

щение межэтнического, межрелигиозного и межгосударственного взаимодействия в разных каналах региональных и центральных СМИ. В 1990–2000-е годы в СМИ также активно изучался «язык вражды». В последние годы стали более активно разрабатывать и технологии конструирования в СМИ образов своего и других этносов, а также образов своих и иных территорий, своих и иных лидеров и героев. Немаловажным остается выявление того, как, с кем и в каких сферах отражают взаимодействие народов центральные и региональные СМИ, каково место и общественная роль этнических и земляческих сообществ (включая интернет-сообщества) в современном информационном пространстве. Все эти и другие ракурсы рассмотрения деятельности медиаканалов являются важными и актуальными для изучения современного полиэтничного общественного пространства.

В отдельных случаях обществоведов, связанных с проблемами этнических или конфессиональных особенностей населения, в первую очередь интересуют формы и способы медийного освещения этнокультурной жизни народов, их современного, а порой и традиционного образа жизни, фрагменты материальной культуры и другие явления, которые так или иначе окрашены этничностью. Наши исследования показывают незаметные на первый взгляд, но очень значимые для людей различия в освещении их этнополитической и этнокультурной жизни в СМИ разных уровней. Например, если в центральной прессе страны в последние годы такие сюжеты о народах России встречаются нечасто, то СМИ российских республик уделяют этому немалое внимание. При этом журналисты, а за ними и местные исследователи, сосредоточиваются в основном на представителях титульных этносов.

Еще одно из важных направлений исследований — изучение особенностей освещения в СМИ межэтнических и межконфессиональных отношений. И в самом деле, для оптимизации социально-культурного развития страны важно знать, на что направляется общественное внимание россиян в разных ее регионах — на взаимодействие и сотрудничество народов или на поддержание напряженности и конфликтности в обществе. Здесь исследовате-

ли нередко сосредоточивают свое внимание на этических проблемах деятельности СМИ и журналистов в частности, на участии их в распространении толерантной или конфликтной информации, на поддержании в обществе мира и согласия или напряженности⁸.

Наши исследования прессы разных регионов фиксируют определенные различия и по этому направлению в центральных и региональных СМИ⁹. Если в центральной прессе мы видим пристальное внимание СМИ и журналистов к тревожно-конфликтной информации, то в региональной прессе в последние годы внимание журналистов, а вслед за ними и исследователей, к конфликтной межэтнической тематике заметно ослабло, хотя и не исчезло совсем

Один из интереснейших для науки и для практики вопрос - способы и формы медийного формирования идентичностей - этнической, региональной, общероссийской. Они также находятся в центре внимания ученых – этнологов, этнополитологов и этнопсихологов. Иными словами, ученых интересует, какие информационные приемы и механизмы используют журналисты, СМИ и политики для влияния на формирование этнического, регионального и общероссийского самосознания? Какие информационные акценты делаются современными журналистами и другими идеологами в СМИ разных регионов страны? Исследования центральных СМИ показывают заметное противостояние здесь разных групп идеологов, отстаивающих или пророссийские, или либерально-космополитические идеи и взгляды. И не просто отстаивающих свои позиции, а распространяющих их в общественном пространстве и таким образом влияющих на общественное сознание. А издания российских регионов в последние годы, и даже десятилетия, заметно ослабили свое внимание к общероссийской тематике и концентрируют внимание населения преимущественно на своих местных культурно-бытовых сюжетах. В республиках внимание СМИ смещается на проблемы титульных этносов, на сохранение и развитие их этнокультурных особенностей ^{10} .

Освещение в прессе этнополитических процессов и ситуаций – также одно из важнейших направлений современных на-

учных медиаисследований. Анализ информации прессы выявил определенную динамику в освещении этих сюжетов в российских СМИ. В частности, можно отметить умолчание в последние годы или лишь краткие упоминания о сложностях и общественной напряженности в этнополитической обстановке некоторых регионов страны.

Проблемы инокультурной миграции – очень важная тема для российских СМИ. И особенности ее медийного освещения исследователи, конечно же, не могли оставить без внимания. На протяжении уже более чем двух десятилетий этому посвящалось множество научных работ. В Институте этнологии и антропологии РАН также проводился ряд исследований, связанных с освещением миграционных процессов в СМИ. Результатом этой работы стали многочисленные монографии и статьи, в которых не только отражены особенности массового переселения в Россию мигрантов из зарубежных стран, но и процессы внутренней миграции, взаимодействие мигрантов и принимающего сообщества¹¹. Формирование новых диаспор в разных регионах страны, рост новых этнических элит и активизация их деятельности» - также одно из направлений медиаисследований 12. Особое внимание исследователи уделяют и этической стороне деятельности журналистов, освещающих эти процессы¹³.

Научный анализ выявляет и заметные недоработки в деятельности наших СМИ по выполнению средствами массовой информации их общественно важных функций. В частности, анализ роли современных СМИ в консолидации народов России и в формировании общероссийского гражданского сознания показал, что СМИ не задействуют свой большой публицистический потенциал. Исследования республиканских изданий последнего времени, например, фиксируют их определенную общественную робость и пассивность, зависимость журналистов от местных властей. Это мешает им самостоятельно ставить и рассматривать важные вопросы о состоянии и развитии местных сообществ, о единстве и общности россиян, о самой России и ее народах, об их общих ценностях, богатствах и общих целях – жить в стабильной

и высоко развитой стране. В центральных СМИ наоборот, ведутся оживленные дискуссии о судьбе страны, наблюдается разнообразие точек зрения о таких понятиях, как *«патриотизм»*, *«любовь к родине»*, *«защита ее интересов»*.

В последнее время активизировались исследования этнической деятельности, связанной с интернет-информацией. Ученые еще раз продемонстрировали большое внимание к интернет-сайтам, ориентированным на этнические аудитории, сюжеты и явления¹⁴. В разных регионах страны изучается организация интернет-сообществ, созданных по этническому или конфессиональному признаку. В частности, исследуются основные направления их деятельности, рассматривается структура этих сообществ, их цели и их роль в сохранении и мобилизации этничности. Мы можем отметить актуальность и научную перспективность данных исследований для этнологической науки и для понимания этнокультурных и этнополитических процессов, проходящих в настоящее время в России.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Что такое этническая информация? В последние десятилетия через российские и многие мировые СМИ большим потоком в массовое сознание передается так называемая этническая информация. Что это такое? Этническая информация – это, прежде всего, упоминания в публикациях о народах и странах, о национальных или этнических обычаях и ценностях. Это, конечно, и безграничное поле этнической политики и межэтнического взаимодействия, это и информация об этнической экономике, о спорте и медицине, педагогике и других сферах общественной жизни. Но, кроме того, этничность в СМИ – это еще и очень трудноуловимые явления, связанные с этнической психологией людей - чувствами, эмоциями, представлениями. Этническая информация – спокойная или гневная, сочувствующая или осуждающая, серьезная или насмешливая может быть позитивной и толерантной, нейтральной или конфликтной, и в зависимости от этого, по-разному влиять на разных людей и их мировоззрение

Основными признаками «этнической информации» в газете или в передачах радио и ТВ являются упоминания этнонимов, например: узбекский, татарский, немецкий, английский, русский и т.д. В некоторых случаях условными маркерами этничности могут быть упоминания стран или республик (например: Грузия, Белоруссия, Казахстан, Татарстан), а также — употребление слов, связанных с этничностью: шовинизм, национализм, национал-экстремизм, ксенофобия, национал-фашизм и др.

Важно подчеркнуть, что этническая информация, передаваемая через прессу, радио, ТВ, может выполнять очень гуманную, толерантную миссию. Она просвещает людей, информирует их, развлекает, может организовать на добрые дела, и выполняет еще много других полезных функций. Из этого источника люди узнают много нового не только о жизни других народов — этносов, но нередко — и о своем собственном. Подобная этническая информация воспитывает у респондентов интерес и уважение к другим народам, к их жизни и достижениям. Позитивная этническая информация о своем собственном народе-этносе также способствует формированию своего этнического самосознания, уважительного отношения к своей этнической общности, к своему этническому или национальному достоинству. И, кроме того, толерантная этническая информация способствует формированию массовых позитивных представлений людей в области межнациональных отношений.

Однако существует много способов и технологий, с помощью которых можно внушить читателю, слушателю, зрителю не только позитивную, но и негативную мысль, идею, и с помощью разных журналистских приемов убедить его в этом.

Приведу цитаты из современных газет: «Мы — великая нация. Мы дали миру великих художников, писателей, артистов!». Или еще: «Наши спортсмены — самые сильные в мире». Очевидно, что с помощью подобных идей, систематически и в разных контекстах повторяемых в массовой печати, можно формировать национальную гордость, национальное достоинство огромной массы реципиентов. Так и делается во многих СМИ разных стран. Это происходит порой и в СМИ наших российских республик, где лю-

дям внушаются идеи об их «этнической особенности», идеи их отдельного исторического прошлого, поощряются в массовом сознании и связываются именно с этничностью утверждения об их достижениях. В то же время, подобные мифы и идеи в отношении других народов и страны в целом нечасто встречаются в современной региональной прессе.

Но есть примеры и того, как с помощью нескольких слов можно затронуть и возбудить национальные чувства людей. Цитирую: «Нас не уважают другие народы, и мы сами позволяем им вести себя так. Нельзя терпеть это! Мы должны защитить свою национальную честь и достоинство!» — Данное публичное высказывание вполне может намеренно взбудоражить чувства сограждан и даже мобилизовать их на некоторые деструктивные действия. Такие примеры, к сожалению, в современной мировой истории не редки.

Итак, мы подчеркиваем, что СМИ, освещающие этничность, могут не только объединять полиэтничное население, например, с помощью идеи «Мы все — россияне», но могут и разъединять его на отдельные этносы, у которых разные цели и интересы, свои ценности, успехи и достижения. Такое разъединение достигается, например, провоцированием массовых этнических обид, делением людей на СВОИХ и ЧУЖИХ, «задеванием» этнических чувств и достоинства людей.

Обратим внимание, что эти НЕ МЫ или ДРУГИЕ могут быть представлены в СМИ тоже неодинаково – как соседи или партнеры, с которыми можно найти точки соприкосновения, а могут быть представлены в образе серьезных конкурентов или врагов. Иногда всего лишь одна публикация может сразу же вызвать нарастание напряженности и враждебности между проживающими вместе представителями разных этнических групп. Поэтому авторам публикаций всегда необходимо осознавать свою созидательную или разрушительную роль и гражданскую ответственность перед обществом.

К сожалению, исторический опыт показывает, что этничность, передаваемая в разных формах через СМИ, может мобилизовать

народ не только на добрые дела. Поднятая или мобилизованная политиками и журналистами этничность, действительно может сплотить представителей одного этноса. Это происходит, например, на основе защиты национальных ценностей: родной земли, родной страны, религии и других национальных святынь. Мобилизованная этничность может возбудить национальное самосознание и на основе конкуренции с «другими», с «чужими», с теми, кто, якобы, пытается отнять «у нас» «наши» ценности. Читателю и даже журналисту не всегда просто увидеть и осознать, что специальное, массированное формирование этнического сознания, нагнетание этнических страстей, нередко направлено на распространение среди населения установок нетерпимости и призывов – противостоять им как нашему противнику, защитить нашу ценность, отстоять ее, не отдать. Как известно, это нередко означает: не пустить, прогнать, выселить, убрать «чужих», «не нас», «этнически других», «не таких, как мы».

Подобные примеры конфликтной этнической журналистики мы фиксировали в 1990-х годах в прессе бывших союзных и некоторых наших российских республик. И в настоящее время мы видим многочисленные примеры выступлений СМИ, где не только сообщается, например, о пребывании в регионе инокультурных жителей, но и распространяются их негативные стереотипы и интолерантные этнические идеи. К сожалению, нередко именно СМИ, подталкиваемые политиками, инициируют эти, разъединяющие людей дискриминационные акции. Они создают в регионах этнопсихологическую напряженность, психологически «выдавливая» инокультурных жителей из данной местности. Такую картину в наши дни мы видим в прессе практически во всех крупных регионах и городах России.

Один из самых принципиальных вопросов: что считать миролюбивым или конфликтным и вредным при освещении в СМИ этнических особенностей нашей жизни? — Ответ на этот вопрос очень непрост, и его в настоящее время пытаются найти исследователи не только в России, но и во всем мире. Конечно, более или менее четкими ориентирами или рамками, в которых должна осуществляться этническая деятельность СМИ, являются известные международные и отечественные документы о стандартах и нормах поведения в демократических обществах. Таких документов масса. В нашей стране – это соответствующие статьи Конституции РФ, Гражданского и Уголовного Кодекса РФ, ряд специальных законов о СМИ, о гражданстве $P\Phi$, об экстремизме, o языках народов $P\Phi$ и т.д. Кроме того, по аналогии с зарубежными, у нас разработан ряд профессионально-этических кодексов российских журналистов. Основные рамочные документы по проблемам освещения этничности в СМИ: Кодекс профессиональной этики российского журналиста; Декларация Московской Хартии журналистов; Положения о программе «Чистые перья»; Декларация об основных принципах, касающихся вклада СМИ в укрепление мира и международного взаимопонимания, в развитие прав человека и в борьбу против расизма, апартеида и подстрекательства к войне и др. 15 Документов действительно немало. Но их недостаток состоит в их декларативности. Это чаще всего – только «рамочные» рекомендации, не содержащие конкретных рабочих понятий и определений, таких, например, явлений как разжигание межнаииональной розни, унижение наииональной чести и достоинства, национальная исключительность, национал-фашизм, шовинизм, национал-экстремизм и др.¹⁶

Исследование проблем толерантности и конфликтности в СМИ во всем мире пока находится на начальной стадии. Но, тем не менее, сделано уже немало. В настоящее время активно развивается новое исследовательское направление на стыке многих наук: этнологии, журналистики, психологии, филологии, юриспруденции, политологии, истории и других наук. Изучение влияния деятельности СМИ на формирование общественного сознания и на состояние межэтнических отношений (включая конфликты) в некоторых полиэтничных странах проводились уже с середины прошлого века, например, в США, Великобритании, в Индии и других странах. Но речь в большинстве исследований шла пока лишь о частных (хотя и очень важных) вопросах. Это, в частности: медийное освещение жизни этнических меньшинств,

инокультурных мигрантов и этнических диаспор в различных странах; формирование с помощью СМИ образов стран, а также образов «Мы» и «Другие»; конструирование этноисторической мифологии; освещение проблем мультикультурализма и нациестроительства; представленность различных религий в СМИ и их приверженцев в журналистике; соблюдение журналистами этических норм и политкорректности в публикациях, затрагивающих проблемы межэтнического общения. Следует заметить, что в два последних десятилетия подобные исследования активизировались и в странах Восточной Европы (Сербия, Румыния, Чехия), и в постсоветских республиках (Белоруссия, Молдова, Киргизия, Казахстан). В последние десятилетия, с развитием сети Интернет и активными миграционными процессами, изучение этих сюжетов заметно активизировалось и расширилось. Отдельными направлениями стали рассматриваться способы формирования этнополитической идентичности (общегражданской и локальной), освещение форм адаптации и интеграции мигрантов в принимающих сообществах, проблема формирования образов стран, новых (диаспорных) этнических сообществ и их новых элит. В российской науке подобные отдельные сюжеты также изредка рассматриваются, однако на локальном уровне (довольно узко), а на глобальном – слишком абстрактно (философы и политологи).

* * *

В настоящее время существует много информационных способов и технологий, с помощью которых можно влиять на необходимое коммуникатору восприятие текста. Можно внушить читателю, слушателю, зрителю не только позитивную, но и негативную мысль, идею и убедить его в этом. Иначе говоря, СМИ предоставляют элитам удобную возможность с их помощью манипулировать массовым сознанием, регулировать таким образом общественные отношения. Но и общество должно принимать меры и противостоять подобным процессам. Для этого необходимо их изучать и предупреждать. Ракурсов и аспектов рассмотрения этой актуальной проблемы, связанной с реалиями современной жизни

в полиэтничном российском обществе, много. Это противостояние тенденций толерантности и конфликтности в обществе, противодействие экстремизму, агрессивному национализму, фашизму и другим деструктивным явлениям, это защита и отстаивание гражданских прав и прав этнических меньшинств, формирование позитивных или негативных этнических стереотипов меньшинств и большинства, борьба этноисторических идеологий, освещение в СМИ многочисленных сюжетов, связанных с миграцией населения и т.д. Но одна из наиболее важных проблем — это сохранение самой полиэтничной страны и ее народа, стабильное экономическое и культурное его развитие, гармоничные, сбалансированные межэтнические и межконфессиональные отношения.

Большая работа ведется в современном Институте этнологии и антропологии РАН, где в течение уже полувека разрабатываются методологические подходы, проводятся сравнительные этносоциологические исследования центральной и региональной прессы. У нас проводились и совместные исследования с преподавателями журналистики из ряда российских университетов, с Союзом журналистов РФ, с Фондом защиты гласности и Фондом экстремальной журналистики, с Независимым институтом коммуникативистики (НИК), с Институтом развития прессы и др. Кроме того, мы принимаем участие во многих семинарах и встречах для практических журналистов и организаторов журналистики России, для представителей национальных диаспор, издающих свои газеты и др. Помимо этого, в Институте по этим проблемам публикуется множество книг, статей, брошюр и других изданий. Мы участвуем в ряде проектов и программ, посвященных изучению разных сторон толерантной и конфликтной деятельности российских СМИ, их роли в сохранении межэтнического мира и спокойствия. Все это направлено, в конечном счете, на профилактику национал-экстремизма в российском обществе, на формирование установок толерантного сознания у многонационального населения нашей страны.

Где же конкретно находятся основные узлы соприкосновения СМИ и этничности? На основании нашего исследователь-

ского опыта можно выделить несколько основных узлов или точек соприкосновения этничности со средствами массовой информации.

Прежде всего, это организация самих «этнических» каналов СМИ и их функционирование. Здесь речь идет как о центральных, так и о региональных прессе, радио, телевидении. Мы имеем в виду их создание, определение необходимых для населения объемов вещания и самих этноязыковых аспектов информации, проблему журналистских кадров, проблему финансирования каналов и т.д. Важно отметить необходимость разного подхода к каждому каналу СМИ, целенаправленно освещающему проблемы этничности. Например, в России существуют и активно работают СМИ этнических диаспор и меньшинств, которые появились в основном в два последних десятилетия. Они активно несут в массовое сознание концентрированную этнокультурную информацию, переходящую порой и в этнополитическую. К сожалению, наши статистические органы не ведут пока систематизированного учета подобных «этнических» изданий в России. Мы можем опираться лишь на собственные наблюдения по отдельным регионам и на собственную коллекцию примеров таких изданий, собранную нами на семинарах во время встреч с региональными журналистами.

Но, кроме таких, условно названных «этнических каналов СМИ», в этом направлении активно работают и наднациональные СМИ, также несущие в массовое сознание хоть и «рассеянную», но все же довольно интенсивную этническую информацию. Именно они, в силу большой распространенности, и требуют в наши дни повышенного внимания общества к их «этнической деятельности».

Аудитория СМИ, получающая этническую информацию. Для деятельности СМИ, освещающих этнические аспекты общественной жизни, важны такие факторы, как этнический состав населения в регионах, количественное соотношение представителей разных этнических групп, их половозрастная и социальная структура, давность и перспективы их проживания на данной территории, степень их интеграции в принимающее сообщество, их соб-

ственные этнокультурные интересы и т.д. Каждый из этих факторов имеет свои особенности в разных регионах России.

Важны и **гражданские позиции журналистов и других авторов,** освещающих этничность в СМИ и формирующих этноконфликтное или этнотолерантное сознание масс (профессионально-этические и правовые аспекты проблемы).

Правовые основы и нормы этнической журналистики. Здесь, как уже упоминалось выше, все еще отсутствуют реальные механизмы для регулирования толерантной деятельности журналистов.

И, наконец, один из самых важных узлов соприкосновения этничности и СМИ – это собственно этническая информация, ее содержание и направленность, а также ее потенциальный эффект. Здесь требует изучения масса проблем, важных для регулирования межэтнических отношений в стране.

Кратко перечислим их:

- позиции и задачи федеральных и региональных идеологов;
- направления, разнообразие и особенности этнической проблематики в федеральных, этно-республиканских, областных и других СМИ;
- представленность разных этносов в СМИ (русский, титульный, меньшинства; этнические мигранты, зарубежные этносы);
- этнорегиональные особенности и акценты в подаче политической, экономической, культурной этнической информации;
- распространение через СМИ этнических стереотипов (образы русских и россиян; образы «титульных» этносов и республик, образы этнических меньшинств и др.);
- толерантная или интолерантная направленность всей этнической информации.

Как видим, узлов соприкосновения СМИ и этничности, а также проблем для научно-практических исследований очень много. И все они чрезвычайно важны для реального сохранения межэтнического мира в стране. Теперь обратимся к самой этнической информации.

Может встать вопрос: а насколько велико этническое пространство в наших СМИ? Может быть, совсем немного таких

материалов, которые действительно несут в массовое сознание этническую информацию? Но это не так. Материалы наших исследований российской прессы фиксируют довольно большое и устойчивое внимание как центральных, так и республиканских СМИ к этническим аспектам современной общественной жизни. Мы выявили, что, например, в федеральных и столичных изданиях объем публикаций, содержащих этническую информацию, доходит до 15-20% от общего количества публикаций в каждом номере. В республиканских же газетах их доля нередко превышает 50%. Это – упоминание этнонимов, это этнически окрашенные идеи и мифы, это позитивные и негативные этнические стереотипы, это использование особых лексических форм и др. Мы еще будем говорить подробнее об этом чуть позже. Но сейчас отметим, что большая часть упомянутых материалов, особенно стереотипов – негативна, что нередко обижает людей, затрагивает их национальные чувства и достоинство¹⁷.

Важно подчеркнуть, что в последние десятилетия этническое пространство, вслед за реалиями жизни, разрастается и в журналистике. И это далеко не всегда оправдано. Этничность иногда без особой необходимости актуализируется и довольно широко распространяется через многие издания, в том числе, молодежные, профессиональные, спортивные, музыкальные, литературные. Но всегда ли нужно подчеркивать этническую принадлежность героев публикаций в прессе, и не приведет ли это к нежелательным последствиям? Напомню, что недавно российское журналистское сообщество согласилось не упоминать в публикациях национальность преступников, что сразу стало заметно даже в таких активных изданиях как «МК» («Московский комсомолец») и «КП» («Комсомольская правда»). Правда, постепенно это соглашение стало нарушаться, журналисты находили другие формы информации (выходцы из южных стран, уроженец Кавказа, смуглые гости и т.п.).

Назовем некоторые способы передачи этнической информации в массовое сознание.

1. **Сообщение фактов о событиях в жизни этносов,** об их культуре, экономике, политике. Например, цитаты: *«Татарские*

школьники начали учить свою историю по новым учебникам»; «Тувинские шаманы участвуют в политической жизни своей республики»; «В Дагестане открылась фотовыставка "Лицо кавказской национальности"). Это могут быть вполне нейтральные сообщения, но порой здесь может скрываться и опасность тенденциозного и негативного подбора фактов с этнической окраской.

- 2. Использование толерантной или конфликтной лексики, содержащейся в этнической информации, в форме слов (лексемы) или в форме словосочетаний. Они могут содержаться в заголовках и в текстах, могут быть невинными (толерантными) или конфликтными, могут быть в форме насмешек, кличек, ярлыков, других словообразований, агрессивных и скандальных выражений. Именно их (также, как и другие формы) исследователи уже давно назвали «языком вражды». А в некоторых случаях в СМИ допускается даже и прямое оскорбление этносов черные, узкоглазые, чурки, чучмеки, хачики, азеры, киты и т.п. (например, толерантная лексика: дружественные нам узбеки и русские; или конфликтные лексемы: чеченские бандиты, афганские террористы, лица кавказской национальности; лица арабско-азиатской национальности, укры, ватники, укро-фашисты).
- 3. Создание и распространение этнических образов и стереотипов, также позитивных или негативных, образов «нас» и образов «других» друзей и партнеров или противников и врагов. Например: «Американцы малообразованные, самодовольные люди, а французы легкомысленные; Русские люди ленивы и простодушны; аварцы гостеприимны и толерантны»).
- 4. Конструирование этнических идей или идеологем, иногда подчеркивающих пользу или вред «нам» со стороны других (например: «Слишком много этнических мигрантов приезжают к нам, они нам мешают и их надо выселить». Или: «Приезжие не платят налоги, привозят к нам опасные болезни, мешают образованию наших детей. Надо прекратить прием мигрантов или резко ограничить его»). Порой звучат подстрекательства, мобилизационные призывы: мы должны противостоять, мы должны подняться, восстать, защитить, убрать. Чаще всего

идеи бывают обвиняющими (виноваты они) или наоборот (нас обижают).

- 5. Толерантная или конфликтная мифология о прошлом, настоящем и будущем «нас» и «их», о «наших» и «их» интересах и их защите (например: «Это наша этническая территория, мы здесь "коренные", поэтому мы должны иметь льготы и преимущества»; или: «Мы особый народ, и другим не дано нас понять»).
- 6. Иллюстрации **рисунки, фотографии, карикатуры** с этнической тематикой.

Приведенные формы или способы распространения этничности через прессу еще раз показывают, какой огромный потенциал толерантности или конфликтности может содержаться в информации, получаемой реципиентом только через письменный текст. В радио, и особенно в телепередачах используются, кроме того, еще и другие нюансы: интонации, эмоции, громкость, музыка, разные шумы, а на телевидении — еще и жесты, мимика, фон...

Можно выделить и основные темы, через которые в последние годы наиболее часто в СМИ распространяется этничность. Как уже упоминалось выше, этничность в сообщениях СМИ пронизывает практически все сферы жизни — от большой политики до самых «мелких» бытовых событий. И большинство публикаций, имеющих этническую окраску, так или иначе, связано с этнополитикой.

1. Одной из основных тем для прессы, особенно республиканской, является освещение этнокультурного развития этносов. В начале 1990-х годов в российских республиках эти процессы показывались как «этническое возрождение» или «этнический ренессанс». Здесь нередко речь шла о проблемах этногенеза и демографии так называемых титульных этносов республик, об успехах «своих» этносов в прошлом и об их интересах в настоящем и будущем. При этом, как правило, в прессе реконструируется или романтизируется историческое прошлое титульного этноса, реанимируются и мифологизируются его этнические герои и памятники, поднимаются вопросы о направлениях языковой политики

в регионе, о переименовании улиц, городов, поселков. Подобная информация особенно активно распространяется в республиканской прессе в последние десятилетия. Она направлена на формирование этнической идентичности у представителей определенной группы, на их сплочение на основе единой истории, единых ценностей, а порой и единой территории. И необходимо отметить, что далеко не всегда подобные материалы содержат в себе только позитивный подтекст. В некоторых полиэтничных республиках с помощью таких материалов нередко одна часть населения психологически как бы отделяется от другой – иноэтничной, якобы нездешней. Через подобную информацию довольно часто проводятся идеи желаемого доминирования одной национальности над другой, муссируются разговоры о необходимых льготах и привилегиях представителям так называемых «коренных» национальностей перед всеми другими. И в этом может заключаться общественная опасность подобных материалов.

- 2. Важной и актуальной темой для современных СМИ является и освещение межнациональных (межэтнических) отношений в российских регионах. Здесь проблем, затрагиваемых прессой, масса. Это проблемы этнических меньшинств, издавна проживающих в городе или районе, проблемы недавних этнических мигрантов и принимающих этносов, выливающиеся порой в журналистских сообщениях в конфликты «своих» и «чужих», это и проблемы взаимоотношений и приоритетов этнических культур, языков и т.д. Освещение межнациональных отношений – это огромная и, пожалуй, одна из наиболее болезненных тем для современных российских СМИ. Судя по данным наших исследований, контакты этносов далеко не всегда описываются в СМИ позитивно. Особенно неблагоприятно это выглядит в последние десятилетия в прессе федеральной и столичной. Что касается республиканских и областных журналистов, то при освещении межэтнического взаимодействия в своих регионах они в последние годы выступают заметно толерантнее, чем столичные.
- 3. В постсоветское время еще одной актуальной этнически окрашенной темой стало освещение горячих межэтнических

конфликтов. В прошлом это были события в Чечне и других горячих точках. Теперь – на Украине. Как известно, описываемые в СМИ военные события далеко не всегда связаны с этническими аспектами жизни людей. Но, стараниями журналистов и политиков, они становятся таковыми в массовом сознании. В подобных публикациях далеко не всегда можно встретить сбалансированную, объективную информацию. И это – беда не только российских, но и всех других журналистов и идеологов, выступающих на страницах газет с патриотических позиций, «защищающих» свою страну или свою национальность с помощью слова. Здесь в очередной раз сказывается научная и юридическая неразработанность многих понятий, в том числе и такого ключевого, как «патриотизм». Практически во всех публикациях СМИ о военных событиях заметны политические интересы, нередко прикрываемые этничностью или не всегда справедливым стремлением защитить «своих».

4. Тема мигрантов или «понаехавших». Это очень актуальная, многоаспектная и острая тематика последних десятилетий. В последние годы повсюду, но особенно в крупных городах страны, заметно противостояние местных жителей и «пришлых». Оно, естественно, не остается незамеченным и прессой. Инокультурная миграция и создаваемые ею проблемы вызывают очень острые дискуссии не только в СМИ, но и во всем обществе. Причем инициаторами общественных обсуждений нередко являются сами СМИ. В наши дни мы видим такую неоднозначную и тревожную картину и в европейских странах. Но приносят ли пользу яркие, громкие и порой конфликтные медийные выступления, как например, многочисленные ток-шоу на телевидении? - Это вопрос спорный. И не только потому, что порой из-за крика участников трудно понять суть проблемы. Но результат чаще всего – покричали и взбудораженные разошлись. А основные вопросы остаются нерешенными, мигранты продолжают въезжать в страну легально и нелегально, и справиться с их потоком обществу уже не под силу. Для СМИ – это тоже проблема, кажущаяся неразрешимой. С одной стороны - они должны отстаивать принципы толерантности по отношению к приезжим, отстаивать и интересы работодателей, использующих дешевую рабочую силу и дающих рекламу самим СМИ. С другой стороны – среди журналистов также немало представителей принимающего сообщества, которые не хотят видеть свои города и села перенаселенными чужими людьми с чужой культурой, чужими обычаями. Это красочно проявилось в последние годы в медийной презентации мусульманских праздников Курбан-Байрама и других в российских городах. Не только простые жители протестовали против массовых жертвоприношений и молитв на площадях городов, но и сами журналисты. В результате власти были вынуждены принимать определенные ограничительные меры.

- 5. **Проблемы** «этнического криминала». Эта тема, через которую создаются и распространяются чаще всего негативные этнические стереотипы, также конфликтогенна. Нередко именно в подобных материалах представители разных этносов (за исключением русского и некоторых других) представляются как преступники, а сами преступления связываются авторами публикаций с определенными национальностями. Иногда, на основании одного-двух примеров в СМИ делаются обобщения о поголовной преступности среди представителей какой-либо национальности (грузины, чеченцы, азербайджанцы, цыгане...). И это не только несправедливо обижает невиновных, вызывает большие обиды у представителей этих национальностей, но и способствует распространению в массовом сознании негативных этнических образов целых этнических групп.
- 6. Взаимоотношения республик и федерального центра. Эта тема актуализируется в прессе в зависимости от конкретных поводов, возникающих или в «Центре», или в конкретном регионе. За последние годы эта тема потеряла свою остроту. Тем не менее, в прессе все же отражались некоторые события, связанные, например, с выборами в Саха/Якутии и в Калмыкии, с позицией Татарстана по некоторым спорным конституционным вопросам, с некоторыми проблемами в Башкортостане и др. В этих случаях СМИ вместе с политиками довольно активно используют этнич-

ность, играют на этнических чувствах населения, резко восстанавливая массовое сознание жителей республик против «коварного» федерального центра. К этой же группе публикаций можно присоединить и материалы о повышении напряженности между бывшими республиками Союза и Россией. Конфликты Россия – Грузия, Россия – Латвия, Россия – Украина и другие активно освещаются нашей и зарубежной прессой, что тоже не всегда делается корректно.

- 7. Обсуждение проблем национал-экстремизма и различных этнических фобий – еще одна большая и очень острая тема для современной журналистики. В разных изданиях эти проблемы освещаются также неодинаково. Иногда это бывают кампании осуждения случаев экстремизма, общие для всех СМИ сразу. Так бывает при острых информационных поводах. Но иногда отдельные СМИ сами инициируют обсуждение подобных тем, и представляют их далеко не всегда с толерантных позиций. За последние годы в нашей (центральной) прессе наблюдался ряд подобных кампаний, касавшихся проблем кавказофобии, чеченофобии, юдофобии, цыганофобии, а теперь – и украинофобии и русофобии. Нередко подобные, не совсем профессионально сделанные публикации (а порой это делается намеренно и прикрывается «наивностью» автора), сами становятся предметом общественного обсуждения и вызывают ненужный всплеск негативного интереса к этническим различиям людей, нагнетают межэтнические страсти и напряженность в обществе. В последние годы к этой же теме можно отнести и выступления против терроризма, где также активно акцентируется этнический признак.
- 8. Освещение этноконфессиональных и межконфессиональных проблем. Эта тема порой становится для наших СМИ особенно острой. Некоторые СМИ не просто касаются проблем разных конфессий и религий, но сталкивают их между собой: православных с католиками, христиан с мусульманами. Здесь нередко появляются «заказные» публикации, очень тенденциозно рассказывающие о том или ином персонаже или событии в этой сфере.

Как видим, все перечисленные выше этнические проблемы, освещаемые современной прессой, так же как и многие, неупомянутые здесь, свидетельствуют о взрывоопасности подобной информации для полиэтничного населения. Каждая из тем содержит в себе огромный потенциал этнической толерантности и конфликтности. От журналиста и его спонсоров зависит, какие идеи, стереотипы и нормы он хочет распространить в обществе – тревожность и отчужденность, неуверенность, страх, противостояние этнических групп. Или наоборот – способствовать мирному спокойному настрою своих земляков, своих сограждан, с которыми он живет, и будет жить дальше в нормальном и стабильном обществе.

Авторы, освещающие проблемы этничности в СМИ, это в первую очередь — журналисты. От деятельности журналистов, от их профессионализма в большой степени зависит, будет ли в стране межнациональный мир или будет продолжаться межнациональная напряженность, вспышки межнациональных конфликтов, попытки этнического сепаратизма, случаи этнической дискриминации. И это огромная тема, о которой надо говорить специально.

Но наши исследования показывают, что, кроме журналистов, авторами многих публикаций являются и другие интеллектуалы: например, в федеральной и московской прессе – это политики и представители творческой интеллигенции, а в российских республиках и других регионах - это, кроме журналистов, в основном местные административные работники, которым СМИ предоставляют свою трибуну. Поэтому необходимо также специально говорить не только о просвещении журналистов и об общественном контроле за их деятельностью, но также и о других идеологах, освещающих проблемы этничности. Поэтому научно-экспертное рассмотрение деятельности СМИ по освещению всех форм этничности – важная научно-практическая задача. И, кроме того, для исследователей, изучающих этнополитический, этнокультурный и этнопсихологический фон в стране или регионе, этническая информация в традиционных СМИ, а теперь еще и в интернете – ценнейший этнокультурный, этнопсихологический и исторический источник.

Примечания

¹ См., например: *Тишков В.А.* Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997; *Он же*. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М., 2013; *Губогло М.Н.* Русский язык и толерантность. М., 2003; *Малькова В.К.* Этничность, толерантность и СМИ: прикладные аспекты проблемы // Этнология обществу. Прикладные исследования в этнологии. М., 2006. С. 155–176 и др.

- ² Ядов В.А. Социологическое исследование: Методология, программы, методы. М.,1972.
- ³ См, например, работы: Социальное и национальное / ред. Ю. Арутюнян, Л. Дробижева, О. Шкаратан. М., 1973; Русские. Этносоциологические очерки. М., 1992 и др.
- 4 Малькова В.К. Применение контент-анализа для изучения интернационального и национального в республиканской прессе // Статистика в этнографии. М., 1985.
- ⁵ См.: *Малькова В.К.* Образы этносов в республиканских газетах. Опыт этносоциологического исследования. М., 1991.
- 6 См., например, работы: Овсепян Р.П. История новейшей отечественной журналистики (февраль 1917–90-е гг.). Учебное пособие для вузов / под ред. Я.Н. Засурского. М.,1999 и др.
- ⁷ См., например, работы: *Малькова В.К.* Исследование этнической проблематики в СМИ (Предметообразующие контуры этнополитической журналистики) // Междисциплинарные исследования в контексте социально-культурной антропологии. М., 2004. С. 154–170 и др.
- 8 См., например: *Малькова В.К.* «Сказанное слово не бывает неуслышанным»: О языке толерантности и конфликтности в современных СМИ // Мир русского слова. 2002. № 5 и др; *Она же.* «Не допускается разжигание межнациональной розни». Книга об этнической журналистике. Из опыта анализа российской прессы. М., 2007; *Федотова Л.* Социальная миссия и социальная ответственность: понятия и эмпирическое наполнение. М., 2013.
- 9 Малькова В.К. «Крым наш» в российском информационном пространстве / Исследования по прикладной и неотложной этнологии. ИЭА РАН. М., 2015. № 243.
- ¹⁰ Там же.
- 11 См., например: *Малькова В.К.* Москва многокультурный мегаполис. М., 2004; *Она же*. Полиэтничная Москва в начале второго тысяче-

- летия. Как видит и показывает ее столичная пресса. М., 2007; *Оста- пенко Л.В., Субботина И.А.* Москва многонациональная. Старожилы и мигранты. Вместе или рядом? М., 2007; Молодые москвичи. Кросс-культурное исследование // под ред. М.Ю. Мартыновой и Н.М. Лебедевой. М., 2008 и др.
- ¹² *Малькова В.К.* Мобилизация этнических сообществ в современной России. По материалам этнических СМИ. М., 2011.
- ¹³ Авраамов Д.С. Профессиональная этика журналиста. М.,1999; Профессиональная этика журналиста. Документы и справочные материалы. Фонд защиты гласности. М., 2002; Малькова В.К. «Не допускается...» и др.
- ¹⁴ См., например: *Малькова В.К., Тишков В.А.* Культура и пространство. Книга первая. Образы российских республик в Интернете. М., 2009.
- 15 См. подробнее: Профессиональная этика журналиста. Документы и справочные материалы // ФЗГ (Фонд защиты гласности) / сост. Ю.В. Казаков. М., 2002.
- На эту тему существует пока очень мало работ, и тем больший интерес представляет статья Л. Макеевой. См.: Макеева Л. Правовой анализ нормативной базы по разжиганию национальной, социальной, религиозной нетерпимости или розни // Российская пресса в поликультурном обществе: толерантность и мультикультурализм как ориентиры профессионального поведения. М., 2002.
- ¹⁷ Подробнее см.: *Малькова В.К.* Неужели мы такие? Стереотипы русских, россиян и России в современной российской прессе // Малькова В.К., Тишков В.А. Этничность и толерантность в средствах массовой информации. М., 2002. С. 107–148.

Список литературы

Авраамов Д.С. Профессиональная этика журналиста. М., 1999. Губогло М.Н. Русский язык и толерантность. М., 2003.

- Макеева Л. Правовой анализ нормативной базы по разжиганию национальной, социальной, религиозной нетерпимости или розни // Российская пресса в поликультурном обществе: толерантность и мультикультурализм как ориентиры профессионального поведения. М., 2002.
- Малькова В.К. «Крым наш» в российском информационном пространстве / Исследования по прикладной и неотложной этнологии ИЭА РАН. М., 2015. № 243.

Малькова В.К. «Сказанное слово не бывает неуслышанным»: О языке толерантности и конфликтности в современных СМИ // Мир русского слова. 2002. № 5.

- Малькова В.К. Исследование этнической проблематики в СМИ (Предметообразующие контуры этнополитической журналистики) // Междисциплинарные исследования в контексте социально-культурной антропологии. М., 2004. С. 154–170.
- *Малькова В.К.* Мобилизация этнических сообществ в современной России. По материалам этнических СМИ. М., 2011.
- Малькова В.К. Москва многокультурный мегаполис. М., 2004.
- Малькова В.К. Неужели мы такие? Стереотипы русских, россиян и России в современной российской прессе // Малькова В.К., Тишков В.А. Этничность и толерантность в средствах массовой информации. М., 2002. С. 107–148.
- *Малькова В.К.* Образы этносов в республиканских газетах. Опыт этносоциологического исследования. М., 1991.
- *Малькова В.К.* Полиэтничная Москва в начале второго тысячелетия. Как видит и показывает ее столичная пресса. М., 2007.
- Малькова В.К. Применение контент-анализа для изучения интернационального и национального в республиканской прессе // Статистика в этнографии. М., 1985. С. 129–142.
- Малькова В.К. Этничность, толерантность и СМИ: прикладные аспекты проблемы // Этнология обществу. Прикладные исследования в этнологии. М., 2006. С. 155–176.
- *Малькова В.К., Тишков В.А.* Культура и пространство. Книга первая. Образы российских республик в Интернете. М., 2009.
- Малькова В.К. «Не допускается разжигание межнациональной розни». Книга об этнической журналистике. Из опыта анализа российской прессы. М., 2007.
- Молодые москвичи. Кросс-культурное исследование / под ред. М.Ю. Мартыновой и Н.М. Лебедевой. М., 2008.
- Овсепян Р.П. История новейшей отечественной журналистики (февраль 1917–90-е гг.). Учебное пособие для вузов / под ред. Я.Н. Засурского. М., 1999.
- *Остапенко Л.В., Субботина И.А.* Москва многонациональная. Старожилы и мигранты. Вместе или рядом? М., 2007.
- Профессиональная этика журналиста. Документы и справочные материалы. Фонд защиты гласности. М., 2002.

- Профессиональная этика журналиста. Документы и справочные материалы // Φ 3 Γ (Φ 0нд защиты гласности) / сост. Ю.В. Казаков. М., 2002.
- Русские. Этносоциологические очерки. М., 1992.
- Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований / ред. Ю. Арутюнян, Л. Дробижева, О. Шкаратан. М., 1973.
- Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997.
- *Тишков В.А.* Российский народ: история и смысл национального самосознания. М., 2013.
- Федотова Л. Социальная миссия и социальная ответственность: понятия и эмпирическое наполнение. М., 2013.
- Ядов В.А. Социологическое исследование: Методология, программы, методы. М., 1972.

СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ И КУЛЬТУРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ*

Люди мыслят образами. Это – достаточно тривиальное утверждение, но смысл его с особой силой раскрылся в течение последних десятилетий, которые связываются с приходом постмодерна. Почему так произошло? В период модерна в условиях господства империализма, колониализма и расизма основное внимание уделялось образу мира, свойственному доминирующему населению. Взгляды меньшинств тогда мало кого интересовали. Мало того, государственные институты (школа, СМИ и пр.) и общественное мнение даже навязывали им свои собственные образы мира. При этом такие образы мира нередко апеллировали к научному знанию, и то, что от них отклонялось или им противоречило, считалось «ненаучным».

С распадом колониальной системы, с развитием движений за права человека, с падением известных тоталитарных режимов и нарастанием демократизации ситуация коренным образом изменилась. Теперь голос получили те, кто раньше подвергался дискриминации, и кого поэтому практически не было слышно. И выяснилось, что у этих групп имелись свои представления как о прошлом, так и о современном мире. На сцене появились альтернативные версии истории, вступившие в активный и очень непростой диалог как друг с другом, так и с общепринятыми представлениями.

О каких группах идет речь? Это – этнические меньшинства, низкостатусные социальные группы (далиты в Индии, баракумин

^{*} Вариант статьи, опубликованной в журнале «Новое прошлое», 2016, № 1. Исследование и публикация при финансовой поддержке РГНФ, грант №15-31-11109, проект «Этническое и религиозное многообразие — основа стабильности в развитии российского общества». Руководитель проекта — академик В.А. Тишков.

в Японии, мойщики трупов и пр.), женщины, сексуальные меньшинства, религиозные группы, включая религиозные меньшинства (кряшены, мормоны, Свидетели Иеговы и пр.), региональные группы (казаки, поморы), подвергавшиеся ранее гонениям социальные группы (дворяне, священники), а также диссиденты самого разного толка и пр. Сегодня обнаруживается, что и разные поколения могут придерживаться разных образов прошлого. Достаточно ознакомиться с версиями истории, создающимися представителями такого рода групп, чтобы стало ясно, что та единая Истина, о которой трубили или о которой мечтали ведущие представители эпохи модерна, не существует по определению. Вместо нее имеется много разных истин, а правильнее – версий прошлого, которые необходимо учитывать для того, чтобы лучше понимать современность во всех ее проявлениях. При этом выясняется, что для организации памяти важны, прежде всего, три компонента: время, место (пространство) и социальная среда.

Вот почему сегодня вместо понятия «историческая Истина» в науке утверждается понятие «социальной» или «исторической» памяти. Речь идет об очень широком круге общественных и культурных явлений, включающих как объективированную память, так и память в действии. К объективированной овеществленной памяти относятся кинопродукция, художественные произведения (исторические романы и научная фантастика), театральные постановки, живописные полотна, музыка, скульптура, архитектура, а также памятники и памятные доски, особые места поминовений. Немалую роль играет и топонимика. В поддержании памяти участвует и принятая в данном обществе хронология (христианская, мусульманская, индийская, иудейская, японская и пр.).

Мало того, такая память находит отражение в рекламе, марках, всевозможных этикетках, денежных знаках, гербах и даже в моделях одежды или прическах. Определенную роль в поддержании памяти играют исторические ландшафты, а также представления о границах исторических территорий (ментальные карты). Кроме того, возвращение религии ведет к созданию особых версий прошлого, нередко идущих вразрез с представлениями светской

науки. Наконец, нельзя забывать и о роли музеев и их экспозиций, дополняющих социальную память новыми ракурсами и интерпретациями. Все это — социальная память, запечатленная в культурных реалиях и объектах, т. е. овеществленная память.

Наряду с этим существует индивидуальная память, связанная либо с собственным опытом, либо с тем, что достается человеку от его ближайших предков: личные воспоминания, письма, фотографии, семейные реликвии и пр. При этом такая память может решительно расходиться с версией прошлого, которая навязывается людям по официальным каналам. Скажем, речь может идти о жертвах репрессий, диссидентах или лицах, по тем или иным причинам неугодных существующей власти или доминирующим общественным настроениям. Важным каналом передачи индивидуальной памяти являются устные воспоминания, тогда как социальная память фиксируется как устной традицией, так и письменными текстами и объективированными образами. С индивидуальной памятью тесно связана память генеалогическая, но у разных народов и разных социальных категорий она имеет разную глубину. Например, тюркам и вайнахам положено помнить семь поколений предков. У знатных людей в разных культурах обычно более длинная и разветвленная генеалогия, чем у простонародья. Ведь в прошлом именно генеалогия помогала обосновывать претензии на власть.

Однако овеществленная память остается пассивной: неизвестно, в какой мере она воздействует на человека, какие именно чувства пробуждает и воздействует ли вообще. Поэтому параллельно ей существует и играет важную роль социальная память, которая проявляется в периодических массовых действиях. Речь идет, во-первых, о ежегодных светских и церковных праздниках, о чествовании юбилеев великих людей и значимых исторических событий, юбилеях отдельных городов и республик, а также о регулярно повторяющихся ритуалах как религиозных, так и светских. Во-вторых, это — экскурсии и туристические поездки по памятным местам, а в-третьих, паломничества и религиозные церемонии (крестные ходы и пр.). Сегодня к этому прибавляются, так

называемые, исторические реконструкции прошлых баталий. Все это призвано закрепить в памяти людей определенным образом составленную картину прошлого и четко определить его ключевые моменты. Такие мероприятия заставляют людей вспоминать и эмоционально переживать знаковые исторические события, причем в той версии, которую этому дают организаторы, в частности, государство, ежегодно организующее массовые праздники и публичные церемонии. Это обращено ныне не только к непосредственным участникам праздников и ритуалов, а к гораздо более массовой аудитории, получающей сведения о происходящем из средств массовой информации, в особенности, по телевидению или через Интернет. Не случайно говорится, что событие приобретает социальную значимость лишь тогда, когда оно озвучивается СМИ.

Следовательно, образ прошлого не ограничивается историческими текстами, а складывается на основе самых разных источников. В прошлом некоторые историки предлагали различать «образ прошлого» как продукт общественного воображения и «историю» как результат деятельности профессиональных историков. Пьер Нора даже писал о том, что «истинная цель истории – подавить и уничтожить память [о прошлом]». Однако сегодня мы понимаем, что историки тоже являются членами общества и не избавлены от присущих ему стереотипов и предрассудков. И хотя они руководствуются особыми методическими приемами, призванными избегать субъективности, полностью выполнить это требование практически никому не удается. Коллективные образы прошлого, присущие данному обществу, оказывают определенное влияние и на профессиональных историков. Иными словами, представления о прошлом всегда культурно окрашены. Кроме того, они отражают климат эпохи.

В свою очередь образы прошлого, которыми питается общество, так или иначе зависят или находятся под воздействием научно оформленных исторических конструкций, создающихся учеными и положенных в основу учебной литературы. Целью школы является не подготовка специалистов-ученых, а воспита-

ние граждан данного государства, т. е., с одной стороны, лояльных государству, а с другой, чувствующих свою ответственность перед обществом. Ни один курс истории, сколько бы объемным он ни был, не может вместить всех имеющихся фактов. Тем более этого не может сделать скромный по объему школьный учебник истории. Такой учебник предлагает определенную схему исторического пути, одобренную государством и призванную служить его легитимации. Следовательно, авторам такого учебника приходится, во-первых, тщательно отбирать факты, а во-вторых, особым образом их интерпретировать и выстраивать в определенной последовательности и в определенных сочетаниях, чтобы они создавали непротиворечивую картину исторического развития и служили данному государству и обществу. Это в первую очередь относится к «национальной истории», т.е. версии, поддержанной властями и разделяемой доминирующим большинством.

Но школьное знание — это одноразовый товар, и нет гарантии, что оно надолго закрепится в головах подростков. Поэтому для прочного закрепления образов истории нужна постоянная пропаганда, призванная культивировать и поддерживать нужные нации образы прошлого. Этому-то и служат упомянутые выше разнообразные виды овеществленной памяти.

Во всем этом проявляется конструктивистская деятельность государства, заинтересованного в том или ином видении истории, о чем когда-то ясно написал Дж. Оруэлл. В зависимости от политического устройства государство может по-разному влиять на выстраивание картины прошлого: через систему всеобщего образования и образовательные стандарты, практики селекции и хранения информации в различных архивах и фондах, утверждение и финансирование государственных праздников, организацию особых ритуалов, свержение с пьедестала одних и установление других памятников и создание мемориальных комплексов, государственную поддержку деятельности тех или иных музеев. Государство играет огромную роль в создании того, что Пьер Нора назвал «узлами памяти», т.е. в отборе ключевых событий прошлого, которым «национальная история» придает особый смысл.

Обозначив такое событие, государство делает все, чтобы закрепить его в памяти общественности, причем в нужной государству версии. Мало того, устанавливая праздники и организуя их проведение, государство само определяет, какие события следует считать знаковыми, а какие — нет. Регулярность и повторяемость таких мероприятий навязывают людям определенный желательный для государства образ прошлого и его соответствующую трактовку. Ведь государство определяет не только то, о чем следует помнить, но и то, как именно об этом надо вспоминать. Поэтому избранное им историческое событие входит в школьные учебники истории, освещается СМИ, отражается в произведениях искусства и внедряется в массовые представления с помощью кинопродукции, а также закрепляется в памяти путем организации ежегодных массовых празднеств.

Так, в советские годы День Октябрьской революции был всенародным праздником, включавшим военный парад и демонстрации трудящихся. В этот день обычно по телевидению показывали фильмы «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году». Революционное прошлое отражалось в топонимике, литературе, живописи, кинофильмах, театральных постановках и монументальной пропаганде. Пожалуй, не было города, где бы отсутствовали памятники деятелям революции, в особенности, Ленину. И сегодня в Москве существует улица 1905 года, а на улицах можно видеть статуи или барельефы, посвященные революционным событиям.

Но сегодня на смену Дню Октябрьской революции пришел день 4 ноября, объявленный Днем народного единства. В связи с этим по государственному заказу в 2005 г. был выпущен фильм «1612», в 2007 г. был снят телефильм «1612. Хроники смутного времени», а осенью 2013 г. демонстрировался многосерийный телефильм «Романовы». В Александровском саду по инициативе РПЦ был поставлен памятник патриарху Гермогену, а затем о его духовном подвиге была создана опера, шедшая на сцене в Москве осенью 2013 г. В начале ноября 2013 г. в Манеже проходила выставка, посвященная 400-летию династии Романовых, а в Александровском саду был восстановлен обелиск в честь 300-летия

дома Романовых, когда-то замененный большевиками памятником известным революционерам различных стран. Вслед за этим в Александровском саду был поставлен памятник Александру I. А День Октябрьской революции теперь начал отмечаться как День военного парада на Красной площади 7 ноября 1941 года.

Если в советское время в День Красной Армии 23 февраля по ТВ регулярно транслировали фильм «Чапаев», то сегодня ему на смену пришел фильм «Адмирал», прославляющий Колчака. В Омске даже были планы поставить ему памятник, но из-за протестов общественности это не было реализовано. Следовательно, никакой общепризнанной версии прошлого в России не сложилось.

Действительно, сегодня государство, несмотря на все попытки, уже неспособно полностью контролировать образ прошлого. В этом отношении показательны шествия, организуемые по инициативе отдельных политических сил, например, «Русский марш» 4 ноября и демонстрация татарских националистов 15 октября в день взятия Казани. Свои праздники имеются у отдельных конфессий, и они тоже иной раз культивируют версии прошлого, отклоняющиеся от его официальной интерпретации.

Тем не менее, именно государство заботится о составлении стандартного списка знаковых исторических событий и значимых исторических личностей. Одни из последних объявляются «героями», и память о них подлежит увековечиванию, другие признаются «антигероями», и их имена либо должны быть вымараны из книги памяти, либо, напротив, сохраняются в назидание потомкам в качестве негативного примера. В СССР такой список был выработан во второй половине 1930-х годов и практически в неизменном виде дожил до распада страны. В этом отношении показательна беседка в Нескучном саду, построенная в честь 800-летия Москвы. При авторитарном режиме в этом обнаруживается и лесть правителям. Так, нетрудно заметить, что на здании Российской государственной библиотеки (б. Библиотека им. В.И. Ленина), построенной в 1928–1941 гг., ряд барельефов выдающихся русских писателей начинается не А.С. Пушкиным, а грузинским классиком Шота Руставели.

Но в новых постсоветских государствах стандартный список был подвергнут ревизии, и кое-где этот процесс продолжается до сих пор. При этом иной раз бывшие «антигерои» становятся «героями» и наоборот (образы Богдана Хмельницкого и Мазепы на Украине, Гаппо Баева в Северной Осетии, Столыпина и адмирала Колчака в России, красных и белых латышских стрелков в Латвии). В Москву из-за границы был возвращен прах И. Ильина, В. О. Каппеля и А. И. Деникина, а во Владикавказ — Гаппо Баева. В любом случае речь идет о появлении «священной национальной истории» с ее особыми ритуалами и местами ликований и поминовений. При этом уничтожение или сохранение тех или иных памятников отражает политические и этнокультурные настроения людей. Например, на современной Украине памятники советской эпохи были ликвидированы прежде всего на западе, тогда как в восточных и южных регионах они почти не пострадали.

Но иногда ради общественного единства наблюдается желание сохранить прежних героев наряду с теми, что пришли им на смену, в результате чего города одновременно украшают памятники заклятым врагам, хотя они и располагаются в разных районах. Например, в Москве появились памятники Петру I, Александру I и Александру II притом, что до сих пор сохраняется несколько десятков памятников Ленину. А в Ростове-на-Дону воздвигли памятник императрице Елизавете Петровне, сохранив памятник Кирову. В центре Новосибирска сохраняется советский памятник Ленину, но на набережной Оби в 2012 г. был возведен памятник Александру III.

Впрочем, восстановление памятников императорам в России, объявляющей себя демократическим государством, похоже, вызывает у властей некоторый дискомфорт, и потому мотивы их возведения официально получают особое объяснение. Так, Александр I в Москве представляется победителем в войне 1812 г., Елизавета Петровна в Ростове-на-Дону чествуется как создательница Темерницкой таможни, а в заслугу Александру III в Новосибирске ставится инициатива по строительству Транссибирской магистрали.

Это не является особенностью лишь нашей страны. В Лондоне памятники Кромвелю соседствуют с памятниками королям. В Англии эта коллизия решается следующим образом. В Кэмбридже в Сидней-Сассекс Колледже, который находился под покровительством Кромвеля, его портрет, висящий в огромном обеденном зале, закрывают шторкой в случае, если колледж навещают члены королевской семьи.

Парадоксальное почитание памяти общественных деятелей, бывших при жизни заклятыми врагами, является зримой чертой постсоветской действительности. Например, после перенесения праха бывшего городского головы г. Владикавказа, Гаппо Баева, из Германии на кладбище Церкви Рождества во Владикавказе его могила оказалась напротив могилы бывшего первого секретаря Северо-Осетинского обкома ВКП(б) Кубади Кулова, в свое время всячески поносившего его как «фашиста» и «изменника Родины». Теперь бюсты этих когда-то непримиримых противников, позабыв прежние разногласия, тихо взирают друг на друга. Такое «примирение» оказывается возможным только в обстановке утвердившегося национализма, нуждающегося в своих исторических героях, выступавших в защиту «народа», что бы ни понималось под «народом» и «его интересами». В таком контексте разное видение историческими деятелями этих «интересов» и их выступления по разные стороны баррикад оказываются далеко не самым главным фактором. Наиболее ценным в их духовном наследии и деятельности признается преданность Родине и «народу» и готовность отдать за них свою жизнь. Иными словами, восприятие таких героев окрашено скорее эмоциями, чем рациональными оценками.

Таким образом, одновременно могут сосуществовать или конкурировать несколько видов социальной памяти. Основоположник этого направления исследований, французский социолог Морис Хальбвакс, выделял два вида исторической памяти — во-первых, личный багаж воспоминаний и, во-вторых, коллективную память, разделяемую членами группы. Однако сегодня мы видим, что таких видов может быть много больше (это понимал и Хальбвакс, хотя детально не анализировал). Например, член какого-ли-

бо меньшинства является носителем памяти, свойственной его собственной группе (этнической, религиозной и пр.). Но в то же время под влиянием мощной индоктринации, идущей со стороны как государства (школа, СМИ и пр.), так и доминирующего большинства, он не свободен и от этого вида памяти. Мало того, так как современный человек может одновременно быть членом нескольких разных групп, то он способен быть носителем сразу нескольких видов памяти. Хотя они могут противоречить друг другу, это вовсе не означает, что в таком случае человек обязательно отвергает один образ прошлого и строго придерживается другого. Еще Хальбвакс писал о взаимопроникновении разных видов памяти. Разные образы могут сочетаться и мобилизоваться в зависимости от конкретной ситуации (образы Сталина как гонителя веры и как создателя великого государства в представлении некоторых священников). Как человек способен справляться с такого рода противоречиями – это интересное и до сих пор слабо изученное явление.

Первоначально Хальбвакс оперировал понятием «коллективной памяти», однако позднее специалисты заменили это на «социальную», «культурную», «историческую» и иные виды памяти. Это вызывалось тем, что понятие «коллективной памяти» имеет нежелательные коннотации, предполагая, что общество представляет собой хорошо интегрированный спаянный коллектив. Однако это не так. Правильнее говорить о том, что, разделяя определенные свойственные обществу представления о прошлом, индивид может понимать их по-своему и давать им свои интерпретации. Ведь он может быть членом одновременно нескольких групп, т.е. нескольких «коллективов», и соответственно его память находится под воздействием разных «субкультур». Иными словами, в транслируемых им образах, безусловно, связанных с окружающей социальной средой, так или иначе сказывается его индивидуальность, и результат этих сложных взаимодействий содержится в понятии «социальной памяти».

Однако, как отмечал тот же Хальбвакс, индивидуальная память нагружена личными воспоминаниями, принадлежащими самому

индивиду. По его словам, «индивидуальная память опирается не на выученную, а на прожитую историю». Социальная же память содержит символические образы, принадлежащие уже не лично индивиду, а группе. Их индивид не столько вспоминает, сколько представляет. При этом прошлое, пережитое лично, в гораздо большей степени окрашено эмоциями, чем заученное прошлое. Мало того, как показывают исследования, воспоминания юности лучше запечатлеваются в памяти, чем более поздние события. Далее, во многих обществах, в том числе традиционных, различают недавнее и отдаленное прошлое: о первом индивид знает из собственного опыта или со слов ближайших родственников, наблюдателей событий, а о втором говорят сказания и мифы, и индивид имеет о таких событиях лишь стереотипизированные представления.

Правда, определение, данное Хальбваксом, не совсем точно. Ведь если индивид познакомился с такими образами давно – в школе, при чтении художественной литературы, из СМИ и т.д., то и здесь речь идет о воспоминаниях, хотя они, разумеется, не относятся к его личному опыту, ибо он не был непосредственным участником исторических событий. В данном случае его информация о прошлом происходит из внешних для него источников, и в таком случае от него самого зависит, чему верить, а что подвергать сомнению или вовсе отвергать. Так, если авторитарное государство придает большое значение индоктринации посредством СМИ, то общество воспринимает эту информацию по-разному: некоторые люди ей доверяют, другие ставят под сомнение, третьи вовсе отвергают.

Почему индивид это делает и как это происходит? Отвечая на этот вопрос, мы также не должны ограничиваться каким-либо одним фактором. Ведь, во-первых, знания, усвоенные в детстве, нередко оказывают глубокое влияние на индивида и затрудняют восприятие новой информации, в особенности той, которая расходится с такими знаниями. Во-вторых, в ряде случаев позицию индивида определяет история семьи: например, происходит ли он из семьи репрессированных или из семьи карателей, из семьи рабочих или из семьи фабрикантов. Ведь нередко, хотя и далеко не

всегда, индивид склонен искать оправдания действиям своих предков. В-третьих, большую роль играет групповая принадлежность, и многие склонны проявлять конформизм и отдавать приоритет той версии прошлого, которой придерживается их группа (этническая, религиозная, региональная и пр.). Здесь играет роль фактор, родственный психологии толпы: ведь, поддаваясь эмоциям толпы, человек ведет себя иначе и нередко поддерживает весьма сомнительные идеи или совершает сомнительные поступки, чего он не позволил бы себе, выступая автономной единицей. Аналогичным образом, находясь среди членов своей группы, человек может некритически разделять их общее представление о прошлом, которое он способен поставить под сомнение, оставаясь наедине с собой. В то же время следует учитывать, что представления, разделяемые группой, играют принципиально важную роль в формировании и поддержании идентичности. В этом смысле позиция индивида может оказаться инструментальной, будучи основанной на тех или иных интересах, а может быть эмоциональной, связанной с групповой лояльностью.

В свое время Хальбвакс резко противопоставлял социальную память истории. Для него социальная память, связанная с группой, отличалась акцентом на преемственности и даже неизменности, отсутствии внутренних границ и внимании к стабильным периодам. В свою очередь историю он связывал с определенной универсализацией, упором на резкие изменения, страстью к введению границ между эпохами. Социальная память ассоциировалась им с устной историей и воспоминаниями, а история - с письменными текстами. Социальная память функционировала, пока жила группа, и исчезала с ее уходом с исторической сцены. А история, относящаяся ко всему обществу, не зависела от судьбы отдельных групп. Однако сегодня такой подход уже нельзя признать удовлетворительным и приходится корректировать. Ведь в мире всеобщей грамотности и высокого престижа науки отдельные группы конструируют свою историю, не только опираясь на устную или партикулярную память, но и обращаясь к самым разным, прежде всего, письменным источникам. При этом в борьбе за престиж и политические права они иной раз всеми силами пытаются углубить свое прошлое, что и заставляет их выходить далеко за пределы устной истории.

Ученик Эмиля Дюркгейма, Хальбвакс развивал свои идеи в 1920–1930-е годы, когда все это было не очень актуально и у него не имелось единомышленников и последователей. Иными словами, как иной раз бывает, ученый намного опередил свое время. Изучение «социальной памяти» получило легитимность и стало востребованным направлением исследований, начиная с 1970-1980-х годов, когда, как я уже отмечал, в ходе демократизации в полную силу заговорили те группы, которые ранее не допускались к трибуне. При этом, как и во времена Хальбвакса (и не без влияния его подходов), наибольший интерес изучение социальной памяти вызвало во Франции у историков, работавших в русле «Школы Анналов» (Марк Ферро, Ж. Ле Гофф, Пьер Нора). Пьер Нора ставит это в связь с ураганом индустриализации, который практически смел со своего пути французскую деревню. Нечто подобное наблюдалось в те же годы и в СССР, но там тон задавали не историки, а писатели-деревенщики. Тогда писатель В. Чивилихин своим романом «Память» разбудил интерес общества к поиску своих предков. Хронология этих двух потоков совпадала едва ли не до года. Ведь 1980 г., когда советская общественность зачитывалась романом «Память», во Франции был объявлен «Годом Наследия».

Однако если во Франции резкие изменения трактовок недавнего прошлого наступили в 1970-е годы сразу же после смерти генерала де Голля, то в СССР их время пришло лишь в эпоху перестройки. Но зато, если во Франции ревизии подвергся главным образом новейший период истории, то в СССР, а затем и в России начался пересмотр всей истории целиком. И в течение последних 20–25 лет не спадает волна альтернативной истории, в написании которой участвуют главным образом неспециалисты (писатели, поэты, специалисты в иных областях науки – философы, физики, математики, экономисты, геологи и пр.). Это поветрие захватывает и некоторую часть специалистов, прежде всего, в национальных республиках.

Пьер Нора пишет о том, как в 1970–1980-х годах во Франции расцвел «культ [исторического] наследия» и большим спросом начала пользоваться идея «национальной памяти». Это тоже находит аналогию в СССР его последних десятилетий. Но Нора пишет и о другом – о небывалом «ускорении истории», приводящем к болезненному разрыву с прежней традицией. Теряется связь с прошлым, которую теперь можно восстановить лишь путем обращения к историческим документам. И это приводит к размыванию того барьера, который ученые прежде пытались установить между «образом прошлого» и «историей», и той границы, которую Хальбвакс воздвигал между «социальной памятью» и «историей». Теперь даже профессиональные историки начинают конструировать длительные линии преемственности там, где на деле наблюдались резкие разрывы постепенности. За этим стоит потребность в обосновании «идентичности», в немалой степени опирающейся на образ прошлого. Как пишет Нора, «память ... превращается в модное имя для того, что прежде называли просто историей». Теперь то, что Хальбвакс описывал как свойство индивида, стало важной особенностью группы, остро нуждающейся в доказательстве или подтверждении своей особой идентичности. В 1970-1980-е годы во Франции, по словам Пьера Нора, произошел революционный переход от «исторического самосознания к социальному». А в СССР в те же годы совершался аналогичный переход к сознанию этническому или этносоциальному. Именно тогда отмечался всплеск общественного интереса к этнической истории, исторической географии и этногенезу. Во Франции в этом заключался отказ от «общенациональной модели» в пользу региональной, а в СССР речь шла о сопротивлении этнических групп советской модели строительства «новой исторической общности».

Ведь, выковывая альтернативные версии прошлого, противопоставленные гегемонии официально признанной истории большинства, такая память становится мощным орудием деколонизации или отмщения. По словам Марка Ферро, она имеет функцию «врачевания». В производстве такой памяти велика роль энтузиастов-дилетантов, хотя, наряду с ними, в этом участвуют и «национальные историки». Иными словами, сегодня историк потерял монополию на «историческое суждение» и должен выдерживать конкуренцию с массой любителей.

Сегодня у многих господствует убеждение в том, что всплеск альтернативной истории является спецификой лишь нашей страны и что это происходило только в течение последних 20–25 лет. Между тем, оба эти утверждения неверны. Выше уже упоминалось о том, что образ прошлого тесно связан с поиском основ идентичности, причем кризис идентичности, так или иначе связанный с исторической травмой, нередко встречается в современном мире. Он не чужд и современным развитым государствам. Например, в Германии он является производным от комплекса вины, которую ощущают нынешние поколения за нацистское прошлое своих предков. Во Франции это – комплекс вины, связанный с массовым коллаборационизмом эпохи Виши, а также с отпадением Алжира, что заставило французов поставить под сомнение имперское наследие. В США это - комплекс вины, возникший вследствие резкого изменения общественного климата после эпохи борьбы за гражданские права, когда молодые поколения осудили расистское прошлое своей страны.

В таких условиях возникает потребность переоценки и пересмотра своей истории. Ведь отказ от прежних ценностей влечет развенчание былых героев и разочарование в том, что ранее считалось славными страницами истории. Иными словами, в новых условиях старый миф теряет свое оправдание и подвергается сомнению. На смену ему приходит новый, расставляющий совершенно иные акценты и кардинально меняющий образ прошлого.

В этом контексте термин «миф» имеет особое значение. В бытовых представлениях миф отождествляется со сказкой, выдумкой, фантазией, мало соответствующими реальности. Однако в современном научном понимании миф вовсе не обязательно полностью связывается с ложным образом. Речь идет о внесении некоторого порядка в хаотичное скопление исторических фактов. Факты отбираются и интерпретируются таким образом, чтобы

создалась непротиворечивая картина исторического процесса, основанная на определенной логике. При этом одни факты игнорируются, а другие интерпретируются так, что одним из них придается особое значение по сравнению с другими. Благодаря такого рода процедурам, возможно одновременное существование двух или нескольких версий истории. В этом нетрудно убедиться, ознакомившись с учебниками по истории России, написанными с либеральных и консервативных позиций. По сути, сама «национальная история» является мифом, или, как иногда говорят, «большим нарративом», обслуживающим интересы правящей верхушки или доминирующего большинства.

С этой точки зрения, немаловажным представляется и содержание важнейших понятий, в данном случае – понятия «нация». Ведь в XVII–XVIII вв. под «нацией» понимались лишь «благородные сословия», «знать», тогда как после Великой Французской революции «нация» стала отождествляться со всеми полноправными гражданами государства. Что за этим стояло? Принадлежность к нации определялась обладанием политическими правами, т.е. правом участвовать в политическом процессе и быть причастным к политическим решениям. При абсолютистских режимах простой народ был такого права лишен, и поэтому места в «нации» ему не находилось. И лишь Французская революция кардинально изменила эту ситуацию. Соответственно изменился и образ прошлого. Если до этой революции творцом истории, под которой понимался политический процесс, представлялась исключительно знать, то после революции ее место заступил «народ», получивший с тех пор почетное место творца истории.

Однако, в разных традициях и «народ» понимался по-разному. Если во Франции сюда включались все французы, т.е. все граждане французского государства, то в Советской России «народ» ассоциировался с рабочими и крестьянами, тогда как знать и священники оттуда исключались. Иначе обстоит дело в Германии, где немцы издавна представляли себя в виде спаянного этнокультурного тела. Это возникло исторически, ибо образ культурного единства сложился в германских землях до того, как те

были объединены политически в рамках единого государства. Вот почему там создалась благоприятная обстановка для отождествления культурного единства с «расой». Поэтому расизм в Германии фактически слился с этническим национализмом, и его главными сторонниками выступали как консерваторы, так и либералы, выходцы из среднего класса. Как отмечала Ханна Арендт, им льстила идея «врожденного благородства», содержащая в себе понятие о «природных привилегиях», которому было имманентно присуще биологическое измерение. А к концу XX века к этому прибавилось опасение утраты своей «чистоты», что и способствовало росту ксенофобии в отношении иностранцев, прежде всего, гастарбайтеров.

Соответственно выстраивался и образ прошлого. Во Франции «национальная история» охватывала всех граждан, наделенных политическими правами. В СССР творцом истории представлялись лишь «трудящиеся массы». А в Германии главным героем истории выступал «немецкий народ» как этническая или этно-расовая общность. Иными словами, во Франции «национальная история» имела инклюзивный характер, а в СССР и Германии — эксклюзивный, хотя и на разных основаниях — классовом в СССР и этно-расовом — в Германии. Следовательно, исторический нарратив формируется в зависимости от группового самосознания и находится в прямой связи с «политикой идентичности».

Вот ряд конкретных примеров того, каким может быть образ прошлого и как он пересматривается. Вплоть до недавнего времени война за независимость представлялась в США как противоборство двух сил – колонистов и британских колониальных войск. И лишь сравнительно недавно американские историки установили, что едва ли не половина колонистов воевали тогда на стороне Великобритании. Во Франции в эпоху генерала де Голля период Второй мировой войны героизировался и рисовался борьбой французской освободительной армии против нацистских оккупантов. И только после смерти де Голля историки и общественные деятели Франции начали анализировать другую сторону войны – коллаборационизм, охватывавший не только власти и чиновников

Вишистского государства, но и изрядную часть французского общества. Наконец, до сих пор отдельные авторы изображают войну в Чечне 1994—1996 гг. как «российско-чеченскую», где чеченская сторона ассоциируется с «национально-освободительной борьбой чеченского народа». Между тем, такая подача материала игнорирует тот факт, что немало равнинных чеченцев выступали тогда на стороне российской власти, что позволяет говорить о гражданской войне, в которой отразились различные интересы отдельных сегментов чеченского общества.

О чем говорят все эти факты? Во-первых, о том, что сдвиг общественных настроений ведет к переоценке прошлого и история время от времени подвергается пересмотру и переписывается. В СССР это происходило неоднократно — вначале в первые годы советской власти, когда место «дворянской» и «буржуазной» историографии заступила освободительная и антиколониальная версия отечественной истории, а затем, начиная со второй половины 1930-х годов, когда конституционное утверждение СССР как этнической федерации создало потребность в «национальных историях», ставивших на первое место этнический фактор. Кроме того, в советские годы определенным стимулом к переписыванию истории были кампании по «борьбе с национализмом», заставлявшие местных историков под угрозой репрессий менять свое представление о предках.

Наконец, в 1970–1980-х годах в глазах правящей элиты, мечтавшей о стабильности, революционный фактор потерял свое оправдание. Возникли охранительные настроения, и отношение к царской империи смягчилось. В этих условиях зародился интерес к конспирологии, ведущей поиски неких тайных сил, подрывающих государственные устои. Тогда некоторые писатели не без поддержки КГБ вспомнили о «масонах». Одновременно появился интерес к биологическому фактору, который, как ничто другое, был способен подвести «научную базу» под консервативные установки властной элиты. На этой основе в России появился новый (культурный) расизм, и возникли реставрационные настроения.

Во-вторых, как когда-то справедливо отметил К. Маркс, история пишется победителями. Поэтому официальная версия истории уделяет основное внимание тем, от чьего лица осуществляется власть. При монархическом режиме в центре истории находятся монархи; в демократическом государстве речь идет о доминирующем населении; при авторитарном или тоталитарном режиме история контролируется теми, кто находится у власти, и ставит на первый план тех, с кем власть себя ассоциирует; а при этнократическом режиме история пишется от лица привилегированного этноса независимо от того, составляет ли он демографическое большинство или меньшинство. В таких условиях всегда есть те, кто выпадает из доминирующей версии истории. Это — диссиденты и разного рода меньшинства, испытывающие то или иное давление или ту или иную дискриминацию.

В-третьих, версия истории сплошь и рядом отражает групповые или личные интересы. В этом смысле, говоря словами Пьера Бурдье, она служит могущественным орудием борьбы за власть с опорой на символические ресурсы, которые и представлены образами прошлого. Поэтому создатели версии истории делают упор на славные страницы прошлого и вспоминают героев, которыми группа может гордиться и которые позволяют ей претендовать на власть. При этом такая версия прошлого основывается на оценках, соответствующих климату эпохи или моральному состоянию доминирующего общества. Например, в эпоху колониализма и расизма в американской истории господствовала фигура белого ковбоя, завоевателя обширных пространств и героического победителя «индейцев-варваров», якобы неспособных к цивилизованному образу жизни. Но в эпоху борьбы за гражданские права общественное мнение в США резко изменилось, и сегодня многие американцы испытывают стыд за деяния своих предков-колонистов. Мало того, сравнительно недавно американские историки обнаружили, что среди ковбоев, завоевывавших земли Среднего Запада, было немало чернокожих, и образ истории резко изменился.

В России до сих пор воспеваются деяния русских первопроходцев, открывших путь к освоению Сибири и Дальнего Восто-

ка. Однако о темной стороне этого освоения сегодня мало кто отваживается говорить. В 1996 г. даже устраивались торжества по поводу 300-летия присоединения Камчатки, и в связи с этим добрым словом поминался атаман Атласов, устроивший там кровавую бойню, отчего местное население значительно поредело. Тогда ительмены пытались выступать с протестами, но их мало кто услышал.

В-четвертых, нетрудно заметить, что конструирование образов прошлого непременно включают амнезию. Ведь определенные моменты прошлого сознательно игнорируются и «забываются». Однако, они «забываются» не навечно. С новым изменением обстановки «забытое» может пережить второе рождение и приобрести большое значение для новых поколений. Сегодня это происходит в России с религиозным фактором. В годы государственного атеизма церковь как исторический фактор была полностью вычеркнута из истории и роль религиозного фактора в истории и культуре игнорировалась. Зато ныне даже школьные учебники в обязательном порядке обязаны подчеркивать позитивную роль церкви в истории России.

Амнезия в особенности связана с травмой. Подобно тому, как немцы долгое время не хотели вспоминать об эпохе нацизма, сегодня в странах Восточной Европы часто отрицается участие своих соотечественников в преследовании и истреблении евреев. Но социальная память может двояко реагировать на травму — с одной стороны, с помощью амнезии (люди не хотят вспоминать об ужасной катастрофе. Так поступали израильтяне до середины 1950-х годов и советские армяне до 1965 г.), а с другой, — напротив, путем культивации памяти, ибо ореол мученичества требует определенной социальной компенсации (память о махаджирстве и депортации народов, а сегодня и памятники жертвам террора). Последнее происходит в том случае, когда национальная идентичность основывается на идее жертвенности.

В-пятых, в период обострения межэтнических и межнациональных отношений противоположная сторона нередко рисуется вековым врагом и подвергается процедуре демонизации. Это

делается разными способами. Например, можно игнорировать исторические периоды хороших взаимоотношений, и тогда образ конфронтации приобретает вневременной характер. Так, в 1990-х годах было популярно говорить о 400-летней непрерывной конфронтации между чеченцами и Россией. А в Гватемале говорят о 200-летней конфронтации индейцев-майя с пришельцами. Одно время в еврейской традиции было принято представлять последнее тысячелетие эпохой бесконечного антисемитизма. Но в течение последних 25 лет специалисты отходят от этого однобокого подхода и делают акцент на тех исторических периодах или ситуациях, когда евреи тесно общались с окружающим населением и даже успешно интегрировались в местные общества. Сегодня такая концепция принята даже в некоторых музеях – в Музее диаспоры в Тель-Авиве и Музее еврейской истории в Нью-Йорке.

Другой прием демонизации — это обвинение врага в ужасных злодеяниях против соотечественников или соплеменников. При этом такое обвинение иной раз основывается на отдельных исключительных случаях, причем аналогичные или похожие злодеяния со стороны своих собственных соплеменников тщательно замалчиваются (сербы и хорваты на Балканах, армяне и азербайджанцы, осетины и ингуши).

Как уже отмечалось выше, этническая группа выстраивает свой собственный образ истории, стремясь обеспечить себе достойное место в символическом пространстве. В СССР эта тенденция получала поддержку со стороны власти, ибо этнофедерация нуждалась в устойчивых образах отдельных этносов. Действительно, национальные республики искали себе оправдание в историко-культурной специфике, и каждый признанный государством этнос должен был демонстрировать свою самобытность, связанную с языком, культурой и историей. Вот откуда тот интерес к этнической истории и этногенезу, который был так характерен для советской науки и передался науке российской. При этом создавался нарратив, обладавший всеми чертами мифа. Мало того, в зависимости от колебаний советской внутренней и внешней политики этот миф мог неоднократно пересматриваться в самих своих

основах. Поэтому в историографии многих народов можно найти случаи пересмотра образа предков.

Благодаря многолетним этногенетическим исследованиям надежно установлено, что любая современная этническая группа складывалась из различных компонентов. Иными словами, у нее имелось несколько различных предков (языковых, культурных, биологических). Это открывает возможность для выбора предков, который определяется уже не любознательностью, а решением насущных политических задач. А, так как в разные исторические периоды перед обществом стоят разные задачи и местные политики решают их по-разному, то проблема выбора предков часто становится политически актуальным делом. Поэтому нередко историки вынуждены выбирать из широкого набора именно тех предков и придавать им тот образ, которые требуются властям. В этом случае мы имеем дело с созданием мифа, опирающегося на современные научные технологии. Этот процесс с легкостью выявляется при изучении особенностей поиска предков своих народов, которым занимались советские интеллектуалы в XX веке и которым продолжают заниматься их наследники в постсоветское время.

Достаточно сказать, что, например, азербайджанцы в течение XX века пять раз сменили образ своих предков. Так, в недолгий период существования Азербайджанской республики и затем в эмиграции азербайджанские националисты связывали своих предков со средневековыми тюрками-завоевателями, создававшими империи и распространявшими тюркский язык. Напротив, в СССР в период борьбы за интернационализм и дружбу народов на рубеже 1920–1930-х годов выковывалась версия, согласно которой азербайджанцы и армяне имели общие кавказские корни и исключительно местных предков. Затем в конце 1930-х годов была выдвинута версия, по которой азербайджанцы якобы происходили от мидян. Сперва это было призвано обнаружить у них индоевропейские корни и сблизить их с армянами. В 1940-х годах эта концепция получила новое наполнение и была призвана легитимировать советские претензии на земли Иран-

ского Азербайджана. В последние советские десятилетия официальная версия этногенеза связывала предков азербайджанцев с Кавказской Албанией, что должно было сделать азербайджанцев подлинно коренным автохтонным народом и закрепить их права на Нагорный Карабах, расположенный на бывших землях Кавказской Албании. Но уже тогда с этой версией начала конкурировать пантюркистская версия, не только возвращавшая азербайджанцам их тюркских предков, но тюркизировавшая древнее население Азербайджана и соседних районов Среднего Востока. Эта версия получила официальное признание в постсоветском Азербайджане. Она объединяет язык с идеей автохтонности и оптимально соответствует претензии доминирующего большинства на власть в республике.

И такую «борьбу за предков» или «историческую политику» можно обнаружить практически у любого этноса бывшего СССР. Мало того, иной раз можно встретить даже две конкурирующие между собой версии этнического происхождения (как албанскую и тюркскую в Азербайджане). Например, у татар Поволжья в течение последних двадцати пяти лет шла борьба между, так называемыми, «татаристами» и «булгаристами». Первые подчеркивали непреходящее значение кыпчакских предков, связанных с Золотой Ордой, тогда как для вторых предки ассоциировались с населением Волжской Булгарии, оказавшей сопротивление монгольскому завоеванию и подвергшейся тогда разгрому, а затем включенной в состав Золотой Орды. Примечательно, что за обеими версиями стояли разные интересы и разные представления о татарской общности и ее границах. Если «булгаристы» делали акцент на автохтонности и более всего заботились о легитимности Республики Татарстан в ее нынешних границах, то для «татаристов» важно было объединить всех татар, живущих на территории России, привить им выраженное этническое самосознание и уберечь от ассимиляции. Поэтому-то в отличие от «булгаристов» они подчеркивали значимость для татар былой территории Золотой Орды. Страсти настолько накалились, что произошло разделение единого научного Института: в 1996 г. часть его стала отдельным

Институтом истории АН РТ, а другая часть – Институтом языка, литературы и искусства АН РТ.

Помимо этничности, большую роль в конструировании исторического партикуляризма играет регионализм. Например, как казаки, так и поморы создают сегодня свои собственные версии прошлого, отказываясь от русской идентичности и претендуя на особый этнический статус. Казакам это нужно для того, чтобы легитимизировать свои права на местную территорию и вернуть себе былую земельную собственность вместе с сословными привилегиями. А поморы хотят получить статус «малочисленного коренного народа», ожидая от этого соответствующих экономических привилегий. Однако это – крайние случаи. Многие русские регионы России конструируют особые версии истории, не отказываясь от русскости, но пытаясь добиться особого престижа для получения дополнительных финансовых вливаний из центра и надеясь на прилив туристов.

Изучение партикулярных версий прошлого показывает, что, расставляя акценты иначе, чем это делает «национальная история», они могут игнорировать события общенационального значения, но зато придают важность тому, что в «национальной истории» теряется. Например, чернокожие американцы и американские индейцы в гораздо большей степени, чем белые американцы, связывают свои семейные истории с историей расы или племени. Так, среди чернокожих оказалось в семь раз больше, чем среди белых, тех, кто придавали основополагающее значение фактам своей этно-расовой истории. А среди индейцев-сиу таковых оказалось даже в десять раз больше. В свою очередь, если белые американцы в числе главных исторических событий недавнего прошлого называли Вторую мировую войну, войну во Вьетнаме и убийство президента Дж. Кеннеди, то для чернокожих гораздо важнее оказывались движение за гражданские права и период рабства, а для индейцев-сиу – образование резерваций и столкновения с белыми. В Англии дети иммигрантов из стран Азии и Африки также испытывают интерес к истории и культуре стран своего происхождения, и история пользуется у них гораздо большей популярностью,

чем у коренных британцев. В этот список можно включить и различных представителей нерусских этносов России, для которых факты своего коллективного прошлого представляются нередко более важными, чем факты общефедеральной истории. На совещании историков в Улан-Удэ в апреле 2008 г. некоторые местные работники просвещения задавали вопрос о том, нужно ли бурятам знать древнюю историю славян и Киевской Руси. Как показывают специалисты, это явление свойственно и крестьянской памяти, которая иной раз хорошо запечатлевает локальные события в ущерб событиям общенационального значения. Например, как-то французский историк обнаружил, что крестьяне, жившие в глубинке, вовсе не заметили Великой Французской революции.

Наконец, конкурирующие образы прошлого могут давать одним и тем же историческим событиям диаметрально противоположные оценки, связанные с жизненно важными групповыми интересами. В Южной Америке доминирующее большинство видит в войне за независимость начало своего освобождения и основу местных национальных государств, а местные индейцы, напротив, связывают ту эпоху с утратой независимости и потерей земель. Для израильтян 1948 г. ассоциируется с созданием своей национальной государственности, а палестинцы помнят о нем как о национальной катастрофе. Католики и протестанты в Северной Ирландии излагают основные события истории едва ли не диаметрально противоположным образом, и это характерно для конфликтных ситуаций. То же самое можно встретить в работах русских и татарских историков, посвященных взятию Казани войском Ивана Грозного.

Со временем меняется представление не только об исторических событиях или групповой истории, но и об отдельных исторических личностях. Например, более двадцати лет назад американский исследователь Бэрри Шварц провел классическое исследование динамики образа Джорджа Вашингтона. Если до 1865 г. того превозносили как национального героя, и наблюдалось нечто вроде его культа, то затем интерес к нему упал, и стали критически писать о его былой идеализации. В частности тогда начали

критиковать отцов-основателей за отсутствие демократизма. В то же время и после гражданской войны в США у Вашингтона было много обожателей. Они стали приближать его к себе и изображать демократом по типу Линкольна. Публика узнала, что Вашингтон «любил детей», и его начали представлять романтиком. Теперь ему стали позволять шалости, стали писать о его романтической любви. Из аскета, каким его знали в ранней Новой Англии, он превратился в жизнелюба. Иными словами, если в первой половине XIX в. его изображали в стиле неоклассицизма как великого человека, то позднее под влиянием событий гражданской войны произошла демократизация его образа. Но новое в его характере не было плодом воображения. Оно было просто заново открыто. Это — то, о чем ранние авторы не писали. Так после 1865 г. появились два контрастных образа Джорджа Вашингтона. А у нас сегодня это происходит с образом Ленина.

В России поучительным примером служит выстраивание образа князя Александра Невского, который формировался столетиями. Подобное явление можно наблюдать и на Северном Кавказе. Так, если в советские годы образ Шамиля служил горцам бесспорным вдохновляющим символом борьбы за свободу, то во второй половине 1990-х годов в Чечне наблюдалось охлаждение к его образу. Тогда появились книги и статьи, где он подвергался жесткой критике. Некоторые авторы осуждали попытку Шамиля силой навязать горцам государственность, ваххабиты отвергали его деспотизм и жестокость в отношении местного населения, а уставшие от идущей вокруг войны люди порицали его за то, что он втянул горцев в истребительную войну с Россией. И в Дагестане даже известен случай разрушения ваххабитами памятника Шамилю в конце 1990-х годов. В Закаталах (Азербайджан) памятник ему был разрушен в 2001 г. по решению местной администрации.

Сказанного достаточно, чтобы понять, что образы прошлого необычайно многообразны. Они конструируются, интерпретируются, пересматриваются, соперничают друг с другом, служат основой для идентичности и создают образ врага, могут служить как для гегемонистского, так и для антиколониального дискурса.

Говоря словами Пьера Бурдье, образ прошлого — это важный символический ресурс, открывающий путь к господству и власти. Он культурно окрашен и предполагает наличие особых стоящих за ним интересов. Эти интересы не всегда осознаются, зато всегда находят эмоциональное выражение.

Список литературы

Абрамян Л. Борьба с памятниками и памятью в постсоветском пространстве (на примере Армении) // Acta Slavica Iaponica. 2003. T. XX. C. 25–49.

Ассман А. Длинная тень прошлого. М., 2014.

Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004.

Джадт Т. «Места памяти» Пьера Нора: Чьи места? Чья память? // Ab Imperio. 2004. № 1. С. 44–71.

Зерубавель Я. Динамика памяти // Ab Imperio. 2004. № 3. С. 71–90.

Ле Гофф Ж. История и память. М., 2013.

Лоуэнталь Д. Прошлое – чужая страна. СПб., 2004.

Миллер А., Липман М. (ред.) Историческая политика в XX веке. М., 2012.

Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. С. 202–208.

Нора Π . Между памятью и историей: Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб., 1999. С. 17–50.

Репина Л.П. Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. 2004. № 5. С. 33–45.

Репина Л.П. Концепции социальной и культурной памяти в современной историографии // Феномен прошлого / под ред. И.М. Савельевой, А.В. Полетаева. М., 2005. С. 122–169.

Рикер П. Память, история, забвение. М., 2004.

Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М., 1992.

Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. С. 8–27.

Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007.

Хаттон П. История как искусство памяти. СПб., 2003.

Шенк Ф.Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой. (1263–2000). М., 2007.

Шнирельман В.А. Арийский миф в современном мире. В 2-х т. М., 2015.

- *Шнирельман В.А.* Быть аланами. Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М., 2006.
- *Шнирельман В.А.* Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М., 2003.
- Шнирельман В.А. Музей и конструирование социальной памяти: культурологический подход // Этнографическое обозрение. 2010. № 4. С. 8–26.
- Шнирельман В.А. От конфессионального к этническому: булгарская идея в национальном самосознании казанских татар в XX в. // Вестник Евразии. 1998. № 1–2. С. 137–159.
- Шнирельман В.А. Очарование седой древности: мифы о происхождении в современных учебниках // Неприкосновенный запас. 2004. № 37. С. 79–87.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ РУССКИХ

Перемены, которые произошли в нашей стране, начиная с 1986 г., привели к кризису существовавшей советской идентичности и вызвали к жизни интенсивные споры о необходимости новой идентификации россиян. В общественной сфере остро обозначилась потребность в обретении интегративных идей. В качестве таковых все более активно стали использоваться этнонациональные и религиозные традиции, историческое наследие.

Та пристрастность, с которой эти споры ведутся, скоропалительность предлагаемых рецептов, заставляют вспомнить, что самосознание народа формируется, выплавляется самим ходом истории (вполне можно утверждать, что наша национальная идея — это отечественная история), его невозможно вывести лабораторным путем. Точнее вывести можно, но концепт этот останется умозрительным и малоэффективным, если не будет учитывать специфику массового сознания и опираться на коллективную историческую память, традиционные нравственные нормы, ментальные установки и т.д. Поиски идентификации вовсе не должны означать обязательную устремленность к каким-то новым формам, ранее неизвестным и неиспробованным.

В основе самосознания русских, как и других народов, лежит историческая память. Каждое общество имеет повествование о своем прошлом. Без этого нет государства, или это не полностью состоявшееся, как бы «нелегитимное» государство.

Формирование исторических представлений и памяти – прежде всего сложнейший механизм передачи опыта и сведений о прошлом. Когда люди хранят информацию о событиях и фактах, то, так или иначе, переосмысливают услышанное, увиденное и пережитое. На формирование коллективных представлений о прошлом несомненное влияние оказывают вновь приобретенные, в том числе и книжные знания; разумеется, и сами представления,

в свою очередь, испытывают воздействие господствующей идеологии, политической конъюнктуры, массовых стереотипов и т.д. В результате практически любой исторический факт искажает реальность, являясь ее субъективной интерпретацией. В современной историографии под исторической памятью чаще всего понимают одно из измерений индивидуальной и коллективной (или социальной) памяти — как память об историческом прошлом, по сути — символическую репрезентацию прошлого.

Исторические представления связаны с национальным самосознанием в двух аспектах. Во-первых, историческая память, сам факт ее наличия свидетельствует об определенном уровне развития самосознания народа. Общность представлений о прошлом является одним из элементов этнического, а на определенной стадии — национального самосознания. Глубина и насыщенность исторической памяти влияет на самосознание, мироощущение людей, является важнейшим компонентом самоидентификации индивида, социальной группы и общества в целом. И если память о героических событиях, выдающихся деятелях и ярких достижениях питает национальную гордость, патриотизм и гражданское самосознание, то, напротив, воспоминания о бесславных войнах, социальных невзгодах, репрессиях вызывают отчужденное отношение к стране и государству.

Во-вторых, исторические представления служат источником для изучения характера и специфики национального самосознания. Соответственно, исследование национального самосознания в историческом аспекте диктует необходимость обращения к коллективной памяти, которая в значительной мере определяла национально-культурные особенности русских.

Подчеркнем существенный момент. При изучении национального самосознания русского народа (особенно, если мы говорим о его становлении в исторической протяженности) нельзя обойтись без обращения к историческим воззрениям простонародья, прежде всего русских крестьян, которые в течение многих веков были не только большинством населения России (до революции 1917 г. крестьянство составляло более 80% нации, и даже сегодня боль-

170 *А.В. Буганов*

шинство россиян – это их дети, внуки и правнуки), но и основным хранителем этнических традиций. Не секрет, что во взглядах людей образованных довольно много не только различных культурных заимствований, напластований, но зачастую и много чужеродного. И распознать этничность, понять, какие из рассматриваемых воззрений являются именно русскими, бывает подчас весьма нелегко. В громадной же массе простонародья эта самая русскость проявлялась самым естественным образом (в том числе и в сфере исторического сознания). Причем не только и не столько в рассуждениях и высказываниях, а всем ходом жизни. Именно поэтому воззрения народные описаны, отмечены, зафиксированы в самых различных материалах, составляющих обширный корпус историко-этнографических источников. Это и различные жанры исторического фольклора, и ответы на программы научных обществ XIX-XX столетий, дневники, путевые заметки, жизнеописания крестьян и т.д. На основе комплексного анализа этих источников можно судить о состоянии исторической памяти и о тесно связанных с ней формах русского самосознания.

Обращение к комплексу исторических воззрений русских людей позволяет не только приблизиться к пониманию специфики и особенностей народной версии отечественного прошлого, но и определить, каким образом они себя идентифицировали.

Исследования исторической памяти русских во взаимосвязи с национальным самосознанием показывают, что их воззрения на историю страны и мира проявлялись как в характеристике отдельных деятелей, так и в выделении различных эпох и событий прошлого.

Народный взгляд на историю страны в значительной мере формировался через оценку выдающихся личностей, память о которых, в свою очередь, также влияла на формирование национального самосознания. Насыщенность исторической памяти крупными яркими фигурами лишний раз доказывает ограниченность господствовавшего в советское время взгляда на историю. В советский период по идеологическим причинам, прежде всего, официально навязанного приоритета классовых ценностей, из поля зрения ис-

следователей фактически была изъята тема влияния личности на ход исторического процесса, на формирование общественного мировоззрения. Между тем, при неразвитости институтов гражданского общества в России, как, возможно, ни в какой другой стране, личностное начало играло в государственных делах ведущую роль (соответственно, и преобразования в ходе их реализации могли в значительной степени корректироваться). Историческая наука в советское время отошла от непосредственного изучения человека, история человеческих сообществ оказалась без человека. Как не раз сетовал академик Д.С. Лихачев, опасаясь преувеличения роли личности, историки сделали свои работы не только безличностными, но и безличными, а в результате малоинтересными. Это дало основание Лихачеву в своих последних обобщающих работах поставить вопрос о необходимости возникновения новой науки – науки о человеческой личности². В определенном смысле этот поворот к личности в современных науках о человеке и обществе уже происходит (о чем, в частности, свидетельствует и направленность сегодняшних антропологических исследований).

Какие же типы выдающихся личностей были востребованы народным сознанием в качестве государственных и народных лидеров и остались в исторической памяти русских? Прежде всего, это русские монархи — олицетворение авторитета власти; устроители церкви и религиозные подвижники как авторитетные духовные личности; воины-полководцы и герои из народа как защитники и «оберегатели» земли Русской. Все они в той или иной степени были носителями характерных, типичных черт национального характера. В их делах и свершениях проступали глубинные пласты психологии русского этноса, его душевные и религиозно-нравственные возможности.

Центральное место в национальном пантеоне героев, безусловно, отводилось царям. Образы царей являлись символами вероисповедной и национальной идентичности. Наиболее значительный след в сознании русских оставили Иван Грозный, Петр Великий, Александр I и Александр II. На образах этих государей практически не сказалось, что нельзя сказать о последнем

172 А.В. Буганов

царе династии Романовых, размывание монархического идеала в предреволюционный период начала XX века.

Иван Грозный воплотил в себе типичные черты сурового государя. Взгляды на первого русского царя менялись с течением времени. В 1560-1570-е годы, в разгар опричнины, в фольклоре преобладала критика в адрес Ивана Грозного: царь, мол, обманул старика, в образе которого явился Господь, завел тем самым на Руси измену, которую теперь не искоренить. Отношение к опричнине в народной среде было противоречивым. С одной стороны, опричнина оценивалась как ревностное государственное служение, наказание бояр-изменников воспринималось с одобрением. С другой стороны, не менее ощутимо в фольклоре и неприятие жестокости, несправедливых притеснений; гибель невиновных людей никогда не оправдывалась. С начала XVII века в народном сознании начинается идеализация Ивана Грозного. Бедствия Смутного времени заслоняют произвол и беззакония опричнины; все более привлекательной становится мысль о сильной власти. Суть народного взгляда на Ивана IV подметил один из корреспондентов Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева: «Причиной всякого несчастья и гонения народ считает грех перед Богом. Исходя из этого убеждения, народ признает Иоанна Грозного карателем, посланным от Бога. На этом основании крестьяне не винят этого царя за его неистовство»³. Мрачные годы опричнины считались небесной карой, ниспосланной на Россию за общенародные прегрешения.

Сохранялись, конечно, и отрицательные характеристики: в новгородских и псковских преданиях память об опричнине и жестоких расправах заслонила образ царя как символ национального могущества, характерный для исторической памяти большинства русских крестьян об этом царе.

С начала XVIII столетия по всей России бытовали воспоминания о Петре Великом. Признавалось его величие как полководца и царя, лишенного сословных предрассудков. Солдаты воспевали победоносного «первого императора». В народной памяти Петр Первый – неизменно православный царь: «Как возговорит наш ба-

тюшка православный царь, Всей ли же России Петр Алексеевич». Характерной особенностью воззрений русских, проявившейся и в восприятии Петра, было глубоко укоренившееся семейное, родственное отношение к царю. Монарх был не первым дворянином в государстве, как в Западной Европе, а именно царем-батюшкой.

В коллективной народной памяти Петр I, благодаря своей преобразовательной деятельности, неутомимому трудолюбию, сохранился, прежде всего, как царь-работник. Эта традиция изображения Петра «мужицким» царем зародилась на Севере, но в дальнейшем распространилась по всей России. Про Петра крестьяне рассказывали, что он «завел в России все заморские хитрости, сам учился всему и не мог только сплести лаптей».

Если в массе народа возобладали положительная оценка императора, историческое понимание его деятельности, то в глазах старообрядцев он не был истинным царем, помазанником Божиим. Нарушение конфессиональной однородности русского общества, связанное с церковным расколом, привело к росту оппозиционных настроений в раскольничьих толках, особенно на Севере. При этом характерно, что, несмотря на наличие радикальных взглядов в некоторых старообрядческих согласиях, готовность низложить Петра, даже самые яростные обличители не вступали в конфликт с царской властью как таковой, не подвергали сомнению ее легитимность.

Основными вехами в народном взгляде на царствование Александра I (и основными фольклорными сюжетами) стали Отечественная война 1812 года и смерть императора. В песнях о войне Александр, подобно своим предшественникам, представал как символ национального достоинства:

Все стояла бы, да, мол, Сила за царя...⁴.

Значительный комплекс слухов, версий, догадок был связан с кончиной императора Александра I в 1825 г. (одной из самых загадочных страниц русской истории). Почвой для слухов стали не только таинственные обстоятельства смерти царя, но и широко

174 А.В. Буганов

известная его набожность. В легенде о Федоре Кузьмиче самым тесным образом слились имена двух людей — русского императора, спасителя Европы от Наполеона, и сибирского старца. В отождествлении старца и императора воплощалась идея искупления греха [соучастия Александра в убийстве своего отца, императора Павла — А.Б.], столь близкая мироощущению русских людей.

Необычайно популярен в народе был Александр II — Царь Освободитель. Надежды на волю постоянно воспроизводились в крестьянской среде, и неудивительно, что 19 февраля 1861 г. оставалось памятным рубежом в общественном сознании. Огромное впечатление произвела на общество гибель царя. Большая часть крестьян поддерживала официальную версию о покушавшихся на Александра II как злодеях-цареубийцах, антихристах. Убийство императора расценивалось как месть дворян царю за его намерение отобрать у дворян землю и безвозмездно передать ее крестьянам. Освобождение крестьян и убийство государя напрямую связывались: «За нас покойничка убили, што ен нам волю дал, царство ему небесное».

В конце XIX — начале XX столетия народные взгляды на русских самодержцев достаточно быстро трансформировались, все более отдаляясь от безоговорочного почитания. Если образ царя в фольклорных текстах еще сохранял абстрактный мифологизированный характер, то в реальной жизни верховный носитель власти оценивался взвешенно, а порой и излишне критически. Размывание образа царя шло постепенно по мере разрушения традиционного уклада жизни, активности либеральных и революционно-демократических элементов, отхода от веры определенной части населения.

Чуждые сознанию народа лозунги и перспективы русско-японской войны, ее неудачный исход также вели к критике государственной политики. И, конечно же, непоправимый удар по монархическому принципу нанесла Первая мировая война. Авторитет Николая II падал, усилиями революционеров-пропагандистов в войсках «царь-батюшка» сменялся уничижительным «Николашка». Иссякал исторический ресурс монархизма как мировоззре-

ния. Крах российской государственности в значительной мере стал следствием девальвации в общественном сознании образа Помазанника Божия, являвшегося в течение многих веков символом государственности России, воплощением ее религиозной и национальной идентичности.

Громадное значение в формировании национального самосознания имел духовный авторитет подвижников благочестия. Русские люди благоговели пред святостью монахов, старцев, странников, юродивых. Эту святость они ценили как высшую религиозную величину. И это было очень характерно именно для русских с их, по выражению Н.А. Бердяева, «религиозной формацией души».

Идеал православного подвижника формировался в течение многих веков. В монастырях допетровской Руси создавался и окружался ореолом благочестивой легенды образ инока, посвятившего себя служению Богу. Вместе с тем, монашескому служению на Руси под воздействием общинных мировоззренческих стереотипов была не свойственна концепция индивидуального спасения. Уход от мира, в конечном счете, являлся средством совершенствования ради служения миру примером, уединение от мира предполагало возврат к нему через любовь. В.О. Ключевский точно подметил эту характерную особенность в русском монашестве: «...Древнерусское монашество было точным показателем нравственного состояния всего мирского общества: стремление покидать мир усиливалось не от того, что в миру скоплялись бедствия, а по мере того, как в нем возвышались нравственные силы. Это значит, что русское монашество было отречением от мира во имя идеалов, ему непосильных, а не отрицанием мира во имя начал, ему враждебных»⁵.

Монастыри в русской истории никогда не могли совершенно обособиться от народной жизни. В раннем средневековье они были культурными центрами страны, иноческая жизнь в общежительных монастырях и скитах была наполнена единством национальных и религиозных задач. К началу XVI века монастыри настолько прочно вросли в ткань государственной жизни, что не-

176А.В. Буганов

избежно вовлекались во вполне мирские политические и социальные заботы.

Память о святых Земли Русской переходила из столетия в столетие. К заступничеству великих праведников призывали в тяжелые для Отечества моменты. Со времен Киевской Руси чтили преподобных Антония и Феодосия Киево-Печерских. Немеркнущим в народной памяти потомков оставалось и остается имя «игумена земли Русской» преподобного Сергия Радонежского. Память о митрополите Филиппе (Колычеве), не побоявшемся обличать Ивана Грозного, привнесла в русское сознание понимание священнического и гражданского долга как готовности самоотверженно отстаивать правду и государственную пользу, невзирая на последствия. Религиозным деятелем государственного уровня остался в народных воспоминаниях святитель Митрофаний Воронежский, современник и сподвижник Петра Великого.

Среди многочисленных примеров подлинного подвижничества наиболее целостным явлением стало старчество. Известное еще в Московской Руси, в конце XVIII и в XIX столетии оно по-настоящему укоренилось в русских монастырях. В духовном и историческом смысле старчество повторило путь русского монашества — уход из мира и возврат к нему через любовь. Для России наиболее типичен был путь старцев-подвижников, окормлявших не только монашествующих всех степеней духовного возраста, но и мирян разных сословий. Наивысшего развития старчество достигло сначала в маленьких монастырях центральной России, а затем в исключительной жизни прп. Серафима Саровского и старцев Оптиной пустыни.

Всенародное, соборное почитание чтимых подвижников православного благочестия в России часто опережало их официальное признание. Поток русских людей к праведникам при их жизни, а после смерти к их могилам, говорит о том, что отечественные подвижники были достоянием народа. Их труды и подвиги доказывали, что не только в монашестве обретались здоровые силы, но и то, насколько сильны были религиозные устремления во всех слоях народа.

Обращение к земной жизни и посмертному почитанию «явленных и неявленных», канонизированных и не канонизированных подвижников благочестия дает множество примеров тому, насколько глубоко и органично вошли они в историческое сознание русских людей. Почитание православных подвижников являлось неотъемлемой составляющей народной религиозности. Образ их подвижничества и святости был особенно дорог благочестивому идеалу народа. Святые были понятны и близки крестьянину, ведь, как говорили в народе, были времена, «когда святые по земле ходили». Народную трактовку их жизни и деятельности определял конфессиональный фактор, составлявший сущностную основу формирования единого русского национального самосознания.

С точки зрения исследования национального самосознания весьма ценно обращение к исторической памяти о личностях героических эпох. В истории России войны и вооруженные конфликты были довольно частым явлением; за все дореволюционное время с трудом можно отыскать несколько мирных периодов, длившихся более десяти лет. В военных противостояниях ярко проступали черты личности как выразителя народного духа. Неудивительно, что подвиги русского воинства освящались как господствующей Церковью, так и народным сознанием.

Первыми героями в отечественной истории были былинные богатыри — Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович, Микула Селянинович и др., ставшие «идеальной учительной конструкцией национального типа в его героическом варианте» Со времен Смуты начала XVII века остались памятны в народе яркие исторические деятели той поры: Козьма Минин, Д.М. Пожарский, Прокопий Ляпунов, М.В. Скопин-Шуйский и др. Историческая память Нового и Новейшего времени опиралась на героическую традицию Средневековья, сущностной чертой которого являлось представление о служении как о высочайшей добродетели. Яркие личностные качества (особенно воинов) проявлялись на государевой службе.

После создания регулярной армии в начале XVIII столетия дело защиты Отечества постепенно переходит от царя к выдаю-

178А.В. Буганов

щимся полководцам. С именем фельдмаршала Б.П. Шереметева, «царева большого боярина, генерала и кавалера», народное сознание связывало первые победы над шведами. В последующие десятилетия победная традиция в фольклоре опиралась на образы атамана И.М. Краснощекова, П.А. Румянцева, З.Г. Чернышева, Ф.Ф. Ушакова и других военачальников.

Крупнейшие полководцы прошлого считались у русских выразителями воли Божией, которым, как верили, была известна «Планида небесная». Самый выдающийся русский полководец А.В. Суворов, по мнению народа, был богатырь, знал «Планиду небесную» и потому всегда побеждал врагов. Именно сочетание в «избраннике Божием» Суворове непревзойденного воинского умения с органически присущей ему демократичностью создало в народном представлении ярчайший образ национального героя-полководца.

По окончании Отечественной войны 1812 года в исторических знаниях крестьян центральное место отводилось ее героям — М.И. Кутузову и М.И. Платову. Легендарным героем, чуждым каких бы то ни было недостатков, представал в воспоминаниях об обороне Севастополя адмирал П.С. Нахимов. Из героев русско-турецкой войны 1877—1878 гг. особо почитали М.Д. Скобелева. Как и его славные предшественники, Скобелев, с точки зрения крестьян, неизменно выходил победителем в сражениях, и «если бы не он, то нашим досталось бы плохо». Безусловное лидерство в кругу военачальников Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. принадлежит маршалу Г.К. Жукову. Сохранившийся в исторической памяти образ Жукова, как и фольклорный Суворов, сочетает в себе полководческое искусство и демократизм поведения.

Православный идеал воина получал свое воплощение не только в личностях выдающихся полководцев, но и в героях из народа, простых солдатах. Чувство гордости за Россию и ее историю во многом основывалось у русских на воспоминаниях о прежних войнах. В народе существовало глубокое убеждение в непобедимости России. Рассказывали про нашу военную силу обычно так: «Сколько мы ни воевали — всегда нам удача была, ... а теперь и

подавно никто с нами драться не полезет — эва у нас войска-то сколько! Ни у кого столько нет! Наши солдаты на "аржанинке" воспитаны, поди-ко тронь их» или «Нашего государя никто не возьмет; сильнее нас никого на целом свете нет. Ну кто пойдет против нас. Мы же их всех переколотим: лучше и не суйся к нам. Против русского царя-батюшки врагу не устоять»⁷.

Постепенный отход от веры части общества, а после 1917 г. и целенаправленное разрушение русских традиций, в том числе и воинских, не могли не сказаться на состоянии Российской армии и, прежде всего, ее духовной основы, мотивации воинского подвига, менталитета военных. Утрачивалось понимание защиты Родины как православного Отечества. В Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. в народном сознании на первый план вышел, существенно потеснив конфессиональный, патриотический фактор. Но и, казалось бы, утраченная религиозность нередко проявлялась в эти тяжелые годы. Скрытое же исповедание православия не прекращалось никогда.

Не только монархи, религиозные подвижники и военные герои сохранились в народной памяти. Помнили и о бунтарях, предводителях крестьянских восстаний. В народном сознании их образы часто жили рядом друг с другом. Преемственность этих образов можно объяснить не только инерционностью фольклорной традиции, но и длительной нерешенностью тех задач, которые ставились восставшими.

В советской официозной версии истории вожди крестьянских восстаний представали едва ли не основными героями. Они провозглашались последовательными выразителями классовых ценностей. В перестроечное время случился прямо противоположный крен: те же самые персонажи стали выставляться исключительно разбойниками и бандитами. Если уйти от политической и идеологической заданности, становится довольно очевидным, что в народном отношении к бунтарям переплетались мотивы социального протеста и христианского смирения.

Степан Разин, Емельян Пугачев – не только избавители, социальные мстители за перенесенные народом страдания. Во мно-

гих поволжских преданиях Разин — великий грешник, которого не принимает земля. Преданный анафеме вождь повстанцев связывает свои страдания со страданиями народа: «А буду я мучиться до скончания мира, ежели русский народ не прозрит». В тех легендах, где Разин изображен как грядущий избавитель, связь с христианскими воззрениями менее заметна. Но и в них он обещает прийти и покарать людей за грехи и неправду. В воспоминаниях о Пугачеве преобладали достаточно типичные, похожие друг на друга сюжеты о расправах с господами-помещиками. Жестокости пугачевцев не вызывали народного сочувствия, но довольно часто воспринимались как возмездие за перенесенные лишения.

В целом, революционные и всякого рода радикальные идеи считались по всей Руси общественным злом, безбожники и революционеры-дворяне не пользовались любовью у крестьянства. Большинство попыток расшатывания привычных для народа мировоззренческих устоев были неудачны. Не приняли в народе восстание декабристов 1825 г., полным провалом закончилось «хождение в народ» 1860—1880-х годов. И все же проникавшие в деревню либеральные и революционно-демократические идеи исподволь размывали традиционные устои. Менялось отношение части крестьянства к монархии и привычному миропорядку.

В исторических взглядах крестьян в основном аккумулировалась память о событиях и лицах отечественной истории. Вместе с тем, в общерусское сознание входили представления и о других этносах. В исторической памяти существовало множество репрезентаций Другого.

Существовали довольно устойчивые этнические стереотипы в отношении соседних народов, с которыми русским приходилось контактировать в военных походах, при освоении и заселении новых земель, а также союзников в войнах и походах и, разумеется, соперников и врагов. Характерно, что враги в вооруженных конфликтах, будь то французы, австрийцы или турки, воспринимались как нехристи. С древности те, кто посягнул на православное Русское государство, считались нехристями, басурманами, даже

если принадлежали к христианскому миру (как, например, французы в $1812 \, \mathrm{r.}$).

Несмотря на разницу в статусе, специфику конфессиональных, сословных и иных характеристик, вполне можно выделить общие типологические черты в народной оценке крупных фигур прошлого.

Жизнь и свершения царей, полководцев, других государственных деятелей измерялись в сознании крестьян, прежде всего, мерками общенациональной значимости. Роль в укреплении могущества Русского государства, в защите его от внешних врагов — важнейший показатель признания выдающейся личности в народе.

К наиболее почитаемым историческим деятелям относились как к выразителям воли Божией. Первейшим критерием оценки монархов и крупнейших полководцев была их верность православной идее, высшим религиозным ценностям.

Демократизм в поведении, простота в быту — те черты, которые делали историческое лицо особенно привлекательным, будь то царь-труженик (как Петр Первый) или военачальник-солдат (как Суворов). Любой исторический деятель оценивался не только на весах — что ему удалось, или не удалось — но и с точки зрения того, удержался он на определенной нравственной высоте или нет.

Многие выдающиеся личности русской истории, не будучи церковными фигурами, являлись, по сути, подвижниками в миру. Бескорыстное служение своему народу, высочайший жертвенный патриотизм поднимали их на уровень святости. Соответственно, и их мирские подвиги воспринимались современниками и потомками как святое деяние.

Некоторые крупные деятели прошлого – часто вопреки реальному ходу исторических событий – представлялись крестьянам защитниками их социальных чаяний, противопоставлялись «плохим» боярам, помещикам. Разумеется, к плохим, нерадивым господам относили не всех представителей высшего сословия, но тех из них, которые не соответствовали православным народным представлениям об общественном служении.

182 *А.В. Буганов*

Определяющим в оценке исторической личности был православный и патриотический подход. Религиозными и мирскими подвигами прирастали и крепли национальная самобытность, самосознание народа. Подвигом веры, военным подвигом во имя Отечества, гражданским подвигом служения стране и народу.

Именно соответствие деятельности людей прошлого устойчивым православным воззрениям об общественном служении, наряду с масштабностью совершенного, делало их историческими личностями. Такое отношение к выдающимся деятелям отечественной истории русские люди пронесли через многие столетия и передали в XX век.

Что касается выделения различных эпох и событий прошлого, то происходило оно на двух уровнях. Во-первых, в народных представлениях отложились наиболее крупные исторические эпохи в их общей временной последовательности. Ими были основание Русского государства, ордынское иго, Смутное время, периоды царствования наиболее крупных монархов – Ивана Грозного, Петра Первого, Александра Первого и т.д.; как писал один из корреспондентов Этнографического бюро, «ни одной сколько-нибудь крупной эпохи не пропущено». Во-вторых, внутри этих эпох выделялись самые значимые факты, события, в первую очередь войны. В эти периоды истории наиболее интенсивно шел процесс осмысления общенациональных задач и интересов.

В соответствии с двумя уровнями выделения существовали и представления о хронологической последовательности важнейших событий. Характерными явлениями в исторической памяти народа были нарушения хронологической последовательности, фактологические неточности. Но необходимо отметить, что случались они в основном в пределах одной исторической эпохи, касались идеологически и типологически близких фигур.

Отметим еще один важный аспект относительно взаимосвязи исторической памяти и характера народного мировоззрения. Довольно часто в научной среде (не говоря уже об обыденном сознании) звучат высокомерные суждения об якобы «мифологизированности» крестьянского сознания. На мой взгляд, точнее

следует говорить не о «мифологизированности», а о совершенно естественном для религиозного типа сознания большинства русских признании реальности мистических явлений. Разумеется, подобного рода восприятие мира накладывало свой отпечаток на видение истории и современности. Сказывались в этом отношении и влияние фольклорной традиции, и недостаточная осведомленность крестьян, а также заинтересованность в решении тех или иных вопросов. Народ, как правило, воспринимал и принимал прежде всего то, что не входило в противоречие с его исторической памятью и основополагающими воззрениями. В простонародье часто наделяли любимых героев лучшими чертами, заимствуя их у других персонажей, приписывали порой не совершенные ими деяния.

Национальное самосознание русских было тесно связано с исторической памятью: фактически в каждом регионе, местная история переплеталась в сознании людей с общегосударственной, личная и групповая память вписывались в контекст истории страны, так называемой Большой истории. Несмотря на определенную локальную и конфессиональную специфику, в народной памяти по всей территории расселения русских сохранился единый в основе своей круг исторических событий и фактов. Их трактовка, если и варьировалась, то очень незначительно. Общность исторических представлений в течение многих столетий способствовала этнокультурной консолидации русского народа, укрепляла и развивала его самосознание.

Остановимся на некоторых существенных моментах в становлении русского самосознания. После Крещения Руси в 988 г. основная масса народа постепенно воспринимала православие и становилась однородной в конфессиональном отношении. С образованием Русского централизованного государства в конце XV — начале XVI века этнические и государственные интересы его жителей стали восприниматься в единстве. Само понятие Родины приобрело конкретные политические границы, совпадавшие с территорией Русского государства. Теперь этноним русские указывал и на этническую принадлежность основной массы насе-

ления страны, и на общность, осознающую себя единым по вере народом единого государства.

С этого времени в русском самосознании постоянно взаимодействовали четыре основных компонента - религиозный, государственный, этнический и социальный. Особо отметим, что на протяжении всей отечественной истории термин «русский» традиционно имел характер не столько этнический, сколько конфессиональный и был почти синонимом слова «православный». Это отразилось и в русском языке. В толковом словаре живого великорусского языка Владимира Даля, который в 1860-е годы собирал массовый [подчеркнуто мной - А.Б.] материал, фиксировал использование языковых форм, характерных для большинства русских, в качестве синонима термина «православные» дано словосочетание «русский народ», православный государь тоже «русский», православная вера – это русская вера, и даже Бог – обязательно Русский Бог. В народную речь эти слова вошли как синонимы. Иноэтническое окружение также способствовало взаимозаменяемости понятий русский-православный. Лезгины, грузины, татары говорили «русская вера», «русский Бог» и т.д.

Церковнославянский язык в течение многих веков был, по сути, вторым языком в России. Многие крупнейшие лингвисты даже считали его первым, основным для формирования литературных стилей, на него позже уже наслаивалось русское просторечие, множество диалектов. Когда начались подсчеты грамотности, те, кто читал по-церковнославянски, часто попадали в число неграмотных. Чтение Библии и других церковных книг людьми, не обученными гражданской грамоте, сохранялось довольно долго. Даже в экспедициях десяти-пятнадцатилетней давности мне доводилось с этим сталкиваться. Бабушки, считавшиеся неграмотными, на вопрос, знают ли они по-церковнославянски, уверенно отвечали: «Это-то я читаю».

Четкое осознание причастности к православной вере проявлялось и в мирное время (общепринятое обращение к собравшимся на сельских сходах было «православные»), и – особенно – во время войн и вооруженных конфликтов. В эти периоды не этническая

идентификация, но принадлежность к православному миру давала народу твердое ощущение общности исторической судьбы.

Вполне можно утверждать, что в русском мировоззрении, вплоть до начала XX века, на первом плане стояло не национальное, а религиозное сродство. Русские люди видели в греке или в валахе столь же близкого себе человека, как в сербе или в болгарине, на паписта же (католика) поляка смотрели как на человека совершенно чуждого, не придавая особого значения его принадлежности к славянскому миру.

Религиозное сознание у русских всегда было теснейшим образом связано с государственным и национальным сознанием. При этом, государственное сознание не являлось принадлежностью лишь правящего слоя, а было присуще массе народной. Практически каждый русский сознавал себя принадлежащим из поколения в поколение – как говорили, «спокон веков» – к сильному государству. Но не просто к сильному, а к православному, призванному защищать веру истинную, быть ее опорой. Именно поэтому, по традиционным представлениям народа, оно должно быть могущественным, именно поэтому за него не жаль жизнь положить. Сознание личной причастности к такому государству представляло у русских важную составляющую национального самосознания. Отсюда и развитое в массе русских высокое чувство воинского патриотического долга, воспитываемое с детства всей окружающей средой, и идеал воинского подвига. В главных своих чертах отношение к армии и защите Родины определялось сильно развитым у русских государственным сознанием.

Судя по историческому фольклору, ранней лубочной литературе, другим источникам, вплоть до середины XIX века быть русским означало быть верным православной церкви и царю. К концу столетия общество становится более светским, и основными характеристиками России становятся ее величина, богатство и боевая сила (безусловно, при сохранении православного характера государственности). Сила России, по народным воззрениям, заключалась и в людях, ее населявших. Я приведу некоторые характеристики из обследования народной жизни, предпринятой в

186 А.В. Буганов

конце XIX столетия на юге России (здесь зафиксированы прямые высказывания). Так вот, я цитирую – русский народ – «храбрый», он «хитрее, знает, как воевать, обойтить, подобраться ловчее». К тому же «нет веры сильнее нашей», «русский народ друг за друга помрут, а все-таки неприятелю не дадутся»⁸.

Таким образом, поиск идентичности русского человека шел главным образом в сфере его принадлежности к православной, богатой, мощной родине и к тем людям, которые пусть и не очень образованные и повсюду опаздывающие, зато бескорыстные, щедрые, храбрые, готовые друг за друга живот положить, никому не поддающиеся, весь мир кормящие.

Дореволюционная Россия была как империей, так и национальным государством на основе многонародной нации, включавшим в себя более полутораста народов и народностей. Хотя этнические русские, согласно Первой Всероссийской переписи 1897 г., составляли немногим более 20% населения, российская идентичность имела ярко выраженный русский, православный характер. Православие было государствообразующей религией. Решающая роль в самом строе народной жизни принадлежала российскому патриотизму. Широко известна формула министра народного просвещения эпохи императора Николая I С.С. Уварова: «Православие, самодержавие, народность». В советское время теория официальной народности трактовалась исключительно как казенная трактовка народного духа. Между тем обращение к жизни русского этноса, российского общества на основе привлечения обширного комплекса историко-этнографических источников дает множество примеров живого взаимодействия основных составляющих народного сознания. Воинский призыв «за веру, царя и отечество» отвечал очень прочным народным представлениям.

Монархизм являлся сущностным многовековым проявлением русского сознания. В его основе лежало, прежде всего, восприятие царя как помазанника Божия. Государь представал перед своими подданными Божьим избранником, воплощением православной России. И вплоть до начала XX столетия, когда традиционные взгляды на общественное устройство стали интенсивно размы-

ваться, государственное устройство мыслилось исключительно в форме монархии, причем монархии абсолютной («Нельзя земле без царя стоять»).

В повседневном течении жизни наиболее справедливыми социальными организмами крестьянам представлялись крестьянская община и казачий круг, что, тем не менее, вполне уживалось с представлениями о совместимости демократического самоуправления с монархическими формами государственного устройства.

При Петре I возник национализм гражданского типа. Он обосновывал существование российского народа и впервые утверждал категорию «россияне». Его развитие происходило в последующей истории российского национализма. Взаимосвязь, по сути, синонимичность понятий «русский», «российский» и «православный» сохранялась вплоть до начала XX столетия, а для многих русских существует и сегодня.

В течение XIX века и, особенно, в пореформенный период на характер национального сознания воздействовало значительно большее число факторов по сравнению с ранними эпохами. Традиционные представления, отложившиеся в устных преданиях, по мере роста грамотности существенно дополнялись книжным знанием. Свой отпечаток накладывала также активизация социальной борьбы российского крестьянства.

В советский период была осуществлена попытка создания новой исторической общности — советского народа. Строительство «нового общества» окрашивалось в тона безудержного социального оптимизма. Прежняя (дореволюционная) русская идея была деформирована, фактически вытеснена из сферы общественной жизни, т.к. единое народное сознание представляло опасность для коммунистической власти.

Ставка, сделанная коммунистическим руководством на советизацию «многонационального народа», практически вела к разрушению русской истории (за исключением героической ее части) и культуры (за исключением некоторых ее вершинных, в основном, секулярных достижений). Государственный русский язык был орудием советизации. Всех советских людей называли «русски**188** *А.В. Буганов*

ми», хотя, по сути, их надо было называть «советскими». Соответственно и то, что тогда называлось и многими воспринималось как «русификация», на самом деле было «советизацией», которая, создавая и воспевая надэтничность, одновременно подрывала русские, этничные (традиционные) формы жизни. За весь период существования СССР численное преобладание русских в высшем руководстве СССР отнюдь не означало внимания к русской этничности, поскольку для самого руководства решающим фактором самоидентификации была советское, а не этническое начало. Несмотря на казалось бы естественное доминирование русских в большинстве сфер жизни Советского Союза, фактически они были исключены из специфически национальной проблематики как таковой. Пресловутая концепция «старшего брата» в действительности оборачивалась тем, что русские выступали лишь «цементирующим элементом» многонационального «советского народа», теряя при этом свое собственное национальное лицо.

Вместе с тем, следует признать, были достигнуты успехи в патриотической и гражданской (опять же в советском понимании) консолидации общества. Новое качество этой консолидации, ставшей одним из факторов победы, выявила Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Начиная с 1945 г. в пропагандистской практике в понятии «советский народ» акцент делался не только на братство народов, но и на их гражданское единство. И все же вплоть до 1960-х годов ведущую роль играло описание процессов интеграции в рамках концепции «многонационального советского государства» и соответствующей ему «дружбы народов». Понятие «советский народ», закрепленное в Программе КПСС 1961 г., использовалось для характеристики граждан СССР как политического целого, идея советского патриотизма соотносилась с национальной лояльностью.

Вплоть до распада СССР для власти по-прежнему важно было не допустить «ассоциации всего русского с ней самой и русских как колонизаторов». В результате для русских возможность самовыражения предоставлялась опять же в надэтничных институтах – социально-классовых, интернациональных, советских⁹.

К концу советского времени от 60 до 80% населения разных республик называли родиной СССР. Наибольшую приверженность надэтнической общности выказывали русские. По данным переписи 1989 г. 30% русских в РСФСР самоопределились как советские, в Москве и Ленинграде их было 38%. В декабре 1990 г., по данным ВЦИОМ, от 70 до 80% русских в России и других союзных республиках воспринимали себя прежде всего как граждане СССР, тогда как представители титульных этносов в союзных республиках на первое место ставили свои республики.

Результаты референдума о судьбе СССР в марте 1991 г., несмотря на замечания по поводу формулировки вопроса, показали, что для массового сознания принципиальным было представление о единой судьбе общего Отечества, и этой общностью большинство, несомненно, дорожило. Не случайно распад СССР многие русские, даже безотносительно к политическим воззрениям, восприняли как свое поражение. Взрыв этнического сепаратизма, так называемый «парад суверенитетов» на излете существования СССР во многом определил судьбу единого государства. «Национальный вопрос» стал важнейшим фактором того явления, которое уже в новом тысячелетии было обозначено как «величайшая геополитическая катастрофа XX века».

В настоящее время русские составляют в Российской Федерации 80,9% от общей численности населения (111 020 тыс. человек из 142 857 тыс. человек, по данным переписи 2010 г.). В постсоветское время увеличение численности русских происходило за счет русских беженцев и переселенцев из бывших союзных республик, в которых оказались отрезанными 26 миллионов русских. Среди этнически не-русских 15,8 млн считают своим родным языком русский. Вне сомнения, вопросы национального самочувствия большинства первостепенны для нормального функционирования общества.

Судя по многим этносоциологическим опросам, в вопросе самоидентификации большинство русских в начале XXI века на первое место выдвигали свою этническую принадлежность (около 60%), потом — конфессиональную (25%). Вместе с тем, как

190 А.В. Буганов

показывают другие, более поздние исследования, по мере стабилизации ситуации в стране (или по крайней мере, если эта стабилизация осознается как таковая) увеличивается доля людей, называющих себя россиянами, особенно среди молодежи.

Стоит отметить, что при преобладании светского характера современной российской культуры постепенно возвращают свое былое значение православный храм и конфессионим православный. С начала 1990-х годов православие стало приобретать особое значение культурного стержня и символа национальной идентичности. Изменение институциональной и социокультурной роли Русской Православной Церкви определялось, с одной стороны, вероисповедной политикой государства, с другой, обусловливалось гражданским и этническим самосознанием русских. Основная часть русских стала идентифицировать себя с православной церковью и отечественной культурно-исторической традицией.

Так, согласно результатам самого масштабного общероссийского исследования, проведенного Институтом общественного проектирования в 2006 г. (N=15000 чел.), 61,9% опрошенных россиян назвали себя православными. По результатам всероссийских опросов, организованных сектором социологии религии ИСПИ РАН в 2004 г. (N=1476 чел.) и в 2006 г. (N=1497 чел.), среди русского населения православные составляли соответственно 72 и 73%. При всей относительности социологических опросов и количественных показателей, вряд ли стоит оспаривать, что православие выступило основой формирования одной из коллективных идентичностей современных русских¹⁰.

Приведу показательное в этом смысле мнение одного из моих информантов, 83-летнего старика из небольшого российского городка: «Обычай мы должны соблюдать. Раз русский, значит православный. Мои родители были верующими. Есть ли Бог, нет — мы не знаем, но так нам дано судьбой — мы должны верить. Не нами заведено, не нам отменять! Я не верую, но православный, потому что крещеный» (записано в 2002 г.). Официальная позиция Русской Православной Церкви также позволяет считать человека православным именно по факту крещения. Крещен — значит, пра-

вославный. Отсюда и такие высокие, вероятно, удивительные для многих, показатели православности населения в статистических подсчетах.

Конечно, качественные изменения уловить гораздо труднее. Чувство религиозной принадлежности по своей природе скрытно. Большинство верующих не склонно наглядно проявлять его, даже если это не влечет для них негативных последствий. Не хотят выделяться, как правило, и верующие, проживающие в иноконфессиональном окружении. Десятилетия воинствующего атеизма в СССР не могли не поселить в людях боязни преследования за религиозную принадлежность. Несколько поколений наших соотечественников были лишены возможности полноценно участвовать в религиозной жизни (в научном употреблении утвердилось понятие «неисповеданное православие» применительно к верующим советской эпохи), и сегодня православие для многих продолжает оставаться «новой верой».

В русском православии есть понятие «воцерковленные», применяемое к тем людям, которые регулярно посещают церковь своего прихода, исповедуются духовнику, следуют религиозным предписаниям и поэтому являются верующими в полном смысле слова. По разным оценкам они составляют 3–4% (по самым оптимистичным до 10%) населения. Что касается остальных, называющих себя православными, то это, как правило, обычные люди, которые относят себя к православной культуре через сохранение внешней атрибутики православия – ставят в доме иконы, носят крестики, в редкие посещения храма зажигают свечи и т.д. Все это дает им ощущение причастности к своему народу, принадлежности к русскому миру.

Вероятно, можно констатировать, что самоотнесение большинства современных русских (маловерующих или неверующих) к православию является не вопросом веры (пока, по крайней мере), и даже не вопросом идеологии, а прежде всего идентификацией, этнонациональным маркером. В обществе утвердилось понимание того, что православная вера продолжает оставаться национальным символом и выступает фактором консолидации

192 А.В. Буганов

русских как внутри России, так и за ее границами. Русская Православная Церковь, в свою очередь, подчеркивая наднациональный характер Церкви, в то же время указывает, что «христианин призван сохранять и развивать национальную культуру, народное самосознание»¹¹.

У современных русских сохраняются многие традиционные черты в самосознании и ментальности. В повседневности русскость и в дореволюционной России была трудноуловима, внешне не проявляла себя сколько-нибудь заметно. При этом подобная аморфность, неоткристализованность национальных особенностей как-то сама собой исчезала в моменты невзгод, кризисных для национальной государственности ситуациях. И в наши дни, следует признать, что у русских недостаточно развито чувство национализма как упорная и последовательная воля к сплоченности и единству своей нации. Между тем, мобилизация национальной самоидентификации необходима хотя бы потому, что исключает маргинализацию и утрату этнического сознания.

Формирование самосознания - процесс постоянный, многослойный и длительный. В нас много советского. Сохранились черты русскости, возвращается в народное сознание православие. Понятие «новая Россия» – это ведь больше оболочка, игра слов. Поэтому апелляция к историческому наследию, характерная для общественной сферы последних лет, абсолютно закономерна. Что при всей сегодняшней разобщенности действительно объединяет сегодняшних русских? Во многом – гордость за героические и культурные свершения, за великие имена россиян (характерно, что состоявшийся в 2008 г. телевизионный проект «Имя России» вызвал широчайший общественный резонанс – одних проголосовавших было более 4,5 млн человек, примирительно были настроены разнополярные политические силы). Укрепление традиционных составляющих русского российского самосознания, несомненно, будет способствовать формированию позитивной идентичности, в которой так нуждаются россияне. В этом отношении едины, как правило, позиции элиты и рядовых граждан, привлекательный образ страны важен как для всех жителей России, так и для соотечественников за рубежом.

Примечания

- Преображенский А.А. Помня свое отечество // Вопросы истории. 1985. №1. С. 1; Он же. «Веков связующая нить...»: преемственность военно-исторических традиций русского народа (XIII начало XIX в.) М., 2002. Миненко Н.А. История культуры русского крестьянства Сибири в период феодализма. Новосибирск, 1986; Громыко М.М. Мир русской деревни. М., 1991; Буганов А.В. Русская история в памяти крестьян XIX в. и национальное самосознание. М., 1992; Громыко М.М., Буганов А.В. О воззрениях русского народа. М., 2000. (2-е изд. М., 2007); Историческая память русского народа об Отечественной войне 1812 г. / под ред. А.В. Буганова.Тула, 2012; Буганов А.В. Личности и события истории в массовом сознании русских крестьян XIX начала XX вв. М., 2013.
- ² См.: Лихачев Д.С. Русская культура. М., 2000. С. 74.
- ³ Архив Русского Этнографического музея (далее АРЭМ). Д. 1558. Л. 3.
- ⁴ Исторические песни XIX в. Л., 1973. С. 45. № 37.
- ⁵ Цит. по: Великие духовные пастыри России. М., 1999. С. 197.
- 6 Балашов Д. М. Эпос и история (к проблеме взаимосвязей эпоса с исторической действительностью) // Русская литература. 1983. № 4. С. 104.
- ⁷ АРЭМ. Д. 1449. Л. 35; Д. 1585. Л. 13.
- ⁸ Цит. по: *Оболенская С.В.* Народное чтение и народный читатель в России конца XIX в. // Одиссей. Человек в истории. М., 1998. № 2. С. 223–224.
- ⁹ Аманжолова Д. Советский народ историческая реальность или фантом? // Вестник российской нации. 2014. № 4 (36). С. 16, 29 и др.
- Тарусин М. Исследование «Религия и общество». Ч. 1. Отношение к религии. URL: http://www.religare.ru/article34822.htm (дата обращения 15.11.2006); Рябов О.В. Русскость и российскость как способы проведения символических границ // Проблемы формирования общероссийской идентичности: русскость и российскость. Иваново, 2008. С. 32–33.
- Основы социальной концепции Русской православной церкви. М., 2001. С. 12, 14.

Список литературы

Аманжолова Д. Советский народ – историческая реальность или фантом? // Вестник российской нации. 2014. № 4 (36). С. 11–34.

194 А.В. Буганов

Балашов Д.М. Эпос и история (к проблеме взаимосвязей эпоса с исторической действительностью) // Русская литература. 1983. № 4. С. 103–113.

- *Буганов А.В.* Личности и события истории в массовом сознании русских крестьян XIX начала XX вв. М., 2013.
- *Буганов А.В.* Русская история в памяти крестьян XIX в. и национальное самосознание. М., 1992.

Великие духовные пастыри России. М., 1999.

Громыко М.М. Мир русской деревни. М., 1991.

Громыко М.М., *Буганов А.В*. О воззрениях русского народа. М., 2000. 2-е изд. 2007 г.

Историческая память русского народа об Отечественной войне 1812 г. / под ред. Буганова А.В. Тула, 2012.

Исторические песни XIX в. Л., 1973.

Лихачев Д.С. Русская культура. М., 2000.

- Миненко Н.А. История культуры русского крестьянства Сибири в период феодализма. Новосибирск, 1986.
- Оболенская С.В. Народное чтение и народный читатель в России конца XIX в. // Одиссей. Человек в истории. М., 1998. № 2. С. 204–232.
- Основы социальной концепции Русской православной церкви. М., 2001.
- Преображенский А.А. «Веков связующая нить...»: Преемственность военно-исторических традиций русского народа (XIII начало XIX в.). М., 2002.
- Преображенский А.А. Помня свое отечество // Вопросы истории. 1985. № 1. Рябов О.В. Русскость и российскость как способы проведения символических границ // Проблемы формирования общероссийской идентичности: русскость и российскость. Иваново, 2008. С. 32–35.
- *Тарусин М.* Исследование «Религия и общество». Ч. 1. Отношение к религии. URL: http://www.religare.ru/article34822.htm.

Особенности репродуктивных процессов в популяциях человека

Универсальным свойством, присущим всему живому, является способность к воспроизведению себе подобных. У человека процессы воспроизводства обусловлены факторами как социальной (репродуктивная мотивация, установка, поведение), так и биологической природы (репродуктивный возраст, здоровье, наследственность). В обществе весьма велики индивидуальные различия между людьми (от случаев гибели индивидов до достижения репродуктивного возраста, безбрачия, бездетности, до многодетности в браках). На популяционном уровне процессы репродукции также имеют свои характерные особенности проявления, зависящие от влияния совокупности социальных, экономических, этнических, географических условий проживания, экологии окружающей среды, а также целого комплекса биологических факторов¹. Изучение процесса воспроизводства – живого, динамичного, меняющегося параметра во времени и пространстве, является одним из основных направлений исследований в биологии человека. Демографическая генетика является частью популяционной генетики, которую еще называют математической генетикой. Демографическая генетика изучает генетику народонаселения, и объектом анализа является генетика не одного человека, а большого числа лиц – популяции. Таким образом, в биологическом анализе задействован популяционный уровень исследований.

Демография

Произошедший в прошлом веке в большинстве индустриальных стран мира «демографический переход» характеризуется сменой типов воспроизводства населения. Суть его заключается в переходе от высоких показателей плодовитости и смертности, характерных для общества в прошлом, к низким величинам, что,

196 *H.X. Спицына*

в конечном счете, в значительной степени изменило структуру современных популяций. В процессе исторического развития человечества различают несколько этапов: примитивный (архетип), традиционный и, наконец, современный тип воспроизводства. Современная демографическая ситуация в мире характеризуется действием двух полярных явлений — «демографическим взрывом» в одних странах и «демографическим кризисом» в других².

По численности населения Россия относится к числу крупнейших стран мира. Так, в 1950 г. она входила в четверку стран мира с численностью населения свыше 100 млн чел.: Китай, Индия, США, Россия (103 млн). По результатам переписи 2002 г. (145,167 млн) занимала уже 7-е место в мире, а с 2005 г. после Китая, Индия, США, Индонезии, Бразилии, Пакистана, Бангладеш РФ с численностью 143,4 млн переместилась на 8-е место. В 2012 г. численность РФ составляла 143,3 млн. На 1 января 2015 года по оценке Росстата в России было 146 267 288 постоянных жителей.

Динамика происходящих демографических процессов отличается тем, что с 1992 г. началось сокращение численности населения. Затем, с 1995 г. сокращение стало устойчивым, и начались процессы депопуляции³. В популяциях РФ в эти годы произошел переход критической отметки величины естественного прироста, после которой процессы естественной убыли приводят к снижению численности населения страны. Это чревато в будущем возникновением серьезных геополитических проблем. Существуют как худшие, так и несколько более оптимистические прогнозы дальнейшего хода развития демографических процессов. По одному из вариантов долгосрочного прогноза ООН ожидается, что численность населения РФ к 2050 г. сократится на 17% и составит 101,5 млн человек. По прогнозам других исследователей, возможны худшие варианты снижения численности — до 67,5 млн чел. (равный показателю 1897 г.)

Основной причиной депопуляции в РФ является высокая смертность, которая снижалась только с 1950 по 1960 гг., достигнув минимального значения в 886,1 тыс. чел. в год. С 1960 г. идет рост смертности (в 1993 г. преодолен рубеж в 2 млн чел. в год), ко-

Илл. 1. График построен на основании данных Федеральной службы государственной статистики (Росстат, 2011)

торая в 2003 г. достигла максимума в 2 млн 365 тыс. чел. Небольшое снижение этих значений наблюдалось лишь в 1996—1998 гг. и кривая смертности в 2009—2010 гг. по прежнему превышает уровень 2 млн умерших в год (илл. 1).

Рождаемость в 1950–1960 гг. приближалась к цифре 3 млн детей в год, но уже в 1970 г. снижается до 1903,7 тыс. детей в год. Кривая смертности имеет два пика (1994 г. – 2301,4 тыс. чел.; 2003 г. – 2365,8 тыс. чел.). Рождаемость достигает минимальных значений в 1999 г. (1214,7 тыс. родившихся детей). Затем она начинает увеличиваться, а между тем показатели смертности хоть и снижаются, но отнюдь не так быстро, как хотелось бы (в 2010 г. в стране умерло 2028,5 тыс. чел., что соответствует показателям $1996-1998\ \Gamma$ г.) ^{4} .

В России естественная убыль населения резко возросла в период с 1993 по 1995 гг., особенно в сельской местности ^{5} . Ее среднее значение — 861,7 тыс. чел. в год — более чем в 4 раза превосходит убыль населения в 1992 г. В 1996—1998 гг. убыль несколько снижается, а с 1999 по 2005 годы вновь резко возрастает, достигая средних значений 884,9 тыс. чел. в год. Только в 2006 г. начинается

ее снижение, которое в 2010 г. составляет 239.6 тыс. чел. в год. Это снижение было достигнуто за счет роста рождаемости, а вот добиться снижения смертности по-прежнему не удается. По предварительным результатам Всероссийской переписи населения, прошедшей в октябре 2010 г., с 2002 по 2010 годы население страны сократилось на 2,2 млн чел. – с 145 млн 166,7 тыс. чел. до 142 млн 905,2 тыс. чел., постоянно проживающих в России (с учетом миграционного прироста)⁶. Из всех Федеральных округов РФ рост показали всего два – Центральный (1,2% до 38,4 млн чел.) и вновь образованный (19 января 2010 г.) Северо-Кавказский (на 6,3%, до 9,49 млн). Во всех остальных округах отмечается убыль населения – Приволжский (-4%, 29,9 млн), Сибирский (-4%, 19,25 млн), Северо-Западный (-2,8%, 13,58 млн), Уральский (-2,4%, 12,08 млн), Дальневосточный (-6%, 6,29 млн), Южный (-0,8%, 13,85 млн) человек. Москва, население которой с 2002 по 2010 год выросло до 11 млн 514 тыс. чел. (на 10,9%), входит в Центральный федеральный округ, и рост народонаселения в округе шел почти исключительно за счет столицы, принимающей большое число мигрантов. Рост численности населения, за счет роста рождаемости, имеет место только в Северо-Кавказском федеральном округе⁷.

Всего в РФ за 2014 г. (с учетом Крыма) родилось 1 947 301 человек (на 17 602 человека больше, чем за 2013 г.); умерло 1 913 613 человек (на 41 804 человек больше, чем за 2013 г.); прирост: 33 688 человек (в 2013 г. прирост 19 076 человек).

Биодемография

В ряду факторов, способствующих формированию данной ситуации, после политических и экономических, значительное место занимает биологическая компонента сложнейшего процесса воспроизводства. И здесь именно репродукция выступает в роли универсального индикатора социального и биологического здоровья общества. Исследователями отмечаются также такие тенденции, как снижение фертильности, рост патологии и осложнений при родах, пренатальной и постнатальной смертности, бесплодия в браках. Наблюдающееся усиление искусственного контроля

рождаемости в семьях вместе с увеличением пропорции естественной убыли населения представляют серьезную проблему не только для настоящего, но и для будущего поколения ^{8} .

Поскольку демографические и генетические изменения являются сторонами единого процесса и протекают одновременно, то любые колебания в динамике численности, соотношении полов, типах браков, брачных кругах, структуре родства и других параметрах неизбежно сопровождаются изменениями генофонда популяции. Поэтому исследования генетических основ процессов репродукции чрезвычайно важны. Однако работы, проводившиеся ранее в этой области, преимущественно затрагивали аспекты медицинской генетики, а также проблемы адаптации человека к воздействию факторов окружающей среды⁹. Отдельные разработки, анализирующие связь репродуктивных характеристик индивидов с генетическими признаками, выполнены на ограниченном материале, зачастую с применением небольшого числа генных маркеров. И сейчас как никогда востребованы работы, направленные на определение векторов макро- и микроэволюционной изменчивости репродуктивных показателей у человека в пространстве и времени. Особую значимость исследование генетических основ биологической компоненты процессов воспроизводства приобретает в РФ в период происходящих значительных социально-экономических преобразований. В условиях чрезвычайно сложной демографической ситуации, с развивающимися в последние десятилетия негативными тенденциями в динамике демографических процессов, назрела необходимость антропогенетического анализа особенностей воспроизводства в популяциях.

Антропогенетический анализ процессов воспроизводства

Структура браков и статус здоровья индивидов имеют большое значение для рождения здорового потомства, а формирование брачных пар является одним из основных факторов, в значительной степени определяющих физическое здоровье нового поколения. С наибольшей частотой в популяциях представлены панмиктические браки, генетическая эффективность которых меняется в

200 Н.Х. Спицына

зависимости от происхождения и географической отдаленности мест рождения индивидов, образующих брачную пару¹⁰. При этом основной вклад в формирование генетического разнообразия популяций вносят межнациональные семейные пары, состоящие из представителей географически отдаленных этнических групп. Крайний вариант широкой панмиксии — аутбридинг по своей природе является процессом, противоположным инбридингу.

Начиная с XX века в России, как и во всем мире, неуклонно возрастает пропорция межнациональных браков. Происходящие изменения демографических структур, связанные с аутбридингом и брачной ассортативностью, сопровождаются, в свою очередь, изменениями генофондов популяций. Так, дети из межнациональных браков отличаются повышенной степенью индивидуальной гетерозиготности, способствующей росту показателей общей гетерозиготности популяций. Исследования связи генетико-демографических процессов с показателями репродуктивной функции женщин, проведенные в г. Алма-Ата, показали, что для всех однонациональных браков характерна сходная частота самопроизвольных абортов 4,19%. В межнациональных – 6,25% (Х2=33,90; p<0.01) и межрасовых – 7,22% (X2=25,18; p<0.01). Различия обнаружены также в частоте поздних спонтанных абортов, которая составила соответственно 1,35%, 1,95% и 2,76%. В межнациональных браках также достоверно увеличена частота врожденных пороков развития у детей. Выявленная патология является следствием увеличения генетического груза и нарушения генетического гомеостаза¹¹.

Исследования генетики временной изменчивости морфофизиологических признаков новорожденных и их матерей обнаруживают связь с изменениями в генофонде аутбредного населения Европейской части. Открытие сопряженности полилокусной гетерозиготности генотипов с темпами роста и полового созревания позволило исследователям сделать вывод о том, что высокая индивидуальная гетерозиготность определяет высокие темпы развития полового созревания, ранний возраст первой репродукции, замедляет пострепродуктивный рост, сокращает продолжитель-

ность жизни¹². Это позволяет по-новому взглянуть на основную демографическую проблему нашего времени, основу которой составляет убыль населения РФ. Как известно, абсолютное число родившихся детей за последние 15 лет сократилось с 2,5 млн в 1987 г. до 1,2 млн в 1999 г. и 1,8 млн в 2010 г. Численность умерших лиц в 1,7 раза превышает число родившихся за тот же период времени. Неуклонно растет общий коэффициент смертности в отличие от стареющих европейских стран. Естественная убыль в период между двумя переписями составила в 2002 г. 7,4 млн чел., и 4,7 млн чел. по предварительным итогам переписи 2010 г. (с учетом миграции)¹³.

В качестве рабочей гипотезы антропогенетического анализа принята предпосылка о зависимости эффектов репродукции индивидов от взаимодействия комплекса средовых и генетических факторов. Объектом исследования послужили данные популяционно-генетического изучения народов РФ и сопредельных территорий. В работе был применен комплексный подход, заключающийся в одновременном исследовании демографических и генетических характеристик. На первом этапе у каждого человека проводится сравнительный анализ индивидуальных эффектов репродукции с фенотипической изменчивостью по обширному спектру генетических систем, на втором – сравнительный анализ осуществляется на уровне популяций. Для решения поставленных задач использованы собственные материалы, собранные в 62 популяциях России и республик бывшего СССР, общей численностью свыше 2,4 млн человек. Общая численность обследованных составила свыше 37 тыс. человек. Генетический анализ проведен в выборке объемом 4 421 человек. Были исследованы особенностей процессов у коряков и эвенов Камчатки, башкиров, бурят, албанцев и греков Приазовья, абхазов и азербайджанцев Кавказа, высокогорных памирцев и киргизов Памира, в городах: Казань, Чебоксары, Саранск, Сыктывкар, Ставрополь, Элиста. В этнических общностях работа проводилась с учетом принадлежности к разным хозяйственно-культурным типам.

202 Н.Х. Спицына

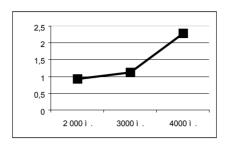
Результаты антропогенетического анализа

В исследуемых сельских популяциях малой численности, осуществился переход от расширенного типа к простому воспроизводству, от естественного характера репродукции – к планируемому и, соответственно, к осуществлению контроля над рождаемостью. Исследование индексов потенциального отбора в популяциях Камчатки выявило возрастание вклада небиологических факторов в величину коэффициента отбора. Отчетливо проявилась функциональная зависимость особенностей репродуктивной структуры популяций от изменения традиционного хозяйственно-культурного уклада.

Процессы воспроизводства в популяциях средней численности исследованы в этно-территориальных группах бурят и башкир. Процессы воспроизводства в популяциях башкир анализировались на материалах, собранных в 1971-1981 гг. Соответственно, репродуктивно активный период у женщин, завершивших индивидуальную репродукцию, приходится на более стабильный в социально-экономическом отношении период в жизни страны. Поэтому популяции выделяются более благоприятными репродуктивными параметрами. Притом, что периодическая смена местообитания, связанная с кочевым образом жизни башкир, выдвигала отбор на первый план среди других эволюционных факторов. формирующих популяционно-генетическую структуру¹⁴. Анализ процессов воспроизводства у бурят выявил дифференциацию западной и восточной групп. Исследование индексов потенциального отбора в популяциях Бурятии выявило относительное возрастание вклада небиологических факторов в величину коэффициента отбора, сильнее проявившееся в западной группе.

Высокогорные популяции памирцев и киргизов Памира характеризуются естественным характером воспроизводства с традициями нерегулируемой рождаемости и полным отсутствием элементов искусственной регуляции численности (илл. 2).

В группах совершенно иной характер репродукции и действует иной механизм проявления естественного отбора. Тип воспроиз-

Илл. 2. Возрастание значения индекса максимального возможного отбора (IT) у коренного населения Памира в зависимости от высоты популяций над уровнем моря

водства расширенный. Различия индивидов по репродуктивной способности в высокогорных популяциях, очевидно, оказывают большее воздействие на величину эффективного объема, чем неравное соотношение полов. Отмечается снижение фертильности, связанное с высотой местообитания над уровнем моря. Учитывая высокую степень изолированности исследуемых популяций, можно предположить наличие адаптивного механизма в существовании расширенного воспроизводства в популяциях высокогорья.

Следует отметить, что экологические условия в данном примере выступают в качестве основного фактора естественного отбора, действующего в высокогорных популяциях, нивелируя различия, обусловленные этническими, хозяйственно-культурными и другими особенностями адаптивных процессов групп.

Проведенное исследование горцев Кавказа показало, что абхазы и азербайджанцы являются контрастными по типу воспроизводства этническими группами. Процессы репродукции в них сохраняют этнические традиции и устои. В популяциях абхазов нами выявлен особый тип традиционной структурированной экзогамии со сложной системой запретов и ограничений. Создан целый комплекс мер по предупреждению кровного родства в браках. Современные процессы воспроизводства в популяциях абхазов привнесли элементы урбанизации, сближающие их по особенно-

204 Н.Х. Спицына

стям воспроизводства с урбанизированными группами – поселками городского типа и городами малой численности.

В сельских популяциях азербайджанцев был выявлен особый тип структурированной эндогамии, с предпочтением более близкой степени расселения, аналогии прослеживаются и крайних случаях эндогамности – родственных браках, структура которых также обнаруживает тенденцию предпочтения близкой степени родства.

Антропогенетическое исследование компактных групп этнических греков и албанцев Приазовья представляется весьма интересным для познания глубинных механизмов реорганизации структуры популяций, изменения структуры воспроизводства и увеличения вклада социальных факторов. Возможно, немаловажную роль сыграло развитие этнических групп греков и албанцев в условиях близкого соседства с другими этносами в Приазовье.

На конкретном материале выявлен механизм «демографического перехода» в поколениях от естественного характера репродукции к практике жесткого искусственного контроля рождаемости и регуляции численности потомков в браках. Для расчета максимально возможного потенциального отбора и его компонентов применяется классический метод 15. Предложенная нами модификация к методу определения индексов потенциального отбора впервые позволила количественно оценить вклад социальной компоненты в величину коэффициента отбора в популяциях 16. Это стало возможным только в связи с особенностями репродукции в популяциях нашей страны. Большое среднее число беременностей и малая пропорция детей, приходящихся на одну женщину, свидетельствуют о мерах по регуляции рождаемости, проводимых в основном с помощью искусственного прерывания беременностей. Отчетливо выявляется сопряженность силы социальной регуляции репродукции с пропорцией абортов в пострепродуктивных когортах женщин. Данная особенность, выраженная в наибольшей степени в городах, несколько слабее в селах, свидетельствует об общей ситуации в популяциях со слабым развитием практики применения контрацепции. Это позволило наиболее

полно учитывать действие одного из основных систематических факторов эволюции в популяциях.

Исследование индексов потенциального отбора в городских популяциях выявило резкое возрастание вклада небиологических факторов в величину коэффициента отбора: в г. Ставрополе сила социального прессинга равна 2,9412, Казани – 2,7399, Чебоксарах – 2,5418, Саранске – 2,0595, Сыктывкаре – 0,9930. Количественное выражение возросшего социального регулирования рождаемости имеет определенную корреляцию с численностью населения городов, исключение составляет популяция Ставрополя.

Последствия искусственной регуляции репродукции весьма неоднозначно проявляются в процессах воспроизводства в популяциях. Известно, что планирование размеров семьи нивелирует различия индивидов в отборе на плодовитость.

В работе был выявлен новый эффект, связанный со снижением акушерской патологии в группах, регулирующих рождаемость в семьях (табл. 1).

Выявленные факты снижения акушерской патологии в группах с высокой степенью социального воздействия на репродуктивные процессы позволили нам определить двоякое влияние планирования размеров потомства на воспроизводство в популяциях: с одной стороны он нивелируются индивидуальные различия в отборе на плодовитость; с другой — снижается пропорция пренатальной патологии в популяциях¹⁷.

На илл. 3, графически представлено мировое распределение популяций в зависимости от соотношения компонентов отбора: дифференциальной плодовитости и дифференциальной смертности. В соответствии с величинами этих признаков весь имеющийся массив собственных данных и привлеченный сравнительный литературный материал подразделяется на три комплекса.

Комплекс I образован крупными системами популяций США, Великобритании, Франции и другими урбанизированными группами.

Комплекс II представлен с наибольшей плотностью преимущественно сельскими популяциями городского типа и городами ма-

206 *H.X. Спицына*

Таблица 1

Сравнительные данные по уровню акушерской патологии, пропорции абортов и индексов потенциального отбора I_{T} , I_{T1} , I_{T2} в популяциях РФ (по методу J.F. Crow, 1958; модиф. H.X. Спицыной, 2004).

Популяции	Число обследо- ванных семей	Аку- шер- ская па- тология (%)	Пропор- ция па- тологии	Абор- ты (%)	$I_{_{\mathrm{T}}}$	I_{T1}	I_{T2}
Ставрополь	1005	3,70 %	0,20	65,9 %	0,5158	3,4570	2,9412
Казань	1195	4,00 %	0,22	65,7 %	0,4844	3,2243	2,7399
Чебоксары	804	7,71 %	0,44	59,6 %	0,7232	3,2650	2,5418
Саранск	950	12,00 %	0,57	54,0 %	0,7781	2,8376	2,0595
Сыктывкар	560	11,00 %	0,50	39,0 %	0,5693	1,5623	0,9930
Усть-Ордын- ские буряты	246	6,80 %	0,50	20,2 %	0,6519	1,0461	0,3942
Агинские бу- ряты	197	7,20 %	0,43	4,5 %	0,7589	0,8427	0,0838
пос. Лесная (коряки)	50	9,9 %	0,66	32,3 %	1,0616	1,5963	0,5347
пос. Анавгай (эвены)	34	3,9 %	0,23	34,3 %	0,7221	1,6187	0,8966

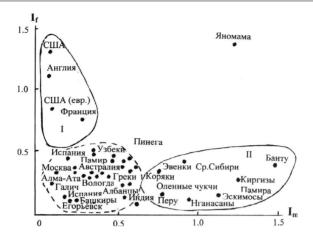
Примечание:

лой численности. Исключение составляет популяция Москвы по данным 1975 г. В них наблюдается отсутствие или незначительная детерминация контроля над рождаемостью. Материалы графика свидетельствуют о низких и средних (в мировом масштабе различий) значениях компонента дифференциальной смертности и пло-

 $[{]m I}_{
m T}$ – индекс потенциального отбора (в анализ не включены беременности, завершившиеся абортом);

 $^{{\}rm I}_{_{\rm T1}}$ – индекс потенциального отбора (в анализ включены беременности, завершившиеся абортом);

 $^{{\}rm I}_{{\rm T}2}-$ мера социальной регуляции репродукции в семьях.

Илл. 3. Распределение популяций в пространстве признаков (компонентов отбора)

довитости, причем их вклад в значение тотального индекса отбора (I_T) приблизительно одинаков. Наконец, комплекс III образован популяциями, находящимися на низком уровне социально-экономического развития (охотники, рыболовы, собиратели, племена глубинных регионов Азии, Африки, Ю. Америки). Данному массиву свойственны высокие и средние значения дифференциальной смертности (I_m); он представлен популяциями средней, малой численности и изолятами с естественным характером репродукции и традициями нерегулируемой рождаемости.

Таким образом, в урбанизированных, высокоразвитых в индустриальном отношении популяциях уровень максимально возможного отбора оказывается более высоким, чем в городских группах небольшой численности, а также сельских популяциях городского типа. Вклад компоненты дифференциальной смертности в них минимален. Величина коэффициента тотального отбора по Кроу определяется в данном случае преимущественно различиями в эффективной плодовитости. Можно сделать предположение о существовании экологического оптимума для популяций, кри-

208 Н.Х. Спицына

терии определения которого непосредственно связаны с историей происхождений, численностью, а также характером и скоростью процессов воспроизводства. Гигантские городские агломерации – явление, в эволюционном плане возникшее относительно недавно; естественно, интенсивность отбора в них выше в основном за счет различий в эффективной плодовитости, поскольку в них велик вклад ряда негативных социальных факторов (более высокие в сравнении с сельскими группами уровни сердечно-сосудистой, онкологической, профессиональной патологии, нервных заболеваний и др.). Следует также упомянуть о возможном влиянии аутбридинга – явления в большей мере свойственного городскому населению, итоговое действие которого приводит к росту гетерозиготности в популяции.

Анализ результатов сравнительного исследования показателей отбора в популяциях был бы неполным без соответствующего обсуждения действия сил, противодействующих отбору и способствующих поддержанию генетического разнообразия.

Одним из факторов, противодействующих отбору, является репродуктивная компенсация. Обнаружен эффект репродуктивной компенсации среди семей с редкими вариантами α_1 -антитринсина (ингибитора протеаз) в высокогорных группах Памира, который поддерживает уровень генетического разнообразия по генам PI в популяции.

К другим факторам, противодействующим отбору, относятся успехи современной медицины, которые с помощью методов вспомогательных репродуктивных технологий: программы ЭКО (экстракорпоральное оплодотворение), ПЭ (перенос эмбрионов), ИКСИ (внутрицитоплазматическая инъекция сперматозоида) позволили иметь потомство бесплодным парам. Однако во врачебной практике почти сразу же возникла совершенно новая проблема – проблема здоровья «пробирочных детей».

Следующим интересным явлением в течении процессов воспроизводства, на наш взгляд, являются данные о младенческой смертности в популяциях России. В 1994 г. впервые в Казани

отмечено снижение младенческой смертности на 10,5% (с 20,9 умерших детей до 1 года на 1000 родившихся до 18,7). Оставаясь достаточно высокой в сравнительном аспекте, она, тем не менее, отражает характерную для разных регионов страны тенденцию последних лет. Так, коэффициенты младенческой смертности в России в 1995, 1996, 1997, 1998, 1999, 2000, 2001 годах составили: 18,1, 17,2, 16,5, 16,9, 15,3, 14,6, 12,6 соответственно. В 2011 г. Младенческая смертность составила 7,3 промилле. В 2012 г. она несколько выросла в связи с изменением методики расчета и в 2013 г. была равной 8,2. В 2014 г. составил 7,4 умерших на тысячу родившихся детей.

Однако самыми интересными и требующими осмысления, на наш взгляд, являются данные о снижении младенческой смертности в 1990-ые годы с 22,0 до 12,6 на тысячу родившихся, поскольку это снижение приходится на самые сложные годы социально-экономических реформ в стране, когда медицина переживала самые тяжелые времена.

На наш взгляд, снижение младенческой смертности является естественным популяционным механизмом сохранения численности в условиях критической демографической ситуации в стране. Популяция ведет себя не просто как некая абстрактная совокупность жителей города или страны — она предстает как единый высокоорганизованный живой организм, отвечающий на изменившиеся условия, связанные с ситуацией с рождаемостью. В этих условиях падение младенческой смертности является, на наш взгляд, одним из примеров действия репродуктивной компенсации на популяционном уровне.

Двойственный эффект влияния инбридинга на процессы репродукции в популяциях человека

Одним из вариантов отклонения от панмиксии в человеческих группах является образование кровнородственных браков.

Основной эффект инбридинга заключается в уменьшении гетерозигот и росте гомозигот в генофонде популяции. Был иссле-

210 *H.X. Спицына*

дован инбридинг в родственных и неродственных браках памирцев и киргизов Памира и азербайджанцев (вышедших из репродуктивного возраста).

Была предложена гипотеза о существовании двоякого эффекта инбридинга. С одной стороны, инбридинг ведет к росту гомозиготности, который может при носительстве патологических генов быть причиной выщепления рецессивных генов наследственных заболеваний, что проявляется в снижении фертильности, росте пре- и постнатальной смертности, бесплодии; все это, в конечном счете, снижает эффективный размер популяции. С другой стороны, индивиды в кровнородственном браке имеют лучшую совместимость гамет, что ведет к повышению фертильности через снижение токсикозов беременности.

Считаем, что в популяциях действуют одновременно оба этих противоположных процесса и от соотношения их между собой, а также особенностей структуры популяции и зависит итоговое действие инбридинга на репродуктивную структуру, выражающееся в наличии либо отсутствии инбредной депрессии.

Результаты антропогенетического анализа в РФ показали неравномерность и разную скорость демографического перехода в популяциях малой и средней численности от естественного и смешанного характера процессов воспроизводства к регулируемой рождаемости. Анализ составляющих индекса максимально возможного потенциального отбора (I_m , I_p) в популяциях выявил резкое возрастание вклада небиологических факторов в величину коэффициента отбора (I_n).

Применение метода количественной оценки интенсивности социального воздействия на процессы репродукции применительно к особенностям процессов воспроизводства в популяциях РФ существенно расширяет эффективность учета действия одного из основных систематических факторов эволюции – потенциального отбора. Количественная оценка возросшего социального регулирования рождаемости, как правило, сопряжена с тотальным размером популяций. В ряде городов сред-

ней численности выявлена повышенная интенсивность искусственной регуляции рождаемости по типу, характерному для мегапопуляций.

Искусственный контроль репродукции оказывает двойственное влияние на процессы воспроизводства в городских популяциях Казани, Чебоксар, Саранска, Сыктывкара и Ставрополя. При нивелировке различий индивидов в плодовитости имеет место снижение уровня пренатальной патологии в популяциях. Феномен снижения младенческой смертности, наблюдающийся в регионах России в последние годы, является одним из возможных проявлений действия механизма репродуктивной компенсации на популяционном уровне в ответ на критическое снижение рождаемости. Также выявлено двойственное влияние инбридинга на процессы воспроизводства в изолированных горных популяциях: известный отрицательный эффект инбридинга компенсируется при этом повышением фертильности за счет снижения токсикозов беременности.

Усиление искусственного контроля рождаемости вместе с увеличением пропорции естественной убыли представляет серьезную проблему для настоящего и будущих поколений России.

Примечания

- Курбатова О.Л. Динамика популяционных генофондов. М., 2004. С. 617; Она же. Демографическая генетика городского населения. Автореф. ... докт. дисс., М., 2014; Спицына Н.Х. Проблемы исторической генетики. М., 1993. С. 236.
- ² Алексеев А.И Социально-экономическая география России. М., 1995; Татевосов Р.В. География населения. М., 1999. С. 71.
- ³ Вишневский А.Г. Население России 2003–2004. М., 2006. С. 356.
- ⁴ Григулевич Н.И., Спицына Н.Х., В.А.Спицын. Особенности естественного движения населения Российской Федерации (биодемографический анализ) // Пермский медицинский журнал. 2012. Т. XXIX. № 2. С. 134–140; Спицын В.А., Нафикова А.Х., Спицына Н.Х., Афанасьева И.С. Генетическая предрасположенность к развитию токсического цирроза печени, обусловленного действием алкоголя // Генетика. 2001. Т. 37. № 5. С. 698–707.

5 Григулевич Н.И. Алкоголь в России (традиции употребления и проблема естественной убыли населения) // Этнос и среда обитания. М., 2009. Т. 2. С. 132–163.

- ⁶ Росстат, 2011. Сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru.
- ⁷ Курбатова О.Л. Генетико-демографические процессы в московской популяции в середине 90-х годов. Миграция и эмиграция как факторы изменения генетического разнообразия популяции // Генетика. 1997. Т. 33. № 12. С. 1688–1997.
- Санчат Н.О. Популяционно-генетическое изучение народонаселения республики Тува. Автореф. ... канд. дисс. Томск, 1998; Курило Л.Ф. Генетическая регуляция половой дифференцировки // Андрология и генитальная хирургия. 2003. № 2. С. 30–36; Спицына Н.Х., Балинова Н.В., Дерябин В.Е., Спицын В.А. Генетические факторы, ответственные за репродуктивные особенности в бурятской популяции // Медицинская генетика. 2007. № 2. С. 24–28; Балинова Н.В., Спицына Н.Х., Ельчинова Г.И., Тереховская И.Г. Анализ репродуктивных и возрастных параметров калмыцких сельских популяций // Генетика. 2008. № 6. С. 850–856; Осадчук Л.В., Клещев М.А., Темников Н.Д., Еркович А.А., Осадчук А.В. Высокая частота субоптимального качества спермы у жителей Сибирского региона (на примере г. Новосибирска) // Андрология и генитальная хирургия. 2010. № 3. С. 52–55.
- Учер А.Н., Дуброва Ю.П., Курбатова О.Л., Алтухов Ю.П. Популяционно-генетическое изучение дифференциальной плодовитости человека (на примере привычного невынашивания беременности). Сообщение IV. Распределение групп крови и частота несовместимых браков // Генетика. 1987. Т. 23. № 9. С. 1671; Дуброва Ю.Е., Курбатова О.Л., Холод О.Н. Генетические аспекты временной динамики изменчивости морфофизиологических признаков новорожденных и их матерей // Генетика. 1994. Т. 30. № 1. С. 119–125.
- Курбатова О.Л. Генетико-демографические процессы в московской популяции ...; Спицына Н.Х. Демографический переход в России. Антропогенетический анализ. М., 2006; Она же. Репродукция уникальный индикатор биологического и социального здоровья общества. М., 2009. № 8. С. 34–49.
- Куандыков Е.У. Исход беременности и оценка состояния здоровья новорожденных в различных типах браков // Факторы риска акушерской и гинекологической патологии. Алма-Ата, 1988. С. 69–74; Он же. Генетико-демографические процессы и показатели нарушения

- репродуктивной функции в городских популяциях Казахской ССР. Автореф. дис. ... д-ра биол. наук. Алма-Ата, 1990.
- 12 Алтухов Ю.П. Адаптивная генетическая структура и ее связь с внутрипопуляционной дифференциацией по полу, возрасту и скорости роста у тихоокеанского лосося нерки Oncorhynchus nerka (Walbaum) // Генетика. 1983. Т. 19. № 5. С. 796—807; Он же. Аллозимная гетерозиготность, скорость полового созревания и продолжительность жизни // Генетика. 1998. Т. 34. № 7. С. 908—919; Соловенчук Л.Л. Генетические аспекты адаптации человека к экстремальным условиям среды // Наследственность человека и окружающая среда. М., 1992. С. 35—54.
- 13 Росстат. 2011.
- Кузеев Р.Г. Рафиков Х.С., Юмагужина Н.Х. Этногенез и генетическая дивергенция восточных башкир // Советская этнография. 1982. № 4. С. 26–34.
- 15 Crow J.F. Some possibilities for measuring selection intensities in man // Human Biol. 1958. 30. P. 1–13.
- ¹⁶ Спицына Н.Х. Демографический переход в России ...
- ¹⁷ Там же.

Список литературы

- Алексеев А.И Социально-экономическая география России. М., 1995.
- Алтухов Ю.П. Адаптивная генетическая структура и ее связь с внутрипопуляционной дифференциацией по полу, возрасту и скорости роста у тихоокеанского лосося – нерки Oncorhynchus nerka (Walbaum) // Генетика. 1983. Т. 19. № 5. С. 796–807.
- *Алтухов Ю.П.* Аллозимная гетерозиготность, скорость полового созревания и продолжительность жизни // Генетика. 1998. Т. 34. № 7. С. 908–919.
- Балинова Н.В., Спицына Н.Х., Ельчинова Г.И., Тереховская И.Г. Анализ репродуктивных и возрастных параметров калмыцких сельских популяций // Генетика. 2008. № 6. С. 850–856.
- Вишневский А.Г. Население России 2003–2004. М., 2006.
- *Григулевич Н.И.* Алкоголь в России (традиции употребления и проблема естественной убыли населения) // Этнос и среда обитания. М., 2009. Т. 2. С. 132–163.
- *Григулевич Н.И., Спицына Н.Х., В.А.Спицын.* Особенности естественного движения населения Российской Федерации (биодемографиче-

214 *H.X. Спицына*

ский анализ) // Пермский медицинский журнал. 2012. Т. XXIX. № 2. С. 134–140.

- Дуброва Ю.Е., Курбатова О.Л., Холод О.Н. Генетические аспекты временной динамики изменчивости морфофизиологических признаков новорожденных и их матерей // Генетика. 1994. Т. 30. № 1. С. 119–125.
- Куандыков Е.У. Генетико-демографические процессы и показатели нарушения репродуктивной функции в городских популяциях Казахской ССР. Автореф. дис. докт. биол. наук. Алма-Ата, 1990.
- Куандыков Е.У. Исход беременности и оценка состояния здоровья новорожденных в различных типах браков // Факторы риска акушерской и гинекологической патологии. Алма-Ата, 1988. С. 69–74.
- Кузеев Р.Г. Рафиков Х.С., Юмагужина Н.Х. Этногенез и генетическая дивергенция восточных башкир // Советская этнография. 1982. № 4. С. 26–34.
- Курбатова О.Л. Генетико-демографические процессы в московской популяции в середине 90-х годов. Миграция и эмиграция как факторы изменения генетического разнообразия популяции // Генетика. 1997. Т. 33. № 12. С. 1688–1997.
- Курбатова О.Л. Демографическая генетика городского населения. Автореф. докт. дисс., М., 2014.
- Курбатова О.Л. Динамика популяционных генофондов. М., 2004.
- *Курило Л.Ф.* Генетическая регуляция половой дифференцировки // Андрология и генитальная хирургия. 2003. № 2. С. 30–36.
- Кучер А.Н., Дуброва Ю.П., Курбатова О.Л., Алтухов Ю.П. Популяционно-генетическое изучение дифференциальной плодовитости человека (на примере привычного невынашивания беременности). Сообщение IV. Распределение групп крови и частота несовместимых браков // Генетика. 1987. Т. 23. № 9. С. 1671.
- Осадчук Л.В., Клещев М.А., Темников Н.Д., Еркович А.А., Осадчук А.В. Высокая частота субоптимального качества спермы у жителей Сибирского региона (на примере г. Новосибирска) // Андрология и генитальная хирургия. 2010. № 3. С. 52–55.
- Росстат, 2011. Сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/.
- *Санчат Н.О.* Популяционно-генетическое изучение народонаселения республики Тува. Автореф. канд. дисс. Томск, 1998.
- Соловенчук Л.Л. Генетические аспекты адаптации человека к экстремальным условиям среды // Наследственность человека и окружающая среда. М., 1992. С. 35–54.

- Спицын В.А., Нафикова А.Х., Спицына Н.Х., Афанасьева И.С. Генетическая предрасположенность к развитию токсического цирроза печени, обусловленного действием алкоголя // Генетика. 2001. Т. 37. № 5. С. 698–707.
- Спицына Н.Х. Демографический переход в России. Антропогенетический анализ. М., 2006.
- Спицына Н.Х. Проблемы исторической генетики. М., 1993.
- Спицына Н.Х. Репродукция уникальный индикатор биологического и социального здоровья общества. М., 2009. № 8. С. 34–49.
- Спицына Н.Х., Балинова Н.В., Дерябин В.Е., Спицын В.А. Генетические факторы, ответственные за репродуктивные особенности в бурятской популяции // Медицинская генетика. 2007. № 2. С. 24–28.
- Татевосов Р.В. География населения. М., 1999.
- Crow J.F. Some possibilities for measuring selection intensities in man // Human Biol. 1958, 30. P. 1–13.

Медицинская антропология: институализация научного направления

Медицинская антропология – научная дисциплина социально-культурной направленности, которая занимается проблемами здоровья, болезни и врачевания, базируясь на интердисциплинарной идее. Специалисты в рамках этого направления исследуют, в первую очередь, комплекс медицинских систем различного характера и уровня, существовавших и существующих в разные периоды истории в тех или иных сообществах, а также формы и традиции врачевания, способы оказания помощи больным, восприятие и переживание состояний здоровья и болезни представителями различных культур, варианты сохранения здоровья человеком в разных этнокультурных сообществах. Медицинская антропология фактически включает как составную часть этномедицину. Однако важнейшей в методологических установках исследователей стала идея о том, что профессиональная (европейская, научная) медицина, т.е. биомедицина, должна исследоваться наряду со всеми иными лечебно-профилактическими системами, практиками, методами, существовавшими и существующими в мировой практике. На протяжении многих лет медицинские антропологи, в связи с этими идеями в том числе, были сконцентрированы в основном на прикладных исследованиях. В научно-методологическом плане и исследовательском поле медицинская антропология исходно связана с медициной, социологией, медицинской психологией и психиатрией, биоэтикой/медицинской этикой и деонтологией, тесно соприкасается с антропологией сознания, с психологической и философской, а также политической, юридической и экономической антропологией, религиоведением, (этно)экологией, культурологией.

Методологические основы и научные параметры медицинской антропологии вырабатывались довольно длительное время. Есть мнения, что медицинская антропология начала формироваться

еще в 1920-е годы. И это было связано с выдвижением идеи антропологичности – восприятии человека как целостной системы и учете в медицинской практике специфики организма во всем его многообразии. Но даже по прошествии длительного времени принципы и методы переосмыслялись. Например, в 1980-е гг. было совершенно естественным прочитать такое заключение о профессоре Гарвардского университета Артуре Клейнмане, крупнейшем специалисте в области медицинской антропологии, на работах которого воспиталось несколько поколений современных специалистов в данной области: «Его последняя книга носит новаторский характер в том смысле, что он критически оценивает эволюцию своих собственных подходов за последние два десятилетия, а вместе с этим и развитие теории и методологии в сфере взаимодействия двух крупнейших наук: медицины и социально-культурной антропологии» 1. Это было вполне естественным в период становления научного направления на Западе, а для отечественной науки, где направление еще не в достаточной степени утвердилось, возможно, и сейчас. О завершении легитимации и институализации медицинской антропологии можно будет с достаточной степенью уверенности говорить тогда, когда она оформится не только как собственно научное, но и как профессионально-практическое направление, т.е. когда мы сможем говорить о наличии у нас соответствующей профессии и профессиональной подготовки, а также о создании сферы занятости специалистов как высшего, так и среднего звена. В нашей стране до этого пока лалеко.

Формирование медицинской антропологии и ее институализация в западной науке

Истоки медицинской антропологии кроются в медицинской этнографии, которая активно развивалась с момента первых научных экспедиций, позволявших путешественникам и исследователям знакомиться с непривычными практиками лечения и представлениями о здоровье и болезни; а также в этномедицине, предлагавшей ученым множество материалов для осмысления

вопросов здоровья и болезни, здоровьесбережения и исцеления. В 1960-е гг. медицинская антропология в ее современном виде начала формироваться как университетская дисциплина в англоязычных странах, преимущественно в США. Как научное направление, возникшее в интердисциплинарном пространстве в первую очередь медицины и социально-культурной антропологии, медицинская антропология уже в 1970-е годы активно развивается, изначально и по большей части в США и Канаде.

Именно в США в 1967 г. было инициировано создание первой Организации медицинской антропологии (The Organization of Medical Anthropology), которая провела свою рабочую встречу в университете в Беркли (1968 г.) на XXVII ежегодном собрании Общества Прикладной Антропологии (Society for Applied Anthropology), где было уточнено наименование научного направления. В ноябре 1968 г., собравшись в г. Сиетле на очередном съезде Американской антропологической ассоциации (American Anthropological Association – AAA)² на свой семинар, представители Организации медицинских антропологов обозначили ее как группу (Group for Medical Anthropology). Далее, в 1970 г. группа была преобразована в Сообщество медицинской антропологии (The Society for Medical Anthropology – SMA), основной задачей которого (согласно разработанному и принятому Уставу) стало содействие изучению антропологических аспектов здоровья и болезни, охраны здоровья и связанных с этим проблем.

С 1971 г. SMA стало отделением Американской антропологической ассоциации. Далее активизировалась традиционная работа с проведением конференций, изданием научных трудов, открытием специализированных журналов, поощрением ученых к деятельности в этой области исследований. Организация принимает в свой состав представителей любой страны мира. Она объединяет обучающихся и работающих в научной сфере медицинских антропологов. В SMA есть несколько специализирующихся по интересам групп. В настоящее время Сообщество по-прежнему ведет очень активную работу, базируясь на своем Уставе. Сейчас обязанности президента SMA исполняет Элиза Собо (Elisa Sobo),

профессор антропологии государственного университета Сан Диего (SDSU). До нее SMA возглавляла профессор антропологии Калифорнийского университета Линда Гарро (Linda C. Garro)³.

В Сообщество входят до нескольких сотен исследователей (число зависит от прохождения процедуры ежегодной оплаты оргвзносов), преимущественно из США, но также из многих стран Европы, Азии, Африки⁴. Столь впечатляющие цифры объясняются интересом различных ученых к сфере здоровья/болезни и оздоровления/лечения человека, т.е. многопрофильностью исследователей, подключившихся к работе в области медицинской антропологии в силу интердисциплинарности научного направления и специфики его исследовательского поля. Медицинская антропология является сферой приложений исследовательских усилий антропологов, социологов, представителей медицинских наук, в том числе психиатров, психологов, а также генетиков, эпидемиологов, экологов и других специалистов. В США и других странах Америки и Европы многие профессионалы в области медицинской антропологии в настоящее время имеют двойное образование (+медицинское), а некоторые специалисты предпочитают получать по три и даже четыре образования (на уровне магистратуры, как правило) для расширения своих рабочих возможностей5.

Медицинская антропология как научное направление и образовательная дисциплина до наших дней очень популярна, входит в программы многих университетов США, Канады, Великобритании, Франции, Германии и других стран Европы; курс читается на гуманитарных и медицинских факультетах. Интересно, что в 1987 г. около 11% докторских (Ph.D.) защит в США было именно по медицинской антропологии. Эта дисциплина преподается издавна во многих университетах, в первую очередь там, где есть медицинские школы и школы общественного здоровья: Гарвардском, Стэндфордском, Колумбийском, Калифорнийском (Беркли и Сан-Франциско), т.е. в различных крупнейших университетах разных штатов. Специализация идет по кафедрам антропологии; они могут кооперироваться с медицинскими школами и иными,

близкими по профилю исследований кафедрами, например, социологической направленности.

Каждый из университетов, где есть программа по медицинской антропологии, имеет свою специфику в исследованиях и выборе конкретных специализаций. Например, Университет шт. Калифорния в Беркли и Сан-Франциско имеет совместную программу, основными направлениями исследования которой являются психиатрия, этнопсихиатрия, психоанализ, инфекционные заболевания, традиционная медицина, геронтология и т.д.; директор программы – проф. Ненси Шейпер-Хьюз (Nancy Scheper-Hughes).

Университет в Беркли считается одним из ведущих (входит в топ-5) образовательных и исследовательских центров в США, предоставляющих возможность получения качественного образования по специальности «Антропология». Здесь на кафедре антропологии выделены две специализации: «Антропология» (археология, физическая антропология и социокультурная антропология) и «Медицинская антропология». Последняя является отдельной программой в докторантуре (=аспирантуре), но при этом она включена в базовую учебную программу бакалавриата, а в виде спецкурсов – в магистерские программы.

Очевидно, что это направление значимо для деятельности кафедры. В различных рейтингах ведущие эксперты выделяют Беркли как университет, где можно получить самое современное и всестороннее образование по специальности «Медицинская антропология». Университет в Беркли задает в настоящее время общее концептуальное направление и определяет методы и подходы современных исследований в медицинской антропологии⁶.

На базе университета в Сан-Франциско (School of Medicine) есть докторантура (=аспирантура) по медицинской антропологии. Здесь занимаются историей наук о здоровье (история американской и европейской медицины, история альтернативных целительских практик) и социальной медициной (социальные факторы, влияющие на здоровье, заболеваемость, применение медицинских технологий и т.д.); директор программы в настоящее время – проф. Шерон Кауфман (Sharon Kaufman)⁷.

Еще одним славящимся своими исследованиями в области медицинской антропологии университетом является Гарвард, где на кафедре антропологии ведется работа в нескольких направлениях: кросс-культурная психиатрия, этика и биоэтика, эпидемии и инфекционные заболевания, трансплантология, история медицины. Программа по медицинской антропологии реализуется совместно Медицинской школой Гарварда (Harvard Medical School) и кафедрой социальной медицины (Department of Social Medicine). Директором программы там с 1982 г. являлся один из пионеров медицинской антропологии Артур Клейнман⁸ (проф. медицинской антропологии в департаменте социальной медицины — Arthur Kleinman). В Гарварде, кстати, за 25 последних лет было защищено не менее 75 диссертаций по интересующему нас профилю. В этом университете наряду с медицинской, развивается антропология психиатрии и биоэтика.

Биоэтика как важнейшее направление представлена на медицинском факультете университета Кейс Вестерн Резерв (Саѕе Western Reserve); здесь же на кафедре антропологии есть специализированная программа (MA, PhD) и по медицинской антропологии. Она реализуется совместно с медицинской школой Центра глобального здоровья и болезни (Medical School's Center for Global Health and Disease) университетской кафедры биоэтики и ее программы «Общественное Здравоохранение» (Public Health Program), и еще двумя школами: школой медсестер в Болтоне (Bolton School of Nursing) и школой прикладных социальных наук в Манделе (Mandel School of Applied Social Sciences). Один из ведущих исследователей на кафедре антропологии – Эдвуд Гейнс (Atwood D. Gaines), профессор в области антропологии, биоэтики, медсестринского дела и психиатрии⁹, получивший свою степень Ph.D. по социальной и культурной антропологии в Калифорнийском университете в Беркли.

Университет Кейс Вестерн Резерв на постсоветском пространстве особенно известен своей работой по подготовке специалистов в области биоэтики по специальной программе Центра Фогарти, которой руководит Сана Лоо, имеющая специализацию,

как указывалось, в области права, общественного здоровья, эпидемиологии, общественного управления, национальной работы. Она является директором Центра национальных меньшинств¹⁰. Подчеркну еще раз, что очень многие американские специалисты, занимающиеся вопросами здоровья и болезни, медицины и здоровьесбережения, имеют по несколько образований в смежных сферах науки.

В Канаде также есть свои программы по медицинской антропологии в различных университетах. Например, в университете МакГилла (McGill University) – одном из старейших и известнейших, находящемся в Монреале (в двуязычной – французский и английский языки – провинции Квебек). Такое местоположение во многом предопределило специфическое развитие медицинской антропологии как в университете МакГилла, так и в других университетах провинции. Этот вуз предлагает специализацию (степени и дипломы) более чем в 300 областях исследования. В рейтинге 2010 года по версии газеты «The Guardian» университет занял 19-е место в мире. Среди его выпускников – 12 нобелевских лауреатов. Университет МакГилла и его выпускники основали несколько новых вузов, в т.ч. Медицинскую школу Университета Джонса Хопкинса (JHUSOM), расположенную в Балтиморе (Мэриленд, США).

Программа по медицинской антропологии реализуется в университете МакГилла совместно кафедрой антропологии и кафедрой социальных исследований медицины (Social Studies of Medicine) медицинского факультета. По программе медицинской антропологии изучаются: западная медицина и традиционные концепции здоровья и болезни, оздоровительные практики в различном культурном окружении, системы здравоохранения в развивающихся и слаборазвитых странах, а также биомедицинские практики, в частности, применение современных диагностических методов выявления и лечений раковых заболеваний, иммунология, социология биомедицины.

Среди канадских университетских специалистов есть много крупных исследователей. Обратим внимание на одну из них, рабо-

тающую в университете МакГилла – ныне почетного профессора Маргарет Лок (в этом году она празднует свое 80-летие). Исследовательница получила образование изначально в Англии (став там специалистом в области биохимии), затем в Канаде (Торонто) и в Калифорнийском университете США – в Сан-Франциско и в Беркли, признанном центре медицинской антропологии. М. Лок – автор и соредактор 17 монографий и более 200 значимых научных статей. Работая в университете МакГилла, она создала всемирно признанную программу по медицинской антропологии. М. Лок всегда находила важнейшие современные темы исследования (не обошла вниманием народную медицину, геронтологию, трансплантацию органов и новые медицинские технологии в целом, болезнь Альцгеймера, антропологию биомедицины). За годы работы она стала не только крупнейшим ученым – медицинским антропологом, но и организатором науки; в частности, М. Лок возглавляла SMA.

Не менее интересен в отношении медицинской антропологии Университет МакМастера (McMaster University) (г. Гамильтон, провинция Онтарио), который входит в число ведущих исследовательских вузов Канады; он предоставляет полный спектр программ высшего образования и профессиональной подготовки. В рейтинге журнала «Maclean's Magazine» этот университет не единожды назывался самым инновационным высшим учебным заведением среди вузов, предлагающих докторские программы. Наряду с крупными университетами США и Канады, университет Мак-Мастера является лидером в области образовательных услуг по направлению «антропология здоровья» (медицинская антропология). Сбалансированное сочетание исследовательской и практической работы позволяет готовить здесь высококвалифицированных специалистов, способных применить свои знания в различных сферах. Они занимаются анализом культурных и экологических факторов, влияющих на состояние здоровья людей и распространение заболеваний, изучают культурный контекст заболеваний, целительские практики, государственную политику в области охраны здоровья населения, а также исследуют здоровье

коренных народов, проводят анализ древних ДНК, работают в области молекулярной антропологии.

Как показывает пример университета Мак-Мастера, включение курсов по медицинской антропологии в учебные программы профильных кафедр (кафедры социальной антропологии) и одновременно в программы медицинских факультетов улучшает качество знаний и, соответственно, квалификацию выпускников. Кафедра антропологии факультета социальных наук этого университета предлагает специализации по археологии, физической антропологии, социокультурной антропологии и антропологии здоровья. Здесь ориентируются на интердисциплинарный подход к изучению здоровья и поощряют привлечение методов других наук как социального, гуманитарного, так и естественнонаучного профиля. Студенты кафедры участвуют в полевой работе в общинах коренных народов, профильных организациях и некоммерческих структурах. Чтобы получить интердисциплинарное вѝдение проблем здоровья, они должны прослушать хотя бы один курс на смежных кафедрах университета.

Программа «Антропология здоровья» в этом университете отличается хорошо сбалансированным соотношением теории и практики. Основной целью является развитие у студентов владения максимумом теорий и методов, необходимых для эффективного анализа вопросов, связанных со здоровьесбережением. В ходе освоения программы студенты учатся рассматривать состояние человека с учетом социальных и культурных детерминант, влияющих на его здоровье и благосостояние отдельных людей и групп населения¹¹.

Для Канады в целом характерна — на протяжении существования там медицинской антропологии (с начала 1970-х гг.) — ориентация специалистов в своей работе не только на университетскую науку и образование, но (уже с тех самых 1970-х) и на прикладную деятельность в учреждениях здравоохранения и социальной службы. Канадские ученые вели и ведут большую полевую работу в различных условиях. Что же касается образовательной деятельности, то в этой стране осуществляется активная работа медицинских антропологов как на кафедрах антропологии университетов,

так и на медицинских факультетах и в медицинских учреждениях. Важнейшим аспектом своих исследований некоторые канадские специалисты считают изучение деятельности самих медицинских учреждений, в каких они работают.

Разумеется, результаты многочисленных исследований, проводимых медицинскими антропологами разных стран, активно публикуются. Труды по различным проблемам медицинской антропологии в силу интереса к ней со стороны ученых, работающих в разных научных сферах, печатались изначально в многочисленных периодических изданиях, но довольно быстро были созданы профильные научные журналы, многие из которых существуют и сейчас: «Medical Anthropology Quarterly: International Journal for the Analysis of Health», «Anthropology & Medicine», «Global Change and Human Health», «Journal of Ethnobiology and Ethnomedicine», «Journals of Ethnopharmocology», «Medical Anthropology: Cross Cultural Studies in Health and Illness», «Social Science & Medicine», «Studies in Medical Anthropology» и другие. В настоящее время членом редколлегий журналов «Anthropology & Medicine», «Medical Anthropology» и «Medical Anthropology Quarterly» является президент SMA E. Сабо.

Очевидно, что при формировании и институционализации медицинской антропологии даже в соседствующих странах были определенные различия. Это связано с этнической спецификой конкретных регионов, культурно-бытовыми традициями народов, с особенностями развития там науки. Многое зависит от колониальной политики государств, экспортирования в колонии и доминионы господствующих в метрополии вариантов здравоохранения, а также от медицинских практик, остающихся на их периферии. Важна и активность научного сообщества в этих процессах.

Проникновение идей о возникновении нового научного направления в различные уголки мира шло разными путями, а сам момент обращения к формированию медицинской антропологии приходился на разные годы. Европа в этом отношении несколько запаздывала в сравнении с Новым Светом. Так, во Франции, например, данное направление начало развиваться только в 1980-е годы, при этом вопрос о том, что такое медицинская антропология, там решался

специфически, как и во многих других европейских странах мира. В европейской традиции, в частности, во французской, за понятием «медицинская антропология» было закреплено поле прикладной деятельности, а то, что соответствовало направлению, активно развиваемому в это время в США и Канаде, начали называть «антропологией болезни» или «антропологией здоровья», либо же объединяя это в одном усложненном наименовании «антропология болезни и здоровья», возможно, в силу развитости там социологических наук¹². Но именно этому подходу придавалось гуманитарное звучание.

Несмотря на то, что медицинская антропология во Франции начала развиваться позже и в научном поле деятельности французов никогда не была представлена настолько широко, как у исследователей в странах Северной Америки, труды французских антропологов довольно быстро обрели общие черты с работами медицинских антропологов англоязычных стран и даже стали кое в чем влиять на североамериканскую модель развития этого научного направления.

Отмечу, что само наименование научного направления — медицинская антропология — в Европе не сразу прижилось. Во многих европейских странах были сильны традиции исследования в области этномедицины, поэтому и само направление, например, в немецкоязычной традиции, имело именно такое название. Это связано с тем, что в любящей понятийную точность немецкоязычной науке было два термина, каждый из которых характеризовал свою область знания: Volkskunde — «этнография/краеведение» и Ethnologie — «этнология». Первая была связана с изучением собственно немецкой и немецкоязычной культуры, а вторая — с исследованием того знания, что входило в иные этносы и культуры, преимущественно неевропейские. Таким образом, народно-медицинские лечебно-профилактические практики и методы рассматривались в рамках двух научных направлений.

Интересно, что Германия в отношении медицинской антропологии в своем специфическом варианте, можно сказать, несколько опережала другие страны. Впрочем, если учитывать в целом

интерес к традициям этнических медицинских практик, народной медицины, то в науке многих стран мира вопрос о начале исследований, имеющих отношение к медицинской антропологии, можно будет в значительно степени «удревнить». На самом деле зачатки этого интереса уходят своими корнями в научную практику XIX столетия, а интерес к этноботанике и духовным практикам исцеления (шаманизму и др.) отмечается у европейских (особенно германских) первопутешественников, устремлявшихся на «дикие» окраины, например, России уже в XVIII в. (см. труды и материалы исследователей Сибири¹³).

В самой Германии в XIX в. существовало (с 1873 г.) научное сообщество под названием «Берлинское общество антропологии, этнологии и первобытной истории», одним из создателей которого был немецкий биолог и врач, основатель современной патологической анатомии Р.Л.К. Вирхов, занимавшийся также археологией. Он известен как крупнейший реформатор медицины. Вместе с тем, его имя хорошо знают социологи и антропологи. Именно он, проводя свои исследования в Верхней Силезии в 1848 г., обратил внимание на политические притеснения местного славянского населения, проживающего в нищете и голоде, что, с его точки зрения, способствовало распространению в регионе инфекционных (он исследовал ситуацию с тифом) и других заболеваний. Спустя 53 года Р. Вирхов напишет, что именно тогда он понял, сколь тесно практическая медицина связана с социальными реформами. Впервые он изложил свою позицию по этому вопросу в 1949 г. в журнале «Медицинская реформа» (Вирхов был соиздателем журнала), за что лишился места в знаменитой клинике Шарите. Кстати, всю свою жизнь Р. Вирхов, не чуждый политической деятельности, занимался не только наукой, но и практическим здравоохранением, улучшением здоровьесбережения, добиваясь проведения ряда санитарно-гигиенических мероприятий. Он много времени посвящал просветительской деятельности, издавая сборники по этнологии, антропологии, археологии.

В Германии, где в XX в. была довольно сложная ситуация в науке в связи с распространением нацизма и расовой теории, уже после

войны возникло несколько центров, где развивалась этномедицина (=медицинская антропология) в том или ином варианте. В 1969 г. был создан такой исследовательский центр в Гамбурге. Он связан с деятельностью И. Стерли, который в 1970 г. сформировал «Рабочую группу этномедицины», а уже в 1971 г. начал издавать журнал «Этномедицина: журнал интердисциплинарных исследований», который просуществовал до 1982 года. Параллельно ему в 1978 г. начал выходить двуязычный, теперь международно известный журнал с экзотическим названием «Curare»¹⁴, с подзаголовками на двух языках, где в немецком варианте использовано слово «этномедицина», а в английском – «медицинская антропология» («Сиrare: Zeitschrift für Ethnomedizin und transkulturelle Psychiatrie» / «Curare: Journal of Medical Anthropology and Transcultural Psychiatry»). В Германии в прошлом столетии этномедицинская тематика наиболее активно была представлена в университетах Кельна, Гамбурга и Гейдельберга. В Гамбурге на кафедре этнологии в 1985 г. был издан широко известный учебник по медицинской антропологии «Krankheit und Kultur. Eine Einführung in die Ethnomedizin» («Болезнь и культура. Введение в этномедицину») соавторами Б. Пфлайдерер, В. Бихманом. Далее к их работе присоединилась К. Грайфельд и учебник вышел уже за тремя фамилиями с измененным названием «Ритуал и исцеление. Введение в этномедицину»¹⁵. Позже К. Грайфельд переиздавала уже самостоятельно обновленный вариант учебника «Ritual und Heilung: Eine Einführung in die Medizinethnologie» (2003), а также издала еще одну книгу «Medizinethnologie: Eine Einführung» (2013) («Медицинская этнология: Введение»). Надо отметить, что в немецкой традиции есть большой интерес к этнофармакологии и этноботанике¹⁶.

В настоящее время исследования по этномедицине/медицинской антропологии ведутся во многих университетах Германии, а также в других немецкоязычных странах (Австрии и Швейцарии). Группы медицинской антропологии в Европе могут включаться в общества культурной/социальной антропологии (в Германии такая группа входит в «Немецкое общество культурной антропологии») или существовать автономно (в Вене, например, под руководством

проф. Д. Айгнер работает Австрийское общество медицинской антропологии – Österreichische Gesellschaft für Medical Anthropology).

Медицинская антропология в XXI веке — одно из очень популярных направлений в европейской антропологии. В Европе функционирует уже и европейская «Сеть медицинской антропологии», входящая в Европейскую ассоциацию социальных антропологов (EASA Medical Anthropology Network (MAN)), которую возглавляет профессор одного из итальянских университетов в Риме (Sapienza — University of Rome) Пино Скириппа (Pino Schirripa).

Медицинские антропологи Европы в настоящее время работают во многом в контакте с коллегами с американского континента, а тематика исследований становится все более общей. Это, с одной стороны, вопросы и проблемы, уходящие своими корнями в культурную антропологию - связанные с различными медицинскими системами, практиками и методами, в том числе с их древними традиционными вариантами, и проблемы интеграции медицинских систем разного уровня. А с другой стороны, - это проблемы, порождаемые современным обществом в глобальном мире (смыкающиеся, в том числе, с социальной антропологией, а также биоэтикой и социологией): опасности современной медикализации и технократических подходов, вопросы трансплантации органов, генной инженерии, гендерные проблемы, СПИД, Эбола, проблемы стареющего общества, технологии репродукции и, конечно же, сложности, порождаемые движением потоков мигрантов по планете, климатическими изменениями, голодом, отсутствием воды т.д. Медицинская антропология, чем дальше – тем больше, становится некой всеохватной наукой интердисциплинарного характера. Международные мероприятия, собирающие специалистов разных континентов, превращаются уже в многотысячные по числу желающих в них участвовать; секции медицинской антропологии бывают представлены практически на всех конференциях и конгрессах по социальной/культурной антропологии. Это свидетельствует о важности и значимости научного направления, в стороне от которого не остаются ученые самых разных стран мира.

Отечественная медицинская этнография и этнология

Вопрос о развитии медицинской антропологии в России и странах постсоветского пространства требует особого рассмотрения, поскольку у нас на протяжении длительного времени данное научное направление развивалось в своих прикладных вариантах, что, впрочем, было характерно для многих стран. Сам термин «медицинская антропология» в СССР и России связывался с медицинским аспектом физической антропологии. В отношении исследований: а) лечебно-профилактических систем и методов, а также б) магико-мистических и религиозно-магических практик и способов исцеления, — использовалась иная терминология; чаще всего одно называлось народной медициной, а второе относилось к религиозной обрядности.

Можно сказать, что в отечественной науке, учитывая методы и подходы исследований, развивалась медицинская этнография, которая не утратила своей активности и по настоящий момент. В ее задачи входят фиксация, описание и систематизация материалов, имеющих отношение к профилактике и сохранению здоровья, а также лечению и исцелению. Она изучает не только магико-медицинские практики, но часто и магико-мистическую сферу бытия традиционного общества, оккультно-мистические воззрения, связанные с идеями сохранения целостности (=здоровья) человека, внедряясь в область магико-религиозных представлений и обрядово-ритуальной жизни (шаманизм, ведовство, колдовство, знахарство¹⁷).

Надо отметить, что деятельность западных медицинских антропологов во второй половине XX в. не осталась незамеченной в СССР. Без особых ссылок на нее у нас активизировались исследования в области медицинской этнографии и использования традиционных медицинских знаний. Так, в 1971 году в Тбилиси прошла Всесоюзная научная конференция «О расширении использования природных ресурсов лекарственных растений с учетом изучения опыта народной медицины», а в апреле 1975 года была созвана значительная по своему составу и значимая по тематике докладов

Всесоюзная научная конференция «Этнографические аспекты изучения народной медицины» (Ленинград). Помимо изданных тезисов конференций¹⁸, в ведущем профильном журнале «Советская этнография» в следующем, 1976 году, появилась большая обобщающая и систематизирующая сложившуюся исследовательскую ситуацию статья Ю.В. Бромлея¹⁹ и А.А. Воронова «Народная медицина как предмет этнографических исследований»²⁰. В ней речь шла не только о народной медицине, но и о традиционных медицинских системах. Именно здесь было предложено классификационное разделение на устные и письменные формы медицины с их соответствующим наименованием (народная – как традиционно-устная и традиционная – как традиционно-письменная); здесь же указывалось на наличие в народной медицине двух «слоев» - «бытового» (семейная медицина) и «профессионального» (практики специалистов – знахарей, шаманов, колдунов и т.д.); обращалось внимание на то, что между этими двумя слоями есть устойчивая связь, а «"профессиональный" слой традиционно-устных медицинских знаний (...) во многих культурных регионах является главной исходной базой традиционно-письменной медицины»; исторически эти традиционно-письменные варианты либо погибали вместе с соответствующими цивилизациями (или, как медицина инков, например, возвращались в традиционно-устную форму существования), либо дошли с незначительными изменениями до наших дней, а некоторые дали начало научной медицине²¹.

Эта прекрасная работа этнологического характера не ставила целью переориентировать медицинскую этнографию, создав медицинскую антропологию как таковую, но фактически несколько иными словами намечала те же пути развития в изучении медицинской сферы жизни, обращая внимание на взаимосвязи различных медицинских систем. Авторы указывали на обязательность учета в исследованиях «социально-культурного контекста функционирования народной медицины» для уяснения «медико-биологической сути составляющих ее компонентов». Кроме того, именуя комплесным подходом, по сути, подход интердисциплинарный, они обращали внимание на необходимость тесного сотрудниче-

ства этнографов «со специалистами как гуманитарного профиля (историками, филологами, искусствоведами), так и медико-биологического цикла наук (врачами различных специальностей, антропологами, ботаниками, фармакологами)». Здесь также шла речь об использовании при таком подходе «всех современных методов исследования», даже только появлявшихся в отечественной науке «теории информации системного подхода, математических методов обработки материала (в том числе на ЭВМ)»²².

Надо отметить, что в последующие два десятилетия (1970-1980-е) научная ситуация в советской медицинской этнографии/ этнологии мало менялась, да и самих исследований было немного. Материалы могли появляться в общих этнографических трудах, но с соответствующей советской оценкой их как суеверий и ошибочных воззрений. Это не означает, что не велась полевая работа по сбору и первичной систематизации сведений по народной медицине и духовным, магико-мистическим практикам. Именно в те годы работали многочисленные плановые экспедиции, в рамках которых затрагивались вопросы народной медицины, лечебно-профилактических методов здоровьесбережения, магико-мистических практик²³. Материалы шли в архивы, некоторые работы издавались, но иногда писались «в стол»²⁴. Кстати, позже многое из таких собраний было издано²⁵. Но, что важно, - курс, взятый Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) на изучение и поддержку народной и традиционной медицины в 1980 г.26, остался для советской социо-гуманитарной науки практически незамеченным.

Видимые трансформации произошли в начале 1990-х годов, со снятием — официальным и самопроизвольным — запретов и ограничений на эзотерику, парапсихологию, оккультную деятельность и подобное. Это был период массового появления популярной и научно-популярной литературы, связанной с магией, парапсихологией, религиозной мистикой; период, когда вдруг неожиданно возникли из небытия многочисленные специалисты магико-медициских и магико-мистических практик — знахари и колдуны, в столицу и крупные города России начали приезжать знатоки раз-

личных вариантов восточной традиционной медицины, появились (нео)шаманы, стала формироваться плеяда народных целителей²⁷.

Естественно, такие изменения вызвали большой интерес ученых. Кроме того, так называемый период перестройки спровоцировал развал системы здравоохранения и кризис в официальной медицине, что также не могло остаться без внимания исследователей²⁸. Активизация публикаций и защит диссертационных работ в области медицинской этнографии и этнологии приходится на 1990–2000-е годы²⁹. В этот период были попытки создания региональных центров исследования народной медицины. Например, усилиями Л.И. Никоновой, защитившей в 2001 г. докторскую диссертацию³⁰, был создан Координационный центр исследований по этномедицине (под патронажем Ассоциации этнологов и антропологов России при НИИГН при Правительстве Республики Мордовия). С 2002 г. этот центр выпускал небольшой «Информационный бюллетень по исследованиям этномедицины РФ».

В 1990-е гг. начали проводиться научные конференции, в том числе международные, часть из которых со всей очевидностью взяла курс на интердисциплинарность (что, несомненно, должно было в итоге привести и к формированию/заимствованию медицинской антропологии). Например, в 1992 г. в Якутске прошла необычная конференция по шаманизму «Шаманизм как религия: генезис, реконструкция, традиции»³¹), где впервые собрались не только ученые разных специальностей и научных направлений, но и (нео)шаманы и знахари, народные лекари, активно возрождавшие свои традиционные практики, а в большей степени – конструировавшие новые, с уверенностью в том, что воссоздают старое. Зарубежные участники конференции имели возможность встретиться с В.А. Кондаковым, широко известным в то время человеком, организовавшим в Якутске школу для подготовки новой плеяды целителей из представителей самых разных культурных традиций (к тому моменту идеи целительства уже оформлялись законодательно в статьи Закона о сохранении здоровья 1993 г., а представители этой новой профессии успели создать многочисленные целительские клиники). Для исследователей конференция

была одновременно своеобразной полевой работой, поскольку ее научно-практическая часть позволяла широко знакомиться с различными практиками и их создателями и хранителями.

Довольно заметным мероприятием в этом отношении оказалась международная конференция «Традиционная этническая культура и народные знания» (1994, Москва), организованная Институтом этнологии и антропологии РАН. На ней были представлены, в числе других, работы по здоровьесбережению, народной медицине, а также новейшие исследовательские гипотезы, осмыслявшие с учетом научных и научно-популярных веяний тех лет вопросы народной медицины, целительства, духовных практик. На этой конференции также была сделана заявка на интердисциплинарность (что здесь, как и в статье Ю.В. Бромлея и А.А. Воронова, именовалось «комплексным подходом» – например, в выступлении И.М. Семашко, зам. председателя Оркомитета, и «комплексным междисциплинарным изучением» в выступлении еще одного зам. председателя В.В. Руднева). Организаторы отводили значимую роль именно «возрождаемым» медицинским практикам, видимо, в силу их фантастической популярности на тот момент, подчеркивая, что ранее «народная медицина третировалась как знахарство, некоторые другие области традиционной культуры рассматривались лишь как пережитки прошлого»³².

Интерес к народной медицине, институционализировавшемуся целительству, магико-мистическим практикам, особенно шаманизму, был отражен во множестве докладов российских и зарубежных ученых; что важно – среди последних были докладчики, предложившие работы в парадигме медицинской антропологии. В методологическом отношении сборник изданных тезисов продемонстрировал широчайшую палитру как тематики, так и методологии.

Очередной вехой среди мероприятий, исследовавших магико-мистические и магико-медицинские практики, стало собрание ученых и практиков (в первую очередь (нео)шаманов) летом 1996 г. на Байкале на конференции «Центрально-азиатский шаманизм: философские, исторические, религиозные аспекты»³³. Эта конференция

была по своим методологическим подходам и особенностям работы своеобразным продолжением якутской.

Важным мероприятием в формировании новых исследовательских подходов, в том числе к изучению магико-медицинских практик, стал первый Международный интердисциплинарный конгресс «Шаманизм и иные традиционные верования и практики», посвященный памяти А.В. Анохина, Н.П. Дыренковой, С.М. Широкогорова, который прошел в Москве и Подмосковье одновременно с третьим Конгрессом этнологов и антропологов России. Здесь была сформулирована установка на интердисциплинарность как совместное изучение общего предмета и объекта исследования специалистами различных научных направлений и наук при выработке ими единой методологической платформы исследований. Интердисциплинарность таким образом отделялась от комплексного подхода, реализуемого, как правило, одним специалистом, использующим различные методы и данные разных научных направлений.

Этот конгресс стал первым в ряду многочисленных последовавших за ним конгрессов и симпозиумов, организуемых Центром по изучению шаманизма и иных традиционных верований и практик, материалы которых издавались в серии международной серии научных трудов «Этнологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам». Издаваемые материалы и другие книги серии демонстрируют сложности трансформации, в том числе, медицинской этнографии и этнологии в 1990—2000-е годы. Первый конгресс проводился совместно несколькими организациями, российскими и зарубежными; большое число исследователей из разных стран довольно жестко дискутировали о возможностях совместной работы гуманитариев, медиков и представителей естественных наук, а также о разграничении собственно научной парадигмы и парапсихологических штудий.

Таким образом, новые подходы и принципы исследования формировались на международных мероприятиях, посвященных по большей части магико-мистическим практикам. Вместе с тем, с начала 1990-х годов проводились специализированные конференции и конгрессы, организуемые коммерческими фирмами, на ко-

торых рассматривались проблемы интеграции медицинских систем, специфика магико-медицинских и магико-мистических практик. Одним из таких значимых форумов стал конгресс «Народная медицина России — прошлое, настоящее, будущее», с 1993 г. проводившийся раз в два года в Москве³⁴. Отмечу, что именно его организаторы были связаны уже на тот момент непосредственно с ВОЗ — Всемирной организацией здравоохранения, выполняя декларации организации по исследованию народной медицины, ее развитию и адаптации к современным условиям. Результаты происходящих в стране трансформаций в области распространения и функционирования различных медицинских систем антропологи и социологи к концу 1990-х годов начали исследовать уже в измененных ракурсах.

Формирование медицинской антропологии в РФ

Резко возросшая открытость научных контактов с зарубежным миром позволила российским/советским ученым обратиться к тем направлениям в социогуманитарной сфере исследований, которые были мало или практически не развиты в нашей стране. Это имеет отношение к медицинской антропологии, социологии медицины, отчасти к биоэтике.

Стоит обратить внимание на типологическую параллель с возникновением интереса к медицинской антропологии в США: там он также совпал с официальным разрешением индейцам открыто отправлять их ранее запрещенные магико-мистические ритуалы, что повлекло взрыв изучения шаманизма и иных магико-мистических практик, ле́карства и т.д. Практически в то же время началось формирование таких научных направлений, как медицинской антропологии, а в большей степени — антропологии сознания. В Канаде, как отмечено, развитие медицинской антропологии шло наиболее активно именно в Квебеке, где было многонациональное население, аборигенное и пришлое, говорящее на разных языках и сохраняющее различные культурные традиции, изучение которых стимулировало развитие медико-социологических и медико-антропологических подходов.

В западном варианте формирования медицинской антропологии и ее институализации важнейшим оказалось внедрение этой дисциплины в университеты. В системе российского образования в 1990-е годы только стали появляться кафедры социальной и культурной антропологии (в основном на социологических или культурологических подразделениях различных университетов), преподавание на которых организовывалось в различных вариантах.

Учитывая то, что медицинские университеты у нас существуют самостоятельно, да и в целом медицинское образование организовано по несколько иному принципу, чем на Западе, медицинская антропология в ее социокультурном варианте не могла появиться сразу. Повторю, что наиболее активную позицию по введению в университетское преподавание дисциплин, связанных со здоровьесбережением и медициной, занял Д.В. Михель, который начал читать курс медицинской антропологии и параллельно издавать учебно-методическую литературу для студентов. Отмечу, что это произошло в Саратовском техническом университете, где не было возможности организовать подготовку антропологов, в том числе, на медицинской базе, поэтому медицинская антропология осталась там просто читаемым для антропологов курсом³⁵.

Надо сказать, что параллельно с социальной/культурной антропологией у нас развивалась социология, а соответственно, с медицинской антропологией — социология медицины. Эти две дисциплины и до сих пор теснейшим образом смыкаются, а их приверженцы пересекаются в своих исследованиях. К этому надо добавить, что в стране активно работают те специалисты, которые издавна именовали себя медицинскими антропологами (физические антропологи)³⁶, этноэкологи примыкают в некоторых вопросах к проблематике медицинской антропологии; то же можно сказать относительно гендерных исследований и т.д.

Однако при таком многостороннем интересе к этому предмету, медицинские антропологи и сейчас сталкиваются с элементарным непониманием специфики их научного направления со стороны некоторых коллег, особенно старшего поколения. Так, попытка провести семинар по проблемам медицинской антропологии во Влади-

востоке, в Институте истории этнологии и антропологии, привела к жаркой дискуссии, низвергающей медицинскую антропологию как самостоятельное научное направление. Как пишет организатор семинара Г.С. Поповкина, «наиболее острая реплика (в этой дискуссии, -B.X.) принадлежит к.и.н. Вадиму Анатольевичу Тураеву (в.н.с. ИИАЭ ДВО РАН), который считает, что кризис естественных наук порождает всевозможные псевдонаучные направления, как, например, медицинская антропология (выделено мной, -B.X.), а рост этих публикаций отражает невежество людей, связанное также и с социальным, и экономическим кризисому ^{37} .

Но попробуем, невзирая на такие оценки, обозначить некоторые этапы институализации данного научного направления в нашей стране. Истоки его, как было показано, можно видеть уже в 1990-е гг. Однако какие-то значимые этапы, стабилизирующие его положение, относятся к 2000-м годам. В конце 1990-х — 2000-х гг. появляются работы, защищавшиеся в различных научных областях и свидетельствующие об изменении исследовательских подходов в изучении проблем здоровьесбережения и оценки различных медицинских систем и практик³⁸. В тематике конференций и конгрессов появляются также всё новые мотивы, приближающие исследователей к антропологическим подходам.

Важной вехой становится создание в 2005 г. в ИЭА РАН группы медицинской антропологии³⁹, которая через 10 лет работы станет самостоятельным Центром медицинской антропологии. За этот период группа организует работу в нескольких направлениях. Во-первых, будут проводиться регулярные (ежемесячные) семинары по медицинской антропологии, со временем всё больше обретающие международный характер. Изначально это будет выражаться в приглашении зарубежных докладчиков, а с развитием технических средств форму работы станет возможным обозначать как семинар/ вебинар, так как часть участников семинара сможет работать онлайн. Многие доклады тоже будут звучать онлайн из разных уголков страны и различных стран мира⁴⁰.

С 2006 г. была начата работа по организации и проведению летних школ-конференций по различным проблемам медицин-

ской антропологии 41. Чуть позже появилась идея организации обучающих школ, что перевело эту форму работы полностью в вариант образовательной деятельности. С 2012 г. группой медицинской антропологии ИЭА РАН организуются и проводятся – регулярно, весной и осенью – международные Школы медицинской антропологии и биоэтики для студентов МГМСУ им. А.И. Евдокимова, Первого МГМУ им. И.М. Сеченова, а также для аспирантов гуманитарных институтов РАН. Эта работа проводится ради дополнительного образования студентов-медиков и клинических психологов в тех областях знания медицинской антропологии, которые могут быть им полезны в их дальнейшей работе. Программы школ, с которыми можно познакомиться на сайте Ассоциации медицинских антропологов и сайте журнала «Медицинская антропология и биоэтика», включают ознакомительные лекции по предметам, освещение каких-либо важных и интересных в ракурсе подготовки будущих врачей и психологов тем, интерактивные семинары с возможностью поработать в конкретных игровых ситуациях и т.д. Часть этих школ организовывалась и проводилась совместно с названными медицинскими университетами, а также с Центром охраны здоровья национальных меньшинств, отделения эпидемиологии и биостатистики Университета Кейс Вестерн Резерв (Кливленд, США), в магистратуру которого шел отбор кандидатов в ходе работы школ.

Главные цели деятельности группы медицинской антропологии в это время, — с одной стороны, ознакомление будущих специалистов в области медицины и психиатрии, психологии с новым научным направлением и теми знаниями, которые не входили в программы их вузовского обучения, но были необходимы им, а с другой стороны — распространение знаний о новом научном направлении среди ученых, стремление к его легитимации и институализации. Последнее отражалось не только в ведении на протяжении многих лет постоянно действующего семинара, но и в организации различных конференций и семинаров, в том числе совместно с различными медицинскими и другими вузами и научными учреждениями⁴².

Надо отметить, что, как и на Западе, сбор специалистов, занимающихся проблемами медицинской этнографии, этнологии, антропологии, было проще осуществлять в рамках работы конгрессов этнологов и антропологов России: начиная с VIII конгресса (Оренбург, 2009), такие собрания стали обязательными — на каждом конгресс работала секция по медицинской антропологии.

Вскоре для институализации научного направления были предприняты дальнейшие шаги. В 2013 г. во время Х КЭиАР, проходившего в Москве, помимо запланированной на нем секции медицинской антропологии, был проведен (совместно с Первым МГМУ им. И.М. Сеченова) первый Всероссийский научный интердисциплинарный симпозиум «Медицинская антропология в России и за ее пределами» (3-5 июля 2011 г.). За ним последовали второй (организован и проведен совместно с Саратовским государственным техническим университетом им. Гагарина Ю.А.; Саратов, 30-31 октября 2014 г.) «Здравоохранение в фокусе медицинской антропологии: риторика, практика, культуры здоровьесбережения», а потом третий Всероссийский (с международным участием) интердисциплинарный научно-практический симпозиум «Медицинская антропология: проблемы, методы, исследовательское поле» (организован и проведен совместно с Первым МГМУ им. И.М. Сеченова, МГМСУ им. А.И. Евдокимова, Институтом традиционной восточной медицины; 28-30 июня $2015 \, \Gamma$.

Эта активизация деятельности была вызвана, в том числе, тем, что по окончанию симпозиума 2013 г., присутствовавшие там специалисты провели первое организационное собрание и проголосовали за создание Ассоциации медицинских антропологов в России. Таким образом, 5 июля было принято решение о регистрации АМА и избраны ее первый президент (д.и.н. В.И. Харитонова), два вице-президента (д.филос.н. Д.В. Михель и д.м.н. Р.М. Хайруллин), а также совет ассоциации, куда вошли, в том числе, практикующие врачи⁴⁴. Законодательно Ассоциация медицинских антропологов была оформлена 5 ноября 2013 г. (см. документы: www.amarusssia.ru).

Надо отметить, что формированию ассоциации способствовало отчасти создание и регистрация в 2012 г. электронного науч-

ного и образовательного международного журнала «Медицинская антропология и биоэтика»/«Medical Anthropology and Bioethics» (www.medanthro.ru), выходящего 2 раза в год. Помимо журнала, издается серия «Труды по медицинской антропологии», в которой выходят сборники научных статей и материалов симпозиумов.

Работа журнала и симпозиумов показывает, что в настоящее время в отечественной науке сосуществуют медицинская этнография/ этнология с медицинской антропологией. Об этом свидетельствует тематика предлагаемых статей и докладов⁴⁵. Вместе с тем, с каждым годом заметно увеличивается число исследований именно в сфере и с использованием методологических принципов медицинской антропологии. Надо сказать, что медицинская антропология в различных вариантах развивается в нескольких российских центрах: Москве, Томске, Петербурге, Саратове, Самаре и других городах. Но, вместе с тем, необходимо отметить, что работа в области медицинской антропологии часто объединяет ученых, которые специализируются в области философских наук (биоэтика и др.), психологических наук (этнопсихология, клиническая психология и др.), медицинских наук (истории здравоохранения и др.), а более всего — социологии медицины.

Социология медицины (больше, чем иные научные направления в нашей отечественной практике, и не только у нас: вспомним особенности развития медицинской антропологии во Франции, где именно социологические науки, будучи хорошо развитыми, во многом предопределили специфику медицинской антропологии) имеет не только единое исследовательское поле с медицинской антропологией, но и многие методологические установки оказываются чрезвычайно близки. Это научное направление, истоки которого, как и медицинской антропологии/этнографии, уходят в XVIII–XIX вв., начало развиваться на Западе в период между Первой и Второй мировыми войнами (1920 – 1940-е гг.), причем на темах, которые оказались актуальными для обоих направлений: социальные аспекты развития медицины, система взаимоотношений врача и пациента, социальное положение больных различных категорий и т.д. 46 Но только после Второй мировой войны соци-

ология медицины выделилась, а в 1950-е годы оформилась как самостоятельное направление, в котором работали представители медицинских профессий и социологи в США, Великобритании, Германии. В 1959 г. на IV Всемирном социологическом конгрессе «Общество и социология» в Милане (Италия) впервые была организована секция социологии медицины; ее председателем был член-корреспондент АН СССР Н.И. Гращенков, выступавший там с докладом «Здоровье и социальное благополучие»⁴⁷.

Предмет исследования новой отрасли социологии⁴⁸ определяют как социологическое осмысление роли и места медицины, системы здравоохранения, пациента в современных социально-экономических условиях. Некоторые исследователи подчеркивают, что речь должна идти не о «социологии медицины», а о «социологии медицины и здравоохранения» в целом⁴⁹. Таким образом, это направление социологии всё более расширяется, переходя, в том числе, в область культуры и культурных компетенций, этнических проблем и т.д., то есть ее исследовательское поле, предмет и даже некоторые методы все больше пересекаются с медицинской антропологией⁵⁰. Интересно, что в Википедии, например, социология медицины⁵¹ характеризуется как направление, изучающее «систему охраны здоровья», социальные термины «болезнь» и «здоровье», поведение людей в сфере медицины. Социология медицины рассматривается как наука о закономерности формирования ценностных ориентаций населения в отношении здоровья, болезни, медицинского обслуживания, медицины и охраны здоровья. Структура современной медицинской социологии состоит из нескольких направлений, таких как социология лечебных профессий, социология болезни и поведения больного, социология институтов медицины и организации здравоохранения.

Надо обратить внимание и на то, что сфера деятельности медицинских антропологов и научной практики медицинской антропологии основательно пересекается с медицинской психологией⁵² и психиатрией, а также с этнопсихологией.

Не менее важной представляется значительная степень совпадения интересов медицинских антропологов и специалистов в об-

ласти биоэтики, которая в отечественной научной практике оказалась в философских науках, а в образовании представлена в медицине. И это понятно, поскольку термин «биоэтика» используется как минимум в двух значениях. В широком смысле слова «биоэтика», как учение о нравственной стороне деятельности человека в медицине, биологии и жизни в целом, относится к исследованию социальных, экологических, медицинских и социально-правовых проблем, касающихся не только человека, но и любых живых организмов, включенных в экосистемы, окружающие человека. Она оценивает развитие новых технологий в жизни в целом и медицине в частности. В последнем варианте биоэтика⁵³ напрямую выходит на проблемы медицинской этики, проблемы взаимодействия врача и пациента, – и тут она смыкается с медицинской антропологией. Отмечу, что как учебная дисциплина, биоэтика появилась позже, чем само научное направление и практика. В настоящее время она преподается, в первую очередь, в медицинских университетах.

Очевидно, что несколько научных направлений, являющихся, вне всякого сомнения, интердисциплинарными, сходятся, как в точке пересечения, на медицинском поле, поле здоровьесбережения, сохранения человеческой жизни и жизни на Земле в целом. Каждое из этих направлений вырабатывает свои вузовские дисциплины для обучения будущих специалистов. Очевидно, что каждое из них должно иметь свои точки приложения в практике. Последнее особенно развито, стандартизовано и институализировано у психологов. Биоэтика также нашла свое применение в варианте этического консультирования в рамках различных комитетов по этике и практике работы с медицинскими, фармацевтическими, экологическими и иными службами. Социология медицины находит свое приложение - в традициях собственно социологической науки – в проведении различных количественных исследований. Медицинская антропология уже существует как научное направление и начинает развиваться в РФ как вузовская дисциплина. Следующим шагом ее становления и институализации должно быть обретение профессионального приложения на

практике. Если идти вслед за западными странами, то это должно быть консультирование (в первую очередь, медицинских и социальных работников) в области культурных компетенций.

Медицинский антрополог: подготовка специалистов и формирование профессии

Активная работа в области медицинской антропологии и определенные достижения в этой сфере позволили в настоящее время обратиться к вопросу о подготовке специалистов-профильников для работы в клиниках и различных социальных учреждениях. В стране давно ощущается их насущная необходимость⁵⁴. Речь должна идти о формировании системы подготовки кадров разного уровня: как минимум, специалистов-практиков, которых могут выпускать специализированные магистратуры, и научных работников, получающих подготовку в аспирантурах, имеющих соответствующий профиль.

Но чтобы начать плановую подготовку таких специалистов, необходимо определиться с самой специальностью, в том числе зафиксировать ее в «Общероссийском классификаторе профессий рабочих, должностей служащих и тарифных разрядов» (ОКПДТР), а полноценная подготовка научных работников данного профиля требует наличия в ВАКовских рубрикациях соответствующей специальности. И именно это будет следующей ступенью институализации медицинской антропологии в стране.

При реализации такой программы возникнет несколько важных вопросов: во-первых, что должно включаться в сферу деятельности будущих специалистов-практиков, каков должен быть объем этой профессии; во-вторых, где и по каким программам эти специалисты должны обучаться; в-третьих, где и каким образом они будут трудоустраиваться. Очевидно, что в этом нам может помочь мировой зарубежный опыт, однако вряд ли есть смысл его просто копировать. В западной практике готовятся специалисты достаточно узкого профиля: это консультанты в области культурных компетенций (т.е. имеющие антропологическое образование и специализирующиеся в сфере медицинской антропологии) и

этические консультанты (получившие специализацию в сфере биоэтики).

Однако все сказанное выше об особенностях развития в нашей стране нескольких смежных научных направлений и прикладной практики, имеющей к ним отношение, позволяет предложить иной путь. Очевидно, у нас есть возможность создания особой, комплексной, профессии, специалисты которой будут готовиться исходно как смежники, с включением в основу их образования социальной/культурной антропологии, клинической психологии, социологии медицины, основ здравоохранения и различных аспектов медицинского знания, медицинской этики и биоэтики и других дисциплин, необходимых для формирования широкого профессионального взгляда на те проблемы, с которыми им придется работать. Разумеется, это требует на данном этапе серьезной подготовительной работы: создания программ обучения таких специалистов, узаконивания самой профессии и прописывания ее статуса в ОКПДТР (что само по себе достаточно сложно в силу косности восприятия медиками всех новых, не вполне медицинских профессий; особенно тех, что считаются вспомогательными в системе медицины, здравоохранения и социальной работы); подготовки рабочих мест. Наличие таких специалистов в современной России сверхнеобходимо не только в силу того, что наша страна изначально поликонфессиональна и многонациональна, а соответственно, поликультурна; не только в силу появления всё новых вызовов человеку в плане адаптации к новым технологиям, лекарственным препаратам, изменениям экологической ситуации и климата, но и в силу вынужденных мощнейших миграций населения, и, благодаря этому, неожиданных столкновений культур, в силу ускорения развития всех сфер жизни, влияющих на состояние человека.

Примечания

¹ Тишков В.А., Тишков В.В. Диалог между антропологией и медициной. О книгах Артура Клейнмана «Пациенты и целители в культурном контексте», «Социальные корни дистресса и болезни», «Заметки

- и тексты на полях. Дискурс между антропологией и медициной» // Журнал прикладной психологии. 1988, № 1. С. 37.
- ² Подробно см.: Society for Medical Anthropology (A Section of the American Anthropological Association) URL: http://www.medanthro.net/about/ (дата обращения 15.01.2016); см. также: *Михель Д.В.* История социальной антропологии (медицинская антропология): учеб. пособ. для студентов. Саратов, 2010; Специальная тема номера «Медицинская антропология: история, теория, практика» (отв. ред. Харитонова В.И.) // Этнографическое обозрение. 2011. № 3. С. 3–75.
- ³ См. о ней: Лехциер В.Л. Линда Гарро и ее медико-антропологические исследования: основные работы, проблемы, идеи // Медицинская антропология: проблемы, методы, исследовательское поле. Сб. статей / отв. ред. В.И. Харитонова; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Ассоциация медицинских антропологов. М., 2015. С. 3–42.
- О формировании и развитии медицинской антропологии, ее исследовательском поле и используемых в этом научном направлении методах и методологии можно познакомиться по многочисленным учебным пособиям для студентов, изданных проф., д.филос.н. Дмитрием Викторовичем Михелем в Саратовском государственном техническом университете им. Гагарина Ю.А. (социально-гуманитарный факультет): Михель Д.В. Медицинская антропология // Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.В., Михель Д.В. Социальная антропология современного общества: методология, методы, кейс-стади. Саратов, 2004; *Михель* Д.В. Болезнь и всемирная история: учеб. пособ. для студентов и аспирантов. Саратов, 2009; он же. Социальная антропология медицинских систем: медицинская антропология: учеб. пособ. для студентов. Саратов, 2010; он же. Социальная антропология здоровья и репродукции: медицинская антропология: учеб. пособ. для студентов. Саратов, 2010; он же. История социальной антропологии...; он же. Медицинская антропология: история развития дисциплины: учебное пособие для студентов. Саратов, 2010. См. также: Михель Д.В. Хэзел Вейдман и возникновение медицинской антропологии в США (к пятидесятилетию образования Общества медицинской антропологии) // Медицинская антропология и биоэтика. 2012, № 4(2). URL.: http:// www.medanthro.ru/?page id=1151; он же. Медицинская антропология: исследуя опыт болезни и системы врачевания. Саратов, 2015.
- ⁵ См., например, список получения образования Саны Лоо, директора Центра охраны здоровья национальных меньшинств, отделения эпиде-

миологии и биостатистики Университета Кейс Вестерн Резерв (США): докторантура (антропология), Университет Кейз Вестерн Резерв, Огайо (2004); докторантура (эпидемиология), Университет шт. Калифорния, Лос-Анжелес (1993); магистр (эпидемиология) (1988); докторантура, Университет Сан-Диего, Калифорния (1980); магистратура (педагогика), Университет социального обеспечения Флорида (1976); бакалавриат (социальное обеспечение), Университет социального обеспечения, Флорида (1975).

- 6 Питерская Е.С. Медицинская антропология как одно из приоритетных направлений работы университета шт. Калифорния в Беркли (обзор образовательных программ) // Медицинская антропология и биоэтика, 2011, № 1(1). URL.: http://www.medanthro.ru/?page_id=745; официальный сайт университета в Беркли: URL.: http://anthropology.berkeley.edu
- ⁷ Официальный сайт: URL.: http://www.ucsf.edu
- ⁸ См. о нем и его научных трудах: *Тишков В.А.*, *Тишков В.В.* Диалог между антропологией и медициной... С. 38–50. См. также страницу сайта: URL.: http://ghsm.hms.harvard.edu/research/medical-anthropology.
- Урленкова А.С., Гейнс А.Д. Об антропологии биомедицины и «культурной биоэтике» // Медицинская антропология и биоэтика. 2011, № 2(2). URL.: http://www.medanthro.ru/?page_id=973.
- ¹⁰ *Курленкова А.С., Лоо С.* Программа тренировки специалистов по биоэтике Международного Центра Фогарти (Национальный институт здоровья, США) // Медицинская антропология и биоэтика, 2011, № 2(2). URL.: http://www.medanthro.ru/?page_id=1004.
- Питерская Е.С. Программа «Антропология здоровья» в Университете Мак-Мастера (Канада) // Медицинская антропология и биоэтика. 2011, № 2(2) URL.: http://www.medanthro.ru/?page_id=1009; а также сайт кафедры: URL.: http://www.anthropology.mcmaster.ca; сайт программы URL.: http://www.anthropology.mcmaster.ca/graduate-program/fields-of-study/health
- Интересно, что среди современных западных социологических изданий есть журнал с названием «Социология здоровья и болезни», т.е. социологи и антропологи работают в общем поле над одними или близкими проблемами. Кстати, само направление социологии, занимающееся смежными или теми же, что и медицинская антропология, проблемами, все чаще называют не просто «социологией медицины» а «социологией медицины и здравоохранения» (см., например, соотв. статью в книге: Социология: Энциклопедия / сост. А.А. Грицанов,

- В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко., 2003 г.), где «здравоохранение», на самом деле, трактуется как «здоровьесьбережение» («Термин «здравоохранение» относится к различным институтам, осуществляющим функции охраны и поддержания здоровья и может быть связан со здравоохранительной деятельностью в сфере семьи, образования, труда, религии, права, экологии и т.д.»).
- Среди исследователей Сибири, как известно, было много и «русских немцев», и непосредственно ученых из Германии. Все они были энциклопедически образованными людьми. Интересно, что именно они привезли много материалов о болезнях, распространенных среди сибирских народов, о медицинской практике местных жителей и о магико-мистической обрядности, направленной на здоровьесбережение и исцеление соплеменников у туземных народов. Например, известный исследователь Даниэль-Готлиб Мессершмидт (1685–1735), немецкий медик и ботаник, оказавшийся на русской службе. В Германии он изучал медицину в университетах Йены и Галле, а в 1716 г. защитил диссертацию на тему, прямо-таки близкую медицинской антропологии: «О разуме как главенствующем начале всей медицинской науки», за которую, кстати, получил ученую степень доктора медицины. Мессершмидт был сподвижником Петра I по исследованию России. В 1718 г. он был послан в Сибирь «для изыскания всяких раритетов и аптекарских вещей: трав, цветов, корений и семян и прочих статей в лекарственные составы», т.е. фактически возглавил первую экспедицию, в задачи которой входили не только географические исследования Сибири и изучение «натуральной истории», памятников, древностей, описание народов, животного и минерального миров, археологических памятников, языков сибирских народов, собирание рукописей..., но и исследование местной медицины и заразных болезней.
- Кура́ре (вурали) яд, используемый индейцами бассейна р. Амазонки для смазывания концов стрел, приготовляемый, главным образом, из коры растения Strychnos toxifera (Стрихнос ядоносный). Животное или птица при ранении стрелой, пропитанной ядом кураре, теряет подвижность и погибает от остановки дыхания.
- Pfleiderer B., Greifeld R., Bichmann W. Ritual und Heilung. Eine Einführung in die Ethnomedicin. Zweite, vollständig überarbeitete und erweiterte Neuauflage des Werkes, Krankheit und Kultur". Berlin, 1995.
- ¹⁶ См., например, одну из недавних книг: *Heinrich M*. Ethnopharmazie und Ethnobotanik: Eine Einführung. Stuttgart. 2001.

- Никонова Л.И. Традиционные способы сохранения здоровья мордвы. Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1993; Ильина И.В. Народная медицина Коми в конце XIX первой половине XX века. Дисс. к.и.н. Сыктывкар, 1995; Никонова Л.И. Традиционная медицина финно-угорских народов Поволжья и Приуралья как часть системы жизнеобеспечения. Саранск, 2000; Порозова А.Д., Шабалина Л.П. Традиционная народная медицина Сибирско-Ульяновсого Поволжья. Историко-этнографическое исследование. Ульяновск, 2009; Ермакова Е.Е. Сибирская заговорная традиция (конец XX начало XXI вв.): в 2-х т. / под ред. И.С. Карабулатовой. Тюмень, 2005. и др.
- Всесоюзная научная конференция «О расширении использования природных ресурсов лекарственных растений с учетом изучения опыта народной медицины» (материалы докладов). Тбилиси, 1971; Тезисы Всесоюзной научной конференции «Этнографические аспекты изучения народной медицины». Л., 1975.
- На тот момент член-корр. АН СССР (в декабре 1976 г. получил звание действительного члена АН СССР), д.и.н., проф. Ю.В. Бромлей был директором Института этнографии АН СССР (нынешний ИЭА РАН).
- Бромлей Ю.В., Воронов А.А. Народная медицина как предмет этнографического исследования // Советская этнография. 1976. № 5. С. 3–18. До этого была еще одна обзорная публикация: Пестряков А.П. Всесоюзная конференция по этнографическим аспектам изучения народной медицины // Советская этнография, 1975. № 6. С. 156–160.
- Бромлей Ю.В., Воронов А.А. Народная медицина... С. 6–7; (О современной классификации см.: Харитонова В.И. От народно-медицинских традиций к интегративной медицине // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2012, Вып. № 1 (74): «Российский Север и северяне: среда—экология—здоровье». С. 40–45; Харитонова В.И. Неконвенциональная медицина в РФ и современные шаманские практики // Эпическое наследие и духовные практики в прошлом и настоящем. Памяти В.Н. Басилова. Сборник статей / отв. ред. В.И. Харитонова. Кн. 2. М., 2012. С. 256–272; она же. Этническая медицина современности и ее вклад в здоровьесбережение // Второй Российский конгресс по комплементарной медицине: Материалы конгресса. Москва, 11–14 декабря 2014 г. / под ред. В.Г. Зилова, В.В. Егорова, М.С. Томкевич, К.В. Сухова. М., 2014. С. 106–108.
- 22 Бромлей Ю.В., Воронов А.А. Народная медицина... С. 17.
- 23 Например, четверть века, 1960–1990-е гг., велась работа Полесских этнолингвистических экспедиций под руководством Н.И. Толстого

- (Полесье, Карпаты, Закарпатье); выезжали в области Русского Севера ежегодные Северные экспедиции МГУ, ИРЛИ и т.д.
- Интересно, что в те годы не поощрялась публикация сведений о магико-мистических народных знаниях. Ученые как ни странно это звучит для современного читателя прибегали к разным уловкам, чтобы делать это. Например, Н.И. Толстой опубликовал в 1986 г. небольшую заметку о полесских заговорах, сообщив мне при этом, что теперь будет гораздо проще издавать мои работы (я в то время обсудила план докторской диссертации по заговорно-заклинательной традиции восточных славян в его секторе этнолингвистики и фольклора в ИСиБ СССР), так как есть прецедент публикации заговоров известным ученым.
- ²⁵ См., например, дополненное издание: *Торэн М.Д.* Русская народная медицина и психотерапия. СПб.,1996.
- 26 Народная медицина: пути содействия и развития // Док. совещ. Всемирной Организации Здравоохранения (пер. с англ.). М., 1980.
- См., например: Харитонова В.И. Портреты народных целителей России. М., 1994; она же. Традиционная магико-медицинская практика и современное народное целительство. Статьи и материалы. М., 1995. (Российский этнограф. Вып. 23.); Мазалова Н. Народная медицина в традиционной русской культуре // Русская народная медицина и психотерапия. Спб., 1996; Харитонова В.И. Заговорно-заклинательное искусство восточных славян: проблемы традиционных исследований и возможности новых интерпретаций. Ч. 1–2. М., 1999. (Этнологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам. Т.3); она же. Народные магико-медицинские практики: традиция и современность. Опыт комплексного системно-феноменологического исследования. Дисс. в виде научного доклада ... доктора исторических наук. М., 2000; она же. Феникс из пепла? Сибирский шаманизм на рубеже тысячелетий. М., 2006; Христофорова О.Б. Колдуны и жертвы: Антропология колдовства в современной России. М., 2010; Мазалова Н.Е. Этнографические аспекты личности «знающего» (XIX – начало XXI в.). СПб., 2011 и др.
- ²⁸ Харитонова В.И. «Весна Средневековья» накануне III тысячелетия (Магико-мистическая практика и «народное целительство» в Московском регионе) // Московский регион: этноконфессиональная ситуация. М., 2000. С. 262–282.
- ²⁹ Аллаяров Х.Ф. История народной медицины Средней Азии. Автореф. дисс. докт. мед. наук. М., 1993; *Григорьева А.М.* Народная медицина

- якутов (XVII–XIX вв.) Автореф. дисс. к.и.н. М., 1993; *Темплинг В.Я.* Народная медицина русского населения Западной Сибири (социо-культурный аспект). Автореф. дисс. к.и.н. Екатеринбург, 1996; *Бороноев В.В.* Физические основы пульсовой диагностики заболеваний в тибетской медицине. Автореф. дисс. д.т.н. Улан-Удэ, 1999 и др. работы.
- 30 Никонова Л.И. Этномедицина финно-угорских и тюркских народов Поволжья и Приуралья в системе их жизнеобеспечения: историко-этнографическое исследование. Дисс. д.и.н. Саранск, 2001.
- 31 Шаманизм как религия: генезис, реконструкция, традиции: Тез. докл. межд. конф. Якутск, 1992.
- ³² Выступление *И.М. Семашко* // Традиционная этническая культура и народные знания. Материалы международной конференции. Москва, 21–24 марта 1994 г. М., 1994. С. VI.
- 33 Центрально-азиатский шаманизм: философские, исторические, религиозные аспекты (Материалы междунар. науч. симпозиума, 20–26 июня, Улан-Удэ, оз. Байкал). Улан-Удэ, 1996.
- ³⁴ Его основным организатором был ВНИЦТНМ «ЭНИОМ», руководимый к.м.н. Я.Г. Гальпериным. Каждое мероприятие сопровождалось изданием материалов в нескольких томах. Они содержали и собственно научные статьи, и научно-популярные тексты, и то, что писали сами целители (в этом смысле книги являются ценным источником «полевых» материалов).
- ³⁵ *Михель Д.В.* Программа курса «Медицинская антропология» социально-гуманитарного факультета Саратовского государственного технического университета // Медицинская антропология и биоэтика. 2013. № 5(1). URL.: http://www.medanthro.ru/?page_id=1293.
- См. подробно об истории вопроса: Курленкова А.С. Медицинская антропология и биоэтика в США и России: историографический и социокультурный анализ. Дисс. к.и.н. М., 2013; один из примеров работ в этой области: Никитюк Б.Д., Сергеев В.Н., Петухов А.Б. Медицинская антропология: анализ и перспективы развития в клинической практике. М., 2015.
- 37 Поповкина Г.С. Круглый стол «Медицинская антропология в системе академической науки и высшей школы» (18 ноября 2011 г., Владивосток) // Медицинская антропология и биоэтика, 2012. № 1(3) URL.: http://www.medanthro.ru/? page_id=1047.
- ³⁸ См., например: *Харитонова В.И.* Народные магико-медицинские практики...; *Слесарев В.О.* Мировоззрение в практической медицине: Теория и методология. Дисс. д.филос.н. Н. Новгород, 2000;

Михайлова Т.В. Колдовские процессы в России: Официальная идеология и практики «народной религиозности». Дисс. к.и.н. СПб., 2003; Луговой А.Ю. Социокультурная динамика медицины. Дисс. к.филос.н. Ростов-на-Дону, 2005; Филимонов С.В. Медицина и православие: медико-социальные организационные и этические проблемы. Дисс. д.мед.н. М., 2005; Музалевский В.М. Институализация традиционной медицины в современной России. Дисс. к.соц.н. Волгоград, 2007; Виноградова С.В. Этнические проблемы здоровья и болезни как предмет исследований в социологии медицины. Дисс. к.соц.н. Волгоград, 2007; Сало Е.П. Социальный статус специалистов традиционной медицины в России: социологический анализ. Дисс. к.соц.н. 2009.

- ³⁹ Группа отчасти продолжила исследования, которые велись ранее по интердисциплинарным проектам «Центра по изучению шаманизма и иных традиционных верований и практик» (исследовалась специфика личности шамана, например).
- Обмен знаниями на семинарах осуществляется в нескольких видах: 1) лабораторно-полевой работы с кем-либо из хранителей медицинских знаний и практик (как вариант – с группой таких специалистов); 2) представление и обсуждение научных докладов; 3) проведение тематических мини-конференций. Тематика докладов и выступлений – с ней можно познакомиться на сайтах ИЭА РАН, АМА и МАиБ – очень разнообразна.
- ⁴¹ Август 2006: Первая международная школа медицинской антропологии «Проблемы интеграции медицинских систем»; июнь 2009: Вторая международная школа медицинской антропологии «Проблемы сохранения здоровья в условиях Севера и Сибири».
- 42 Например: «Российский Север и северяне: среда экология здоровье» (9–10 апреля 2012 г., Салехард; с ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики» (НЦИА); Международный телемост (Москва Будапешт) «Этические аспекты в медицинской антропологии» (25.10.2012 с МГМСУ и ИЭ ВАН); Научная школа-семинар «Этномедицинские практики народов Тувы и создание лекарственных препаратов и биологически активных добавок» (с Первый МГМУ им. И.М. Сеченова) и др.
- ⁴³ Проведение симпозиумов не отменило работу секции в рамках КЭи-AP, в т.ч. в 2015 г. в Екатеринбурге.
- 44 К.м.н. Ю.Р. Булдакова, к.м.н. Ю.В. Головизнин и др. специалисты: см : URL: www.amarussia.ru

- 45 Программы симпозиумов см. на сайте журнала «Медицинская антропология и биоэтика».
- ⁴⁶ См., например, такие работы: Стерн В. Дж. Социальные факторы и прогресс медицины (1935), Хендерсон Л. Дж. Врач и больной как социальная система (1935), Фэрис Р., Дунхем У. Психические нарушения в городских районах (1939), Роуленд Х. Психиатрия (1938) и др.
- ⁴⁷ Специалисты отмечают, что уже в то время сложилась потребность в социологическом образовании медицинского персонала.
- ⁴⁸ Паспорт специальности 14.02.05 социология медицины (отрасль наук: медицинские науки; социологические науки) URL.: http://teacode.com/online/ vak/p14-02-05.html; *Решетников А.В.* Методология исследований в социологии медицины. М., 2000; *Решетников А.В.* Социология медицины (введение в научную дисциплину): Руководство. М., 2002.
- 49 Шухатович В.Р. Социология медицины и здравоохранения // Социология: Энциклопедия / сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. М., 2003.
- «В 50–60-е годы ... в центре внимания социологов медицины находились вопросы: роль факторов внешней среды в механизме возникновения, развития и исхода болезней (урбанизация, санитарно-технические условия на производстве, состояние профилактики); причины заболеваний в отдельных социальных группах; оценка различных предупредительных мер; деятельность лечебно-профилактических учреждений; общество и заболеваемость населения» (Решетников А.В. Социология медицины: становление, идеи, задчи // Вестник Российской академии наук. Т. 71. № 12. С. 1070).
- Это направление может именоваться также: социология здоровья и болезни; социология здоровья и медицины; медицинская социология; социология медицины; социология здравоохранения; социальная медицина; социальная эпидемиология. Интересно, что одни ученые рассматривают ее как часть социологии, другие как часть медицины, третьи как предметную область на стыке социологии и медицины.
- ⁵² Паспорт специальности 19.00.04 медицинская психология (отрасль наук: медицинские науки, психологические науки) URL.: http://teacode.com/online/vak/p19-00-04.html.
- ⁵³ Термин «биоэтика» связывают с именем В.Р. Поттера, американского онколога и биохимика, который использовал его с 1969 г., а в научной статье впервые употребил в 1971 г. (ранее термин встречался еще в 1927 г. у Фрица Джахра). Это научное направление и научная практи-

ка занимается этическими аспектами трансплантации органов, эвтаназии, абортов, суррогатного материнства, клонирования, стволовых клеток и т.д. В РФ в 2001 г. Минздравом была принята программа по биоэтике. До этого в 2000 г. свою позицию по биоэтическим вопросам представила РПЦ в принятом на Архиерейском соборе документе под названием «Основы социальной концепции» (гл. XII). О биоэтике см.: Юдин Б.Г. (ред.) Биоэтика: принципы, правила, проблемы. М., 1998; Биоэтика на рубеже тысячелетий. Обзор материалов V Всемирного конгресса по биоэтике (Лондон, 2000) // Медицинское право и этика. № 2. 2001. С. 12–22; *Харитонова В.И., Юдин Б.Г.* «Биоэтика – это не совсем то, что принято понимать как науку...». Медицинская антропология и биоэтика. 2011, № 1. URL.: http://www.medanthro. ru/? page id=754; Харитонова В.И., Хрусталев Ю.М. Биоэтика как учебная дисциплина в системе высшего образования // Медицинская антропология и биоэтика. 2011. № 1. URL.: http://www.medanthro. ru/?page id=721.

⁵⁴ Харитонова В.И. Медицинский антрополог/биоэтик (этический консультант) — необходимая вспомогательная профессия в российском здравоохранении // Здоровьесбережение в фокусе медицинской антропологии. Сб. статей / отв. ред. В.И. Харитонова; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Ассоциация медицинских антропологов. М., 2015. (Труды по медицинской антропологии).

Список литературы

- Аллаяров Х.Ф. История народной медицины Средней Азии. Автореф. дисс. докт.мед.наук. М., 1993.
- Бороноев В.В. Физические основы пульсовой диагностики заболеваний в тибетской медицине. Автореф. дисс. д.т.н. Улан-Удэ, 1999.
- *Бромлей Ю.В., Воронов А.А.* Народная медицина как предмет этнографического исследования // Советская этнография. 1976. № 5. С. 3–18.
- Виноградова С.В. Этнические проблемы здоровья и болезни как предмет исследований в социологии медицины. Дисс. к.соц.н. Волгоград, 2007.
- Выступление И.М. Семашко // Традиционная этническая культура и народные знания. Материалы международной конференции. Москва, 21–24 марта 1994 г. М., 1994. С. VI.
- *Григорьева А.М.* Народная медицина якутов (XVII–XIX вв.) Автореф. дисс. к.и.н. М., 1993.
- $\it Eрмакова E.E.$ Сибирская заговорная традиция (конец XX начало XXI вв.): в 2-х т. / под ред. И.С. Карабулатовой. Тюмень, 2005.

- *Ильина И.В.* Народная медицина Коми в конце XIX первой половине XX века. Дисс. к.и.н. Сыктывкар, 1995.
- Курленкова А.С. Медицинская антропология и биоэтика в США и России: историографический и социокультурный анализ. Дисс. к.и.н. М., 2013.
- *Курленкова А.С., Гейнс А.Д.* Об антропологии биомедицины и «культурной биоэтике» // Медицинская антропология и биоэтика. 2011, № 2(2) URL.: http://www.medanthro.ru/?page id=973.
- Курленкова А.С., Лоо С. Программа тренировки специалистов по биоэтике Международного Центра Фогарти (Национальный институт здоровья, США) // Медицинская антропология и биоэтика, 2011, № 2(2) URL.: http://www.medanthro.ru/?page id=1004.
- Лехииер В.Л. Линда Гарро и ее медико-антропологические исследования: основные работы, проблемы, идеи // Медицинская антропология: проблемы, методы, исследовательское поле. Сб. статей / отв. ред. В.И. Харитонова; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Ассоциация медицинских антропологов. М., 2015. С. 3–42.
- *Луговой А.Ю.* Социокультурная динамика медицины. Дисс. к.филос.н. Ростов-на-Дону, 2005.
- *Мазалова Н.* Народная медицина в традиционной русской культуре // Русская народная медицина и психотерапия. Спб., 1996.
- Мазалова Н.Е. Этнографические аспекты личности «знающего» (XIX начало XXI в.). СПб., 2011.
- Медицинская антропология: история развития дисциплины: учебное пособие для студентов. Саратов, 2010.
- Михайлова Т.В. Колдовские процессы в России: Официальная идеология и практики «народной религиозности». Дисс. к.и.н. СПб., 2003.
- *Михель* Д.В. Болезнь и всемирная история: учеб. пособ. для студентов и аспирантов. Саратов, 2009.
- *Михель Д.В.* История социальной антропологии (медицинская антропология): учеб. пособ. для студентов. Саратов, 2010.
- Михель Д.В. Медицинская антропология // Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.В., Михель Д.В. Социальная антропология современного общества: методология, методы, кейс-стади. Саратов, 2004.
- *Михель Д.В.* Медицинская антропология: исследуя опыт болезни и системы врачевания. Саратов, 2015.
- Михель Д.В. Программа курса «Медицинская антропология» социально-гуманитарного факультета Саратовского государственного техни-

- ческого университета // Медицинская антропология и биоэтика. 2013. № 5(1). URL.: http://www.medanthro.ru/?page id=1293.
- *Михель Д.В.* Социальная антропология здоровья и репродукции: медицинская антропология: учеб. пособ. для студентов. Саратов, 2010.
- *Михель Д.В.* Социальная антропология медицинских систем: медицинская антропология: учеб. пособ. для студентов. Саратов, 2010.
- Михель Д.В. Хэзел Вейдман и возникновение медицинской антропологии в США (к пятидесятилетию образования Общества медицинской антропологии) // Медицинская антропология и биоэтика. 2012, № 4(2). URL.: http://www.medanthro.ru/?page_id=1151.
- *Музалевский В.М.* Институализация традиционной медицины в современной России. Дисс. к.соц.н. Волгоград, 2007.
- Народная медицина: пути содействия и развития // Док. совещ. Всемирной Организации Здравоохранения (пер. с англ.). М., 1980.
- *Никитюк Б.Д., Сергеев В.Н., Петухов А.Б.* Медицинская антропология: анализ и перспективы развития в клинической практике. М., 2015.
- *Никонова Л.И.* Традиционная медицина финно-угорских народов Поволжья и Приуралья как часть системы жизнеобеспечения. Саранск, 2000.
- *Никонова Л.И.* Традиционные способы сохранения здоровья мордвы. Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1993.
- Никонова Л.И. Этномедицина финно-угорских и тюркских народов Поволжья и Приуралья в системе их жизнеобеспечения: историко-этнографическое исследование. Дисс. д.и.н. Саранск, 2001.
- О расширении использования природных ресурсов лекарственных растений с учетом изучения опыта народной медицины. (Материалы докладов). Тбилиси, 1971.
- Пестряков А.П. Всесоюзная конференция по этнографическим аспектам изучения народной медицины // Советская этнография, 1975. № 6. С. 156—160.
- Питерская Е.С. Медицинская антропология как одно из приоритетных направлений работы университета шт. Калифорния в Беркли (обзор образовательных программ) // Медицинская антропология и биоэтика, 2011, № 1(1). URL.: http://www.medanthro.ru/?page_id=745.
- Питерская Е.С. Программа «Антропология здоровья» в Университете Мак-Мастера (Канада) // Медицинская антропология и биоэтика. 2011, № 2(2) URL.: http://www.medanthro.ru/?page id=1009.
- Поповкина Г.С. Круглый стол «Медицинская антропология в системе академической науки и высшей школы» (18 ноября 2011 г., Владивосток) //

- Медицинская антропология и биоэтика, 2012, № 1(3) URL.: http://www. medanthro.ru/? page id=1047.
- Порозова А.Д., Шабалина Л.П. Традиционная народная медицина Сибирско-Ульяновсого Поволжья. Историко-этнографическое исследование. Ульяновск, 2009.
- Решетников А.В. Социология медицины: становление, идеи, задчи // Вестник Российской академии наук. Т. 71. № 12. С. 1069-1071.
- Сало Е.П. Социальный статус специалистов традиционной медицины в России: социологический анализ. Дисс. к.соц.н. 2009.
- Слесарев В.О. Мировоззрение в практической медицине: Теория и методология. Дисс. д.филос.н. Н. Новгород, 2000.
- Тезисы Всесоюзной научной конференции «Этнографические аспекты изучения народной медицины». Л., 1975.
- *Темплинг В.Я.* Народная медицина русского населения Западной Сибири (социокультурный аспект). Автореф. дисс. к.и.н. Екатеринбург, 1996.
- Тишков В.А., Тишков В.В. Диалог между антропологией и медициной. О книгах Артура Клейнмана «Пациенты и целители в культурном контексте», «Социальные корни дистресса и болезни», «Заметки и тексты на полях. Дискурс между антропологией и медициной» // Журнал прикладной психологии. 1988. № 1. С. 37–50.
- Торэн М.Д. Русская народная медицина и психотерапия. СПб., 1996.
- Φ илимонов С.В. Медицина и православие: медико-социальные организационные и этические проблемы. Дисс. д.мед.н. М., 2005.
- *Харитонова В.И.* (ред.) Медицинская антропология: история, теория, практика // Этнографическое обозрение. 2011. № 3. С. 3–75.
- Харитонова В.И. «Весна Средневековья» накануне III тысячелетия (Магико-мистическая практика и «народное целительство» в Московском регионе) // Московский регион: этноконфессиональная ситуация. М., 2000. С. 262–282.
- Харитонова В.И. Заговорно-заклинательное искусство восточных славян: проблемы традиционных исследований и возможности новых интерпретаций. Ч. 1–2. М., 1999.
- Харитонова В.И. Медицинский антрополог/биоэтик (этический консультант) необходимая вспомогательная профессия в российском здравоохранении // Здоровьесбережение в фокусе медицинской антропологии. Сб. статей / отв. ред. В.И. Харитонова; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Ассоциация медицинских антропологов. М., 2015. (Труды по медицинской антропологии).

- Харитонова В.И. Народные магико-медицинские практики: традиция и современность. Опыт комплексного системно-феноменологического исследования. Дисс. в виде научного доклада д.и.н. М., 2000.
- Харитонова В.И. Неконвенциональная медицина в РФ и современные шаманские практики // Эпическое наследие и духовные практики в прошлом и настоящем. Памяти В.Н. Басилова. Сборник статей / отв. ред. В.И. Харитонова. Кн. 2. М., 2012. С. 256–272.
- Харитонова В.И. От народно-медицинских традиций к интегративной медицине // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2012. Вып. № 1 (74): «Российский Север и северяне: среда-экологи-я-здоровье». С. 40–45.
- Харитонова В.И. Портреты народных целителей России. М., 1994.
- *Харитонова В.И.* Традиционная магико-медицинская практика и современное народное целительство. Статьи и материалы. М., 1995.
- *Харитонова В.И.* Феникс из пепла? Сибирский шаманизм на рубеже тысячелетий. М., 2006.
- Харитонова В.И. Этническая медицина современности и ее вклад в здоровьесбережение // Второй Российский конгресс по комплементарной медицине: Материалы конгресса. Москва, 11–14 декабря 2014 г. / под ред. В.Г. Зилова, В.В. Егорова, М.С. Томкевич, К.В. Сухова. М., 2014. С. 106–108.
- Харитонова В.И., Хрусталев Ю.М. Биоэтика как учебная дисциплина в системе высшего образования. Медицинская антропология и биоэтика. 2011. № 1. URL.: http://www.medanthro.ru/?page_id=721.
- *Харитонова В.И., Юдин Б.Г.* «Биоэтика это не совсем то, что принято понимать как науку…». Медицинская антропология и биоэтика. 2011. № 1. URL.: http://www.medanthro. ru/? page_id=754.
- *Христофорова О.Б.* Колдуны и жертвы: Антропология колдовства в современной России. М., 2010.
- Центрально-азиатский шаманизм: философские, исторические, религиозные аспекты (Материалы междунар. науч. симпозиума, 20–26 июня, Улан-Удэ, оз. Байкал). Улан-Удэ, 1996.
- Шаманизм как религия: генезис, реконструкция, традиции: Тез. докл. межд. конф. Якутск, 1992.
- Шухатович В.Р. Социология медицины и здравоохранения // Социология: Энциклопедия / сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. М., 2003.
- Юдин Б.Г. (ред.) Биоэтика: принципы, правила, проблемы. М., 1998.

- Heinrich M. Ethnopharmazie und Ethnobotanik: Eine Einführung. Stuttgart. 2001.
- *Pfleiderer B., Greifeld R., Bichmann W.* Ritual und Heilung. Eine Einführung in die Ethnomedicin. Zweite, vollständig überarbeitete und erweiterte Neuauflage des Werkes, Krankheit und Kultur^c. Berlin, 1995.
- Society for Medical Anthropology (A Section of the American Anthropological Association). URL: http://www.medanthro.net/about/.

Кому он нужен, этот гендер... (гендерная тематика в науках о прошлом: итоги и перспективы признания в России)*

30 лет тому назад, в 1976 г., когда я делала свой первый студенческий доклад о положении женщин в Древней Руси, я не думала о том, что обращаюсь к теме, с которой свяжу всю свою научную жизнь и напишу 4 сотни работ и 9 монографий.

Прошлое казалось нам всем тогда общим — общим для всех, без различия пола. О том, что у женщин может быть свое, особое социальное прошлое, мало, кто задумывался. И мне самой еще только предстояло прочесть слова, начертанные Николаем Михайловичем Карамзиным в 1802 г. Он мечтал об историке, «перо которого напишет историю русских женщин живыми красками любви к женскому полу и Отечеству».

Прошло более полутора веков, прежде чем слова Карамзина были (вольно или нет) услышаны в России. Что же касается Европы, то там призыв написать историю женщин прозвучал в 1920-е годы из уст английской писательницы Вирджинии Вульф, а затем перед самой Второй мировой войной впервые был озвучен польской исследовательницей Лючей Харевичовой на VII Международном конгрессе исторических наук. Л. Харевичова погибла в фашистском застенке и понадобилось несколько десятилетий, прежде чем в конце 1960-х годов гуманитарии ряда стран задумались над тем, не является ли пол таким же социальным определителем, как класс или этнос.

Чтобы такая революция в мире идей стала возможной, нужны были определенные социально-политические и теоретико-методологические предпосылки.

^{*} Подготовлено в рамках Программы Фундаментальных исследований РАН «Историческая память и российская идентичность».

Социально-политические предпосылки

Во-первых, рождение направления подготовили молодежные движения конца 1960-х годов, поставившие под сомнение всю систему ценностей и ориентиров старшего поколения. Научное сообщество и общество в целом оказались подготовленными к восприятию новых концепций.

Во-вторых, свою роль сыграла сопровождавшая молодежные движения сексуальная революция. Она позволила свободно говорить о проблемах пола, открыла для обсуждения в СМИ (а не только в научной литературе) ряд ранее табуированных тем

Третьим фактором оказалось оживление феминизма — так называемая его «вторая волна». Если первая волна женского движения (XIX в.) была борьбой за равенство (а потому и феминизм первой волны именуют «феминизмом равенства»), то феминизм века XX-го оказался «феминизмом различий». Он поставил проблему признания женской «особости», отличности от мужчины, проблему свободной, автономной женской личности, потребовал продумать, как обеспечить возможности реализации ее прав.

Взлет феминизма оказал огромное влияние на интеллектуальную сферу в Европе и США. Многие ученые избрали объектом своих изысканий женщину — в семье и на производстве, в системах права и образования, в науке и культуре.

Общенаучные предпосылки

Рождения исследований темы пола в гуманитаристике многочисленны и разнообразны. Далее попытаемся выделить основные направления:

Теория научных революций Т. Куна, которая позволила увидеть в истории науки постоянную смену научных парадигм. Веками считалось, что половые различия предопределены Природой. Но пришло время – и очевидное было подвергнуто сомнению, различия между полами предстали не вечными, не созданными самой Природой, а историчными и постоянно меняющими свою конфигурацию.

Другим теоретическим источником стал *кризис великих объяснительных парадигм* — марксизма и структурализма. Они во всем искали типическое и самое распространенное, реконструировали «макроисторию» — истории крупных социальных движений, значимых политических катаклизмов, процессов большой длительности (так называемых longue dureé).

В свое время модернистские концепции в социологии – структурного функционализма (Талкота Парсонса), теории социального конструирования (Питера Бергера и Томаса Лукмана) – ввели понятие полоролевого подхода, теорию научения социальным ролям, а без них не понять, как в разные эпохи у разных народов детей обучали быть мужчинами или женщинами.

Раскритиковав всеобщность с ее представлением о неизменности ценностей, выдающийся культуролог Мишель Фуко с его интересом к предметам, ранее НЕ считавшимся «историчными» (тюрьме, безумию, сексуальности) подарил гуманитаристике образцы пресловутой междисциплинарности. Междисциплинарность раздробила историю, ранее претендовавшую на всеохватность, разбила прежнюю всеобщую историю на множество «историй». Науки о прошлом обрели новые связи — с социологией, социальной антропологией, демографией, политологией, языкознанием и др. Историки увлеклись реконструкцией прошлого, каким оно виделось и переживалось не только победителями, но побежденными и маргиналами — больными, заключенными, беспомощными стариками, короче — «не-героями» прошлого. И женщины были среди них!

Еще одним теоретическим источником для женских исследований стала новая гуманистическая психология или «движение за человеческий потенциал» Карла Роджерса и Абрахама Маслоу с их признанием права каждого человека быть самим собой, сопротивляться давлению среды. Эти взгляды оказались также созвучны женщинам, в том числе женщинам-историкам, которые захотели разглядеть в прошлом женщин борьбу за свои, женские интересы.

Социолого-демографические предпосылки

Историческая наука второй половины XX века заметно феминизировалась. Во всем мире число представительниц интеллектуальной элиты быстро росло: в жизнь вступило поколение, рожденное после войны, не знавшее препон в получении образования, связанных с гендерной асимметрией. Правда, в основном это были женщины, пришедшие в систему «научного обслуживания»: доля исследовательниц с должностями и званиями увеличивалась очень медленно. Вот почему обращение к опыту предшественниц оказывалось основой для пробуждения социального женского самосознания и коллективных действий. «Личное» становилось «профессиональным», а следом и «политическим». Женщины-ученые задумались: как так вышло, что они – не-главные в науке?

Поскольку вектор развития направления был задан в университетах США, постольку новое направление в гуманитаристике получило английское название «женские исследования» = women studies. Так был назван первый спецкурс исследовательницы из Корнелльского университета Шейлы Тобиас. Под «женскими исследованиями» она имела в виду исследования, написанные на «женскую тему» и чаще всего самими женщинами. В 1975 г. Нин Коч сконструировала термин «феминология». Под этим названием women's studies проникли в российский научный дискурс и закрепились в нем.

У феминологии как направления сразу определились отличительные черты:

- ориентация на критику наук,
- направленность на *критику* общества, связанность с женским движением;
  - нахождение на пересечении научных дисциплин.

Рождение исторической феминологии

В среде западных историков на появление women's studies вначале откликнулись феминистки. Они первыми решили разобраться, как случилось так, что прежняя картина прошлого, в которой женщин почти не видно, была усвоена как «нормальная» и «всеобщая»? Почему на долю женщин выпало особое забвение, как бы подчеркивающее их неглавное место в этом мире, меру уважения к ним. То забвение женщин веками распространялось на нескольких уровнях, перекрывающих друг друга.

О них – женщинах – долго молчало *общество*, поскольку их не было в общественном пространстве («Женщине не место на публике», – говорил Пифагор).

Следствием молчания общества была *скудость следов*, оставленных женщинами, скрывающихся вечно за бесполым «они» и поздно обретших право голоса в мемуарах, письмах, дневниках.

Наконец, есть третий уровень молчания о женщинах — молчание исторического повествования. Оно отдавало пальму первенства публичному пространству: событиям политическим, военным, религиозным; царствованиям и войнам. Даже Школу «Анналов», критиковавшую традиционную историю, женщины поначалу не зачитересовали. Ее внимание было отдано экономике и социальным проблемам, классам, а не полу; коллективному (и количественному), а не индивидуальному, или биографическому. Таков был исторический пейзаж в 1970-е годы, когда родился призыв написать историю «глазами женщин», с позиций женского социального опыта.

«Женские исследования» в истории рождались в муках, преодолевая насмешки. Так и положено рождаться новому. Чтобы отличить «женскую историю» от описания прошлого в общепринятом ключе, женоведки придумали даже новый термин. Поскольку привычное слово «history» (они прочитывали как «HIS story», «Его история», «история мужчины»), положение должен был исправить неологизм «herstory» («HER story», «Ее история», «история женщины»). Термин не прижился, но число «историков женщин» росло стремительно.

Вначале в США, а затем во многих странах Европы возникли факультеты и исследовательские проекты, группы и лаборатории, работающие в этой области.

Лозунг феминисток «второй волны» «Все женщины – сестры!» услышали во многих странах. В Англии роль первопроходца сы-

грал журнал «Историческая лаборатория» (History Workshop), в США расширяющееся поле «женских исследований» породило такие журналы, как «Знаки» (Signs) и «Феминистские исследования» (Feminist Studies). В те же 1970-е годы возникли «Журнал женской истории» (The Journal of Women's History), австро-германский ежегодник «Человек» (L'Homm. Zeitschrift fur feministische Geschichtswissenschaften), французский «Клио» (Clio: Histoire, Femmes et Societe).

Историки из восточно-европейских стран предпочитали не замечать нарождающегося направления (исключением была только Польша – там женская история развивалась).

С начала 1980-х годов «история женщин» стала сближаться с феминистской теорией. Но поскольку не все ученые согласились разделить феминистские воззрения, постольку с того времени «женские исследования в истории» оказались разделены на два течения.

Одно представлено попытками изучать женщин в истории, опираясь на понятия феминизма (женский социальный опыт, женское сообщество, женское письмо, женская идентичность, женская аксиосфера, женское видение мира и т.п.).

Другое – открещивается от феминизма как теории и политического движения, претендуя на создание исследований, свободных от идеологического давления и «заданности».

Приверженцы обоих течений представлены в созданной в 1989 г. и существующей поныне Международной федерации исследователей женской истории (МФИЖИ). На первом конгрессе МФИЖИ историков женщин было около 80, и представляли они около полусотни стран (ныне, через 25 лет, в МФИЖИ входит почти 100 стран и на конгресс ее съезжаются по несколько сотен участниц). Сразу после возникновения МФИЖИ, в 1990 г., на 17 Международном конгрессе исторических наук я была избрана в МФИЖИ представлять нашу страну – как автор первой в России книги по истории русских женщин. Та первая монография – «Женщины Древней Руси» (1989) вышла тиражом в 100.000 экз., вызвав отклик более чем двух десятков исторических журналов за рубежом.

И... полное молчание у нас. Тема не считалась научной! Научное сообщество в России этой публикации не заметило, за нее проголосовали читатели

От женских исследований к гендерным, от женской истории к гендерной

К концу 1970-х годов раздельное существование историй полов — «мужской» и «женской», отсутствие собственной истории сексуальных меньшинств (ныне эта часть гендерной истории именуется квир-историей, от queer — странный, необычный, чудной) изжило себя. К началу 1980-х годов изжили себя и идеи противостояния, которые владели умами с 1968 г. — как в мировой политике, так и в науке стали уступать место идеям баланса, терпимости, неагрессивности и допущения за другим права на существование. Границы наук к концу XX века стали расплывчатыми, идея интегративных, междисциплинарных, интернациональных исследований обретала всё большую популярность.

Феминологи задумались: могут ли они преодолеть в изменившимся контексте «островное» положение женских исследований?

На помощь пришла концепция гендера. О чем идет речь в гендерной концепции? О различии полов, не связанном с природой, а созданном культурой и историей.

Прежде всего, откуда взялось само слово. Дословно *gender* переводится с английского как «*pod*» в лингвистическом смысле слова (род имени существительного) и происходит от латинского *genus* («род»). До 1958 г. – это лексема gender и употреблялась в английской лингвистике только в этом смысле и только так использовалась в словарях.

В 1955 г. выдающийся сексолог Джон Мани, которому при изучении гермафродитизма и трансексуализма потребовалось разграничить общеполовые свойства, пол как фенотип, от сексуально-генитальных, сексуально-эротических и сексуально-прокреативных качеств, ввел понятие «гендер». Однако в большинстве современных работ слава первооткрывателя новой дефиниции приписана не ему, а Роберту Столлеру. В 1958 г. в университете Калифорнии

в Лос-Анжелесе открылся центр по изучению гендерного самоосознания, занимавшийся проблемами транссекусализма. Сотрудник этого центра психоаналитик Роберт Столлер обобщил результаты своей работы в нескольких книгах, активно используя этот термин для обозначения понятия «пол в социальном контексте». С предложением активнее пользоваться дефиницей Р. Столлер выступил и в 1963 году на конгрессе психоаналитиков в Стокгольме, сделав доклад о понятии социополового (или – как он назвал его – гендерного) самоосознания.

Гендерная концепция разделила биологическое и культурное, отделила «пол», соотносимый с биологией и физиологией (гормоны, гены, нервная система, морфология) и «гендер», соотносимый с явлениями истории культуры, ментальностей, социальной психологии, социологии и социальной антропологии.

К середине 1970-х годов гендерной концепции, отвоевавшей свое место под солнцем в психологии и социологии, было просто суждено встретиться с «женскими исследованиями» в истории.

Результат долгожданной встречи гендерной концепции с историей иллюстрирует творчество американки Джоан Скотт. В своей статье «Гендер: полезная категория исторического анализа» она предложила подвергать «гендерной экспертизе» 4 группы социально-исторических «подсистем»:

- 1) комплекс символов и образов, характеризующих «мужчину» и «женщину» в культуре (ср.: *гендерные стереотипы*);
- 2) комплекс норм религиозных, педагогических, научных, правовых, политических (ср.: *гендерные нормы*);
- 3) проблему самовыражения, субъективного самовосприятия и самоосознания личности (ср.: *гендерная идентичность*);
- 4) социальные *институты*, которые участвуют в формировании гендера (семья, система родства, домохозяйство, рынок рабочей силы, система образования, государственное устройство) и т.д.

Дж. Скотт назвала «социальный пол», или гендер «первичным способом **определения властных отношений**».

Публикации Дж. Скотт способствовали преодолению раскола между традиционной («мужской») и новой («женской») истори-

ей. В центре внимания гендерологов оказались таким образом не только нормы, стереотипы и индентичности, касающиеся мужчин и женщин, но и важнейшие институты социального контроля, регулирующие неравное распределение материальных и духовных благ, власти и престижа в масштабах всего общества, класса, группы и т.д. Историк-гендеролог, в отличие от психоаналитика, и, зачастую, социолога придает особое значение общему социокультурному и историко-культурному контексту, в условиях которого и складывается та или иная иерархия полов.

Гендер – это социально-культурные проявления половой принадлежности.

Гендер – инструмент анализа, позволяющий выйти за пределы эмпирики и заметить в отношениях полов отношения властные и иерархические, увидеть в *малом* (отношения между двумя индивидами) модель *большого* (как рождается социальная асимметрия).

Гендер — это скальпель, вскрывающий ткань очевидного (ведь что может быть очевиднее, чем то, что различия полов предопределены природой? Нет, утверждают сторонницы гендерной концепции — а все они социальные детерминистки — не Природа виновата в том, что возникла гендерная поляризация).

В гендерной теории место знаменитого высказывания 3. Фрейда «Пол – это судьба» занимает концепт «Пол – это репрезентация», социум – это «театр», в котором каждый играет свою роль, исходя из предписаний, норм, стереотипов поведения, осознания своей идентичности.

«Историки женщин» хотели *вписать* женщин в историю, заставить увидеть невидимок и услышать забытых и неслышимых.

Гендерологи поставили задачу *написать другую* историю или, точнее, истории, включив в поле своего зрения и историю сексуальности, и гомосексуальности; они захотели изменить облик исторических наук в целом. Вот почему им пришлось перелопатить груды архивных дел, реконструируя начальные страницы истории гендерного неравенства, описывая и анализируя механизмы иерархизации, создания условий для преимуществ

одних перед другими. И они доказали: отношение к женщинам или представителям сексуальных меньшинств всегда определяется эпохой и культурой, а вовсе не Природой.

В отличие от историков-женщин, которые часто просто создают исторические портреты женщин определенного социального слоя или же описывают положение женщины в семье в разные эпохи, гендерологи уделяют куда больше внимания контекстуальному, выдвигая на первый план соотношение;

- между социальной и гендерной иерархиями,
- социальной и гендерной мифологиями,
- социальной и гендерной историей.

Именно *особый* взгляд на отношения мужчин и женщин отличает в западной историографии сторонников гендерной концепции от обычных исследователей. Сторонником гендерной концепции можно стать

- только признавая отсутствие всякой «естественности» и «взаимодополнительности» в якобы природой предопределенном разделении полов,
- только соглашаясь видеть во всех отношениях полов социокультурные конструкты,
- только анализируя в них механизмы иерархизации, создания условий для господства одних над другими.

Положение с «женскими исследованиями» в России

В конце 1980-х годов, когда вышли мои первые статьи и первая монография о русских женщинах, отечественные историки мирно творили в русле марксистской парадигмы. В нашей науке тогда господствовал концепт о решенности женского вопроса в СССР. Признанию «женской темы» самостоятельной проблемой мешали старые методологические подходы: Ф. Энгельс назвал досоциалистическое прошлое «историей всемирно-исторического поражения женского пола». Искать свидетельства социального равенства или преимущественного положения женщин по сравнению с мужчинами, особенно в досоциалистических обществах, — означало вступать в полемику с Энгельсом и всей идеологической систе-

мой, ведь она доказывала, что женщин нужно «освободить», не иначе, как «решив» женский вопрос в марксистском духе.

Тем не менее, первые историки женщин появились у нас в 1980-е годы.

Как вестернизация «варварской» России при Петре I не могла быть успешной без всех социально-культурных трансформаций века XVII-го, так и «доместикация» западных концептов (в том числе концепции гендера) в постсоветский период не могла бы быть успешной без теоретического и практического опыта предшественников — тех ученых, что занимались «женской темой» еще при социализме и собирали фактические данные в течение нескольких десятилетий развития догматизированной советской науки.

Другой вопрос – о признанности их – «женских» – исследований в нашей науке.

Этот процесс настолько долгий, что, вероятно, не завершился до сих пор.

Причин тому много.

История социальных движений и конфликтов обходила в нашей стране историю женского политического участия.

Возьмите любой учебник – и вы найдете информацию о крестьянском движении, рабочем, национальном... О женском – ни слова, а всё потому, что в советской науке не допускалось снисходительности к идеям феминизма. Благодаря усиленной антифеминистской пропаганде, начатой еще большевиками до революции, само слово феминистка воспринималось с усмешкой. Так что рождение в нашей стране женских исследований в истории произошло очень поздно и отнюдь не в «лоне» феминистского сознания (как то было на Западе). Зато история полов и гендерные исследования в истории лишены у нас запальчивости и радикализма, характерных для западного гуманитарного знания. Более академичные по характеру (чем, скажем, в США), они рождены в России не как ответ на «мужской шовинизм и сексизм», а как реакция на унификацию половых различий, характерную для советской идеологии.

Одновременно с ликвидацией монополии Комитета советских женщин, бездеятельной марионетки ЦК КПСС (я имею в виду созыв в 1991–1992 гг. Первого и Второго независимых женских форумов в Дубне, на которых объединились более 70 созданных снизу женских организаций), были созданы вначале Московский, а затем и иные центры гендерных исследований. Постепенно они возникли в других университетах и ВУЗах России и СНГ – Петербурге, Самаре, Иванове, Томске, Харькове, Петрозаводске...

Но историки остались поначалу в стороне от деятельности этих образований и лишь спустя полтора десятилетия была создана «Российская ассоциация исследователей женской истории». В 2007 г. она вошла в состав МФИЖИ (Международной Федерации исследователей истории женщин), меня избрали ее Председателем и главой Национального комитета историков женщин.

В 2008 году в Москве состоялся Второй Всероссийский женский съезд. Он был приурочен к 100-летию Первого Всероссийского женского съезда 1908 года, и многочисленные секции его работали в течение трех дней. В 2009 г. состоялся Первый съезд православных женщин в России. Историки женщин имели возможность наблюдать, как развивается женская история сегодня, как прошлое взаимодействует с настоящим.

Чего достигли «женские и гендерные исследования» в истории – на Западе и в России?

30 с лишним лет моей связанности с женской историей России и Европы позволяют мне оценить основные успехи этого направления в исторических науках, которое возникло на моих глазах, а в нашей стране и при моем в нем живейшем участии.

Стало ли оно за 30 лет самостоятельным и признанным, равноправным с историей университетов, историей городов, историей общественных движений и проч.?

Вначале – об успехах.

Зачем было делить историю на «мужскую» и «женскую»?

Женские исследования в истории *«вернули женщин»* (прежде всего, выдающихся личностей, но не только их) общим курсам истории.

Эти исследования доказали, что *полученное ранее «единое и полное» знание о прошлом таковым не является*, потому что в нем почти отсутствуют женщины и сексуальные меньшинства — а они имели во все эпохи свое мировидение и свою систему ценностей, порой не совпадавшую с традиционной.

Был сделан вывод о равнозначности для общества двух соединяющихся сфер или доменов существования — сферы господства Мужчины (политика, дипломатия, военное дело) и господства Женщины (дом, семья, домохозяйство). Он заставил изучать оба домена на равных. Историки женщин доказали, что сферы эти были не «сепаратными», но соединенными, равно значимыми для развития общества как целостного организма.

Благодаря женской и гендерной истории родились *новые темы*: «исторя материнства», «история прислужничества и найма кормилиц», «история домашней работы и гувернерства», история практик, продуцировавших мужественность (политическое гражданство как клуб собратьев, история военной службы и спорта).

Женские исследования ввели новое измерение социально-экономической истории, обратив внимание на такие темы, как «феминизация бедности», «женское лицо» безработицы, политэкономия домашней работы = категория «пола» была признана одним из структурообразующих экономических принципов.

«Женская» и «гендерная история» разрушили многие проявления мужского мифотворчества в социальной истории, поставив под сомнение оценки некоторых процессов и даже эпох.

Скажем, исследования по интеллектуальной истории показали, как в европейской науке XIX в. родился миф о существовании когда-то «власти женщин», матриархата — социальной системы, которой не было нигде и никогда.

Другой пример. Такие явления, как античная цивилизация, эпоха Ренессанса, великих буржуазных революций выглядят прогрессивными только в системе мужских абстракций о Добре и Счастье. «Демократическая афинская цивилизация» предполагала содержание женщин в гинекеях (женских половинах домов. Европейский Ренессанс означал для женщин вытеснение с рынка

труда, признание домашней экономики (где они властвовали) малозначимой, а в области культурной – так называемое «одомашнивание» жен буржуа. Именно на эпоху Возрождения пришлась и «охота на ведьм», и псевдонаучные дебаты на тему «человек ли женщина?» Развитие технологий не привело к освобождению женщин ни на работе, ни дома, а «Век Демократических Преобразований» исключил женщин из сферы политического участия: ведь славные буржуазные революции – включая Великую Французскую – не торопились распространить на женщин лозунг «Свобода, равенство, братство!».

Исследования повседневности, ментальностей, частной жизни, выполненные историками женщин и гендерологами, показали, как «экторы» истории могут становиться из «творцов» истории ее «жертвами». Гендер заставил исследовать формы сексуальности, ответив на вопрос: является ли преобладающая — гетеросексуальная — форма единственной? Как, с каких пор она была превращена в норму, исключающую, отвергающую, клеймящую позором все другие.

Исследование истории феминистских идей позволило феминологам *реабилитировать феминизм как политику*, в основе которой лежит принцип свободы выбора женщиной пути самореализации. Оно заставило признать феминисткую идею *личностного становления женщины* как основы ее эмансипации и эмансипации общества от стереотипов.

Гендерные исследования в истории дали возможность *обнаружить непривычное в привычном* (мужскую дискриминацию и подчинение в патриархатном обществе), позволив *понять конструирование иерархий как взаимодействие*, а не однонаправленный процесс.

Гендерная история оказалась обладающей массой точек соприкосновения с «устной историей», поскольку – как и устная – позволяла озвучить всех «исчезнувших, молчащих и противящихся». Такая «устная история» стала пограничным полем между историей и социологией, позволив обеим дисциплинам использовать методы, подходы и преимущества друг друга. «Другая история»

или, точнее «другие истории» предполагали восстановление прошлого путем рисования истории «другими глазами» — увиденной и записанной, пережитой и понятой глазами ребенка, старика, гомосексуалиста и, конечно же, женщины.

Власть – при анализе ее с помощью гендерной концепции – оказалась «распыленной» повсюду, неформальной, непредсказуемой, требующей комплексности рассмотрения. Социальная структура – при гендерном подходе и с учетом исторической изменчивости – потребовала многомерного подхода, а не простого вписывания женщин в уже известные элементы этой конструкции.

Скажем, распространенность фигурок женских божеств, держащих в руках различные культовые предметы-символы социального влияния, говорит о значительности формальной власти женщин в данной социальной структуре. Напротив, распространение символов женской пассивности, в том числе в иконографии – женщин с детьми на руках, как это типично для раннесредневековой Европы, свидетельствует об ином типе социального поведения. Однако связи символов и поведения могут быть куда менее примитивными. Скажем, образ Богородицы и житийные клеймы, рассказывающие о том, как Богоматерь воспитывала сына, одновременно отражали и формировали представления о том, что является символами частной сферы (купание, еда, забота как общее понятие) в противовес сфере публичной. Причем и понятия частного/публичного и природного/культурного были и остаются довольно изменчивыми.

Гендерный подход помог превратить анализ прошлого в инструмент *решения современных задач* (скажем, о путях маргинализации, «забывания» той или иной социальной группы, о ее правах).

Женская и гендерная история заставила рассматривать не пол сам по себе и не взаимоотношения полов, а именно множественность социальных связей, не упуская при их рассмотрении фактора пола и гендерного взаимодействия. Это сделало картину прошлого объемнее, полнее, помогло преодолеть узость отдельных «историй», рожденных в 1970-е годы женщин, мужчин, «третьего пола». Вот почему функция гендерной истории

- не только комплементарная (дополнительная по отношению к традиционной),
- не только компенсирующая (нехватку чего-либо: скажем, женских имен в учебниках),
- не только пересматривающая (старые представления, старые подходы), но именно *синтезирующая*.

Причины недостаточной популярности «женской темы» в нашей исторической науке сегодня

Если институциализация новой дисциплины шла так успешно, то логичен вопрос: почему же «женская история» и гендерные исследования прошлого до сих пор не нашли себе места в системе исторического образования России? Почему признанное за рубежом направление научных изысканий историкам России неизвестно и не нашло отражения в учебниках, где женские имена (если это не правительницы страны) – редкость?

- 1. Образовательная литература для школьников и студентов остается симбиозом марксистско-ленинского социально-экономического детерминизма и традиций государственной школы отечественной историографии. В ней женщинам места не находилось и нет поныне. Простой человек, его интересы, история его повседневности так и не попали в учебную литературу. Поэтому нет в ней и «женской составляющей» ведь история материнства, семейного воспитания, традиций питания считаются слишком этнографическими сюжетами и «частностями» по сравнению с событийной политической историей.
- 2. Социальный заказ отсутствует (исследования социологов, психологов, медиков или демографов могут иметь конкретный практический выход) а чем, казалось бы, может помочь современным социальным работникам или воспитателям знание деталей женской истории?
- 3. «Женская тема» считается чем-то иллюстративным для историописания. Аналитичость, критичность направления ускользают а в итоге в истории функционирования социально-полового (гендерного) неравенства наши историки будто и не видят модели

для изучения социального неравенства и социальных конфликтов и будто не догадываются о том, что гендерное неравенство – исторически первая форма социальной асимметрии.

- 4. В России в отличие от Запада «женский вопрос» решался на государственном уровне десятилетиями (патерналистская составляющая была всегда в нашей стране сильна), он считался «решенным»; привыкание к мысли о том, что ничего еще не сделано, происходит с трудом.
- 5. «Женские исследования» не «зазвучали» в российском политическом контексте в отличие от западного. Причин тому много — в том числе и традиционность, патриархатность большинства социальных структур. Но, так или иначе, проблема борьбы за соблюдение прав женщин не стала в России одной из составляющих борьбы за права человека, как это произошло — и считается поныне — на Западе.

Несмотря на то, что феминизм как политическое течение развился в России одновременно со странами Запада (то есть в середине прошлого века), он не мог получить широкого распространения: Россия была страной «запаздывающей модернизации», большинство населения составляло крестьянство, а в крестьянских семьях женщины были жестко подчинены традиционным правилам, религиозным нормам. Западный феминизм как теория насчитывает несколько столетий, а российский — всего полтора века.

- 6. Отношение к понятию «феминизм» (а с ним, как мы поняли, было связано возникновение всего направления women's studies) остается в России если говорить о бытовом, профанном уровне знания в большинстве случаев негативным.
- 7. В крупнейших российских университетах нет *подготовленных специалистов-гендерологов*, курсы по «женской истории» читаются силами энтузиастов в российской провинции в Твери, Иваново, Петрозаводске, Самаре.
- 8. Гуманитарно-академическая среда с большим трудом и напряжением воспринимает импульсы междисциплинарных исследовательских подходов. (Скажем, метод устного интервьюирования, «устной истории» с большим трудом институциализируется в си-

стеме традиционных исторических исследований, а женские исследования в истории настойчиво требуют междисциплинарности).

Обобщая сказанное, можно постараться ответить на вопрос, зачем он нужен, этот гендер? Зачем необходим такой инструмент исследовательского анализа?

Изучая прошлое женщин и гендерную историю, приверженцы описываемого направления ищут ответ на собственные размышления «о времени и о себе», о своем месте в мире и нужности проводимых ими исследований. Философы, социологи и психологи:

- «открыли» гендер,
- поставили вопрос о том, как гендерные «верования» исследователя преломляют его взгляд на мир,
  - обнаружили женский опыт как особый источник знания,
- обнародовали гендерно-чувствительные методики, позволившие углубить научный поиск.

В этом их непреходящая теоретическая ценность.

Но гендерный подход в истории имеет, как о том принято говорить в российском научном дискурсе, и «практическую значимость».

И она не только в том, что феминологическая и гендерная тематика привлекла к научной работе массу женщин.

Историки, разделяющие концепции гендерной методологии, сумели «опрокинуть» их в прошлое, показали, как женский опыт соотносился с мужским в прошлые столетия и в какой мере это взаимодействие формировало культурные стереотипы, нормы и идентичности.

Полученные знания имеют непосредственное отношение к процессу социальных изменений. Они – не наука ради науки. В доказательстве историчности привычных понятий – социальная роль, социальное призвание, «природное» предназначение мужчины или женщины – заложена гигантская сила их индивидуального освобождения.

Методы и методология современной этнологической науки: вклад феминистской антропологии*

Несмотря на все попытки дистанцироваться от постмодернизма, феминистская этнология и антропология испытали его влияние. Об этом говорит требование концептуализации женских практик, опыта, поведения как испытывающих постоянное влияние разных социальных, культурных, конфессиональных и исторических контекстов¹. Контекстуальность – символ постмодерна - властно потребовала от самих феминисток отказаться от попыток приложить особенности женского опыта, характерного для белых представительниц среднего класса западного общества, ко всем остальным женским практикам в иных культурах и странах², признать множественность любых социальных моделей – от моделей семейных или родительских ролей до феминизмов (которых также, как известно, не менее десятка)³. Если традиционная («мужская») наука стремилась непременно найти «среднюю составляющую», наиболее типичное из бытующего, - то феминистская призывает не ограничивать себя такими рамками и стараться выявлять все инвариативное множество. Это предполагает изучение культур разных этносов как исторически обусловленных «способов жизни» – без каких бы то ни было попыток выделить «наиболее типический», «самый характерный» и выстроить иерархии⁴. Исследование «множественной другости» стало показателем перехода феминистской антропологии с одного уровня на другой: от описания сущности социальных различий между полами – к исследованию практик, конструирующих эти различия в разных культурных средах⁵.

^{*} Подготовлено в рамках Программы Фундаментальных исследований РАН «Историческая память и российская идентичность».

* * *

Феминистки-антропологи призывают всё так же скрупулезно, как и ранее, документировать женские жизни при анализе быта и повседневности любого этноса, убежденно позиционировать женщин как «ключевых информаторов»⁶.

Означает ли призыв концентрировать исследовательское внимание на женских жизнях, опытах, практиках отвержение исследований мужчин и мужского опыта? Нет. Но женщинам необходимо понять, как мужчины обосновывают свое неприятие самой идеи женской антропологии и изучить это неприятие с точки зрения положения обиженных, обойденных и угнетенных (то есть женщин). Как происходят подмены и искажения (перверсии)? Каким образом господствующей социально-половой группе — мужчинам, мужчинам-ученым в том числе, удается отвергать «женские темы», какие аргументы ими при этом приводятся? Что стоит за этим желанием, каковы его истоки? Вопросы эти непраздные, поскольку уводят далеко от собственно гендерных и феминистских штудий в область исследований механизмов производства власти (а они всегда неявные, всегда опосредованные) в разных культурах и обществах⁷.

К требованию документирования женских жизней примыкает призыв антропологов-гендерологов специально исследовать все виды социальных практик женских сообществ. Без этого «мужские предубеждения» в науке никогда не будут преодолены, и всегда будет манить соблазнительная перспектива искать не различия, а именно общее (чем и занимается традиционная – то есть не феминистская — наука) в повседневности мужчин и женщин⁸. В качестве примера можно привести стремление «новых антропологов» восполнять лакуны на «социальной карте» разных этносов путем помещения на эти карты различных групп женщин, не слишком замечаемых как особая социальная категория — но имеющих, однако, и свои жизненные привычки, и своеобразные повседневные ритуалы (скажем, профессиональные) — а именно: проституток, актрис, членов религиозных сект, содержанок и т.п.

280 Н.Л. Пушкарева

⁹ Важно изучить не просто «повседневность как проблему» («the everyday world as problematic») – нужно постоянно вписывать эту повседневность, этот быт в широкий социально-политический контекст, опыт социальных практик женских сообществ – в общий коллективный, традиционный и новый социальный опыт данного этноса¹⁰.

Детализируя это требование, теоретики феминистской антропологии настаивают на том, что мало описать «женскую повседневность» — нужно еще и уделять особое внимание фиксации женского опыта с точки зрения самих его носительниц, их жизненной перспективы ^{11} , сопоставления своей жизненной практики с опытом респонденток (так встает проблема «доверия» своим эмоциям, а не элиминации их) ^{12} — то есть речь идет о поисках такого способа «сочинения этнографии», который приводил бы к установлению эмоционального контакта между информантами и антропологом с одной, и антропологом и его читателями — с другой стороны ^{13} .

Таким образом, перед антропологом-феминисткой всегда стоит задача изучения женского опыта на «ближайшем окружении», концентрируясь на узком сообществе родных и себе подобных. Не случайно в американской науке вместе с термином «рефлексивная антропология» (не сводимая к автобиографии – это именно, если так можно сказать, «самоантропология») появился и термин «домашняя антропология» (anthropology at home)¹⁴, подразумевающая антропологическую работу без выезда «в поле», но ориентирующая женщин-исследовательниц на изучение самих себя и себе подобных¹⁵, «превращающая случайные слухи – в научное знание», заставляющая уметь быть одновременно объектом изучения и субъектом, изучающим подобные объекты. Здесь берет свое начало и настойчивый призыв к исследовательницам вырабатывать умение прислушиваться к своим эмоциональным реакциям, признавая исключительную значимость личного опыта при анализе тех или иных форм и практик: ведь личный опыт не может быть гендерно-нейтральным¹⁶. (Не случайно одним из лозунгов феминизма второй волны были слова: «Личное – это политическое»).

Для работы в данном направлении феминистки-антропологи «принимают в свое поле» самые разнообразные теоретические подходы и не видят основания для непременного выбора между несколькими теориями в пользу одной 17. Напротив, подходы К. Маркса, М. Вебера и Э. Дюркгейма используются наряду с методами интерпретативистов и символистов (К. Гирца и др.), и каждый из таких приемов служит теоретическому обогащению, научному синтезу в феминистском этнологическом исследовании 18. Эклектичность теоретических подходов не обедняет феминистское исследование, не делает его сумбурным, но позволяет понять возможности и перспективы настоящего методологического синтеза. Не удивительно (в свете сказанного), что феминистски во всех социальных науках призывают к одновременному использованию и качественных, и количественных методов, не противопоставлению их, а к сотрудничеству разных специалистов, разных наук.

Так же как и коллеги-историки (феминологи), этнологи и антропологи феминистской ориентации поставили в качестве задачи исследование аспектов, которые не всегда ставятся (или вовсе не ставятся) учеными-мужчинами, поскольку считаются в андроцентричной науке «ненаучными» 19 или «побочными». Среди них и роль дочерей в семье, и практики женской повседневности в гигиене и лечении женских болезней, и своеобразие женского аутосексуального опыта²⁰ и проч. Частью феминисткого проекта в антропологии является пристальное внимание к телу и его роли в культуре вообще и женскому телу в частности²¹, к «вотеленности», «воплощенности» в телесном культурных предписаний разных эпох²². Живейший интерес феминисток к истории лесбийских культурных практик и попытка слома пренебрежительного и насмешливого отношения к такой тематике в работах традиционных исследователей - это, бесспорно, также завоевание «новых антропологов» и результат их успешной деятельности в последние Γ ОДЫ²³.

Коротко говоря, феминистская этнография или этнографический проект в гендерных исследованиях предполагает активную

282 Н.Л. Пушкарева

вовлеченность исследователя в производство социального знания посредством прямого участия и сопереживания опыту изучаемой социальной реальности. Однако, если охватить взглядом огромное число выходящих за рубежом статей и книг по феминистской (гендерной) этнологии и социальной антропологии, то в них сразу можно выделить ряд тематических пластов. Во-первых, пласт прокламации своей позиции, феминистской агенды. Он мало изменился за последнюю четверть века. Во-вторых, эпистемологический²⁴ пласт, который продолжает формироваться теоретиками феминистской этнологии и антропологии – продолжателями Ш. Ортнер, Дж. Хубер, Г. Рубин и других. В-третьих, это пласт методический – разработка оригинальных и обновленных методов и подходов и их апробация. Наконец, в-четвертых, – это постановка и обсуждение проблем этики научного исследования, которое ведется с феминистских позиций. На последних двух тематических комплексах или «пластах» необходимо остановиться подробнее, поскольку они – наиболее быстро изменяющаяся и постоянно корректируемая область феминистских исследований в области этнологии и антропологии.

Факт того, что в гендерных исследованиях используются многочисленные методы и подходы (как «твердые»/«мужские», то есть количественные, так и «мягкие»/«женские», качественные²⁵)», почерпнутые из разных социальных наук, признается сейчас многими специалистами по социологии знания²⁶. Кроме того, не секрет, что в социальной антропологии и этнологии, равно как и в других направлениях гуманитарного знания, феминистское (как и гендерное) направления не однородны: в них сосуществуют, по крайней мере, два «субнаправления» – марксистско-феминистское и экспериментально-индукционистское, основанное на этнометодологии и интеракционистских концепциях. Сосуществование этих субнаправлений вполне мирно. Имеются работы, объединяющие оба подхода²⁷. На этом основывается подчас несколько пренебрежительное отношение ряда мужчин-«науковедов» к рекламируемому гендерной теорией «феминистскому синтезу» всех наук; на том же основаны и их упреки, что философский феминизм вряд ли

сильно продвинул социальную теорию, но лишь генерализовал, «свел воедино» достигнутое до него ^{28} . Кто бы ни был прав в данном споре, ясно одно: нет смысла искать особые, специфичные «феминистские методы» исследовательского анализа в этнологии и антропологии, но есть смысл признать важным феминистски обоснованный *выбор* адекватных предмету анализа методов, предполагающий целый ряд конкретных подходов и приемов. О них-то и разговор.

Прежде всего, феминистское этнологическое исследование исходит из общей посылки о том, что какие бы методы мы не использовали, любой способ проведения исследования — не более, чем конструкт, а потому имеет свои «смещения»²⁹. Чтобы уменьшить вероятность «смещений» в воссоздаваемой картине явления, социальные антропологи и этнологи обращают внимание на необходимость перепроверок любых гипотез всеми возможными способами, с применением самого разного эмпирического материала, в том числе и путем обнародования результатов своих исследований в открытой печати для того, чтобы умышленно поставить их под огонь критики (если таковая обнаружится)³⁰.

Далее, феминистское социально-антропологическое исследование предполагает сопоставление информации об одном и том же явлении, сообщенной мужскими и женскими информаторами, так как только таким способом можно реконструировать «мужской» и «женский» дискурсы. Только при таком компаративистском подходе возможно ставить вопрос о постоянном, хотя и скрытом, действии механизмов воспроизводства власти (в том числе через невербальные практики) и гендерной асимметрии в обладании ею31. Если этнолог станет постоянно озадачиваться идеей сопоставления информации, сообщенной мужчинами и женщинами, - он сможет, наконец, реально «положить конец нейтральному и универсальному концепту "человека"»³². Только в случае постоянного учета «релевантного поло-дифференцированного социального контекста» (то есть не только говорить о «мужских» и «женских» мирах, но и в любом событии или явлении видеть участников как представителей разных полов) можно

говорить о более или менее адекватной картине, воспроизводимой исследователем в своей работе: недоучет же гендерного фактора сопоставим с попытками говорить об обществе в целом, не учитывая социальную стратификацию или конфессиональную принадлежность³³.

Разумеется, задача сопоставления ответов на одни и те же вопросы анкеты неимоверно усложняет и удлиняет этап изучения и наблюдения за явлением, который предшествует выдвижению научной гипотезы³⁴. Однако без этой длительности не может быть глубоко и подробно исследован контекст явления, а контекстуальность (о которой уже говорилось выше) — обязательное требование любых новейших этнологических штудий. Но феминисток-этнологов это не смущает и не пугает, и они противопоставляют свою «неторопливость» мужской погоне за сенсациями. Они осознанно заявляют о своем предпочтении эмпирических методов, oral history — теоретическим моделям, под которые собираются необходимые данные. То есть дедуктивный метод считается менее предпочтительным и «мужским», а индуктивный — желательным и «женским»³⁵.

Столь признаваемый феминистскими социоантропологами индуктивный метод — основа для извлечения теории из эмпирических данных, причем теории особого рода — «приземленной» (grounded)³⁶, не отвлеченной, более основанной на практике и реальности. В то же время, традиционная, «мужская» наука столетиями занималась не индукцией, а дедукцией: то есть теоретики вырабатывали некие теории, а затем подтверждали их. В России же вообще этот вид интеллектуальной деятельности был сужен до верификации марксистско-ленинской теории, считавшейся «единственно верной».

Другим признанно-феминистким приемом социальных антропологов является направление *внимания частным и отдельным женским сообществам* (женщины-предпринимательницы, домохозяйки, студентки), а не «женщинам вообще», выделение не сходств, но именно различий и проблематизация этих различий среди женской части населения³⁷. (Еще раз подчеркнем, что в этом отличие новейшего антропологического проекта от предшествующего: феминистки 1970–1980-х гг. изучали различия *между полами*, нынешние – различия *внутри* каждого гендерно-гомогенного сообщества³⁸).

С одной стороны, речь идет об изучении женской повседневности — таких, например, ее сторон, как «повседневностьность взросления и превращения из девочек в девушек» (символическими предметами здесь являются женские прокладки, средства по уходу за телом, дезодоранты) ^{39} . С другой стороны, это изучение отражения в ответах респонденток их интеллектуальной жизни, внутреннего мира каждой из женщин ^{40} .

Параллельно рождается новая задача — воссоздания «женских генеалогий» — сети связей подруг и родственниц, иногда подолгу сохраняющейся в поколениях ^{41} .

Как оценивают женщины свое положение «внутри» сообщества? Как можно самому ученому оказаться «внутри» его? Задачи «инсайдинга» (inside – англ. «внутри»), помещения себя внутрь изучаемого явления и его времени⁴² тесно связаны с личным гендерным опытом исследователя. Стремление индентифицировать себя (хотя бы частично) с объектом изучения, позиционирование себя на его место, включение собственных жизненных оценок как ценностного (валидного) и репрезентативного «определителя»⁴³, отказ от «самоустранения» (дистанцирования)⁴⁴ от объекта изучения и хваленой мужской «объективности» 45 — всё это детализация задач «инсайдинга». Разумеется, истоки концепции инсайдинга лежат в «понимающей социологии» Макса Вебера. Именно он в начале XX века ввел понятие эмпатического понимания (das Verstehen) и предлагал с его помощью анализировать, как люди «творят» те или иные значения событий, явлений, фактов. Став отцом интерпретативной социологии, М. Вебер немало помог современным феминистским антропологам, которые усилили в его теории именно те аспекты, которые были релевантны идее «проникновения» ⁴⁶ – в жизнь, в судьбу, в явление. Феминистская этнология настаивает на таком инсайдинге, при котором глубинные интервью должны сочетаться с соучастием в повседневных заня286 Н.Л. Пушкарева

тиях изучаемых: например, совместных походах в магазин, визитах в больницу, общественные организации и клубы при постоянном заинтересованном обсуждении жизни и обмене мнениями по этому поводу ^{47} .

Этнологи и антропологи, согласные с феминистской концепцией, призывают не «возвышаться» над материалом, но вникать в кажущиеся малозначимыми детали, расспрашивать респонденток о самом интимном, добиваться доверия⁴⁸ – подобно исповеднику, видеть и замечать, чтобы стать не умудренным опытом наблюдателем, а «родной душой» для объекта изучения⁴⁹, «контейнером» для его жалоб и переживаний⁵⁰. Между тем, добиться действительной, а не показной доверительности между интервьюером и респонденткой бывает весьма трудно. Препятствия могут быть самого разного плана. Например, некоторые замужние женщины-репондентки, узнав о незамужнем статусе женщины-ученой, с трудом преодолевают возникающее отчуждение; женщине-ученой (представительнице образованного, «высшего» класса) трудно бывает установить «понимающие отношения» с женщиной из рабочей среды. Аналогичным образом может играть свою роль этнический фактор или фактор стиля жизни (одежда, прическа, манера говорить и проч.)⁵¹. Феминистская этнология использует в этой связи термин «ложное сознание» – имея в виду тот «налет» знаний и предпонятий (зачастую действительно глубоко осознанных, если не выстраданных!), с которыми женщина-ученый входит в контакт с опрашиваемой и от которого избавляться пробематично (а иногда и не нужно). Пример «ложного сознания» привела Ш. Клейман в статье о переживаниях женщин-интервьюеров, «полевых этнологов», отмечая, как она была разочарована тем, что опрашиваемые ею женщины из среды служащих и не замечали своего подчиненного положения, неравенства, дискриминации в оплате, равнодушно относились к идее борьбы за равноправие. «Позже я поняла, что эти мои установки отражали мое собственное понимание феминизма в то время: что женщины могут и должны бороться за достижения, подобно мужчинам»⁵². Иными словами, «проблема доверия» является двусторонней: не только

опрашиваемый должен доверять интвьюеру, но и последний относиться к своим «героиням» без раздражения. Другим полюсом и обратной стороной проблемы доверия является опасность «стать аборигеном» и начать идентифицировать себя с теми, кого изучает исследовательница⁵³. Об этом предупреждают сторонники теории «уважительной дистанции» интервьюера и интервьюируемого — во имя достижения возможного уровня объективности. Однако многие феминистские этнологи не принимают этого упрека и считают, что стремление к объективности — «мужское», а потому требует преодоления. За ним стоит, утверждают они, ощущение власти и властности, будя не лучшие чувства и мешая эмпатии даже между взаимодействующими женщинами, не говоря уже об интеракциях женщин с мужчинами⁵⁴.

Само интервью уже является межличностной работой; помимо этого, исследовательница, интервьюирующая женщину, может и должна выявлять элементы межличностной работы в повседневных практиках респондентки⁵⁵. Записывать не только сами практики (например, приготовления пищи или заботы о престарелых родителях), но и объяснения, обоснования респонденток, почему эти практики совершаются так, а не иначе⁵⁶. При таком «вчувствовании» в жизнь респонденток удается преодолеть мужские ценностные критерии и «понять наконец, чем же женщины являются [не для мужчин, а... — $H.\Pi$.] для самих себя»⁵⁷.

Чтобы преодолеть насмешливо-пренебрежительное отношение к «необъективному» исследованию, выполненному в феминистском духе, чтобы повысить доверие к себе, феминисту-антропологу необходимо подкреплять исследования количественно — в том числе повторными опросами, которые позволяют выйти на уровень не казуальный, но статистический. При этом, однако, в феминистском этнологическом исследовании женской повседневности числовая информация всегда будет лишь дополнительной к собственно нарративам. Подчеркну здесь, что в традиционном, «мужском» исследовании — наоборот — «женские разговоры» обычно оставляются «за кадром» и определяются как «размывающие» социологически схематичную картину. При параллельных

разговорах и опросах, когда на вопросы, поставленные исследователем, отвечают сразу несколько респондентов разного пола — обращают внимание специалисты по феминистским методам в этнологии — мужчины, как правило, «задвигают» женщин, те больше и чаще молчат, что статистически выверено и на примерах телепередач, в которых участвуют представители разных полов, равно представленные в числе участников передачи⁵⁸.

Иными словами, феминистское этно- и социоантропологическое исследование должно быть ориентировано на невысказанное, которое делается тем самым проговариваемым⁵⁹.

Понятно, что вышеописанные задачи резко повышают значимость «гендерных дневников» и «гендерных автобиографий» – рассказов о жизни особого рода, в которых в первую очередь должны быть отображены проблемы становления женщиной (или – мужчиной!). Эта задача этнологов очень созвучна аналогичному направлению в исторических науках и социологии личности, обративших внимание на «казуальную» историю, изучение частных случаев и направленную, осознанную субъективизацию предмета изучения⁶⁰. Даже задачи исследования собственной жизни или собственного опыта в контексте социальных изменений и смены парадигм предстают при таком подходе как самостоятельная и серьезная исследовательская проблема «женской антропологии» (работы такого рода имеются прежде всего в американской историографии)⁶¹.

Еще более новым методическим приемом, позаимствованным этнологами у социальных психологов, является разработка приемов «экспериментальной этнографии» — когда исследователь моделирует ситуацию, вызывая определенную реакцию (прося рассказать, написать и тем самым пережить вновь сильную эмоциональную вовлеченность) и участвуя в дальнейшем в разрешении этой ситуации (методы, сходные с работой социопсихологов и психоаналитиков) ^{62} — то есть, казалось бы, «много на себя берут», выполняя «не свою работу» ^{63} . Как и социологи-этнометодологи, антропологи феминистской ориентации придают большое значение визуальным источникам ^{64} .

Что же касается «включенного наблюдения» (которое вслед за социологами часто называют «нереактивным»: оно скрыто от объекта исследования, и он «не реагирует», ведет себя более естественно)65 - то его в феминистской этнологии вообще считают самым «своим» из методов. Иногда между «включенным наблюдением» и «феминистским подходом» к этнографической работе даже ставят знак равенства, хотя и оговаривают это 66. Интерес к анализу невербальных коммуникаций и невербального поведения порожден именно ростом значения визуальной антропологии 67. Не случайно те из этнологов-практиков, которые много работали «в поле», обращают внимание на необходимость учитывать и «ложное начало» разговора, и все его длинноты, а также часто присущую женщинам живую мимику⁶⁸, практику «многословного говорения» и отвлечений, ритмику разговора, периоды тишины, акцентуацию⁶⁹ – все они «работают» на полноту картины. Этнолингвистам известно, что практически во всех культурах женщины между собой говорят откровеннее в плане проявления своего социального опыта⁷⁰, чем в смешанных группах. Поэтому именно «включенное наблюдение» женщины-интервьюера и ее респондентки может дать наиболее информативный результат.

Однако пристальное и настойчивое «включенное наблюдение» за объектом изучения, «эксперименты» и «моделирование» могут иметь в непродуманных и не просчитанных наперед акциях непредсказуемые отрицательные последствия для тех, кого изучают. Как избежать их?

«Новые антропологи» полагают, что любой из ученых, работающих в русле феминистской парадигмы, обязан быть нацеленным на подъем самооценки объектов изучения (равно как самих исследовательниц), на преодоление традиции виктимизации женщин, женских жизней, женской истории, иметь сам и обосновывать оптимистическую перспективу⁷¹. Само изучение может и должно быть в этом случае обучением «изучаемых объектов» методам анализа их собственных судеб (вплоть до обмена взаимным опытом), формулированию целей и жизненных задач, связанных с устранением их неполноправия, объяснением его сущности и от-

290 Н.Л. Пушкарева

нюдь не «природной заданности». Важно подчеркнуть при этом, что – как и гендерная социология – феминисткая антропология и этнология стараются артикулировать «несоревновательные» модели практического применения знания 72 – в то время как традиционная наука, скорее, учит умению выигрывать в бесконечной гонке за успехом. Потому-то убежденный феминист-антрополог должен всегда открыто отказываться работать над такими темами, которые (будучи исследованными) могут быть использованы против интересов женщин в обществе (например, над производством идеологического, а тем более иного оружия). Иными словами, в феминистской антропологии «научное» и «личное», «личное» и «политическое» - неразделимы, в то время как «мужская наука» к таким заявлением иногда относится с нескрываемой иронией⁷³. Женщины-ученые ставят вопрос о непротиворечивости научных исследований и собственного ежедневного поведения 74 с категоричностью, которая не снилась «мужской» науке.

Как должно быть написано феминистское исследование в этнологии и антропологии? Как и другие представительницы гуманитарного знания, приверженцы гендерной концепции в этой области предлагают настойчиво преодолевать сексизм в научной лексике, смелее вводить в оборот новые термины, подходящие именно для феминистского исследования («herstory», мифография, фаллизм, автогинография вместо «автобиография женщины», «womyn» вместо «women», гиногогика вместо педагогики для девочек)⁷⁵, переосмыслять старые дефиниции и использовать их в иных смыслах и контекстах («гин-экология»)⁷⁶; разрабатывать гендерно-нейтральный научный язык, вводить его в употребление⁷⁷.

Но, в целом, к вопросу о том, каким должен быть «идеальный тип» (М. Вебер) этнологического и социально-антропологического исследования, феминистские теоретики возвращаются снова и снова, и среди них нет единства в его решении. С одной стороны, во имя великой идеи «сестринства» ученые нового поколения, разделяющие идею, должны отказаться от «формально-утвердительного» и «описательного» стилей изложения, строя работу в

«формате» разговора с читателем⁷⁸ (чтобы он не чувствовал, что его идеологически обрабатывают). Ряд этнологов в связи с этим говорят, что феминистское антропологическое исследование должно быть «свободно от навязчивой оценочности» — то есть должно предоставлять читателю право самому делать выводы⁷⁹. Их оппонентки из числа радикальных защитниц женских интересов, однако, настаивают, что в таком случае «тихий голос непротивленцев» вряд ли кем-то будет услышан и убеждают в необходимости писать ярко, броско, настойчиво⁸⁰.

Конечно, перед каждым приверженцем феминистского проекта в этнологии неизбежно встает вопрос: как изложить полученный в ходе применения всех вышеописанных методов материал, не заглушив, не исказив «голосов» тех, с кем говорили? Дилемма репрезентации, осмысления и «подачи» материала остается сложнейшей и, в известном смысле, трудноразрешимой. Однако во всем, что касается итоговых выводов, у этнологов и социальных антропологов, изучающих женщин с позиций гендерной концепции и феминизма, наблюдается удивительное единство. Их неавторитарность и в этом смысле уход от стандартов мужских исследований (в которых всегда важно убедить!), «невысокомерие» – при сохранении критической нацеленности феминистских исследований против традиционной науки и эссенциалистских взглядов – всё это считается достижимым идеалом науки «нового типа»81. Само исследование превращается у сторонниц феминистского проекта в антропологии из «нудной работы», из способа зарабатывания на жизнь – в удовольствие, основанное на радости от возможности помочь, от осознания многочисленности способов этой помощи ^{82} .

Примечания

¹ Выполнено по гранту РГНФ 07-01-90100 a / Westkott M. Feminist Criticism of the Social Sciences // Harvard Educational Review. 1979. V. 49 (November). P. 426; Wheatley E. How Can We Engender Ethnography with a Feminist Imagination? A Rejoinder to Judith Stacey // Women's Studies International Forum. 1994. № 17 (4). (July-August). P. 403–416.

Moore H. (ed.) The Future of anthropological knowledge. N.Y.; L., 1996. P. 156–173.

- ³ Пушкарева Н.Л. Феминизм. К определению понятия // Женская история. Гендерная история (Теория и исследования. Учебное пособие). Калуга, 2001.
- Mascia-Lees F, Sharpe P, Ballerino C.C. The post-modernist turn in anthropology: cautions from a feminist perspective // Signs. 1989. 15 (1). P. 7.
- ⁵ Kelle H. Geschlechteruntershiede oder Geschlechteruntershiedung? // Dausien B., Herrmann M., Oechsle M., Schmerl Ch., Stein-Hilbers M. (eds.) Erkenntnisprojekt: Geschlecht. Feministische Perspektiven verwandeln Wissenschaft. Opladen, 1999. S. 311.
- ⁶ Gold P. Women in the Field. Chicago, 1970.
- Hartsock N.C.M. Money, sex and power. Toward a feminist historical materialism. N.Y., 1985. P. 232.
- Rapp R. Review of the book written by H. Moor "Feminism and Anthropology" (Cambridge, 1988) // Gender and Society. 1991. V. 5(1). March. P. 123–125.
- Stacey J. Can There Be a Feminist Ethnography? // Diane Wolf (ed.) Feminist Dilemmas in Fieldwork, Introduction and chapters to be selected / Women's Studies International Forum. 1988. № 11 (1). P. 271–275; Wheatley E. How Can We Engender Ethnography with a Feminist Imagination? A Rejoinder to Judith Stacey // Women's Studies International Forum. 1994. V. 17 (4). (July-August). P. 403–416.
- Smith D. A Sociology for Women // Sherman J.A., Torton E. (eds.) The Prism of Sex. Essays of sociology of knowledge. Madison, 1979. P. 174.
- Bruner Ed.M. Ethnography as Narrative // Turner V., Bruner E. (eds.) The Anthropology of Experience. Urbana, 1986. P. 139–158.
- 12 Cyrus H. Historische Akkuratesse und soziologische Phantasie. Eine Metodologie feministischer Forschung. Königstein, 1997. S. 156–157 ("Die Emotionsbalance").
- Harding S. Rethinking standpoint epistemology: What is "strong objectivity"? // Alcoff L., Potter E. (eds.) Feminist Epistemologies, N.Y, 1993.
   P. 49; Ellis C., Bochner A.P. (eds.) Composing Ethnography. Alternative Forms of Qualitative Writing. N.Y., 1996.
- Ardener S. The Social Anthropology of Women and Feminist Anthropology // Anthropology Today. 1985. V. 1(5). October. P. 24–26.
- Nerad M. Academic Kitchen: A Social History of Gender Stratification at the University of California. Berkley. N.Y., 1998.

- Gordon D.A. Worlds of Consequences: Feminist Ethnography as Social Action // Critique of Anthropology, 1993, V. 13 (4) (December), P. 429–443.
- Mascia-Lees F., Sharpe P., Ballerino C.C. The post-modernist turn in anthropology: cautions from a feminist perspective // Signs. 1989. 15(1). P.
   7; Thompson L. Feminist Methodology for Family Studies // Journal of Marriage and Family. 1992. V. 54. February. P. 3.
- ¹⁸ См., например: *Comaroff John, Comaroff Jean*. Ethnography and the Historical Imagination. Boulder, 1992.
- Ehrenreich B., English D. For Her Own Good: 150 years of the experts advice to women. Garden City, 1978. P. 78–82.
- ²⁰ Visweswaran K. Fictions of Feminist Ethnography. Minnesota, 1994.
- Passaro J. Cracks in the Feminist Foundations // Current Anthropology, 1997. Vol. 37(5). P. 881–882.
- Moore M. A Passion of Difference. Essays in Anthropology and Gender. Bloomington, 1994.
- ²³ Kennedy E., Davis M. Oral History and the Study of Sexuality: The Buffalo Lesbian Community, 1940–1960 // Feminist Studies. 1986. V. 12. P. 7–26.
- Слово «эпистемология» в последнее время употребляется очень часто, когда речь идет о теории познания. Под «эпистемологией» понимается «теория познания, представления о природе знания и о том, как мы это знание получили» (Crawford M., Marecek J. Feminist theory, feminist psychology // Psychology of Women Quaterly. 1989. V. 13. P. 479).
- Müller U. Gibt es eine "spezielle" Methode in der Frauenforschung // Methoden in der Frauenforschung. Frankfurt am Main, 1984. S. 33 (Kap. "Sind weiche Methoden besonders weiblich?").
- Neuman L.W. Social research methods: qualitative and quantitative approaches. 2nd ed. Boston., 1991; Sprague J., Zimmerman M.K. Quality and Quantity: Reconstructurin feminist methodology // American Sociologist. 1989. № 20. P. 71–86.
- ²⁷ См., например один из образцов: Smith D. The everyday world as problematic. A feminist sociology. Boston, 1987.
- Mann G. Plädoyer für die historische Erzählung und Antwort des Fragwürdigen // Kochka J., Nipperdej Th. Theorie und Erzählung in der Geschichte. München, 1979. S. 49–50; Müller U. Gibt es eine "spezielle" Methode in der Frauenforschung // Methoden in der Frauenforschung. Frankfurt am Main, 1984. S. 29.
- ²⁹ Малышева М.М. Интерактивное интервьюирование и нетрадиционные способы интерпретации данных // Возможности использования

- качественной методологии в гендерных исследованиях. / Ред. М. Малышева. МЦГИ, 1997. С. 121.
- Belenky, M.F., Clincy, B.M., Goldberger, N.R., Tarule, J.M. (eds.) Women's Ways of Knowing. The Development of Self Voice and Mind. N.Y., 1986. P. 98.
- Moore H. Mensch und Frau sein. Perspektiven einer feministischen Anthropologie. Gütersloh, 1990. S. 18; Quinn N. Anthropological Studies on Women's Status // Annual Review of Anthropology. 1977. V. 6. P. 181–225.
- ³² Klinger K. Was ist und zu welchem Ende betreibt man feministische Philosophie? // Blattmann L., Kreis-Schink A., Liebig B., Schafroth K. (eds.) Feministische Perspektiven in der Wissen schaft. Zürich, 1993. S. 17.
- 33 Eichler M. Nonsexist research methods: A practical guide. Boston, 1988. P. 22.
- ³⁴ Rosser S.V. Female-Friendly Science. Elmsford, N.Y., 1990. P. 38.
- Jichtenberger-Fenz B. Frauenforschung Feministische Forschung Gender Studies // Ingrisch D., Lichtenberger-Fenz B. (eds.) Hinter den Fassaden des Wissens. Frauen, Feminismus und Wissenschaft eine aktuelle Debate. Wien, 1999. S. 217–219; Reinharz S. Experimental analysis. A contribution for feminist research // Bowles G., Duelli-Klein R. (eds.) Theories of women's studies. L., 1983. P. 171.
- ³⁶ Создатели «приземленной теории» социальных исследований изложили ее в кн.: *Glaser, B.J., Strauss, A.L.* The Discovery of Grounded Theory: Stratagies for Qualitative Reserach. Chicago, 1973.
- Abu-Lughod Lila. Writing Women's Worlds: Bedouin Stories. Berkeley, 1993; Lee Chin Kwan. Gender and the South Sea Miracle: Two Worlds of Factory Women. Berkeley, 1998.
- Krüger M. Uber die Notwendigkeit feministischer Selbstreflexion // Krüger M. (ed.) Was hier eigentlich feministisch? Bremen, 1993. S. 8; Dilorio J. Feminist Field Work in a Masculinist Setting: Personal Problems and Methodological Issues // Reinharz S., Davidman L. (eds.) Feminist Methods in Social Research. N.Y.; Oxford, 1992. P. 46.
- 39 McDade L. Interviewing of Theory and Practice: Finding the Threades for Feminist Ethnography. N.Y., 1995.
- ⁴⁰ Kleinman S. Fieldworker's Feelings: What We Feel, Who We Are, How We Analyse // Shaffir W., Stebbins R. (eds.) Experiencing Fieldwork: An Inside View of Qualitative Research. Newbury Park, CA, 1994. P. 184–195.
- ⁴¹ Это блестяще осуществила в своей книге феминист-антрополог Джудит Стэсей. См.: *Stacey J.* Brave New Families. New York, 1989. См. об этом также: *Шутова О.* Устная и гендерная история в свете антропо-

- логизации историографии // Чикалова И.Р. Женщины в истории: возможность быть увиденными. Минск, 2001.
- ⁴² Германская историография пользуется медицинским термином «ингаляция», подразумевая тот же инсайдинг, то же проникновение до самых «внутренности». См.: *Cyrus H.* Historische Akkuratesse und soziologische Phantasie. Eine Metodologie feministischer Forschung. Königstein, 1997. S. 223.
- ⁴³ Keller E.F. Feminism and science // Signs. Journal of Women in Culture and Society. 1982. V. 7 (3). P. 589–602; Smith D.E. The Everyday Worlds as Problematic: A Feminist Sociology. Boston, 1987; Griffith A.I., Smith D.E. Constructing cultural knowledge: mothering as discourse // Gaskell J., McLaren A. (eds.) Women and Education: A Canadian Perspective. Calgary (Alberta), 1987. P. 87–103.
- ⁴⁴ Acker J., Barry K., Esseveid J. Objectivity and thruth: Problems in doing feminist research // Women's Studies International Forum. 1983. V. 6. P. 423–435.
- ⁴⁵ Историки науки утверждают, что такой подход характеризовал своеобразие «женского научного участия» (точнее: со-участия!) на протяжении нескольких последних столетий. См.: *Ogilvie M.B.* Women in science. Antiquity through the Nineteenth Century. Cambridge, 1986. P. 151; *Harding S.* Rethinking standpoint epistemology: What is "strong objectivity"? // Alcoff L., Potter E. (eds.) Feminist Epistemologies. N.Y, 1993. P. 49.
- Weber M. Some cathegories of interpretative sociology // Sociological Quarterly 1981. V. 22. Р. 151–180; Клименкова Т. Значение методологии: три основных подхода // Малышева М.М. Качественные методы в гендерных исследованиях. М., 1997. С. 7–29.
- ⁴⁷ Stack C. All Our Kin: Strategies of Survival in a Black Community. N.Y., 1974.
- Mies M. Methodische Postulate zur Frauenforschung: dargestellt am Beispiel der Gewalt gegen Frauen // Beiträge zur feministischen Theorie und Praxis. Hf. 1. München, 1978. S. 160.
- ⁴⁹ Bell C., Roberts H. Social Researching: politics, problems, practice. Los Angeles, 1984. P 7; Cyrus H. Historische Akkuratesse... S. 223.
- Nadig M. Der ethnologische Weg zur Erkenntnis // Knapp G., Wetterer F. (eds.) Traditionen Brüche. Freiburg i. Br., 1992. S. 46.
- Женщина-ученая с феминисткими взглядами должна либо скрывать их, беря интервью у репондентки-традиционалистки (что недопустимо с точки зрения установок феминистского исследования), либо

- быть готовой к тому, что ее негативное отношение к традиционному фемининному поведению может быть подвергнуто насмешкам или, что хуже, внутреннему неприятию, недоверительности. См.: *Vally L.* Becoming Clerical Workers. Boston, 1986. P. 233.
- 52 Kleinman S. Op. cit. P. 190.
- Wajcman J. Women in Control: Dilemmas of a Workers Cooperatives. N.Y., 1983.
- ⁵⁴ Hochschild A. The Unexpected Community: Portrait of an Old-age Subculture. Berceley (CA), 1978. P. 142.
- 55 Gluck S.B., Pataj D. (eds.) Women's Words: Feminist Practice of Oral History. Routledge, 1991; Sangster J. Telling Our Stories: Feminist Debates and the Use of Oral History // Perks R., Thompson A. (eds.) The Oral History. Routledge, 1998. P. 88–89.
- ⁵⁶ Riesman C.K. When gender is not enough: Women interviewing women // Gender and Society. 1987. V. 1. P. 206.
- ⁵⁷ Задачу такого ракурса поставил еще один из основателей «понимающей социологии» Г. Зиммель. См.: Зиммель Г. Женская культура // Зиммель Г. Избранное. Т. 2. Созерцание жизни. М., 1996. С. 234–265.
- ⁵⁸ Bernard J. The Sex Game. N.Y., 1972. P. 175.
- Michler E.G. The analysis of interview narratives // Sarbin T.R. (ed.) Narrative Prychology: The stories Nature of Human Conduct. N.Y; Bloomington, 1986. P. 233–255; DeVault M.J. Novel reading: the social organization of social interpretation // American Journal of Sociology. 1990. V. 95. P. 887–921.
- ⁶⁰ Behar R. Translated Woman. Boston, 1993.
- 61 Самая блистательная книга такого рода: *Rich A.* Of Woman Born: Motherhood as Experience and Institution. N.Y., 1976.
- Visweswaran K. Fictions of Feminist Ethnography ... P. 8; Cyrus H. Historische Akkuratesse ... S. 262.
- 63 См.: *Клименкова Т.А.* Феминистские стратегии интервьюирования и анализа данных // Малышева М.М. Качественные методы.... С. 128.
- Personal Narrative Group. Interpreting Women' Lives: Feminist Theory and Personal Narratives. Bloomington, 1989.
- 65 Баллаева Е. Нереактивное исследование и доступные данные // Малышева М. Качественные методы ... С. 49–56.
- Впервые отмечено: Романов П.В. Этнография в гендерных исследованиях // Ярская-Смирнова Е.Р. (ред.) Социальное неравенство и образование: проблема, исследования, действия. Саратов, 2001. С. 262.
- ⁶⁷ Cole S., Phillips L. (eds.) Ethnographic Feminisms. Ottawa, 1995.

- ⁶⁸ *Humm M.* The Dictionary of Feminist Theory: Harvester, 1989. P. 65.
- 69 Schjerve R.R. Frauen als Triebfaktor des Sprachenwechsels in der sprachlichen Minderhaeisituation // Bachinger K., Bennewitz I. and others (eds.) Feministische Wissenschaft. Methoden und Perspketiven. Beiträge zur 2. Salzburger Frauenringvorlesung. Stuttgart, 1990. S. 205–219.
- ⁷⁰ Spender D. Man Made Language. N.Y., 1985. P. 211.
- Devault M.L. Talking and Listening from Women's Standpoint: Feminist Strategies for Interviewing and Analysis // Social Problems. 1990. Vol. 37. № 1. February. P. 96–116; Abu-Lughod L. Can There Be a Feminist Ethnography? // Women and Performance: A Journal of Feminist Theory. 1990. № 5 (1). P. 7–27; Reinharz S. Experimental analysis. A contribution for feminist research // Bowles G., Duelli-Klein R. (eds.) Theories of women's studies. L., 1983. P. 171.
- ⁷² Hoffman L.W. Fear of success in males and females: 1965–1971 // Journal of Consulting and Clinical Psychology. 1974. V. 42. P. 353–358.
- ⁷³ Rosser S.V. Female-Friendly Science... P. 41; см. также: Bleier R. Feminist approaches to science. Elmsford (N.Y.), 1986.
- ⁷⁴ Gornick V. Women in science: portraits from a world in transition. N.Y., 1983. P. 153–154; Klein R.D. How to do what we want to do: thoughts about feminist methodology // Bowles G., Klein R.D. (eds.) Op.cit. P. 341.
- Hall K., Bucholtz M. (eds.) Gender Articulated: Language and the Socially Constructed Self. N.Y., 1995.
- ⁷⁶ Daly M. Gyn Ecology. Boston, 1981; Kramarae Ch., Treichler P. A feminist dictionary. L., 1986.
- 77 Thorne B, Henley N. Language and sex: Difference and Dominance. Pitts-burg, 1975.
- Gordon D.A. Worlds of Consequences: Feminist Ethnography as Social Action // Critique of Anthropology. 1993. V. 13 (4 December). P. 429–443.
- Mies M. Towards a methodology for feminist research // Bowles G., Duelli-Klein R. (eds.) Op. cit. P. 122–126.
- ⁸⁰ Cyrus H. Was heisst hier eigentlich feministisch? // Cyrus H. Historische Akkuratesse und soziologische Phantasie. Eine Metodologie feministischer Forschung. Königstein, 1997. S. 80–81; Kasper A. Consciousness re-evaluated: Interpretive theory and feminist scholarship // Sociological Inquiry. 1986. V. 56. P. 30–49.
- 81 Lewis J. Woman Lost and Found: The Impact of Feminism on History // Spender D. (ed.) Men's Studies Modified: The Impact of Feminism on the Academic Disciplines. N.Y., 1981. P. 55–72

Jensen G.F. Mainstreaming and the Sociology of Deviance // Aiken S.H. and others (eds.) Changing Our Minds. Feminist Transformations of Knowledge. N.Y., 1988. P. 90–91; Bernard J. The Female World. N.Y., 1981.

Список литературы

- Баллаева Е. Нереактивное исследование и доступные данные // Малышева М.М. Качественные методы в гендерных исследованиях. М., 1997. С. 49–56.
- *Зиммель* Γ . Женская культура // Зиммель Γ . Избранное. Т. 2. Созерцание жизни. М., 1996. С. 234–265.
- *Клименкова Т.* Значение методологии: три основных подхода // Малышева М.М. Качественные методы в гендерных исследованиях. М., 1997. С. 7–29.
- Клименкова Т. Феминистские стратегии интервьюирования и анализа данных. По страницам статьи М. Девулт // Возможности использования качественной методологии в Гендерных исследованиях: Материалы семинаров. М., 1997.
- Малышева М.М. Интерактивное интервьюирование и нетрадиционные способы интерпретации данных // Возможности использования качественной методологии в гендерных исследованиях. Материалы семинаров, М., 1997.
- Пушкарева Н.Л. Феминизм. К определению понятия // Женская история. Гендерная история (Теория и исследования. Учебное пособие). Калуга, 2001.
- Романов П.В. Этнография в гендерных исследованиях // Ярская-Смирнова Е.Р. (ред.) Социальное неравенство и образование: проблема, исследования, действия. Саратов, 2001.
- Шутова О. Устная и гендерная история в свете антропологизации историографии // Чикалова И.Р. Женщины в истории: возможность быть увиденными. Минск, 2001.
- Abu-Lughod L. Can There Be a Feminist Ethnography? // Women and Performance: A Journal of Feminist Theory. 1990. № 5 (1). P. 7–27.
- Abu-Lughod Lila. Writing Women's Worlds: Bedouin Stories. Berkeley, 1993.
   Acker J., Barry K., Esseveid J. Objectivity and thruth: Problems in doing feminist research // Women's Studies International Forum. 1983. V. 6. P. 423–435.
- Ardener S. The Social Anthropology of Women and Feminist Anthropology // Anthropology Today. 1985. V. 1(5). October. P. 24–26.

- Behar R. Translated Woman. Boston, 1993.
- Belenky, M.F., Clincy, B.M., Goldberger, N.R., Tarule, J.M. (eds.) Women's Ways of Knowing. The Development of Self Voice and Mind. N.Y., 1986.
- Bell C., Roberts H. Social Researching: politics, problems, practice. Los Angeles, 1984.
- Bernard J. The Female World. N.Y., 1981.
- Bernard J. The Sex Game. N.Y., 1972.
- Bleier R. Feminist approaches to science. Elmsford (N.Y.), 1986.
- *Bruner Ed.M.* Ethnography as Narrative // Turner V., Bruner E. (eds.) The Anthropology of Experience. Urbana, 1986. P. 139–158.
- Cole S., Phillips L. (eds.) Ethnographic Feminisms. Ottawa, 1995.
- Comaroff John, Comaroff Jean. Ethnography and the Historical Imagination. Boulder, 1992.
- Crawford M., Marecek J. Feminist theory, feminist psychology // Psychology of Women Quaterly. 1989. V. 13. P. 147–165.
- Cyrus H. Historische Akkuratesse und soziologische Phantasie. Eine Metodologie feministischer Forschung. Königstein, 1997. S. 156–157. ("Die Emotionsbalance").
- Cyrus H. Historische Akkuratesse und soziologische Phantasie. Eine Metodologie feministischer Forschung. Königstein, 1997.
- Cyrus H. Was heisst hier eigentlich feministisch? // Cyrus H. Historische Akkuratesse und soziologische Phantasie. Eine Metodologie feministischer Forschung. Königstein, 1997. S. 80–81.
- Daly M. Gyn Ecology. Boston, 1981.
- Devault M.L. Talking and Listening from Women's Standpoint: Feminist Strategies for Interviewing and Analysis // Social Problems. 1990. V. 37. No. 1. February. P. 96–116.
- DeVault, M.J. Novel reading: the social organization of social interpretation // American Journal of Sociology. 1990. V. 95. P. 887–921.
- Dilorio J. Feminist Field Work in a Masculinist Setting: Personal Problems and Methodological Issues // Reinharz S., Davidman L. (eds.) Feminist Methods in Social Research. N.Y.; Oxford, 1992.
- *Ehrenreich B., English D.* For Her Own Good: 150 years of the experts advice to women. Garden City, 1978. P. 78–82.
- Eichler M. Nonsexist research methods: A practical guide. Boston, 1988.
- *Ellis C., Bochner A.P.* (eds.) Composing Ethnography. Alternative Forms of Qualitative Writing. N.Y., 1996.
- Glaser, B.J., Strauss, A.L. The Discovery of Grounded Theory: Stratagies for Qualitative Reserach". Chicago, 1973.

Gluck S.B., Pataj D. (eds.) Women's Words: Feminist Practice of Oral History. Routledge, 1991.

- Gold P. Women in the Field. Chicago, 1970.
- Gordon D.A. Worlds of Consequences: Feminist Ethnography as Social Action // Critique of Anthropology. 1993. V. 13 (4 December). P. 429–443.
- Gornick V. Women in science: portraits from a world in transition. N.Y., 1983. P. 153–154.
- Griffith A.I., Smith D.E. Constructing cultural knowledge: mothering as discourse // Gaskell J., McLaren A. (eds.) Women and Education: A Canadian Perspective. Calgary (Alberta), 1987. P. 87–103.
- Hall K., Bucholtz M. (eds.) Gender Articulated: Language and the Socially Constructed Self. N.Y., 1995.
- Harding S. Rethinking standpoint epistemology: What is "strong objectivity"? // Alcoff L., Potter E. (eds.) Feminist Epistemologies, N.Y, 1993.
- Hartsock N.C.M. Money, sex and power. Toward a feminist historical materialism. N.Y., 1985.
- *Hochschild A.* The Unexpected Community: Portrait of an Old-age Subculture. Berceley (CA), 1978.
- Hoffman L.W. Fear of success in males and females: 1965–1971 // Journal of Consulting and Clinical Psychology. 1974. V. 42. P. 353–358.
- Humm M. The Dictionary of Feminist Theory. Harvester, 1989.
- Jensen G.F. Mainstreaming and the Sociology of Deviance // Aiken S.H. and others (eds.) Changing Our Minds. Feminist Transformations of Knowledge. N.Y., 1988. P. 90–91.
- *Kasper A.* Consciousness re-evaluated: Interpretive theory and feminist scholarship // Sociological Inquiry. 1986. V. 56. P. 30–49.
- Kelle H. Geschlechteruntershiede oder Geschlechteruntershiedung? // Dausien B., Herrmann M., Oechsle M., Schmerl Ch., Stein-Hilbers M. (eds.) Erkenntnisprojekt: Geschlecht. Feministische Perspektiven verwandeln Wissenschaft. Opladen, 1999. S. 304–325.
- *Keller E.F.* Feminism and science // Signs. Journal of Women in Culture and Society. 1982. V. 7 (3). P. 589–602.
- Kennedy E., Davis M. Oral History and the Study of Sexuality: The Buffalo Lesbian Community, 1940–1960 // Feminist Studies. 1986. V. 12. P. 7–26.
- Klein R.D. How to do what we want to do: thoughts about feminist methodology // Bowles G., Duelli-Klein R. (eds.) Theories of women's studies. L., 1983.
- Kleinman S. Fieldworker's Feelings: What We Feel, Who We Are, How We Analyse // Shaffir W., Stebbins R. (eds.) Experiencing Fieldwork:

- An Inside View of Qualitative Research. Newbury Park, CA: 1994. P. 184–195.
- Klinger K. Was ist und zu welchem Ende betreibt man feministische Philosophie? // Blattmann L., Kreis-Schink A., Liebig B., Schafroth K. (eds.) Feministische Perspektiven in der Wissen schaft. Zürich, 1993.
- Kramarae Ch., Treichler P. A feminist dictionary. L., 1986.
- *Krüger M.* Uber die Notwendigkeit feministischer Selbstreflexion // Krüger M. (ed.) Was hier eigentlich feministisch? Bremen, 1993.
- *Lee Chin Kwan.* Gender and the South Sea Miracle: Two Worlds of Factory Women. Berkeley, 1998.
- Lewis J. Woman Lost and Found: The Impact of Feminism on History // Spender D. (ed.) Men's Studies Modified: The Impact of Feminism on the Academic Disciplines. N.Y., 1981. P. 55–72.
- Lichtenberger-Fenz B. Frauenforschung Feministische Forschung Gender Studies // Ingrisch D., Lichtenberger-Fenz B. (eds.) Hinter den Fassaden des Wissens. Frauen, Feminismus und Wissenschaft eine aktuelle Debate. Wien, 1999. S. 217–219.
- Mann G. Plädoyer für die historische Erzählung und Antwort des Fragwürdigen // Kochka J., Nipperdej Th. Theorie und Erzählung in der Geschichte. München, 1979. S. 49–50.
- *Mascia-Lees F, Sharpe P, Ballerino C.C.* The post-modernist turn in anthropology: cautions from a feminist perspective // Signs. 1989. 15(1). P. 7–33.
- McDade L. Interviewing of Theory and Practice: Finding the Threades for Feminist Ethnography. N.Y., 1995.
- Michler E.G. The analysis of interview narratives // Sarbin T.R. (ed.) Narrative Prychology: The stories Nature of Human Conduct. N.Y; Bloomington, 1986. P. 233–255.
- Mies M. Methodische Postulate zur Frauenforschung: dargestellt am Beispiel der Gewalt gegen Frauen // Beiträge zur feministischen Theorie und Praxis. Hf. 1. München. 1978.
- *Mies M.* Towards a methodology for feminist research // Bowles G., Duelli-Klein R. (eds.) Theories of women's studies. L., 1983. P. 122–126.
- *Moore H.* (ed.) The Future of anthropological knowledge. N.Y.; L., 1996. P. 156–173.
- Moore H. Mensch und Frau sein. Perspektiven einer feministischen Anthropologie. Gütersloh, 1990.
- *Moore M.* A Passion of Difference. Essays in Anthropology and Gender. Bloomington, 1994.

Müller U. Gibt es eine "spezielle" Methode in der Frauenforschung // Methoden in der Frauenforschung, Frankfurt am Main, 1984. S. 29–51.

- *Nadig M.* Der ethnologische Weg zur Erkenntnis // Knapp G., Wetterer F. (eds.) Traditionen Brüche. Freiburg i. Br., 1992.
- *Nerad M.* Academic Kitchen: A Social History of Gender Stratification at the University of California. Berkley. N.Y., 1998.
- *Neuman L.W.* Social research methods: qualitative and quantitative approaches. 2nd ed. Boston., 1991.
- *Ogilvie M.B.* Women in science. Antiquity through the Nineteenth Century. Cambridge, 1986.
- Passaro J. Cracks in the Feminist Foundations // Current Anthropology, 1976. Vol. 37(5). P. 881–882.
- Personal Narrative Group. Interpreting Women' Lives: Feminist Theory and Personal Narratives. Bloomington, 1989.
- *Quinn N.* Anthropological Studies on Women's Status // Annual Review of Anthropology 1977. V. 6. P. 181–225.
- Rapp R. Review of the book written by H.Moor "Feminism and Anthropology" (Cambridge, 1988) // Gender and Society. 1991. V. 5(1). March. P. 123–125.
- Reinharz S. Experimental analysis. A contribution for feminist research // Bowles G., Duelli-Klein R. (eds.) Theories of women's studies. L., 1983. P. 162–191.
- Rich A. Of Woman Born: Motherhood as Experience and Institution. N.Y., 1976.
- *Riesman C.K.* When gender is not enough: Women interviewing women // Gender and Society. 1987. V. 1. P. 172–207.
- Sangster J. Telling Our Stories: Feminist Debates and the Use of Oral History // Perks R., Thompson A. (eds.) The Oral History. Routledge, 1998. P. 88–89.
- Schjerve R.R. Frauen als Triebfaktor des Sprachenwechsels in der sprachlichen Minderhaeisituation // Bachinger K., Bennewitz I. and others (eds.) Feministische Wissenschaft. Methoden und Perspketiven. Beiträge zur 2. Salzburger Frauenringvorlesung. Stuttgart, 1990. S. 205–219.
- Smith D. A Sociology for Women // Sherman J.A., Torton E. (eds.) The Prism of Sex. Essays of sociology of knowledge. Madison, 1979.
- Smith D.E. The Everyday Worlds as Problematic: A Feminist Sociology. Boston, 1987.
- Spender D. Man Made Language. N.Y., 1985.
- Sprague J., Zimmerman M.K. Quality and Quantity: Reconstructurin feminist methodology // American Sociologist. 1989. № 20. P. 71–86.
- Stacey J. Brave New Families. New York, 1989.

- Stacey J. Can There Be a Feminist Ethnography? // Diane Wolf (ed.) Feminist Dilemmas in Fieldwork, Introduction and chapters to be selected / Women's Studies International Forum. 1988. № 11 (1). P. 271–275.
- Stack C. All Our Kin: Strategies of Survival in a Black Community. N.Y., 1974.
- *Thompson L.* Feminist Methodology for Family Studies // Journal of Marriage and Family. 1992. V. 54. February. P. 3–18.
- *Thorne B, Henley N.* Language and sex: Difference and Dominance. Pittsburg, 1975.
- Vally L. Becoming Clerical Workers. Boston, 1986.
- Visweswaran K. Fictions of Feminist Ethnography. Minnesota, 1994.
- Wajcman J. Women in Control: Dilemmas of a Workers Cooperatives. N.Y., 1983.
- Weber M. Some cathegories of interpretative sociology // Sociological Quarterly. 1981. V. 22. P. 151–180.
- Westkott M. Feminist Criticism of the Social Sciences // Harvard Educational Review, 1979. V. 49 (November).
- Wheatley E. How Can We Engender Ethnography with a Feminist Imagination? A Rejoinder to Judith Stacey // Women's Studies International Forum. 1994. № 17 (4). (July-August). P. 403–416.

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО И ПРОСТРАНСТВЕННОЕ ПОВЕДЕНИЕ: СПОСОБЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ, УНИВЕРСАЛИИ И КУЛЬТУРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ

Одной из важнейших проблем современной антропологии является вопрос о трансформации традиционных норм поведения под влиянием модернизации. В этой связи особый интерес представляет изучение пространственного поведения и механизмов регуляции социальной напряженности в кросс-культурном аспекте. Основное внимание в данном разделе будет уделено анализу способов репрезентации пространства личности, универсальным аспектам пространственного поведения, различным способам моделирования социального пространства 1.

Репрезентация пространства личности в пространстве дома. Структурирование пространства является одной из универсалий человеческого поведения. Во всех культурах существуют этикетные нормы, регламентирующие расположение индивидов. Однако эти нормы могут значительно отличаться в разных культурах в зависимости от их статуса, возраста, пола и степени родства². При этом важное значение имеет понятие «пространство личности». Под «пространством личности» мы понимаем жизненный опыт индивида, то есть все позитивные и негативные опыты «присвоения окружающего», способствующие формированию индивидуального сознания. Накапливаемый индивидом опыт приводит к существенным трансформациям его личностных характеристик, как внутренних (Я-концепция, мировоззренческие и персональные установки), так и внешних («персона» в юнговском смысле), а следовательно делает более сложным и насыщенным и его пространство личности.

Особое значение имеет исследование внешних проявлений пространства личности в традиционном и современном быту,

его репрезентаций в повседневных и праздничных, обрядовых и игровых практиках. Одним из материальных отражений пространства личности являются способы оформления и заполнения домашних интерьеров, присутствие в них личностно значимых и индивидуально маркированных предметов (от домашних реликвий до сувениров), а также вещей, символизирующих ценностные и мировоззренческие доминанты данной личности - от икон до портретов вождей³. Данная аксиологическая шкала может применяться и по отношению к другим важным локусам, в том числе к сакральным, и имеет значение как в традиционной, так и в современной культуре, несмотря на существенное изменение статуса вещи в индустриальном и постиндустриальном обществе⁴, где вещь всё больше превращается из предмета, который является частью личности, связан с привычным образом жизни, идентичностью человека, и символизирует жизненный путь не только данного человека, но и его социального окружения в «функциональный компонент обычной, рутинной деятельности человека»⁵.

Хотя пространственная «материализация» личности может совершаться разными способами и, следовательно, предполагает применение очень разных исследовательских методов и подходов, наиболее эффективным в рамках социально-культурной антропологии представляется метод структурно-семиотического анализа, при котором личностные проявления изучаются на уровне предметных кодов. При использовании этого подхода мы можем выделить три способа семиотизации предметов интерьера (иконические предметы, символические предметы, предметы-индексы) в соответствии с классической триадой знаков Ч.С. Пирса⁶. Каждый предмет, в зависимости от ситуации или социокультурных параметров интерпретатора, может смещаться по «шкале иконичности» и наделяться разными дополнительными значениями. Например, семейные фотографии могут по-разному осмысляться человеком в зависимости от нескольких факторов7. Наибольшей степенью иконичности будут обладать те из них, на которых изображены либо сами их владельцы, либо их близкие родственники, причем на изменение параметров иконичности непосредственое

влияние оказывают временные и пространственные параметры. Фотографии давно умерших членов семьи или тех, кто находится в продолжительной отлучке, со временем обретают черты предметов-индексов, то есть всё в большей мере соотносятся не с конкретными личностями, а скорее с тем социально-культурным контекстом, который скрывается за ними. Такие фотографии постепенно становятся своеобразным мерилом социальности и идентичности, помогая человеку осознавать свою вписанность в социально-культурный контекст, соотносить себя с определенными социовозрастными группами и социальными стратами. С течением времени, превращаясь в реликвию, фотография может стать предметом-символом, сконцентрировавшим в себе семейные ценности и доблести, например, осознание принадлежности к аристократическому роду или родства с выдающимися личностями.

Оформление интерьера имеет много общего с костюмом. Их сближает, например, высокая степень конвенциональности. Как внешний вид, так и оформление жилого пространства обладают повышенной знаковостью, они ориентированы на прочтение социумом той информации, которую желает о себе сообщить его владелец. Если принять постулат о том, что развитие и становление личности происходит под воздействием постоянно изменяющейся социальной среды, то при сравнении этих двух типов презентации личности становится очевидным, что одежда больше подвержена влиянию сиюминутной моды и другим воздействиям и отражает кратковременные стратегии индивида. Интерьер в этом смысле более консервативен и устойчив, связан с долгосрочными стратегиями развития личности, ее идеологическими доминантами, морально-этическими установками, другими ценностными предпочтениями. Отчасти это объясняется тем, что переустройство интерьера под воздействием моды требует гораздо больших материальных затрат. Поэтому людей, склонных к частой смене домашнего интерьера, значительно меньше, чем тех, кто постоянно обновляет свой гардероб.

«Консерватизм» одежды отличается от «консерватизма» интерьера еще и тем, что одежда скорее отражает персональные харак-

теристики, то есть тот идеологический и этический посыл, который личность открыто предъявляет окружающим, прежде всего своей референтной группе. В интерьере, который имеет более «интимный» и менее публичный характер, эти посылы отражают более глубокие личностные убеждения и установки, составляющие основу сокровенного «Я». Поэтому оформление комнат имеет другой уровень символизма, носит характер зашифрованных знаков и символов. В первую очередь это, конечно, относится к «своим» комнатам, где человек проводит большую часть «личного», «интимного» времени (рабочий кабинет, детская, будуар и т.п.). В этом смысле можно говорить о разном статусе частей жилища по отношению к пространству личности, что необходимо учитывать при его анализе. Понятно, что общие комнаты — прихожая, гостиная (зал), столовая – несут на себе отпечаток «личностных карт» всех членов семьи. Хотя, как правило, доминирующими являются предпочтения и установки хозяев дома (обычно представленных старшим поколением), в некоторых случаях – и это каждый раз требует особого исследования – интерьер общих комнат может определяться вкусовыми предпочтениями представителей младшего поколения (детей и внуков). Иногда это приводит к причудливому смешению в одном интерьере разных стилей, и тогда можно говорить о «материализации» процесса культурных преобразований, совершающихся в рамках отдельно взятой семьи.

Исследование особенностей оформления комнат, закрепленных за отдельными членами семьи, заставляет обратить внимание на другой важный аспект репрезентации пространства личности в интерьере — на проявления ее «закрытости / открытости». Как известно, приватное пространство в русской культуре в массовом порядке начинает выделяться в виде будуаров и кабинетов с начала XIX века. И одной из первых и главных границ, выделявших эти комнаты из общего пространства дома, стало ограничение в них доступа, то есть маркирование по признаку «закрытости / открытости». И.П. Кулакова приводит множество примеров из мемуарной и художественной литературы XIX в., свидетельствующих о запрете входить без разрешения в кабинет хозяина или хозяйки

дома (отца семейства, бабушки) не только посторонним лицам, но даже членам семьи – детям и женам⁸. Дети обычно могли войти в кабинет лишь тайком, в отсутствие родителей: «В кабинет можно было входить без спроса, только когда папа уходил в гимназию. И то просто смотреть, ничего не трогая. В остальных же комнатах можно было бегать и играть»⁹.

Конечно, в современных стандартных городских квартирах выделение особого приватного пространства даже для старших членов семьи обычно затруднено. Более того, при возможности выделения отдельной комнаты, предпочтение обычно отдается детям. «Детская» в современном стандартном жилище встречается гораздо чаще, чем «кабинет» и даже «будуар» (взрослые часто спят в общих комнатах). Поэтому наиболее яркие проявления приватности обнаруживаются именно в личных комнатах детей и подростков¹⁰.

Интерьер, создаваемый индивидом, отражает его личные предпочтения в рамках общих модных тенденций своего времени11. Существует наиболее общая модель функционирования моды: «низшие» классы подражают «высшим». Например, в XIX в. новшества возникали в дворянском обществе, усваивались купечеством и мещанством, а от них распространялись в низших городских слоях и у крестьянства. Хотя возможны и варианты массового влияния на моду низовых субкультур, как это случилось, например, в эпоху НЭПа с его эклектичной и кичевой эстетикой¹². Следование моде «удовлетворяет потребности в социальной опоре», поскольку индивид таким образом демонстрирует, с одной стороны, «присоединение к равным по положению», а с другой – «отъединение этой группы от ниже ее стоящих»¹³. При этом перестраивается сама структура личности, изменяются ее ценностные установки «параллельно с изменением социальных и межличностных структур» 14.

Причем здесь можно говорить о некой исторической специфике. Например, в допромышленную эпоху личный выбор был ограничен рамками традиции и на него очень большое влияние оказывало общественное мнение. Оформление интерьера опреде-

лялось принадлежностью к той или иной социокультурной (столичное или провинциальное дворянство, купечество, мещанство, крестьянство), возрастной, этнической группе¹⁵.

Обновление внутреннего пространства дома совершается постоянно, причем в некоторых случаях под влиянием моды добавляются лишь отдельные предметы обихода. Некоторые стандартные способы оформления интерьера, которые в определенную эпоху могут свидетельствовать о принадлежности к престижному социальному слою и соответствии вкусам высокой моды, в более поздние эпохи может оцениваться негативно, как признак пошлости и безвкусицы (например, девять слоников на буфете, серванты с хрусталем в советское время и пр.) или же идеализироваться, приобретать ностальгический характер. Но в любом случае они, бесспорно, являются частью личностной характеристики их хозяев. Большое количество примеров такого рода можно найти в литературе XIX—XX веков.

Так, собирание в 1840–1880-е годы «фарфоровых кукол», то есть статуэток, привело к широкому проникновению в интерьер даже обычного жилого дома специальных горок и этажерок для их хранения¹⁶. Китайские и саксонские фарфоровые куклы в интерьере считались признаком роскоши и изысканного вкуса¹⁷. Уже через несколько десятилетий эти же детали, иногда в оценке тех же авторов, выступают как маркеры пошлости и дурного вкуса. «Вошла опять в моду точно так же, как старинная мебель а-ля помпадур, резьба на дереве, готическая архитектура, китайские куклы, наклейные столы и множество других вещей, на которые разорялись наши предки и которые несколько лет тому назад казались нам самыми вычурными и смешными образцами безвкусия»¹⁸.

Однако чаще изменения происходят не постепенно, а скачками, поскольку приобретение некоторых предметов мебели заставляет полностью переделывать интерьер. Например, диван или кровать вытесняют в крестьянском доме встроенные лавки и приводят к необходимости приобретения стульев и кресел, а гардероб заменяет сундуки и лавки-«коники», служившие для хранения одеж-

ды. Все это существенно влияет на общее расположение предметов мебели и иных вещей в интерьере, что отражает и трансформацию личностных вкусов и приоритетов.

Каждая вещь, если рассматривать ее по отношению к ее хозяину-обладателю, личностно окрашена, отражает особенности эстетических предпочтений данного индивида, символизирует его стремление обозначить свою принадлежность к определенной социальной прослойке или группе, а возможно, и лидерство в ней. Вместе с тем вещь может быть «старой» в смысле накопления опыта обращения и «общения» с ней, определенного эмоционально-чувственного опыта, ассоциирующегося с ее употреблением. В контексте личной и «родовой» памяти такая вещь может приобретать различные символические значения, становится семейной реликвией и ценностью. Аксиология вещи в данном случае не обязательно совпадает с ценностной шкалой ее обладателя, но именно при их взаимодействии проявляются важные особенности пространства личности. Рассмотрим далее несколько примеров такого рода взаимодействий.

Маркером успешности и богатство могут выступать отдельные вещи, например, часы: не только «Ролекс», как у современного преуспевающего политика или бизнесмена, но и настенные, напольные или настольные, как это было характерно для домашних интерьеров XIX-XX вв. Основное предназначение часов в крестьянском обиходе - маркирование статуса хозяина дома. Поэтому часы – это, прежде всего, предмет гордости, хвастовства и любования. В современном быту символическое значение вещи как маркера успешности никуда не ушло: одно дело носить часы «Слава», другое – «Ролекс». То же можно сказать о бытовой технике, одежде, машинах. Вещь по-прежнему символична и остается «текстом» как «для других», то есть для межличностной коммуникации, так и «для себя», то есть для самокоммуникации. Современный интерьер в своих массовых формах формируется под сильным влиянием поведенческих моделей, которые транслирует широкому слою потребителей при помощи средств массовой информации и рекламы новый социальный слой, включающий в

себя представителей шоу-бизнеса, артистов, спортсменов, отчасти политиков и др. — всех тех, чья деятельность и успех тесно связаны с публичностью. Постоянно появляясь на экранах телевизора или на страницах иллюстрированных изданий на фоне домашних интерьеров (часто шикарных), эта социальная группа навязывает остальным свои критерии и вкусы. Кроме того, в настоящее время существует большое число изданий и телепередач («Школа ремонта», «Квартирный вопрос»), которые, предлагая те или иные способы создания интерьера, формируют представление о современной норме в обустройстве дома и тем самым влияют на личные предпочтения. В силу того, что в социально-стратифицированном обществе обладание теми или иными вещами является показателем статуса индивида, знаком его престижа, наблюдается процесс подражания стилю жизни элиты, который отражает стремление к вхождению в более высокую социальную группу.

В качестве «символов высокого знатного положения», знаков «новой идентичности» и высоких экономических и властных позиций в современных интерьерах «новых русских» часто используются различные раритетные, коллекционные и антикварные вещи, обладание которыми идентично присвоению историй их прежних владельцев¹⁹.

Многие вещи — иконы, портреты, бюсты вождей, награды — свидетельствуют об особенностях мировоззренческих позиций личности. В этом смысле можно говорить об их идеологической составляющей. Так, использование в традиционных интерьерах картин с религиозными сюжетами и с изображением царской семьи являлось отражением православно-монархических настроений крестьян. Современными аналогами этих композиций являются инкорпорированные в интерьер портреты политических лидеров и вождей: Ленина, Сталина, Брежнева, Путина. Как правило, это тесно связано с политическими предпочтениями и убеждениями индивида. При помощи портретов и бюстов вождей выгораживается автономное личное пространство. Аналогичные функции присущи вывешенным в интерьере изображениям любимых героев книг, кинофильмов, телесериалов и т.п. Репрезентация

пространства личности в интерьерах такого типа является отражением целиком замкнутого на себя сознания с чертами аутизма, стремящегося минимизировать контакты с окружающим миром. Этот тип личности наиболее характерен для детей, подростков и стариков ^{20} .

Таким образом, пространство личности – это динамическая составляющая личного опыта, и его характерной особенностью является то, что оно разворачивается в истории. При этом имеется в виду не только личная история, как совокупность собственного жизненного опыта, но и родовая история и история социума, которые напрямую связаны с памятью. А память, в свою очередь, - это важный личностный биосоциальный параметр, помогающий индивиду выстраивать реалистичные жизненные стратегии, соотнося их со знанием социальной среды и предписываемых ею установлений и законов, а также социального статуса – как личного, так и семейного («родового»). В этом смысле память непосредственно соотносится с опытом, позволяя аккумулировать не только личные знания, но и то, что накоплено предшествующими поколениями. Материальным воплощением этого опыта и его символической репрезентацией могут быть семейные реликвии, занимающие важное место в интерьере²¹.

В современных интерьерах получают отражение актуальные тенденции развития постиндустриального общества. Для них характерен высокий удельный вес социальных установок, внедряемых при помощи средств массовой культуры и коммуникации и формирующих своеобразные симулякры пространства личности не на основе личного опыта, а на основе информационно-художественных фикций. Современный интерьер можно рассматривать как свободно комбинируемое (по Ж. Бодрийяру), по сути – игровое пространство. Обустройство интерьера в соответствии с собственными представлениями является одной из форм самореализации личности, которая доступна каждому в повседневной жизни. Индивид превращает свободно трансформируемое пространство дома в своеобразное «игровое поле», «театр для себя», в котором возможно любое перевоплощение и путешествие во времени.

Пространство идеального дома. В этом контексте показательны результаты исследования пространства «Дома моей мечты» в представлении современных подростков г. Тольятти с использованием рисуночного метода Э. Холла²². Рисунок, как и другие формы деятельности человека, связанные с воображением, является его игровой деятельностью. Еще Л.С. Выготский указывал: «Старую формулу, что детская игра есть воображение в действии, можно перевернуть и сказать, что воображение у подростка и школьника есть игра без действия»²³. Школьникам было предложено нарисовать ручкой или карандашом «дом моей мечты» на белом листе формата А4. При этом ставилась задача изобразить план-схему (вид сверху) дома, прорисовав его обстановку, подписав комнаты и их принадлежность определенным членам семьи. Это мог быть дом в настоящем или будущем времени, с любым количеством этажей, комнат, пристроек, это также могла быть квартира. Таким образом, респондентов просили изображать внутреннее помещение дома, а не его фасад.

Представление об идеальном доме формируется у человека в процессе взросления и под влиянием культуры, семьи, окружения сверстников, а также средств массовой информации. Э.Т. Холл называл окружающие нас неживые объекты зафиксированным (fixed-feature) и полузафиксированным (semifixed-feature) пространством²⁴. Зафиксированное пространство ограничено неподвижными границами (комната или дом); полузафиксированное пространство состоит из движимых объектов наподобие стульев и столов. Оба типа пространства оказывают существенное влияние на наше коммуникативное поведение²⁵. Специфические характеристики среды влияют на коммуникацию людей в ней. Так, к примеру, люди, живущие в квартирах, зачастую лучше знают своих соседей по лестничной клетке, чем тех, кто живет на других этажах²⁶.

Расположение определенных подвижных объектов в обстановке помогает структурировать общение, поэтому люди зачастую манипулируют ими, чтобы добиться нужной реакции собеседника. Например, расположение телевизора в комнате влияет на расположение кресел и, следовательно, на стиль общения в данной комнате²⁷. Многие исследователи отмечают, что грамотная перестановка мебели может способствовать увеличению общения между людьми²⁸. В любом пространстве, где есть возможность переставлять вещи, можно достичь желательного эффекта в общении людей²⁹. Люди также создают свои жилые помещения, соответствующие их имиджу.

Людям свойственно эмоционально реагировать на окружающую среду. Эти эмоциональные реакции могут рассматриваться с позиции того, насколько 1) обстановка возбуждает (степень активности, стимулированности, тревожности и беспокойства), насколько 2) приятно находиться в данной обстановке (ощущение радости, удовлетворения и счастья) и насколько 3) мы ощущаем в ней наше доминирование (чувство важности, контроля и свободы действий различными способами)³⁰.

Зачастую проектирование будущего пространства дома становится для подростков игрой с реалиями «красивой жизни», стереотипные представления о которой они усвоили из средств массовой коммуникации. Человек оперирует тем опытом, который он накопил в течение своей жизни. Чем младше ребенок, тем, естественно, меньше у него возможностей для комбинации различных систем, в силу небольшого жизненного опыта. Тем интереснее представляется комбинация бытовых реалий современных российских семей со стереотипами «красивой жизни» по западному образцу, транслируемой СМИ.

В данном сочетании нам видится игровое моделирование пространственной организации идеального дома, в том числе дома будущего. Как отмечал Л.С. Выготский, «сущность игры в том, что она есть исполнение желаний, но не единичных желаний, а обобщенных аффектов». Также он особо отмечал, что игра «всегда должна быть понята как воображаемая иллюзорная реализация нереализуемых желаний»³¹. Подростки г. Тольятти, изображая свои «дома мечты», рисуют дом воображаемый, игровой, зачастую недоступный и недостижимый ими в жизни реальной, но безмерно их манящий своим идеальным, по их представлениям, жизненным пространством.

При исследовании пространства идеального дома, в представлении подростков, прослеживаются четкие гендерные различия в организации внутреннего пространства дома, в том числе и с предпочтением тех или иных людей в качестве совместных жильцов: юноши, изображая идеальный дом или квартиру в настоящем времени, чаще населяли его своей родной семьей, а изображая в будущем — семьей по браку. В то же время девушки, рисуя дом будущего, мечтают о своей крепкой семье с мужем и детьми, но, если они рисуют дом или квартиру в настоящем, то предпочитают жить отдельно от родителей.

Рисунки «Дома моей мечты» юношей и девушек г. Тольятти являются игровым конструированием пространства будущего, в том числе пространства дома и внутрисемейных отношений. Юноши и девушки, ориентированные на создание в будущем семьи, настроены на партнерские отношения с супругом/супругой, а девушки также — на создание уюта в семье и доме. Также подростки проявляют заботу о своих престарелых родственниках, выделяя им комнаты в своих идеальных домах.

Девушки испытывают большее влияние телевидения и навязанных им стереотипов о красивой и обеспеченной жизни. Как отмечают исследователи, с помощью средств массовой коммуникации, как главного инструмента формирования информационной картины мира, появляется возможность «разыгрывать» актуальные события действительности. Игра с помощью массмедиа приобретает черты технологии, позволяющей моделировать реальность и становится частью политической, культурной, бытовой жизни. Именно СМИ интегрируют в общество набор символики, правил поведения и определенный алгоритм мышления³². Представления российских подростков о пространственной организации дома (в настоящем и/или будущем времени) подвергаются сильному влиянию пропагандируемых массмедиа западных ценностей и стереотипов «красивой жизни».

При том, что нарисованный «дом мечты» зачастую нереальный, игровой, всё же он построен на реальных основах, то есть на том опыте, который есть у подростка: среднестатистическая

российская квартира зачастую простых рабочих с заводов г. Тольятти и навязанный массмедиа стереотип «красивой и богатой жизни» по западному образцу. В этой связи актуально мнение С.Рубинштейна: «В игре есть отлет от действительности, но есть и проникновение в нее. Поэтому в ней нет ухода, нет бегства от действительности в будто бы особый, мнимый, фиктивный, нереальный мир. Всё, чем игра живет и что она воплощает в действии, она черпает из действительности. Игра выходит за пределы одной ситуации, отвлекается от одних сторон действительности с тем, чтобы еще глубже в действенном плане выявить другие»³³.

Так, девушки, восприняв западные идеалы дома, мечтают о больших многоэтажных домах с садом, гаражом, открытым бассейном, джакузи, с анфиладой комнат (в том числе гардеробной, бильярдной, кабинетом, библиотекой и пр.), с выделением каждому члену семьи отдельной спальной комнаты. Почти все девушки, ориентированные на будущее, упоминают о супругах и/или детях, но в то же время под влиянием западной культуры размещают детей отдельно от себя и друг от друга. На такое представление, вероятнее всего, влияет возраст девушек, их реальные условия проживания, стереотипы хорошей жизни по западному образцу, транслируемые телевидением.

В целом девушки значительно чаще по сравнению с юношами упоминают о своей будущей семье, что является отражением как культурной специфики, так и психологических особенностей взросления подростков. Девушки к 15–17 годам уже имеют достаточно полное представление о своей будущей семье, взаимоотношениях с мужем и ориентированы на семью, в то время как юноши этого возраста еще в целом достаточно сильно привязаны к своей родной семье, особенно к матери.

Юноши чаще девушек в доме будущего выделяют место для своих родителей. В этом факте, как нам представляется, могут прослеживаться традиционные для русских архетипы патрило-кальности. В этнографии норма брачного поселения, при которой молодые живут там, где живет или жил отец мужа³⁴. Наличие родителей не мешает юноше чувствовать себя комфортно, тогда как

девушка (с учетом культурных традиций перехода в дом мужа) мечтает о собственном доме, в котором влияние свекрови и свекра будет сведено к минимуму.

В эпоху строительства больших индустриальных центров в них прибыло много людей. Хорошим примером такого центра является г. Тольятти. В связи с большим притоком населения, города не могли обеспечить каждую семью отдельным жильем. В силу этого многим людям пришлось жить в общежитиях, коммунальных квартирах, «на подселении». «Домом мечты» для многих советских людей являлось отдельное жилье в виде квартиры. Эта мечта во многом была воплощена во времена Хрущева строительством отдельных малометражных квартир для каждой семьи³⁵. Родители и бабушки наших респондентов, скорее всего, имели именно такое представление об идеальном доме. По мере роста количества членов семьи, такие «идеальные хрущевки» становились маленькими и тесными. Как отмечает исследователь Йоост ван Баак «замкнутость домашнего пространства может восприниматься и как положительный, и как отрицательный фактор, то есть и как "комфорт" и "уют", помогающие защититься от вешнего мира, и как противоположные этому "теснота" и "несвобода", вызывающие тревогу»³⁶. Со временем люди начали мечтать о квартирах большей площади, о своих собственных домах. Данное исследование показывает, как изменилось представление об «идеальном доме» и как его представляет современная молодежь типичного индустриального города, построенного в советскую эпоху.

Современные тенденции трансформации интерьера. С появлением персональных компьютеров всё большее значение приобретает виртуальный рабочий стол на мониторе, который окончательно нивелирует разницу между миром вещей и миром виртуальной реальности. Именно на рабочем столе окон Windows всё чаще появляются фотографии близких родственников и друзей, любимые пейзажи и картинки, то, что раньше было непременной составляющей интерьера, характеризующей пространство личности. В молодежных субкультурах любая вещь становится средством самопрезентации, выражая стремление индивида присоединиться к себе подобным. Возможности Интернета, позволяющие быстрые обмены личностной информацией, увеличивают проницаемость пространства личности и открывают новые возможности для его формирования.

Отметим, что наполнение молодежного интерьера часто диктуется предпочтениями, навязываемыми взрослыми. Именно поэтому дети и подростки так стремятся к обустройству личного пространства, будь то детская комната в квартире или пространство игрового дома. Хотя некоторые варианты «навязанных предпочтений», могут быть приняты индивидом и в дальнейшем стать неотъемлемым компонентом его пространства личности. В качестве примера приведем типичный образец оформления рабочего стола 16-летней девушки в комнате общежития Духовно-просветительского центра «Отрада» (г. Нерехта Костромской обл.). Учитывая статус учреждения, вполне понятно обилие иконок и книг духовного содержания. Личные предпочтения выражаются в деталях оформления: многочисленных поздравительных открытках с «сердечками» и изображениями щенков и котят, в мягких игрушках, косметических принадлежностях. Мемориальная и коммуникативная функции репрезентируются в виде личных фотографий и фотографий родственников и друзей.

В современном обиходе активно осуществляется «идеологическая» составляющая медийного пространства, т.е. некие внешние установки, формирующие убеждения и предпочтения, транслируемые при помощи телевизора или видеомагнитофона (DVD-плеера), являются некоторым аналогом зеркала, с которым человек постоянно сверяет свои внутренние установки, корректируя их в процессе созерцания. Привычка фиксации эпизодов повседневной домашней жизни или сценок семейного и коллективного досуга, постепенно укоренившаяся вместе с широким распространением видеокамер, цифровых фотоаппаратов и мобильных телефонов с возможностью видеосъемки, создает дополнительные возможности авторефлексии.

Можно констатировать, что при развертывании пространства личности в интерьере в одной и той же композиции происходит

наложение разных семантических слоев: сакрального, мемориального, эстетического. При этом каждая из вещей может выступать в разных ипостасях. Часто эти функции являются символическими. Например, портреты и зеркало используются как мемориальные артефакты. Фотографии родственников и близких выполняют функции напоминания и символической связи с отсутствующими или умершими. Зеркало же выступает как канал коммуникации не только с отсутствующими (например, в гаданиях и магии), но с самим собой в настоящем и в прошлом (заглядывая в зеркало, вспоминают, какими были в молодости). В этом контексте очень важна и роль часов, как предметного символа времени, обозначающего временную ось пространства личности. По словам Ж. Бодрийяра, «часы играют ту же роль во времени, что и зеркало в пространстве», являясь способом «укрощения времени», преодоления страха перед смертью³⁷.

Вещь в интерьере часто используется как коммуникатор, то есть как способ установления связей с окружающим миром, хотя тип коммуникации может быть разным. Например, зеркало активно используется при автокоммуникации, а фотографии, как и телевизор, телефон, книги, пластинки, диски, компьютер с его возможностями связи с миром, — в первую очередь для коммуникации с окружающими.

При оформлении интерьера учитывается статусность и престижность вещи, так как обладание предметами роскоши и «добропорядочным домом» является средством самоутверждения и повышения самооценки, вызвано желанием выделиться среди окружающих, вызвать с их стороны подчеркнутое уважение и даже зависть. Чтобы подчеркнуть статус, используются выставляемые в интерьере семейные реликвии, ценные подарки, награды (грамоты, дипломы, ордена). Кроме того, социально-престижную и эстетическую функции выполняют иные предметы, характерные для городского дома: ковры, покрывала на кровати и накидки на подушки, лампы (первоначально керосиновые, затем электрические светильники, хрустальные люстры), парадная посуда, различные сувениры и безделушки. Необходимость подчеркнуть

статус часто приводит к имитации, то есть к изготовлению самодельных копий престижных вещей. Например, в предвоенные и послевоенные годы широко распространилось изготовление ковров, написанных масляными красками на клеенке или ткани, вязанных крючком абажуров и др. Причем отношение к интерьеру никогда не бывает индифферентным именно в силу того, что составляющие его предметы воспринимаются как «текст», который принимается или отторгается зрителем. Поэтому восприятие чужого интерьера всегда эмоционально окрашено.

Современные тенденции трансформации интерьера напрямую связаны с общим направлением развития постиндустриального информационного общества с его гипертрофированным вниманием к коммуникативным аспектам культуры. Знаковые функции предметов интерьера всё чаще связываются с их способностью осуществлять коммуникацию. Можно сказать, что в рамках этой тенденции постепенно утверждается примат коммуникативного статуса вещи.

Пространственное поведение: универсалии и культурные различия. Агрессивное, постконфликтное и пространственное поведение индивида во многом определяют культурные, религиозные и политические традиции³⁸. К анализу способов регуляции социальной напряженности в обществе необходим такой подход, в котором учитываются культурные и социальные условия, которые порождают то, что в данном обществе и в данный момент считается насильственным поведением, подход, как «результирующая тех ценностей и смыслов, которые существуют в данном конкретном обществе, где имеет место насилие»³⁹. Нарастание межэтнического напряжения часто связано с негативным отношением принимающего населения к недавно прибывшим мигрантам, большинство из которых нерусской национальности, и как следствие, ответной реакцией в виде враждебного отношения представителей различных народов к русским. Негативные стереотипы в отношении представителей других этносов в определенной мере связаны с «инаковостью» других, с различиями их невербального поведения, особенностями пространственного поведения и правил межиндивидуального общения. В силу очевидных культурных различий при социальном взаимодействии представителей различных этносов могут возникать напряженные ситуации, перерастающие в дальнейшем в открытый конфликт. Данных осложнений можно было бы избежать, если бы участники имели представления о правилах поведения в других культурах⁴⁰.

Изучение особенностей пространственного поведения и невербальной коммуникации у детей и подростков в условиях полиэтничных школьных коллективов Москвы, Владикавказа и Челябинска позволяет выявить поведенческие индикаторы трансформации в правилах межличностного общения у подростков-мигрантов.

При сравнении данных о пространственном поведении детей и подростков в разных этнических группах выявляются культурные и гендерные различия в пространственном поведении и способах разрешения конфликтов. В первую очередь это касается поведения мигрантов в среде принимающего населения и отношения к ним принимающего населения. Несмотря на биологические предпосылки, в современном обществе сильны культурные нормы и представления, регулирующие жизнь общества. На основе полученных данных можно, например, заключить, что осетинская культура является более традиционной, чем русская. У русских нормы смешаны и размыты, особенно в городской среде. В более военизированных, маскулинных культурах (коими являются все северокавказские общества) механизмы предотвращения и урегулирования конфликтов, как правило, сильнее выражены и строже регламентированы. Агрессия здесь - это средство контроля. В условиях, когда конфликт уже имеет место быть, в игру вступают другие способы снизить агрессию и не допустить новой вспышки – разработанная система культуры общения с противником, неприятие непрямых видов агрессии. Закладывание всех этих норм и представлений происходит уже в детстве. Наши данные позволяют говорить о наличии гендерных и возрастных различий в агрессивном и пост-конфликтном поведении. Кроме того, нами выявлены кросс-культурные различия – по всем параметрам пост-конфликтного поведения кроме одного (способ примирения – похлопывание по плечу, пожимание руки), осетинские школьники показывают большие значения, то есть уровень примирения у осетинских детей и подростков выше, чем у русских; уровень агрессии у осетинских детей и подростков выше по сравнению с русскими. То есть, хотя осетины и более агрессивны, но они также и лучше мирятся, по сравнению с русскими; по времени примирения школьники из Владикавказа мирятся через чуть большее количество времени, чем московские школьники; имеются культурные предпочтения и по способам примирения.

Данные по пространственному поведению в разных группах (г. Москвы (Центральная Россия), г. Владикавказа (Северный Кавказ, республика Северная Осетия-Алания), пос. Октябрьский (Челябинская область), с. Криничное (Одесская область Республика Украина) показали, что культурная специфика пространственного поведения нашла свое выражение в различии дистанции общения (средняя дистанция на уровне торса у мальчиков для школьников г. Москвы составила 35,3 см., г. Владикавказ – 30,0 см., пос. Октябрьский 36,6 см., с. Криничное – 50,4 см. А средняя дистанция на уровне торса у девочек для школьниц г. Москвы составила 30,8 см., г. Владикавказа – 23,8 см., пос. Октябрьский – 26,6 см., с. Криничное – 33,6 см.). Результаты показывают и различия по количеству тактильных контактов, ориентации тела, контакте глаз. По этому параметру русская культура (на московской выборке) попала в категорию «неконтактных». Исследования по пространственному поведению взрослых осетин, болгар и русских Челябинской области пока не проводились, и отнести их невербальную коммуникацию к одному из типов только по результатам наблюдений за детьми и подростками не представляется нам правильным. В любом случае мы можем заключить, что осетины демонстрируют более «контактный» стиль пространственного поведения по сравнению с русскими и болгарами, а болгары демонстрируют наиболее «неконтактный» стиль общения, что объясняется, вероятнее всего, тем, что они проживают в селе. Результаты этих исследований позволяют

уточнить общетеоретические представления о пространственном поведении и его межкультурных различиях.

При анализе особенностей пространственного поведения и невербальной коммуникации у детей и подростков в условиях полиэтничных школьных коллективов особое внимание было уделено поведению мигрантов в среде принимающего населения и отношению к ним принимающего населения. При этом выявляются поведенческие индикаторы трансформации в правилах межличностного общения у подростков-мигрантов⁴¹. Ранее было установлено, что у мигрантов, долгое время живущих в другой культуре и использующих неродной язык, характерные для культурной среды показатели проксемики, жестовой, мимической и тактильной коммуникации сглаживаются и унифицируются⁴². Однако происходит это не сразу, скорость адаптации к местным нормам поведения зависит от возраста, пола, образования и исходных психологических установок на интеграцию в данном социуме. В нашем исследовании было выявлено, что в многонациональных школьных коллективах дети мигрантов усваивают нормы поведения и пространственной ориентации коренного населения к старшему школьному возрасту⁴³. В школьных условиях поведение детей из семей мигрантов постепенно становится все более схожим с поведением коренных жителей. Различия по отдельным показателям агрессивного поведения и замирения между принимающим населением и мигрантами, хотя и имели место, но были невелики. При общении с детьми другой национальности дистанция остается такой же, что и при общении с детьми своей национальности. На общение в школе достоверное влияние оказывают традиционные нормы общения, принятые в семье. Обучаясь в общеобразовательной школе, дети мигрантов постоянно взаимодействуют с большинством и постепенно меняют свое поведение в сторону норм принимающей культуры. Успешная интеграция мигрантов видится в совместном обучении детей разных национальностей в рамках государственных общеобразовательных школ, где дети могут успешно перенимать нормы поведения и общения доминирующего большинства населения. При условии обучения детей мигрантов в

национальных школах дети не получают необходимого опыта общения в мультикультурной среде и в дальнейшем это затрудняет их интеграцию в обществе.

Игровое моделирование пространства. Для изучения процесса трансформации пространства личности в онтогенезе и влияния на этот процесс внешних факторов, в том числе «социального научения» и «социального конструирования», очень важен учет различий между традиционными и современными практиками, поскольку для современности характерен высокий удельный вес социальных установок, внедряемых при помощи средств массовой культуры и коммуникации и формирующих своеобразные симулякры пространства личности не на основе личного опыта, а на основе информационно-художественных фикций. Этот псевдоопыт во многом заменяет традиционные мировоззренческие и идеологические установки и создает предпосылки для возникновения новых поведенческих схем.

В этом контексте особый интерес представляет явление, которое можно назвать «игровым оформлением», «игровым осмыслением» или, обобщая, «игровым моделированием» пространства⁴⁴. Этот прием можно считать универсальным способом разрушения барьеров между ритуально-серьезным и смеховым и игровым. Потребность в игровом моделировании пространства часто возникает в различных бытовых ситуациях. Если говорить о чисто игровых случаях, то хорошим примером индивидуальной трансформации пространства являются фантазийные рисунки детей, выполняемые мелками на дорожках и площадках, примыкающих к постоянным местам детских игр. Сюжетами этих рисунков, как правило, являются взаимодействия в рамках семьи (изображения дома и пространства вокруг него, а также фигурок с надписями «папа», «мама» и др.); путешествия на различных видах транспорта от кареты и поезда до космического корабля; сказочные приключения с участием персонажей из детских книжек, мультфильмов, комиксов, в центре которых нередко персона самого ребенка. Антуражем, в которых разворачиваются эти сюжеты, являются урбанистические или сельские пейзажи со сказочными «дворцами», «небоскребами», «деревьями». Фантазийные детские игры могут материализоваться и в виде «игровых городов», сооружаемых детьми из подручных средств⁴⁵.

Трансформации пространства характерны и для ситуаций, когда носитель традиции стремится обозначить свое присутствие в иной культурной среде. Используемые при этом приемы часто носят утрированный характер, гипертрофированно выделяя специфические элементы в противовес окружающему культурному фону. В качестве примера такого рода пространственных трансформаций можно привести особенности «новорусской» архитектуры, которую обычно обоснованно упрекают в безвкусице и эклектике. Однако, если предположить, что одной из целей их заказчиков и строителей является намеренное подчеркивание необычности и особости этих сооружений в противовес однообразной, как правило, достаточно унылой советской фоновой застройке, то все элементы такого рода архитектуры (башни, малофункциональные балконы и эркеры, готические окна и массивные металлические решетки) в сочетании с клумбами с экзотическими растениями и бассейнами выглядят попыткой обозначить некоторое идеальное пространство, противопоставленное окружающему земному («низменному») миру. Игра воображения их создателей представляет попытку игрового перевоплощения действительности.

Попытки фантазийного преобразования окружающей среды можно наблюдать в малых российских городах и селах, куда нередко возвращаются после выхода на пенсию жители больших индустриальных центров. Часто это представители интеллигенции и более состоятельные люди, чем их нынешние соседи и односельчане. Дома этих людей и прилегающее пространство тоже обычно выделяются своим оформлением и различными малофункциональными элементами от декора фасада, клумб, экзотических растений до фигурок «гномиков», грибочков, аистов и т.п.

Тенденция визуальной трансформации однообразного и унылого пространства городских пригородов («спальных районов») получает поддержку в «граффити» – уличном искусстве, связан-

ном с поп-культурой. Современные граффити (спрей-арт) — это зачастую композиционно очень сложные красочные изображения, в основе которых не только особые символы молодежных группировок и субкультур (например, поклонников тех или иных музыкальных групп или спортивных команд), но и фигуративные композиции с отчетливо выделяющимся игровым содержанием. Подобные изображения являются не только украшением однообразного городского пейзажа, но и вовлекают зрителя в активный диалог, провоцируют его на игру. Этому способствуют и различные надписи, сопровождающие граффити. Городские власти в последние время включают создание граффити в свои программы по оформлению дворового пространства.

Цели игрового преобразования пространства могут быть различными. В частности, это могут быть коммуникативные практики, в ходе которых преодолеваются культурные барьеры, и осуществляются переходы из одной культурной среды (группы, страты) в другую. То есть то, что иногда называется «обрядами инициации», хотя, конечно, более точным было бы их определение как «переходно-посвятительных церемоний». Они, по сути, являются разновидностью более широкого класса практик «порицания и одобрения», при помощи которых стимулируется и контролируется процесс развития индивида и личности⁴⁶. В данном случае инициатива игрового моделирования пространства принадлежит, как правило, доминирующей (и, в известном смысле, престижной) группе или традиции.

В этой связи возникает еще одна значимая проблема: проницаемости пространства личности, его восприимчивости для чужого опыта. Игровая подоплека вскрывается лишь тем, кто хорошо знаком с национальной или субкультурной символикой, а степень «общедоступности и открытости» символики может варьироваться. Необходимо указать на различие понятий «проницаемости» и «транспорентности». В нашем понимании «проницаемость» – это более или менее сознательно регулируемое качество пространства личности, то есть степень проницаемости может уменьшаться или увеличиваться в зависимости от ситуации и внутренних установок индивида. «Транспорентность» же — это общая характеристика состояния «прозрачности» пространства личности, то есть оценочный, а не инструментальный признак, обычно используемый внешним наблюдателем. Проницаемость личного пространства тесно связана с понятиями компетентности и толерантности, а ее внешним проявлением может быть увеличение или уменьшение дистанции общения.

В этом смысле показательно влияние телевизионных и компьютерных источников на поведение человека. Компьютерные видеоигры, содержащие сцены агрессии и насилии, оказывают негативное воздействие на эмоциональной состояние детей и подростков, существенно снижают порог их агрессивной реакции и делают играющих менее чувствительными к чужой боли и страданиям⁴⁷. Исследования последних лет подтверждают предположение о том, что увлечение видеоиграми со сценами насилия повышает вероятность применения насилия подростками в реальной жизни. Установлено, что малолетние преступники склонны совершать насилие под воздействием жестоких видеоигр, причем стратегии преступного поведения зачастую заимствуются ими из игрового опыта⁴⁸. Негативное влияние жестких компьютерных игр много серьезнее, чем телепередач и фильмов, содержащих сцены насилия. В условиях сегодняшнего общества неограниченный доступ детей и подростков к жестким видеоиграм сулит повышение насилия в обществе, в том числе конфликтов на межэтнической почве. Выход из ситуации видится в продвижении на рынок и рекламе познавательных и развлекательных видеоигр с минимальным уровнем насилия, а также законодательном запрете пропаганды и распространения жестких видеоигр в подростковой среде.

Примечания

¹ Личность: игра и реальность / сост. И.А. Морозов, И.С. Слепцова (Кызласова); отв. ред. М.Л. Бутовская. М., 2010; *Морозов И.А., Слепцова (Кызласова) И.С.* Игровое моделирование пространства // Личность: игра и реальность. М., 2010. С. 135–156; *Они же.* Конструирование персонального пространства в контексте социальной

реальности (на примере интерьера) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. 16. № 4 (69). С. 167–183; *Буркова В.Н.*, *Феденок Ю.Н.*, *Бутовская М.Л*. Пространственное поведение у детей и подростков (на примере русских и осетин) // Этнографическое обозрение. 2010. № 3. С. 77–91; *Феденок Ю.Н.*, *Буркова В.Н.*, *Бутовская М.Л*. Индивидуальная дистанция и ее связь с некоторыми морфологическими показателями у московских подростков // Человек: его биологическая и социальная история. М.; Одинцово, 2010. Т. 2. С. 169–176.

- ² Лич Э. Культура и коммуникация: Логика взаимосвязи символов. К использованию структурного анализа в социальной антропологии. М., 2001. С. 65.
- Некоторые подходы к анализу семантики современных интерьеров см.: Ковалева А.И., Луков В.А. Социология молодежи. Теоретические вопросы. М., 1998. С. 172–173; Бодрийяр Ж. Система вещей. М., 1999. С. 21–29, 49–53 и др.; Разумова И.А. Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. М., 2001. С. 147–161; Морозов И.А. Кукла в современном обиходе (полевое исследование эволюции статуса вещи) // Актуальные проблемы полевой фольклористики. Вып. 1. М., 2002. С. 53–68; Панов Д.А. Личность как субъект предметно-пространственной среды дома: Дизайнер и пользователь: дисс. канд. психол. наук: 19.00.01. Краснодар, 2005; Нуркова В.В. Зеркало с памятью: Феномен фотографии. Культурно-исторический анализ. М., 2006; и др.

В этом контексте «вещи <...> несут духовное содержание, становятся чувственно представшей перед нами человеческой психологией [курсив наш – авт.]». См.: Безмоздин Л. Культурно-социологический анализ вещи // Вопросы социологии искусства. Теоретические и методологические проблемы. М., 1979. С. 111.

- Безмоздин Л. Указ. соч.; Топоров В.Н. Вещь в антропоцентрической перспективе // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М., 1995. С. 259–367; Бодрийяр Ж. Указ. соч.
- ⁵ Голофаст В.Б. Люди и вещи // Социологический журнал. 2000. № 1–2. С. 59.
- ⁶ Пирс Ч.С. Избранные философские произведения. М., 2000.
- ⁷ См., например: *Нуркова В.В.* Указ. соч. С. 47–53, 93–100, 137, 182–187.
- Кулакова И.П. История интеллектуального быта и российская традиционная культура: кабинет отца во впечатлениях детства (XVIII на-

- чало XX в.) // Какорея: Из истории детства в России и других странах. Сборник статей и материалов. М.; Тверь, 2008. С. 12–24.
- ⁹ Луговская Т. Я помню // Отрочество. Вып. 4. Повести. М., 1990. С. 490–491.
- 10 Щеглова С.Н. «Своя» комната как артефакт молодежной субкультуры // СоцИС: Социологические исследования. М., 2003. № 3. С. 119–122.
- О смене стилей в оформлении интерьера см., например: Бартенев И.А., Батажкова В.Н. Русский интерьер XVIII–XIX веков. М., 2000; Демиденко Ю.Б. Интерьер в России: Традиции. Мода. Стиль. СПб., 2000; Борисова Е.А. Архитектура // Очерки русской культуры XIX века. Т. 6. Художественная культура. М., 2002. С. 188–223.
- Лебедева В.Г. Судьбы массовой культуры России. Вторая половина XIX – первая треть XX века. СПб., 2007. С. 210–226.
- ¹³ *Зиммель Г.* Мода // Зиммель Г. Избранное. Т. 2. Созерцание жизни. М., 1996. С. 268–269.
- ¹⁴ *Бодрийяр Ж.* Указ. соч. С. 25.
- По этой теме существует большое число исследований. См., например: Соколова Т.М., Орлова К.А. Глазами современников: Русский жилой интерьер первой трети XIX в. Л., 1982; Тыдман Л.В. Изба. Дом. Дворец: Жилой интерьер России с 1700 по 1840-е годы. М., 2000; Беловинский Л.В. Изба и хоромы: Из истории русской повседневности. М., 2002; и др.
- ¹⁶ Демиденко Ю.Б. Указ соч. С. 189.
- Информационно-справочная система «Национальный корпус русского языка». Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. М., 2010. URL: http://www.ruscorpora.ru/index.html (НКРЯ): М.Н. Загоскин. Рославлев, или Русские в 1812 году (1830)/ URL: http://www.ruscorpora.ru/index.html; НКРЯ: И.И. Лажечников. Ледяной дом (1835)/ URL: http://www.ruscorpora.ru/ index.html.
- 18 НКРЯ: М.Н. Загоскин. Москва и москвичи (1842–1850)/ URL: http://www.ruscorpora.ru/index.html; см. также: НКРЯ: А.Ф. Писемский. Самоуправцы (1867). URL: http://www.ruscorpora.ru/index. html.
- Шпаковская Л.Л. Общественная ценность антиквариата // Социологический журнал. 2000. № 1–2. С. 66–78.
- ²⁰ *Каган В.Е.* Аутизм у детей. Л., 1981; Communication problems in autism / eds: E. Schopler, G.B. Mesibov. N.Y. etc., 1985; Social behavior in autism / eds: E. Schopler, G.B. Mesibov. N.Y. etc., 1986.
- ²¹ Разумова И.А. Указ. соч. С. 147–161.

- ²² Феденок Ю.Н., Бутовская М.Л. «Дом моей мечты»: игра с реальностью в представлениях современных подростков // Личность: игра и реальность. М., 2010. С. 235–258.
- Выготский Л.С. Воображение и творчество в детском возрасте // Выготский Л.С. Психология развития ребенка. Сб. избр. тр. М., 2004. С. 204.
- ²⁴ Hall E.T. The Hidden Dimension. N. Y., 1966.
- ²⁵ *Нэпп М., Холл Дж*. Невербальное общение. Полное руководство. СПб., 2006.
- ²⁶ Вердербер Р., Вердербер К. Психология общения. Тайны эффективного взаимодействия. Полный курс. СПб., 2007.
- ²⁷ *Нэпп М., Холл Дж*. Указ. соч.
- Sommer R., Ross H. Social interaction on a geriatric ward // International Journal of Social Psychiatry. 1958. № 4. P. 128–133.
- ²⁹ Вердербер Р., Вердербер К. Указ. соч.
- Mehrabian A. Public places and private spaces: The psychology of work, play, and living environments. N.Y., 1976.
- ³¹ *Выготский Л.С.* Указ. соч. С. 203–204.
- ³² Савицкий В.А. Игровое моделирование социальной реальности в массовой коммуникации // Медиаскоп. Электронный научный журнал Факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова. Вып. 2. Теория СМИ. 26.09.2010 г. URL: http://mediascope.ru/.
- ³³ *Рубинштейн С.* Основы общей психологии. М., 1946. С. 592.
- ³⁴ Народы и религии мира. Энциклопедия / гл. ред. В.А. Тишков. М., 2000. С. 984.
- 35 *Сергеева А.* Русские. Стереотипы поведения, традиции, ментальность. 4-е изд., исправл. М., 2006.
- ³⁶ *Баак ван Й.* Дом и мир // Антропология культуры. Вып. 3. К 75-летию Вяч. Всеволод. Иванова. М., 2005. С. 40–74.
- ³⁷ *Бодрийяр Ж.* Указ. соч. С. 28, 105–106.
- Butovskaya M.L., Vasilyev V.A., Lazebny O.E., Burkova V.N., Kulikov A.M., Mabulla A., Shibalev D.V., Ryskov A.P. Aggression, Digit Ratio, and Variation in the Androgen Receptor, Serotonin Transporter, and Dopamine D4 Receptor Genes in African Foragers: The Hadza // Behavior Genetics. 2012. Vol. 42. P. 647–662; Butovskaya M.L., Fedenok J., Burkova V., Manning J. Sex differences in 2D:4D and aggression in children and adolescents from five regions of Russia // American journal of physical anthropology. 2013. Vol. 152. Iss.1. P. 130–139.
- ³⁹ *Тишков В.А.* Общество в вооруженном конфликте. М., 2001. С.13.

- Бутовская М.Л., Феденок Ю.Н., Буркова В.Н. Взаимопонимание и толерантность в поведении детей и подростков в условиях много-этничных школьных коллективов // Молодежь Москвы: адаптация к многокультурности. М., 2007. С. 314–366.
- ⁴¹ Буркова В.Н., Феденок Ю.Н., Бутовская М.Л. Указ. соч.
- Бутовская М.Л. Язык тела: природа и культура (эволюционные и кросс-культурные основы невербальной коммуникации человека). М., 2004. С. 241.
- ⁴³ Буркова В.Н., Феденок Ю.Н., Бутовская М.Л. Указ. соч.
- ⁴⁴ *Морозов И.А., Слепцова (Кызласова) И.С.* Игровое моделирование пространства ... С. 135–156.
- ⁴⁵ *Морозов И.А.* Игровой «дом» (в контексте современных детских игровых практик) // Очерки русской народной культуры / отв. ред. и сост. И.В. Власова. М., 2009. С. 755–760.
- 46 Морозов И.А., Слепцова И.С. Круг игры. Праздник и игра в жизни севернорусского крестьянина (XIX – XX вв.). М., 2004. С. 352–379, 472–533.
- ⁴⁷ *Буркова В.Н., Бутовская М.Л.* Компьютерные игры и проблемы агрессивного поведения молодежи // Личность: игра и реальность. М., 2010. С. 157–184.
- ⁴⁸ *Буркова В.Н., Бутовская М.Л.* Указ. соч.

Список литературы

- *Баак ван Й.* Дом и мир // Антропология культуры. Вып. 3. К 75-летию Вяч. Всеволод. Иванова. М., 2005. С. 40–74.
- Бартенев И.А., Батажкова В.Н. Русский интерьер XVIII–XIX веков. М., 2000.
- *Безмоздин Л.* Культурно-социологический анализ вещи // Вопросы социологии искусства. Теоретические и методологические проблемы. М., 1979. С. 104–127.
- *Беловинский Л.В.* Изба и хоромы: Из истории русской повседневности. М., 2002.
- Бодрийяр Ж. Система вещей. М., 1999.
- *Борисова Е.А.* Архитектура // Очерки русской культуры XIX века. Т. 6. Художественная культура. М., 2002. С. 188–223.
- *Буркова В.Н., Бутовская М.Л.* Компьютерные игры и проблемы агрессивного поведения молодежи // Личность: игра и реальность. М., 2010. С. 157–184.
- *Буркова В.Н., Феденок Ю.Н., Бутовская М.Л.* Пространственное поведение у детей и подростков (на примере русских и осетин) // Этнографическое обозрение. 2010. № 3. С. 77–91.

- *Бутовская М.Л.* Язык тела: природа и культура (эволюционные и кросс-культурные основы невербальной коммуникации человека). М., 2004.
- Бутовская М.Л., Феденок Ю.Н., Буркова В.Н. Взаимопонимание и толерантность в поведении детей и подростков в условиях многоэтничных школьных коллективов // Молодежь Москвы: адаптация к много-культурности. М., 2007. С. 314–366.
- Вердербер Р., Вердербер К. Психология общения. Тайны эффективного взаимодействия. Полный курс. СПб., 2007.
- Выготский Л.С. Воображение и творчество в детском возрасте // Выготский Л.С. Психология развития ребенка. Сб. избр. тр. М., 2004.
- Голофаст В.Б. Люди и вещи // Социологический журнал. 2000. № 1–2. С. 58–65.
- Демиденко Ю.Б. Интерьер в России: Традиции. Мода. Стиль. СПб., 2000. Загоскин М.Н. Москва и москвичи (1842–1850) // Информационно-справочная система «Национальный корпус русского языка». Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (НКРЯ). URL: http://www.ruscorpora.ru/index.html.
- Загоскин М.Н. Рославлев, или Русские в 1812 году (1830) // НКРЯ. URL: http://www.ruscorpora.ru/index.html.
- *Зиммель Г.* Мода // Зиммель Г. Избранное. Созерцание жизни. М., 1996. Т. 2. С. 268–269.
- Каган В.Е. Аутизм у детей. Л., 1981.
- Ковалева А.И., Луков В.А. Социология молодежи. Теоретические вопросы. М., 1998. С. 172–173.
- Кулакова И.П. История интеллектуального быта и российская традиционная культура: кабинет отца во впечатлениях детства (XVIII начало XX в.) // Какорея: Из истории детства в России и других странах. Сборник статей и материалов. М., 2008. С. 12–24.
- *Лажечников И.И.* Ледяной дом (1835) // НКРЯ. URL: http://www.ruscorpora.ru/index.html.
- *Лебедева В.Г.* Судьбы массовой культуры России. Вторая половина XIX первая треть XX века. СПб., 2007. С. 210–226.
- Лич Э. Культура и коммуникация: Логика взаимосвязи символов. К использованию структурного анализа в социальной антропологии. М., 2001.
- Личность: игра и реальность / сост. И.А. Морозов, И.С. Слепцова (Кызласова). Отв. ред. М.Л. Бутовская. М., 2010.
- *Луговская Т.* Я помню // Отрочество. Вып. 4. Повести. М., 1990. С. 490–491.

- Морозов И.А. Игровой «дом» (в контексте современных детских игровых практик) // Очерки русской народной культуры / отв. ред. и сост. И.В. Власова. М., 2009. С. 755–760.
- Морозов И.А. Кукла в современном обиходе (полевое исследование эволюции статуса вещи) // Актуальные проблемы полевой фольклористики. Вып. 1. М., 2002. С. 53–68.
- *Морозов И.А., Слепцова (Кызласова) И.С.* Игровое моделирование пространства // Личность: игра и реальность, М., 2010. С. 135–156.
- Морозов И.А., Слепцова (Кызласова) И.С. Конструирование персонального пространства в контексте социальной реальности (на примере интерьера) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. 16. № 4 (69). С. 167–183.
- Морозов И.А., Слепцова И.С. Круг игры. Праздник и игра в жизни севернорусского крестьянина (XIX–XX вв.). М., 2004.
- Народы и религии мира. Энциклопедия / гл. ред. В.А. Тишков. М., 2000. *Нуркова В.В.* Зеркало с памятью: Феномен фотографии. Культурно-исто-
- рический анализ. М., 2006.

   Нати М., Уста Лаза Неровбот уста общение. Поднес в установаться с СПб.
- *Нэпп М., Холл Дж.* Невербальное общение. Полное руководство. СПб., 2006.
- *Панов Д.А.* Личность как субъект предметно-пространственной среды дома: Дизайнер и пользователь: дисс. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2005.
- Пирс Ч.С. Избранные философские произведения. М., 2000.
- *Писемский А.Ф.* Самоуправцы (1867) // НКРЯ. URL: http://www.ruscorpora.ru/index.html.
- Разумова И.А. Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. М., 2001. С. 147–161.
- Рубинштейн С. Основы общей психологии. М., 1946.
- Савицкий В.А. Игровое моделирование социальной реальности в массовой коммуникации // Медиаскоп. Электронный научный журнал Факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова. Вып. 2. Теория СМИ. 26.09.2010 г. URL: http://mediascope.ru/.
- *Сергеева А.* Русские. Стереотипы поведения, традиции, ментальность. 4-е изд., исправл. М., 2006.
- Соколова Т.М., Орлова К.А. Глазами современников: Русский жилой интерьер первой трети XIX в. Л., 1982.
- Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте. М., 2001.
- Топоров В.Н. Вещь в антропоцентрической перспективе // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М., 1995. С. 259–367.

- *Тыдман Л.В.* Изба. Дом. Дворец: Жилой интерьер России с 1700 по 1840-е годы. М., 2000.
- Феденок Ю.Н., Буркова В.Н., Бутовская М.Л. Индивидуальная дистанция и ее связь с некоторыми морфологическими показателями у московских подростков // Человек: его биологическая и социальная история. М.; Одинцово, 2010. Т. 2. С. 169–176.
- Феденок Ю.Н., Бутовская М.Л. «Дом моей мечты»: игра с реальностью в представлениях современных подростков // Личность: игра и реальность, М., 2010. С. 235–258.
- *Шпаковская* Л.Л. Общественная ценность антиквариата // Социологический журнал. 2000. № 1–2. С. 66–78.
- *Щеглова С.Н.* «Своя» комната как артефакт молодежной субкультуры // СоцИС: Социологические исследования. М., 2003. № 3. С. 119–122.
- Butovskaya M.L., Fedenok J., Burkova V., Manning J. Sex differences in 2D:4D and aggression in children and adolescents from five regions of Russia // American journal of physical anthropology. 2013. V. 152. Iss.1. P. 130–139.
- Butovskaya M.L., Vasilyev V.A., Lazebny O.E., Burkova V.N., Kulikov A.M., Mabulla A., Shibalev D.V., Ryskov A.P. Aggression, Digit Ratio, and Variation in the Androgen Receptor, Serotonin Transporter, and Dopamine D4 Receptor Genes in African Foragers: The Hadza // Behavior Genetics. 2012. V. 42. P. 647–662.
- Communication problems in autism / eds: E. Schopler, G.B. Mesibov. N.Y. etc., 1985.
- Hall E.T. The Hidden Dimension. N. Y., 1966.
- Mehrabian A. Public places and private spaces: The psychology of work, play, and living environments. N.Y., 1976.
- Social behavior in autism / eds: E. Schopler, G.B. Mesibov. N.Y. etc., 1986.
- Sommer R., Ross H. Social interaction on a geriatric ward // International Journal of Social Psychiatry. 1958. № 4. P. 128–33.

Поле: немного личного опыта

Казалось бы, самому еще учиться и учиться; но вот же взялся давать советы. Тем более что у каждого исследователя свой стиль, свои методы и подходы к полевой работе. Они зависят от специфики поля, от личных качеств самого исследователя и еще от множества факторов.

Но в то же время, имея за плечами некоторый опыт, чувствую, что мне самому таких советов не хватало, и приходилось до многого доходить своим умом, да и сейчас приходится. Выслушать советы — это хорошо, даже если потом этим советам не придется следовать.

Я начинал как «деревенский» этнограф, но постепенно перешел на социально-антропологическое изучение современного города. Сфера моих научных интересов – уличный политический активизм, молодежные сообщества, уличные пацанские группировки, спонтанная городская обрядность (http://gromovdv.wix.com/gromovdv). То есть, мое нынешнее поле находится в городе, имеет определенную специфику и предполагает большую долю включенных наблюдений.

Поделюсь некоторыми вещами, до которых дошел своим опытом или с помощью советов коллег-полевиков.

* * *

Когда в давние годы я собирался в свою первую экспедицию (Шумихинский район Курганской области), опытный фольклорист-полевик сказал мне: «Подойдя к человеку, ты должен сразу же внятно объяснить, кто ты, как тебя зовут, кто тебя прислал и чего ты хочешь». Вооруженный этим напутствием, я вступил в полевую жизнь и неукоснительно следую ему всегда. Действительно, информант должен с первых мгновений иметь полную определенность — с кем он говорит, и кто этот человек такой. Четко и

З36 Д.В. Громов

внятно представившись, исследователь взамен получит от информанта доброжелательность и радушие. Полезно подарить информанту визитку, особенно если общение предполагается долгим.

Вообще, с информантами (так же как с полицейскими и инспекторами ДПС) надо быть максимально искренним. Они хорошо чувствуют неправду.

Налаживая контакт с исследуемой группой, полезно начинать с тех информантов, которые легко поймут, кто вы.

При сборе информации в деревне это руководитель клуба, директор школы, директор библиотеки, председатель сельсовета. Они, как правило, имеют достаточно солидное образование и кругозор; они понимают, кто такой исследователь и чего он хочет. В обязанности работников культуры и образования входит работа с творческими людьми, поэтому они знают, кто в округе краевед, кто рассказчик, певец, литератор.

Кстати, если исследователь путешествует по сельской местности один, директор школы и завклуб могут помочь с ночлегом; в годы занятий деревенской этнографией мне доводилось ночевать в школьных классах, учительской, спортзале, котельной. Много раз учителя, библиотекари, работники клубов приглашали к себе домой или отводили к кому-то.

Знакомство с авторитетным информантом, который многих знает, поможет по цепочке («методом снежного кома») налаживать связи с прочими информантами. Приходя к ним, нужно упомянуть, что вы пришли «по совету Ивана Ивановича», и тактично подчеркнуть, что Иван Иванович информанта очень уважает.

Впрочем, надо отметить, что покровительство авторитетного руководителя иногда может и выйти боком; так, в одном из городов нашу экспедицию настойчиво отправляли только к тем информантам, которых считало значимым руководство отдела культуры. Кроме того, выстраивая отношения с местными жителями, нужно постараться учитывать симпатии и антипатии, которые между ними уже есть; но это уже высший пилотаж.

В городе люди знают друг друга хуже, и «авторитетный информант» здесь ищется несколько иначе, чем в деревне. То есть, упо-

мянутый выше подход тоже остается в силе (руководители разного уровня могут помочь). Но заметнее становится другая категория, которую условно можно назвать «творческие специалисты». Это журналисты (в том числе непрофессиональные – блогеры), литераторы, музыканты, художники, руководители и активисты общественных движений, педагоги, туроператоры, экологи, народные целители. Они много знают и, как правило, склонны к общению; встреча с исследователем для них – это повод поговорить на любимую тему. Прежде чем ехать в экспедицию, надо зайти в Интернет и составить список таких людей, а заодно и круг местных проблем, обоюдно интересных и вам, и информантам. Можно с будущими информантами и связаться заранее, если у них есть контактные адреса или собственные аккаунты в социальных сетях.

Вообще, надо дружить с социальными сетями; если вы заинтересованы в контактах с молодежью, то она давно уже вся сидит во ВКонтакте. Были случаи, когда, уже находясь в поле, я выискивал интересующих меня информантов в сетях и договаривался о сиюминутной встрече.

Во многие социальные группы бывает трудно войти, для этого имеет смысл искать «промежуточные ступени» – людей, которые сами к этой группе не относятся, но знакомы с ее представителями. Например, как я уже говорил, в число моих научных интересов входят пацанские уличные группировки. Члены этих группировок не то чтобы не любят общаться, но найти их и расспросить – довольно сложно. Но зато в каждом городе есть неформалы – молодежь с субкультурным стилем жизни, с субкультурными интересами; их легче найти и они охотно общаются с исследователями (по крайней мере, могу это сказать по себе). И они могут вывести на пацанскую среду, поскольку, несмотря на стилистические разногласия, выросли с пацанами рядом, учились с ними в одних классах, жили в одних дворах.

* * *

Полевик, в принципе, должен уметь «разговорить» любого человека. Подобно сетевому коммивояжеру или уличному про-

Д.В. Громов

поведнику он должен уметь подойти на улице к первому встречному и завести с ним содержательную беседу. Не каждому это легко. Например, я как интроверт не был и не являюсь мастером блиц-знакомств. Поэтому пришлось придумать приемы для уличного общения.

Я стараюсь найти в городе места, где находятся «скучающие люди». Понятно, что бегущему на работу человеку нет особого резона тратить время на беседы. А вот если юноша с девушкой гуляют по парку, они более охотно пойдут на контакт, для них это приключение. В городах есть такие места для «скучающих информантов»: центральная площадь, на которой встречаются пообщаться или просто побродить; зал ожидания вокзала; автобусная остановка; малолюдный магазин. По последнему пункту — мне однажды довелось взять серию интереснейших интервью с приемщиками похоронных бюро, в их офисах было тихо, клиенты не беспокоили.

В узких кругах идут серьезные споры о том, склонны ли к беседам мамаши, гуляющие с детьми. Лично мне кажется, что не склонны, потому что они постоянно отвлекаются на ребенка и вообще проявляют повышенную тревожность (тут уж лучше папаши, они относятся к детям более наплевательски).

Наконец, еще одни вариант, которым я неоднократно пользовался — это таксисты. В маленьких городах такси недорого, и иногда я беру его, если ехать далеко, но предупреждаю таксиста, что в процессе езды я буду его еще и расспрашивать. Таксист радуется клиенту, почему бы и не поговорить, тем более что таксисты, по специфике своей работы, люди много знающие. К слову, однажды двое моих коллег испортили таксисту работу, поскольку он так увлекся беседой, что отказался обслуживать клиентов вместо беседы с этнографами.

Очень редко, но попадается на пути человек, который на предложение поговорить спрашивает: «Ну а денег ты мне за это дашь?» Не надо давать ему денег, он ничего толкового не расскажет. Под настроение и в зависимости от ситуации информанта можно угостить. В городе хорошим тоном является пригласить

информанта в кафе и напоить его чаем (но учитывайте, что в кафе и транспорте, как правило, шумно и это плохо влияет на качество аудиозаписи).

* * *

Полезно уже написанный текст статьи дать на прочтение своим информантам. Во-первых, они находят там неточности. Во-вторых, они могут делать ценные дополнения. В-третьих, могут выдать интересную рефлексию на материал. Текст после такого экспертного анализа значительно улучшается. Есть и дополнительный эффект: информант видит, что вы интересуетесь темой не впустую, а значит, будет готов помогать вам и далее.

Миклухо-Маклай не имел возможности обсуждать с информантами собственные труды, потому что имел дело с представителями принципиально другой культуры. Видимо, из-за разницы культурных уровней и трудностей оперативной коммуникации в этнографии не сложилось обычая обсуждать черновики публикаций с информантами. А вот исследователь современного города имеет дело, как правило, с людьми, вполне способными к рефлексии; мало того, они доступны через Интернет. Например, при подготовке статьи по результатам экспедиции в Галич мы активно переписывались с одним из местных краеведов, обсуждали гипотезы, степень достоверности информации; вспомнилось и кое-что дополнительное.

Кстати, неожиданно для себя я столкнулся с тем, что многим информантам неинтересно читать про себя — они проверяют статьи невнимательно, а иногда и вовсе увиливают от чтения.

Доведение до исследуемого сообщества результатов исследования может иметь и отрицательные последствия. Например, если вы собрали в городе N локальный фольклор и опубликовали его в местной газете – приехав в город через год, вы рискуете услышать под видом аутентичного фольклора пересказы вашей же статьи. Поэтому не всегда стоит выкладывать публикации в Интернет, ведь потенциальные информанты тоже его читают.

* * *

О полевой этике. Последнее время за рубежом, в частности, в Европе, появилось веяние — перед интервью заключать с информантом типовой договор. Это объясняется защитой прав информанта и юридической безопасностью. На самом деле начинание очень мешает полевой работе. Дело в том, что заключение договора пугает информанта: одно дело по-человечески рассказать исследователю все, что того интересует, а другое — подписаться под каким-то непонятным документом. Информанты, подписавшие договор, просто не расскажут многое из того, что могли бы.

Другое дело, что исследователь действительно должен не навредить информанту (подобно тому, как врач обязан не навредить пациенту). Лично я для себя решил в потенциально опасных случаях максимально шифровать личные данные информантов, чтобы их нельзя было вычислить в реальности. На самом деле, как правило, не так уж важно, каковы имя и отчество информанта; важно только его высказывание и основные значимые характеристики – пол, примерный возраст, степень компетентности (что, в зависимости от темы, выражается в указании профессии, образования, места жительства). Если информант, доверившись исследователю, рассказал о личном опыте рэкета или хищений, пусть это будет «мужчина, около 40 лет», но не более того. Курьезный случай: один мой коллега поручил студенту изучить наркоманию в молодежной среде; студент честно опросил своих приятелей, увлекающихся наркотиками, и принес отчет, в котором была указана полная информация о них, вплоть до номеров квартир.

Необходимо затронуть такую важную этическую проблему, как скрытая запись. То есть, имеет ли право исследователь записывать голос информанта, не ставя его в известность. Конечно, лучше перед началом записи показать информанту диктофон, предупредить его о записи, пояснить, зачем она нужна, а также подчеркнуть, что вы по первому требованию готовы его выключить (если будет какая-то секретная информация). Но не всег-

да это удобно. Например, однажды, работая в малом городе, мы подружились с группой местных молодых людей. При первой встрече я показал им диктофон, все сделал по правилам. А при других встречах включенный диктофон просто лежал в кармане (длина непрерывной записи доходила до семи часов — записывалось все происходящее); установились хорошие отношения, и не скрывалось, что собранная информация будет использоваться в научных целях. Подходили другие люди, рассказывали о разном; они тоже знали, что мы исследователи, но им уже про диктофон не говорилось. В результате подобрался интересный материал о драках и мелком криминале; по цитатам в маленьком городе можно было бы вычислить большинство наших информантов. Чтобы обезопасить их, я в публикации скрыл название города, указав только его примерный размер и приблизительное местоположение.

Вопрос корректности касается также фотографирования и видеосъемки. Этнология и социальная антропология - «визуальные» науки, и изобразительный материал украшает публикацию. Но возникает вопрос: насколько корректно помещать в публикациях фотографии людей без их на это разрешения. Я ответил для себя так: корректно, но только в случае, если это не навредит тому, кто сфотографирован. Например, не стоит публиковать лицо граффитчика, наносящего тэг, потому что он занят уголовно наказуемым действием – вандализмом. А вот поместить фотографию молодоженов, вешающих свадебный замочек на решетку моста, по-моему, можно и без согласования с ними. Маловероятно, что они найдут свою фотографию в научном журнале, а еще меньше что они расстроятся из-за этого и потребуют мести. Допустимой является, например, публикация лиц активистов, вышедших на согласованную уличную акцию. Акция – это публичное действие; активисты пришли сюда специально, чтобы высказать мнение по интересующим их темам; этим они уже дали согласие на собственную публичность.

С этической проблемой я столкнулся, когда информант предложил принести серию снимков, на которых было поэтапно изо-

342 Д.В. Громов

бражено убийство скинхедами-наци вьетнамца. Это заставило задуматься. В итоге информант не принес фотографий; сказал, что не смог найти, но, возможно, тоже вовремя задумался об этике.

* * *

И напоследок блиц: несколько мелких советов по несколько другой тематике, каждый из них можно было развернуть в отдельную статью. Вдруг именно эти советы Вам пригодятся.

Насыщенное этнографическое описание часто грешит недостаточным использованием количественных методов. Как следствие — происходит подмена общего частным: исследователь увлекается описанием интересных, но частных случаев, а читателю кажется, что данные частные случаи повсеместны. Чтобы избежать этой распространенной ошибки, нужно стараться определять степень представленности описываемых явлений. Например, если в толпе, направляющейся на праздник, есть люди в народной одежде — стоит не только сообщить об этом, но и посчитать их процент, в том числе в половозрастном отношении (что можно сделать на глаз).

Для корректного количественного анализа нужно разбираться в социологических методах исследований. Часто возникают ситуации, когда для тех или иных задач методики исследования просто не существует; в таких случаях стоит разработать собственную. Лучше посчитать со сравнительно большой погрешностью, чем вообще не посчитать. Но учтите, что если в количественных подсчетах вы будете неубедительны – оппоненты вам этого не простят.

Если вы занимаетесь актуальной тематикой, не забывайте о материалах, которые размещают в свободном доступе социологические службы. Здесь можно найти данные по самым неожиданным темам, и они позволят вам сделать статистическую рамку для собственных исследований. Например, на сайте Левада-центра есть данные о восприятии россиянами календарных праздников, суеверий, любви, Царствия небесного и многого другого.

Найдите для себя непредвзятый источник получения актуальной информации. К сожалению, таких все меньше. Лично я по любым вопросам обращаюсь на новостной сайт NEWSru.com (http://www.newsru.com) – здесь насыщенные обзоры с большим количеством ссылок; события излагаются с установкой на объективность.

Нельзя доверять единичному сообщению – информант может ошибаться или выдумывать. Нельзя забывать о фольклоризации устной информации, она происходит самыми причудливыми путями.

В итоге стоит добавить: ничто так не способствует приобретению опыта, как собственные ошибки. Поэтому желаю Вам научных приключений и творческих успехов.

Список авторов

БУГАНОВ Александр Викторович – доктор исторических наук, зав. отделом Русского народа ИЭА РАН (e-mail: buganov@rambler.ru).

БУТОВСКАЯ Марина Львовна — доктор исторических наук, профессор, зав. сектором кросс-культурной психологии и этологии человека ИЭА РАН (e-mail: m.butovskaya@yandex.ru).

ГРОМОВ Дмитрий Вячеславович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра по изучению межэтнических отношений ИЭА РАН (e-mail: gromovdv@mail.ru).

ГУБОГЛО Михаил Николаевич – доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра по изучению межэтнических отношений ИЭА РАН (e-mail: guboglo@yandex.ru).

ЗОРИН Владимир Юрьевич – доктор политических наук, профессор, заместитель директора ИЭА РАН по научной работе (e-mail: v.y.zorin@mail.ru)

МАЛЬКОВА Вера Константиновна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра этнополитических исследований ИЭА РАН (e-mail: veramalk@mail.ru).

МОРОЗОВ Игорь Алексеевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник сектора кросс-культурной психологии и этологии человека ИЭА РАН (e-mail: mianov@rambler.ru).

НОВИКОВА Наталья Ивановна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела Севера и Сибири ИЭА РАН (e-mail: natinovikova@gmail.com).

ПУШКАРЕВА Наталья Львовна – доктор исторических наук, профессор, заведующая сектором этногендерных исследований ИЭА РАН (e-mail: pushkarev@mail.ru).

СПИЦЫНА Наиля Хаджиевна – доктор биологических наук, ведущий научный сотрудник Центра физической антропологии ИЭА РАН (e-mail: nailya.47@mail.ru).

ТИШКОВ Валерий Александрович – академик РАН, академик-секретарь Историко-филологического отделения РАН, научный руководитель ИЭА РАН (e-mail: eawarn@mail.ru).

XAРИТОНОВА Валентина Ивановна — доктор исторических наук, зав. Центром медицинской антропологии ИЭА РАН (e-mail: medanthro@mail.ru).

ШНИРЕЛЬМАН Виктор Александрович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра этнополитических исследований ИЭА РАН (e-mail: shnirv@mail.ru).

Научное издание

Предмет и проблемы этнологии и антропологии. Лекции для аспирантов

Утверждено к печати Ученым советом Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая

Компьютерная верстка: *Е.Б. Баринова*, *О.Г. Симонова* Редактор: *Д.В. Громов*, *О.Л. Милова* Корректор: *Т.В. Царёва* Художник: *Е.В. Орлова*

Подписано к печати 28.06.2016. Формат 60×84 ¹/₁₆. Усл.-печ. л. 22. Тираж 300 экз. Заказ № 99.

Участок множительной техники Института этнологии и антропологии РАН. 119991 Москва, Ленинский проспект